

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ

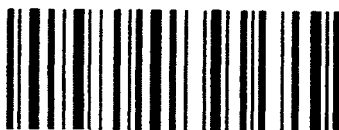
(Общие вопросы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

В монографии освещаются основные аспекты языковой номинации — собственно лингвистический, познавательный, семантико-логический; рассматриваются вопросы соотношения эстетического и логического в номинации, проблемы определения и выбора признака наименования средствами разных уровней языка.

Ответственные редакторы:
член-корреспондент АН СССР
Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ
доктор филологических наук
А. А. УФИМЦЕВА

2004126155

Я $\frac{70101-167}{042(02)-77}$ 402—77

© Издательство «Наука», 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективная монография «Языковая номинация (общие вопросы)» посвящена разработке сложной и интересной в теоретическом отношении темы. Проблемы языковой номинации неоднократно привлекали внимание многих лингвистов. Однако некоторые из этих проблем в настоящее время пока нельзя считать в достаточной степени разрешенными.

Содержание самого термина «номинация», которое можно было бы грубо определить как создание значимых языковых единиц (слов, форм и предложений), может показаться довольно простым. На самом деле номинация — исключительно сложное явление, уяснение сущности которого связано с решением целого комплекса различных проблем.

Подробная характеристика этих проблем дана в первой главе «Лингвистическая сущность и аспекты номинации». Представляется уместным указать факты, научное изучение которых определяет содержание многих проблем, связанных с номинацией. Главенствующая роль в этом отношении принадлежит необходимости создания языка как средства коммуникации, что предполагает создание системы материальных, чувственно воспринимаемых языковых знаков, способной обеспечить общение людей. Поэтому изучение номинативной техники, различных способов номинации, самого процесса обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка составляет содержание многих проблем, связанных с изучением номинации.

Общее количество способов номинации не безгранично. Способы номинации объединяются в определенные типы. Изучение этой своеобразной типологии является одной из необходимых задач лингвиста, занимающегося вопросами номинации. Объектом исследования может быть изучение

характера языковых знаков, а также номенклатура языковых единиц, выявление разрядов языковых знаков, устанавливаемых по различным признакам и основаниям. Подобного рода исследования определяют сущность лингвистического подхода к номинации.

Изучение соотношения окружающего мира, мышления и языка также определяют содержание многих проблем, связанных с изучением номинации. К таким проблемам относится прежде всего специфика слова, известная идеализация и дематериализация окружающего мира, связанная с созданием системы языковых знаков, взаимоотношение слова и обозначаемого им понятия, понятие и значение и отображение, определение роли первой и второй сигнальной систем в процессе создания языковых единиц и т. п.

Сюда же относятся многие проблемы, связанные с изучением отображения действительности в языке. В процессах номинации действительность в известной степени преобразуется. Материальные предметы подвижны, изменчивы, часто не имеют четких границ, порою не могут быть индивидуализированы. Поэтому наделение предмета названием всегда связано с огрублением, определенной формализацией соответствующего фрагмента действительности. Изучение проблем такого типа составляет содержание гносеологического аспекта изучения номинации. Поскольку сущность знаковой репрезентации любого типа определяется гносеологическим аспектом изучаемого явления, т. е. соотношением языка, мышления и объективной действительности, этот аспект приобретает особо важное значение.

Применение языка осуществляется человеком. Человек немислим и неотделим от общества, является продуктом общества. Многие в языке определены особенностями человеческой природы. Естественно, возникает целый комплекс проблем, связанных с тем, как человек влияет на язык и как на язык влияет общество в целом. Влияние это может быть многосторонним. Язык одного человеческого коллектива может влиять на язык другого человеческого коллектива, в языке отражается социальная, профессиональная и культурная дифференциация общества, в нем отражается общественное сознание, обеспечивающее возможность коммуникации. Некоторые чисто биологические особенности человека несомненно оказывают влияние на создание системы языковых знаков. Большую роль в процессе номина-

ции играет оценочный момент, наличие так называемой избирательной заинтересованности, которая заключается в преимущественном выделении одних объектов (или одних свойств, признаков, качеств предметов) по сравнению с другими. Эмоции и оценки, свойственные человеку, становятся одной из форм отражения действительности. Изучение проблем номинации невозможно без изучения всякого рода оценочных квалификаций. Особенно важна роль общества в создании семантических вариантов слов, слов экспрессивных, стилистически окрашенных, ориентированных на определенную социальную среду, выполняющих определенные художественные функции в литературных произведениях и т. п. Открывается возможность стилистического подхода к номинации. Не следует также забывать, что все, что создается в языке, в конечном счете утверждается обществом.

Перечисленные выше три основных сферы определяют содержание почти всех проблем, связанных с изучением номинаций.

Даже простой перечень этих сфер, определяющих содержание проблем, связанных с изучением номинации, создает впечатление об их большой сложности, которая в значительной мере объясняется тем, что многочисленные связи и взаимообусловленности проявляются в каждой языковой единице одновременно, что чрезвычайно затрудняет их анализ.

Совершенно естественно, что эта сложность не могла не отразиться и на содержании данной книги: некоторые проблемы решаются отдельными авторами не однозначно с разных точек зрения (ср. трактовку денотативного аспекта высказывания).

Проблемы номинации, как указывалось выше, привлекали внимание многих ученых. Часто они изучались в каком-нибудь одном аспекте.

Особенность данной книги состоит в многоаспектном рассмотрении явления; авторы попытались представить номинацию комплексно, во всей ее сложности, рассчитывая на то, что именно комплексный подход будет способствовать более адекватному пониманию ее сущности.

Настоящая монография представляет собою исследование общих вопросов номинации, которое предваряет рассмотрение более специальных аспектов этого явления в следующей части работы. Монография выполнена в сек-

торе общего языкознания Института языкознания АН СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР Б. А. Серебренникова и доктора филологических наук А. А. Уфимцевой.

Авторами книги являются: глава I — доктора филологических наук А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, кандидат филологических наук В. Н. Телия; глава II — доктор филологических наук Г. В. Колшанский; глава III — член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников; глава IV — доктор филологических наук Н. Д. Арутюнова; глава V — доктор филологических наук Л. С. Ковтун; глава VI — доктор филологических наук В. Г. Гак; глава VII — доктор филологических наук Ю. С. Степанов.

Авторы выражают благодарность рецензентам, докторам филологических наук Н. А. Слюсаревой и Ю. А. Караулову, сделавшим ряд ценных и полезных замечаний.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ

В ходе общественно-исторического освоения предметного мира человек познает вещи и явления; называя, дает им имена, формирует новые понятия, устанавливает между ними определенные связи и взаимозависимости, заменяет «конкретное абстрактным, созерцание понятием, многое одним»¹.

В отличие от номинации, при которой имя механически прикрепляется к обозначаемому, поименованному предмету в виде этикетки или вывески, именование в языке всегда содержательно, оно опосредовано мышлением. Процесс и результаты обозначения при помощи языковых единиц связаны с формированием понятий, в которых природные свойства вещей, явлений даны в преобразованной на основе человеческих потребностей форме, в виде снятой предметности, идеально.

Определение языка как непосредственной действительности мысли следует понимать так, что мышление существует реально, практически, обретая чувственно-воспринимаемую форму слов, словосочетаний, предложений, в которых отраженные образы, понятия вещей связываются в сознании носителей языка с определенными последовательностями звуков или графем.

Процесс мышления осуществляется на базе слов и предложений, которые являются чувственной, материальной формой бытия идеального². Естественный язык является не только средством познания окружающего мира — материализуя мысль, он связан также с формированием и передачей мыслей, с выражением чувств, оценок и различ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 48.

² П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, стр. 164.

ных интенций, обслуживая тем самым сферы эмоциональной, речемыслительной и коммуникативной деятельности человека. Будучи полифункциональным, язык дает наименования вещам, явлениям, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений; храня и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц, язык удовлетворяет одновременно коммуникативным потребностям людей³.

Особенностью естественного языка, как системы знаков, является то, что последние непосредственно связаны с присущими уровню понятийного мышления процессами дифференциации и интеграции, с актами создания, понимания и семантической интерпретации знаков в процессе классификационно-номинативной и, особенно, коммуникативной деятельности человека. Язык как знаковая система особого рода отличается от всех прочих знаковых систем, прежде всего, принципом своей структурной организации — двойным модусом существования. Он существует как система средств, обобщенных (виртуальных) знаков и моделей их связей и как его реальная манифестация, конкретная реализация этой системы; язык как «комплекс категорий, существующих *in potentia*, и язык как непрерывно повторяющийся процесс»⁴. Таким образом, язык представляет собой своеобразную систему знаков, реализуемую и воспроизводимую в актуальных речевых единицах, — достаточно жесткую, чтобы обеспечить общение и взаимопонимание между членами языковой общности, и достаточно гибкую, чтобы выражать многообразие мыслей, намерений, чувств пользующихся языком.

Особенностью номинативного аспекта языка является, прежде всего, то, что знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двукратную соотношенность (референцию) с предметным рядом: 1) в качестве номинативных знаков — слов и словосочетаний — в системе номинаций, в парадигматике; 2) в качестве или в составе предикативных знаков — фраз, высказываний — в актуальной речи, в синтагматике.

³ См. подробнее: *Б. А. Серебрянников*. К проблеме сущности языка. «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 9—93.

⁴ *И. А. Водуэн де Куртень*. Некоторые общие замечания о языкознании. «Избранные труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963, стр. 77.

Свойство двукратной репрезентации (в системе средств и в речи) внеязыковой действительности, присущее только человеческому языку, превращает последний в особую сигнификативно-репрезентативную систему, уникальную по формальной и содержательной структурам и универсальную по назначению, способную интерпретировать любую деятельность человека, любую другую систему знаков.

Язык представляет собой, следовательно, специфически организованную систему с двукратным (двойным) означиванием ее единиц; актуальные, речевые единицы, их номинативный аспект формируется на основе знаков первичного означивания — слов, словосочетаний. Разграничение двух разных видов означивания языковых элементов, наделение их определенной семантической значимостью в пределах той или иной микросистемы или микроряда, нашло свое выражение в современной лингвистической литературе в противопоставлениях двух видов знаков. Ср.: знаки номинативные и предикативные, знаки-наименования и знаки-сообщения⁵, частичные (слова) и полные⁶ (высказывания), знаки и семы⁷. Соответственно выделяются два принципа означивания языковых единиц — семиологический и семантический⁸.

Другой особенностью человеческого языка является то, что он представляет «сложное материально-идеальное образование, сочетающее в себе по отношению к объективной действительности свойства обозначения и отображения»⁹ (разрядка наша. — *Авт.*). При этом процесс обозначения языковыми знаками подчинен задачам отражения. В соотношении «язык — реальная действительность» первый член служит не только простым обозначением, наименованием второго; языковые знаки являются в то же время носителями обобщенного отражения дейст-

⁵ Т. В. Булыгина. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования. «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“». М., 1967, стр. 5.

⁶ В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке. — Там же, стр. 14.

⁷ E. Vuysens. La communication et l'articulation linguistique. Bruxelles, 1967.

⁸ E. Benveniste. Sémiologie de la langue. «Semiotica», 1969, № 1, 2; А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

⁹ Л. О. Резников. Диалектический материализм об отношении языка к действительности. «Философия марксизма и неопозитивизм. Вопросы критики современного неопозитивизма». М., 1963, стр. 445.

вительности; в процессе формирования языкового значения участвуют и находят отражение все три взаимосвязанных между собой элемента гносеологической ситуации — познающий субъект (человек), познаваемый объект (реальная действительность) и языковой знак (язык). Функция обозначения в естественном языке сопряжена и тесно взаимосвязана со всеми остальными — знаковой, гносеологической и коммуникативной, а ее изучение лежит непосредственно в кругу вопросов связи языка и мышления.

Третьей чертой языка, в значительной степени детерминирующей принципы языковой номинации, является его деятельностный, творческий характер. При материалистическом понимании сущности языка соотношение «язык — реальная действительность» должно быть конкретизировано как «язык — трудовая (практическая и теоретическая) деятельность», ибо именно структура трудовой деятельности, опосредованная отвлеченным мышлением, отличает человеческий язык от всех прочих знаковых систем. В значениях языковых единиц, особенно в словах и словосочетаниях, «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»¹⁰ (разрядка наша. — *Авт.*). Соотношение значений слов через обозначение с предметным рядом как бы вскрывает механизм идеализации предметного мира, условия его освоения, происходящего непрерывно в повседневной общественной и индивидуальной деятельности человека.

Подчеркивая творческий характер человеческого мышления, В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹¹. И язык, будучи связан по-разному с двумя аспектами человеческого сознания, воплощающего в себе единство отражения мира и творчески преобразующей роли людей, не только отражает, но и в определенной мере творит, так как в языке, в его единицах фиксируются достигнутые результаты знаний, которые всегда входят в последующий опыт и синтез мышления, предопределяя дальнейшее движение практики и теории.

¹⁰ А. Н. Леонтьев. Деятельность и сознание. «Вопросы философии», 1972, № 12, стр. 134.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

В противоположность идеалистической интерпретации творческого характера языка как теологического начала¹², материалистическое понимание сущности человеческого познания и языка исходит из признания общественной практики людей, которая является одновременно и критерием, и основой отражательной деятельности человека. «Человеческое существо, — подчеркивал К. Маркс, — осуществляет «практическое созидание предметного мира», творит или «полагает предметы», но этот процесс совершается не так, что оно «в акте полагания» переходит от своей «чистой деятельности» к творению предмета, а так, что его предметный продукт только подтверждает его предметную деятельность»¹³. В истории науки лингвисты, рассматривая вопросы отношения языка к общественному опыту его носителей, неоднократно отмечали, что естественные языки представляют собой структурно-организованную классификацию человеческого опыта¹⁴.

Человеческий язык исследовался больше как средство материализации мышления, в то время как изучение языка как средства идеализации предметного мира, средства освоения и объективации последнего в процессе трудовой деятельности исследовались в гораздо меньшей степени.

Изучались в основном логические категории, принимаемые за единственные формы согласия мысли с действительностью, предметное же содержание мышления, как оно отражено в лексических и семантических категориях конкретных языков, исследовалось явно недостаточно. Этот последний ракурс исследования языка имеет решающее значение при определении специфики языковой номинации.

¹² Ср. теологическое понимание творческого начала человеческого языка Гегелем.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 630.

¹⁴ См.: Б. А. Серебрянников. Отражение развития человеческого мышления в структуре языка. — ВЯ, 1970, № 2; В. А. Звегинцев. Язык и общественный опыт. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 284; А. С. Мельничук. О роли мышления в формировании структуры языка. «Язык и мышление». М., 1967, стр. 82; В. И. Абаев. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 247; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1974 и др.

Не случайно классическое языкознание XIX — начала XX в., рассматривая познание как застывшую категорию, а язык как статическое образование, десятками лет усматривало связь между языком и мышлением в соотношении «слово — понятие».

Материалистическое определение языка как социального явления, важнейшего средства общения и непосредственной действительности мысли обязывает лингвиста учитывать и изучать не только динамику и диалектику человеческого познания и языка, но и обращаться к историческому материализму, раскрывающему конкретные условия и формы материального производства и культурно-исторического опыта, нашедших свое отражение в своеобразии номенклатуры лексических единиц и в различии признаков, по которым происходит наименование.

Адекватное изучение номинативного аспекта языка требует прежде всего исследования его содержательной стороны, взаимоотношения языка с мышлением и действительностью. Кратковременный в масштабе многовекового существования лингвистической мысли период антиментализма, чуждый традициям отечественного языкознания, сыграл роль своего рода «отрицательного эксперимента» в лингвистической теории.

Невозможность адекватного описания языка в его реальном функционировании без обращения к содержанию его единиц и к речемыслительным механизмам со всей очевидностью подтвердилась тем, что сколь бы технически отработанными и изощренными не были способы введения «семантического компонента» в таксономические и порождающие модели языка (в сосюррианской или трансформационной их версиях), они не достигают основной исследовательской цели — воспроизвести и объяснить речетворчество говорящих, этот непрерывный процесс номинации.

Природа языка как средства обмена мыслями не укладывается в рамки уровневой его аранжировки и не исчерпывается правилами трансформационных грамматик. Эти «пройденные пути», несомненно обогатившие лингвистическую теорию сведениями о системном устройстве языкового кода, о его структурной многомерности, показали одновременно ограниченность такой теории, которая не учитывает факторы взаимодействия языка, мышления и реальной действительности в процессе организации речевых сообщений

и формирования основных двусторонних языковых единиц — слов, словосочетаний, высказываний.

Такое положение в лингвистической теории как бы с новой силой и на новом «гносеологическом витке» возбудило всеобщий интерес к проблеме связи языка, мышления и действительности. Эта связь непосредственным образом обнаруживает себя в процессе семиозиса, в знаковом отношении наименования, где соединяются смысл (понятийные формы мышления), имя (языковая форма) и действительность (обозначаемые внеязыковые объекты). Исследовать это отношение в его динамике — значит проникнуть в средоточие семиологического процесса, постичь глубины основ речемыслительной деятельности, лежащие в исходе синтеза смысла, языковой формы и обозначаемой действительности. Познание закономерностей номинации влечёт за собой более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке, раскрытие функционального взаимодействия всех участков системы и структуры языка, поскольку языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека. Отсюда — актуальность проблем, связанных с процессом и результатами обозначения и подлежащих решению, прежде всего, в теории языковой номинации. Задачи и сфера приложения такой теории — исследование и вывод закономерностей того, как действительность, отражённая в категориях мышления, воплощается в значениях языковых форм, какое влияние оказывают мышление и практическая деятельность людей на становление и принятие обществом языковых знаков, на их семантическую структуриацию и правила функционирования. Небезынтересно при изучении номинативной (репрезентативной) функции языка установить, какова организующая роль языковых форм в знакообразовательном процессе, как они воздействуют (и воздействуют ли вообще) на преобразование понятий (как логических форм) в языковые значения, за счет каких средств и способов обозначаются в языке многообразные факты действительности, отражаемые сознанием человека.

В гносеолого-семиотическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт. Следовательно, номинативный компо-

нент языка, речемыслительной деятельности — это тот «участок» языка как системы репрезентации реальной действительности, который непосредственно сопряжен с отражательной деятельностью человеческого сознания. Следует сделать оговорку, что языковые единицы (слова, словосочетания, предложения) можно считать знаками постольку, поскольку они, естественно, выполняют репрезентативную функцию в системе номинативных средств любого языка.

«Прямые „языковые корреляты“ понятий и мышления, — писал М. Докулил, — следует искать... не в области языковой системы, а в области языкового выражения, языковых манифестаций. Прямое „языковое“ выражение понятия — это не слово, а номинация (наименование); прямое „языковое“ выражение мысли — это не предложение, а высказывание»¹⁵.

Выделение номинативного аспекта естественного языка и, соответственно, его разработка в истории лингвистической науки велись в различных исследовательских направлениях в разных аспектах и с разных теоретических позиций.

Изучение проблем языкового обозначения связывалось, прежде всего, со словами в их отношении к предметам, явлениям реальной действительности. «Слова, взятые вне системы языка в целом, — писал В. В. Виноградов, — лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, **н а з в а н и я м и** (рядка наша. — *Авт.*) этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании»¹⁶. Однословные наименования, какими являются словесные знаки, изучались больше с точки зрения выполняемых ими функций. Если слово «является средством четкого обозначения... оно — простой знак,... если средством логического определения, тогда оно — научный термин»¹⁷.

Изучение номинативного аспекта слов позволило установить, что именам-обозначениям и именам-терминам, реализующим соответственно номинативную и дефинитивную функции, противостоят в лексике любого языка имена

¹⁵ Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 203.

¹⁶ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 19.

¹⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 12—13.

собственные¹⁸, выполняющие идентифицирующую функцию¹⁹.

Второй ракурс рассмотрения номинации, применительно к словам, нашел свое выражение в тенденции разграничивать в лексическом содержании обозначение и значение, предметную и понятийную соотнесенность слова. «Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью (*gegenständliche Beziehung*)»²⁰.

Попытки разграничения в семантике слова предметного, «вещественного» и понятийного, более абстрактного компонентов его содержания в истории отечественной науки не единичны, ср. различие «ближайшего и дальнейшего значения слова»²¹, «формального и содержательного понятия»²², «денотативного (предметного) и сигнификативного компонентов в значении слова»²³ и т. д.

Третий план изучения семантики слова в его номинативном аспекте нашел свое выражение в выделении прямых и производных номинативных значений в смысловой структуре полнозначных лексем.

¹⁸ Помимо конкретных ономастологических работ, составляющих ныне обширную область лингвистических исследований, теоретические проблемы значения и обозначения имен собственных рассматривались в ряде теоретических работ: *H. S. Sørensen. Word classes in Modern English with special reference to proper names: with an introductory theory of grammar, meaning and reference.* Copenhagen, 1958; *Е. Курилович. Положение имени собственного в языке. «Очерки по лингвистике».* М., 1962, стр. 251—266; *A. Gardiner. The theory of proper names.* L., N. Y., 1954; *S. Ullmann. Semantics. An introduction into the science of meaning.* Oxford, 1963; *А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного.* М., 1973 и др.

¹⁹ *А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (Ономастика).* Киев, 1972.

²⁰ *В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 13.* — Ср. из работ последнего времени: *E. Coseriu. Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik. «Commentationes Societatis Linguisticae Europae, III. Sprachwissenschaft und Übersetzen. Symposium an der Universität Heidelberg».* München, 1969.

²¹ *А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I, II.* Харьков, 1888, стр. 8.

²² *С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение, обозначение.* М.—Л., 1965, стр. 18—25.

²³ *Ю. С. Степанов. Понятия «значение слова», «синонимия», «метафора» в свете семантики. «Сборник докладов и сообщений Калининского лингвистического общества», IV. Калинин, 1974; А. А. Уфимцева. Указ. соч.*

Идея выделения в слове прямого как основного номинативного значения восходит в отечественной науке к исследованиям А. А. Потебни²⁴, М. М. Покровского²⁵, а понятие смысловой структуры слова с прямым номинативным значением в ее основе было систематизировано и сформулировано В. В. Виноградовым²⁶.

Под основным значением слова А. А. Потебня понимал то господствующее представление, по которому происходит наименование предметов, явлений данным словом и которое в тех случаях, где произошло его забвение как «исходной точки», помогает удержать слова в «памяти народной», т. е. обуславливает «истинный смысл» слова, вступая в семантической структуре слова в отношении предыдущего представления к последующему.

М. М. Покровский называл основным значением то общее содержание представлений, которое является основанием для ассоциации слов по сходству или противоположности и позволяет словам проходить параллельную или сходную историю в своем развитии.

В. В. Виноградов определял прямое номинативное значение в смысловой структуре слова как центральное, которое непосредственно соотнесено с предметами и явлениями материальной действительности и которое, в силу этого, может быть выявлено при ознакомлении с самими реалиями, артефактами; при этом последние выступают в качестве неперемного условия и объективного критерия определения смысловой структуры слова. Прямые номинативные значения слова, следовательно, полностью детерминированы его соотнесенностью с предметным рядом,

²⁴ А. А. Потебня. О связи некоторых представлений в языке.— «Филологические записки», вып. 3. Воронеж, 1864; *Он же*. Из записок по русской грамматике, ч. II; *Он же*. О некоторых символах в славянской народной поэзии, вып. 1. Харьков, 1914.

²⁵ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895; *Он же*. Несколько вопросов из области семасиологии. «Филологическое обозрение», т. 12, кн. 1, 1897; *Он же*. Материалы для исторической грамматики латинского языка. «Уч. зап. Московского университета», 1898, вып. 25.

²⁶ В. В. Виноградов. О формах слова. «Исследования по русской грамматике. Избранные труды». М., 1975, стр. 33—50; *Он же*. Русский язык; *Он же*. Основные типы лексических значений слова.— ВЯ, 1953, № 5; *Он же*. Об омонимии и смежных явлениях (1960). «Исследования по русской грамматике». М., 1975, стр. 295—315.

языковые факторы (сочетаемость, системные отношения) не накладывают на него никаких ограничений.

Из числа зарубежных ученых, которые первыми в истории семиологической науки выделили в слове основные значения как более устойчивые, следует прежде всего упомянуть Г. Пауля, К. Эрдмана и Г. Стерна²⁷.

На основе семиотического подхода к изучению семантики слов неоднократно делались попытки выделить ряды и классы словесных знаков²⁸ (называющие, неназывающие, характеризующие, идентифицирующие, символические, дейктические слова и т. п.).

Второй ракурс изучения специфики языковой номинации нашел отражение в лингвистических работах в форме разграничения двух крупных разрядов языковых единиц: знаков-наименований и знаков-высказываний, системных и речевых единиц, знаков первичного и вторичного означивания, семиологического и семантического принципов формирования значений языковых единиц²⁹.

Оригинальную лингвистическую интерпретацию словам в результате изучения смысла коммуникативных единиц дает Н. Д. Арутюнова³⁰, выделяя в словесных знаках референтные (идентифицирующие) и предикатные имена.

В современной лингвистике четко обрисовался новый (третий) аспект изучения языковой номинации, при котором речевые единицы — отрезки или целые высказывания — подвергаются анализу на предмет определения характера так называемой «пропозитивной номинации». Таким образом, «в общую теорию номинации (ономатологию),

²⁷ *H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte.* Halle, 1920; *K. Erdmann. Die Bedeutung des Wortes.* Leipzig, 1925; *G. Stern. Meaning and change of meaning.* Göteborg, 1934 и др.

²⁸ *J. Rozwadowski. Wortbildung und Wortbedeutung.* Heidelberg, 1904; *K. Bühler. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.* Jena, 1934; *Ch. Morris. Foundations of the theory of signs.* «International Encyclopedia of United States», v. 1, N 2. Chicago, 1947; *С. Д. Кацнельсон.* Содержание слова, значение и обозначение; *Ю. С. Маслов.* Какие языковые единицы целесообразнее считать знаками? «Язык и мышление». М., 1967, стр. 284; *В. В. Мартынов.* Семиологические основы информатики. Минск, 1974; *А. А. Уфимцева.* Указ. соч. См. также главу Ю. С. Степанова «Номинация, семантика, семиология» в настоящем издании.

²⁹ *Т. В. Булыгина.* Указ. соч., стр. 14; *Э. Бенвенист.* Семиология языка. «Общая лингвистика». М., 1974, стр. 69—90.

³⁰ *Н. Д. Арутюнова.* Предложение и его смысл. Докт. дисс. М., 1975.

наряду с разделом лексикологии, трактующим наименования отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения целостных событий»³¹ (разрядка наша. — Авт.).

Изучение номинативного аспекта коммуникативных единиц получило широкое распространение особенно в последнее десятилетие³². Говоря о специфике номинации речевых единиц, В. Скаличка писал: «...задача говорения — согласовать новую реальность с известной, т. е. с опытом. Средством для этого является представление новой реальности с помощью фиксированных образов. Говорение — есть сочетание языка с новой реальностью»³³.

Совершенно новое, значительно расширенное содержание в термин «номинация» вкладывалось представителями пражской лингвистической школы³⁴, которые подводят под это понятие всю сферу классификационно-номинативной деятельности языка (лексику, словообразовательную и категориальную морфологию), противопоставляя номинацию сфере синтагматической, речевой деятельности языка (единицам речи, высказываниям, тексту). Близка к этому пониманию и точка зрения Ю. С. Степанова³⁵ в противопоставлении номинации, предикации и локации.

Разграничение обозначения (денотации) и значения (сигнификации) слов предопределило, таким образом, два разных исследовательских подхода к языковым единицам и к языку в целом — ономаσιологический³⁶ и семасиоло-

³¹ Н. Д. Арутюнова. Синтаксис. «Общее языкознание». М., 1972, стр. 209.

³² E. Vuysens. Указ. соч.; Г. В. Колшанский. Указ. соч. и др.

³³ V. Skalička. The need for a linguistics of «la parole». «Recueil linguistique de Bratislava», v. I. Bratislava, 1948.

³⁴ Тезисы Пражского лингвистического кружка. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 17—41.

³⁵ См. главу «Номинация, семантика, семиология» в данной книге.

³⁶ Ср. работы, затрагивающие принципы ономаσιологических исследований: F. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin — Leipzig, 1934; B. Quadri. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung. Bern, 1952; С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение; В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., 1966; Он же. К проблеме соотношения языка и действительности. — ВЯ, 1972, № 5, стр. 12—22; E. Coseriu. Указ. соч.; А. Г. Остапенко. Сопоставительно-ономаσιологическое исследование лексико-семантической группы глаголов движения. Канд. дисс. М., 1975.

гический, ср. в немецкой терминологии *Bezeichnungslehre* — *Bedeutungslehre*.

Ономасиологическим подходом исследования языка в отличие от семасиологического является тот, который рассматривает содержательную сторону языковых единиц не с точки зрения формирования их внутрисистемных значимостей и механизма семантического распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, т. е. соотносённости языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованного последнего.

В силу того, что процесс и результаты именованного, обозначения реальной действительности языковыми знаками обусловлены, прежде всего, основными компонентами гносеологической ситуации «мышление — язык — предметный мир», а также соотношением «язык — трудовая деятельность — общество», при изучении номинации можно выделить несколько основных её аспектов — семиотический, гносеологический и собственно лингвистический.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ

Основным отличием процесса обозначения языковыми знаками является то, что он сопряжен с отражательной деятельностью человека, с обобщением и выделением необходимого и существенного, с образованием понятий и других мыслительных форм. Однако это не значит, что язык является формой мышления. Из этого следует только то, что основное назначение человеческого языка — служить средством материализации мышления. При рассмотрении соотношения «язык — мышление», естественно, подчеркивается больше факт материализации языком мысли, но познание начинается не с мыслей, а с наблюдений и с действий над предметной действительностью.

Язык как непосредственно связанный с процессами и конкретными этапами опредмечивания, объективации реального мира может быть рассмотрен в другом соотношении «язык — материальный мир», в котором он реализует другую, не менее важную, чем первая, функцию — быть средством идеализации и репрезентации реальной действительности.

Обозначение языковыми знаками связано с процессами и результатами «снятия» предметного, чувственного, деятельностного, т. е. с идеализацией (объективацией) предметного мира. В языке итоги «снятия» предметного, реальных свойств и отношений вещей фиксируются предпочтительнее номинативными знаками, в прямых значениях которых, как правило, более или менее адекватно задаются функции, внешняя форма, способ употребления предмета, агент, объект, среда, средства и другие реальные характеристики обозначаемых действий, процессов объективной действительности, субъективных свойств и состояний человека.

Эта особенность прямого номинативного значения слов иногда дает повод определять значение как сумму операций над обозначаемым предметом. Отмечая эту сторону языковой номинации, В. В. Виноградов писал: «В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры»³⁷.

Семиотический и гносеологический аспекты языковой номинации предполагают рассмотрение двух взаимосвязанных между собой явлений (процессов): идеализации, т. е. абстрактного обобщения предметов, их свойств, отношений и репрезентации результатов осмысления и отражения их человеком при помощи языковых знаков. В каком отношении к языку, к практической деятельности людей находится процесс и результаты идеализации предметного мира? Как известно, язык, сам по себе, так же мало идеален, как и человеческий мозг. Язык является идеальным в той мере, в какой он как средство выражения идеального представляет собой своеобразную предметно-вещественную форму его (идеального) бытия. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную действительность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» (разрядка наша. — *Авт.*)³⁸. В результате социально-исторического опыта человек, превращая вещи, их свойства в предмет своего труда, формирует новые понятия о социальном назначении, специальных свойствах

³⁷ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 13.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

и функциях этих вещей, вместе с продуктами труда формирует и новые понятия, представления, давая каждому, соответственно, свое имя.

Так, например, в русском языке слово *дерево* именуется, прежде всего, конкретное дерево и родовое понятие растущего дерева; слово *дрова* обозначает дерево, используемое в качестве топлива, *древесина* служит обозначением материала для изготовления (в основном) мебели, имя *брёвна* дано спиленным, очищенным деревьям, подготовленным для строительства и т. п. В опредмеченной трудом материи, в нашем примере в объекте «дерево», были раскрыты новые свойства, новое назначение; естественно, назывательная роль перешла к соответствующим именам, выделяющим и обозначающим эти свойства и функции дерева.

Специфика и достоинство языковой номинации заключается в том, что социальное назначение, функция предмета становится центром номинативного намерения носителей языка, предметные, реальные связи нарушаются (снимаются), а материальные свойства входят в последующее поименованное понятие как бы в снятом виде. Ср. в приведенном примере: свойство материи «быть деревом» полностью снимается в названиях предметов мебели, изготовленных из дерева; каждый предмет получает наименование по разному содержательному признаку³⁹ — по форме, назначению предмета и т. п.

Предмет объективируется, т. е. материальное «становится» идеальным только в том случае, если материальное преобразовано в актуальную форму деятельности с реальным предметом в сознании человека и выражено общезначимыми для всех носителей формами языка. «Идеальное существует там, где налицо способность воссоздать объект в пространстве, опираясь на слово, на язык»⁴⁰. Именно об этой опоре мысли на слово писал Л. С. Выготский, подчеркивая тот факт, что «мысль не выражается в слове, она совершается в нем»⁴¹.

³⁹ О формальном признаке номинации как техническом приеме см. в главе Б. А. Серебренникова «Номинация и проблема выбора».

⁴⁰ «Философская энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 222.

⁴¹ Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1934, стр. 268. Ср. также: J. W. M. Verhaar. Speech, language and inner form (Some linguistic remarks on Thought). «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguistics», Cambridge, Mass. 1962, стр. 377.

Идеальный образ предмета, т. е. способ представления, репрезентации последнего при помощи слов, и отражаемый предмет составляют диалектическое единство противоположностей: они тождественны как оригинал и копия, они противоположны как материальное и идеальное. Отсюда следует важный для лингвиста вывод: денотат, обозначаемое языковым знаком, предстает в двух противоположностях — как реально существующий материальный предмет и как идеальный обобщенный образ этого предмета — идеальный денотат.

По своему социальному проявлению «идеальное» существует как определенный способ (момент) познавательной деятельности общественного человека, по конкретному результату — как субъективный познавательный образ отражаемых вещей, их свойств и отношений. Возникает вопрос: как субъективное представление о предмете становится основой взаимопонимания и общения носителей данного языка?

Подчеркивая объективный характер абстракций, В. И. Ленин писал: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»⁴². Как бы ни варьировалось содержание понятий и представлений об одних и тех же предметах у разных людей, общность предметного мира и социально-исторического опыта, совместная трудовая деятельность носителей языка обеспечивает их общение и взаимопонимание⁴³.

Формирование познавательного образа, понятия о предмете и его связях в реальном мире, закрепление этого понятия за языковым элементом и составляет основу знаковой репрезентации, сущность которой состоит в обобщении и замещении вещей. Характеризуя особенности абстрактно-мыслительной деятельности человека, И. П. Павлов писал: «... слово составило вторую, специально нашу сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов. Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми»⁴⁴.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

⁴³ См. об этом подробнее: М. В. Никитин. О понятии «языковое значение». «Уч. зап. Владимирского пед. ин-та». Серия «Иностранные языки». Владимир, 1971, стр. 3—30.

⁴⁴ И. П. Павлов. Полное собрание трудов, т. III. М., 1949, стр. 568—569.

Следовательно, для человека как мыслящего существа наряду с предметной действительностью, вещами, явлениями существует идеальная действительность — мир образов, представлений, понятий, идей, являющихся отражением и обозначением первой. При помощи второй сигнальной системы, лежащей в основе механизма мышления, речи и всей сознательной трудовой деятельности, человек обрел способность «удаляться от действительности», осознанно фиксировать результаты познавательной и речемыслительной деятельности в содержании номинативных и предикативных единиц.

При ономаσιологическом подходе несколько смещается акцент в отношении элементов, детерминирующих семантику номинативных знаков, и варьируется набор факторов, констатирующих ситуацию семиозиса речевых единиц.

Если при семасиологическом анализе содержания слова, при изучении процессов формирования и условий манифестации его значений, достаточно рассмотрения основного семасиологического треугольника «реальная действительность — язык — мышление», то ономаσιологическое изучение языковых знаков (как номинативных, так и предикативных) требует дальнейшей детализации внеязыковых факторов. Эта детализация предполагает, прежде всего, анализ соотношения предметного мира, восприятия и представления его в чувственном опыте, в практическом сознании носителей языка, отражения и репрезентации абстрактного, теоретически познанного и обобщенного в значении языковых, особенно, словесных знаков. Если это соотношение выразить в терминах физиологии высшей нервной деятельности человека, то членами противопоставления окажутся: 1) объективная действительность, 2) первая сигнальная система действительности (ощущения, представления), 3) вторая сигнальная система действительности (языковые знаки).

Вопросы соотношения чувственного и рационального, эмпирического опыта и теоретических знаний, как это находит свое выражение в содержании номинативных единиц, в лингвистике мало изучаются. В тех немногих случаях, когда эти вопросы составляют предмет анализа, они ставятся и обсуждаются исключительно в генетическом плане, в плане констатации источника познания: чувственное — первично, понятийное, абстрактное — вторич-

но. Не принимается во внимание всем известный факт, что мышление категориально лишь в своих результатах и что понятия и категории есть только «сокращенный опыт», абстракция от предметного ряда вещей и явлений, которая происходит путем чувственного восприятия последних. Поэтому имена с предметно-вещественным значением не могут не включать в семантику элементы чувственного восприятия: зрительного, слухового, пространственного представления вещей и предметов. Чувственное и рациональное могут рассматриваться как две ступени познания только генетически, но в чисто логическом (статическом) плане это — два момента, пронизывающих познание во всех его мыслительных формах и на всех этапах их становления. «В разуме нет ничего, чего бы не было в чувственном восприятии» — этот тезис Фейербаха отмечен В. И. Лениным словами *bien dit!*⁴⁵ Без чувственного, без созерцания и восприятия не только невозможно освоение объективного мира, но и невозможно само формирование и существование абстракций. Более того, эти две черты, составляющие диалектическое единство противоположностей, служат источником изменения «идеального образа» предмета, вещи, а соответственно, и первопричиной развития семантики слова, переноса его значений, в основе которого лежит соотношение (соответствие/несоответствие, совпадение/несовпадение) предметной и понятийной соотнесенности имени.

В материалистической диалектике не раз отмечалось, что понятие (как мыслительная форма) представляет собой единство общего, единичного и особенного⁴⁶, которые в нем не расчленены. Расчленение и представление общего и единичного, общего и особенного происходит при помощи языка, его единиц, благодаря репрезентации объективной и субъективной действительности в двух планах — номинативными системными средствами и предикативными, речевыми знаками.

Номинация при помощи лексических единиц, осуществляющая фактически репрезентацию (представление) предметного и духовного мира, связана непосредственно со

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 74.

⁴⁶ П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, стр. 164; П. В. Чесноков. Соотношение чувственного и рационального (абстрактного) познания при исследовании языка. «Лепнизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 128—145.

знакообразованием. Другими словами, репрезентативная функция номинативных знаков (слов и словосочетаний) реализуется скорее через их обозначение, т. е. через наименование, денотацию, нежели через их значение, сигнификацию, хотя эти два аспекта семантики слов и словосочетаний, как было уже отмечено, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Анализируя социально-психологический аспект знаковой репрезентации, В. В. Мартынов⁴⁷ пишет: «... Различаются тела и их отношения в пространстве, объект наших непосредственных восприятий и основа наших представлений, с одной стороны, и сигналы об этих телах (наши представления), с другой. Такого рода сигналы относятся, по И. П. Павлову, к первой сигнальной системе. Вторая сигнальная система заключена в нашем языке, в состав которого входят названия наших представлений о телах и их отношениях, т. е., по словам И. П. Павлова, «сигналы первых сигналов» (рядка наша. — *Авт.*)⁴⁸.

Прямая (первичная) номинация («перевод» материального в идеальное, реального материального предмета в предмет номинации) возможна только тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы (элемента) языка воссоздать в сознании тот или иной предмет в пространстве. Поэтому естественно, что в так называемых полнозначных именах, особенно предметных, контурное, внешнее представление доминирует, а визуальный (по форме, по цвету и т. п.) и слуховой признаки становятся содержательными признаками — представителями данного класса, категории предметов. «Первая сигнальная система в виде наших представлений выделяет в континууме действительности некоторые предметы. Выделение предметов необходимо для их различения, а различение — для узнавания»⁴⁹.

Сущность становления первичных номинативных знаков (слов и словосочетаний) состоит в том, что их «реализация должна вызвать в некотором коллективе, пользуя-

⁴⁷ В. В. Мартынов. Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск, 1966; *Он же*. Семиологические основы информатики.

⁴⁸ В. В. Мартынов. Семиологические основы информатики, стр. 8—9.

⁴⁹ Там же, стр. 10—11.

щемся единой общей знаковой системой, одинаковое представление»⁵⁰.

Сигналы первой сигнальной системы действительности свойственны как человеку, так и животному. Основное различие их, указывает В. В. Мартынов, заключается в том, что у животных эти сигналы — представления действительности — комплексные, нерасчлененные, а у человека — расчлененные.

Расчленение представлений человека о многообразии реальной действительности и элементов его собственного опыта, превращение их в более абстрактную форму обобщения осуществляется при помощи номинативных знаков, путем выделения и названия повторяющихся представлений, полученных в результате сравнения и узнавания их носителями языка в процессе познания и коммуникации. «Язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т. е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается. Выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы невозможно. Если представления разграничиваются без помощи языка, то повторяющиеся элементы представлений разграничиваются с помощью языка, который в этом случае осуществляет свою вторую функцию — номинативную»⁵¹.

Образование словесных знаков, т. е. имен, называющих *in abstracto* повторяющиеся элементы внешнего и внутреннего опыта человека, связано прежде всего и больше всего с номинативно-репрезентативной функцией языка. За исходное в знаковой репрезентации принимается опосредованное человеческим сознанием отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности, а в основе наименования — познавательно-классифицирующая деятельность коллектива.

Известно, что познавательно-классифицирующая деятельность человека и, в том числе, даже элементарное восприятие единичного предмета не есть пассивный, «зеркально-мертвенный» акт. «Уже любое восприятие, представление, — пишут физиологи, — несет в себе явные черты избирательной «заинтересованности», характерной для

⁵⁰ В. В. Мартынов. Семпнологические основы информатики, стр. 13.

⁵¹ Там же, стр. 18.

живых систем, отражающих действительность в процессе адаптивного поведения⁵². Эта избирательная заинтересованность выражается в определенном отношении, в определенной оценке человеком окружающего мира и самого себя, в определенном переживании этого отношения. «На уровне чувственного познания, — пишет В. З. Панфилов, — также существует избирательная заинтересованность, которая заключается в преимущественном выделении одних объектов (или одних свойств, признаков, качеств предметов) по сравнению с другими»⁵³. Так, эмоции и оценки становятся одной из форм отражения действительности.

Эмоциональное проникает во все сферы познавательной деятельности. «Без положительных эмоций, — пишет П. В. Симонов, — трудно представить себе те формы освоения действительности, которые не продиктованы утилитарным эффектом: игру, теоретическое познание, художественное творчество»⁵⁴. Говоря о характере теоретического познания, П. В. Симонов подчеркивает, что психологические корни научной интуиции — в эмоциональной окраске абстрактного мышления и это, по словам Павлова, — «главное в работе ученого». Что касается восприятия произведения искусства, то это тем более не «пассивно-зеркальное» отражение, ибо человек моделирует в произведениях искусства не ту действительность, «что она есть, а ту, что она есть для нас»⁵⁵.

Положение о языке как о действительном сознании дает возможность полагать, что в языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным познанием мира. Таким образом, и оценка; и эмоции, и воля, и чувства находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные явления, как осознанные факты эмоциональных переживаний, оценок и т. п. — в такой же степени, как и прочие объекты, включенные в сферу психической жизни человека.

Классификация объектов человеческого опыта рас-

⁵² См. С. А. Петрушанский. Диалектика рефлкторных процессов. М., 1967.

⁵³ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура. — ВЯ, 1975, № 1, стр. 8.

⁵⁴ См. П. В. Симонов. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970, стр. 63—64.

⁵⁵ Там же, стр. 114.

Сматривается вследствие этого как одна из фундаментальных черт человеческого языка, функция обозначения (наименования, называния) — как основная функция полных номинативных знаков⁵⁶, а первичное означивание — результат познавательно-отражательной деятельности языкового коллектива. При этом звуковой или графический комплекс языкового знака рассматривается как материальная оболочка, необходимая для выражения значения и сообщения его другим, а также для самого его возникновения, формирования, существования и развития⁵⁷; значение — идеальная сторона знака — представляет собой опосредованную сознанием соотнесенность с предметом обозначения, а знак как единство звучания и значения выступает в качестве средства его обозначения.

Под «именем» обычно понимают языковые выражения, применяемые для выделения и обозначения (наименования, называния) предметов обозначения — вещей, свойств, отношений, процессов и т. п. реальной действительности, а также явлений психической жизни людей, продуктов их воображения и результатов их абстрактного мышления. Предметом обозначения номинативных знаков являются также объекты внеязыковой действительности, явления из области психической жизни людей. Эти последние можно считать относящимися к квалификативным сферам познавательной деятельности человека. Здесь можно выделить: 1) эмоционально-чувственное восприятие и квалификацию объектов внеязыковой действительности, в основе — непосредственное переживание (слова типа *деточка, кляча*, англ. *auntie, chit, nigger*, бранные существительные, субъективно-оценочные прилагательные, эмоционально-усилительные наречия, междометия, устойчивые лексико-синтаксические конструкции типа эпитета, оксюморона и т. п.); 2) рационально-оценочную квалификацию объектов окружающего мира, в основе — интеллектуальная оценка (слова типа *контрабандист*, англ. *firm, obstinate* и т. п.); 3) чувственно-образное восприя-

⁵⁶ «Слово есть результат назывной (или номинативной) деятельности» (В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 119); «Всякий знак обозначает — это единственное суждение о знаке, которое не является дискуссионным» (В. В. Мартынов. Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск, 1966, стр. 41).

⁵⁷ А. И. Смирницкий. Значение слова. — ВЯ, 1954, № 3, стр. 89; Он же. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 152.

тие и квалификацию внеязыковых объектов, в основе — «скрытое» (интеллектуальное или чувственное) сравнение (слова типа *златокудрый*, англ. *honey* в значении 'душечка', 'голубушка', *blockhead*, языковые — особенно так называемые «зоологические» — и речевые метафоры любого структурного типа, русские глаголы типа *жахнуть*, *дербалызнуть*, англ. *to gobble*, *to gorge*, *to giggle* и т. п.).

Между квалификативными сферами, выделенными по их ведущим признакам, нет непроходимых граней, что находит свое объяснение в самой природе изучаемых явлений.

Сущность оценочной категории объясняется теорией ценностной направленности человеческого сознания, что подтверждается ленинским положением о двоякой роли практики, которая выступает «и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»⁵⁸. Соответственно, не только предметная, но и ценностная ориентация человеческого сознания имеет социально-психологическую основу и может носить как эстетический, так и логический характер. Эстетическое восприятие, переживание, суждение определяется философами как специфическая оценка. Характерной особенностью эстетической оценки является ее эмоциональная природа, когда непосредственно переживание становится единственным и достаточным основанием оценочного суждения⁵⁹ в отличие от интеллектуально-логической оценки, которая выражает мнение о желательности или нежелательности явлений, о соответствии или несоответствии их каким-либо нормам, требованиям и т. д. Тем не менее, отождествление этих понятий представляется неправомерным, ибо в их основе лежат, в конечном итоге, различные способы духовного освоения мира. «Человеческая голова, — писал К. Маркс, — может осваивать мир двумя способами — либо в форме теоретического познания, либо в форме художественной, религиозной, практически-духовной»⁶⁰.

Характер воспроизведения и восприятия знаков, predetermined коммуникативной функцией языка, объясняет тот факт, что объектом номинации любого типа вы-

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

⁵⁹ М. С. Казан. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, стр. 83—84, 107—109.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I. М., 1967, стр. 66.

ступают не столько конкретный единичный объект языковой действительности (вещь, явление, событие, ситуация и т. п.), сколько повторяющееся наиндивидуальное типизированное представление об этой вещи, явлении и т. п., сложившееся в данной языковой общности, определенное обобщение свойств обозначаемой знаком вещи, явления и т. п. «Название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым»⁶¹, — подчеркивает В. И. Ленин. Поэтому под ономаσιологическим термином «предмет» (вещь, явление, событие и т. п.) всегда практически имеется в виду класс предметов (вещей, явлений, процессов и т. д.).

Имя всегда есть имя определенного предмета. Но само понятие предмета достаточно неопределенно. Материальные предметы подвижны, изменчивы, часто не имеют четких границ, порою не могут быть индивидуализированы. Еще более нечетки предметы, относящиеся к числу явлений психической и эмоциональной сферы человеческой деятельности, поэтому наделение предметов названием всегда связано с определенным огрублением, определенной формализацией соответствующего фрагмента действительности. «Изображение движения мыслью, — писал В. И. Ленин, — есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движением, но и всякого понятия»⁶².

Отмечено, что диалектический характер абстрактного, обобщенного познания заключается, в частности, в том, что в целях адекватного отражения действительности человеческое мышление на каком-то этапе должно абстрагироваться от всей сложности познаваемых объектов, рассматривать их только в некоторых свойствах, непрерывные процессы и явления рассматривать как дискретные и т. п.⁶³

Описанные особенности человеческого познания фиксируются в языковых средствах и, наиболее четко, — в номинативных единицах — словах. При этом словесный знак в системе номинативных единиц соотносится лишь с тем предметом обозначения, существенные признаки которого входят в содержание понятия, выраженного данным зна-

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 264.

⁶² Там же, стр. 233.

⁶³ См. В. З. Панфилов. Указ. соч., стр. 7.

ком. Таким образом, номинативный словесный знак связан ономаσιологическими отношениями не только с денотатом (материальным или идеальным), но и с сигнификатом — с существенными признаками этого класса предметов, а также понятиями из различных квалификативных сфер познавательной деятельности человека.

Возвращаясь к сущности и этапам знаковой репрезентации средствами естественных языков, следует выделить три ее основных аспекта: семиологический (характер означаемого знака), социально-психологический (становление знака) и собственно лингвистический (условия и закономерности функционирования знака).

Семиологический аспект языкового означивания составляет главную сторону репрезентативной сущности знака — его соотношенность с внеязыковым, предметным рядом, с реальным (идеальным и материальным) миром. Соотношение формы словесного знака с его содержанием является двусторонним: означаемое по отношению к форме знака будет его значением, означающее по отношению к предмету или понятию о нем является их обозначением, именем.

Значение словесного знака, как и обозначение предмета, представляет собой определенное обобщение свойств именуемого знаком предмета. Если посмотреть на содержание номинативного знака с точки зрения субъекта, то оно предстанет в виде так называемой «предметной отнесенности» и «понятийной отнесенности». Словесный знак по отношению к обозначаемому можно считать названием (обозначением) как предмета, так и класса предметов, т. е. понятия о нем. Обозначаемый словесным знаком предмет (материальный денотат), представление о нем (идеальный денотат) и понятие о классе этих предметов (сигнификат) противопоставляются друг другу как имеющие некое общее основание. Словесный знак с предметно-понятийным основанием его значения соотносится в системе номинативных единиц лишь с тем предметом, существенные признаки которого входят в содержание понятия, выражаемого данным знаком. Поэтому представляется не совсем оправданным утверждение о том, что именованье (обозначение) не содержит в себе никаких указаний на свойство обозначаемого им предмета.

Обозначение, наименование предмета словесным знаком опосредовано понятием о нем и является своеобразной

содержательной характеристикой предмета. Со стороны знака его смысловое содержание предстает в виде определенной невещной данности — обобщенного отображения определенных свойств обозначаемого им предмета. Спор о том, является ли знаковое значение слова «отношением» или некоей «идеальной сущностью», можно считать беспредметным, — значение есть и то, и другое, т. к. понятия «отражение», «обобщение» выражают одновременно определенные «познавательные» отношения через знак познающего субъекта к объекту и определенный продукт этого процесса как некую идеальную данность, обобщенное понятие об этом объекте.

Специфика репрезентации явлений, предметов объективного мира языковыми знаками состоит в том, что в человеческом языке с двойным означиванием его единиц наименование поставлено на службу его основной функции — коммуникативной.

Для слов и номинативных словосочетаний, т. е. единиц первичного означивания, характерно то, что их означаемое фиксируется в языке в виде абстракций, отвлечений от предметного ряда и хранится в сознании владеющих языком в неразрывном единстве с означающим.

Только единство двух сторон знака делает его средством номинации, удовлетворяющим социальные потребности языкового коллектива, только при этих условиях словесный знак (в виде простой или расчленившейся номинации) превращается в орудие абстрактного мышления и позволяет человеческому сознанию подняться на самые высокие уровни абстракции, недоступные для других типов знаков, оторваться от чувственного конкретного объекта в степени, превышающей возможности других знаков. Второй социально-психологический аспект становления словесных знаков и их эквивалентов связан с разными этапами и характером обобщения их означаемых.

В психологии выделяют два этапа закрепления за звуковым комплексом статуса слова: 1) когда звуковой комплекс выступает как носящий (имеющий) некое значение; 2) когда этот комплекс переживается носителями языка как символ, имя определенного значения⁶⁴.

В первом случае звуковой комплекс может и выражает

⁶⁴ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 5—26.

уровень чувственного познания (аффект, желание), во втором — он приобретает определенное интеллектуальное содержание и становится обозначением не субъективного состояния, а объективного предметного содержания.

На первой ступени форма знака, последовательность фонем или графем, соотносится как бы непосредственно через чувственное восприятие с предметным рядом, с конкретными ситуациями и событиями объективной действительности. На этой стадии становления знака то или другое «индивидуальное употребление» языковой единицы можно сравнить с неязыковыми знаками с присущим им однозначным соответствием формы знака и ее «значения». На этой ступени замещения предмета еще возможно реальное расторжение звукового комплекса и вызываемого им нерасчлененного (чувственного) представления. Связь между ними еще не опосредована логическим мышлением и не осознана всем коллективом, а характер отношения двух сторон слова (формы и содержания) приближает словесный знак к знакам чисто механических искусственных систем.

На второй ступени становления словесного знака мы имеем дело уже с психическими образованиями: отражение предмета, явления находит выражение в виде идеального образа предмета, представления или понятия не на уровне отдельного индивида, так как связь формы знака (звукового комплекса) с его означаемым принята и зафиксирована всеми членами данной языковой общности; означаемое становится надиндивидуальным значением, за ним закрепляется определенная знаковая форма, и языковая единица (слово или словосочетание) обретает статус языкового знака. Связь между ними становится обязательной, прочной и ее расторжение ведет к «исчезновению» знака, т. е. к невыраженности данной значимости, данного смыслового содержания строго определенной языковой формой. На втором этапе слово служит для обозначения отчетливо выделенных предметов по четко повторяющимся их признакам.

Следовательно, создание словесного знака как имени — факт психологии и социально-духовной жизни человека, так как связь формы знака с его означаемым должна быть принята и зафиксирована всеми членами данной языковой общности; входя в ту или другую систему (подсистему, ряд), знак благодаря своему постоянному значению

получает определенную внутрисистемную значимость (valueur).

Человеческий язык, являясь замкнутой и самонастраивающейся системой с двукратным означиванием его единиц (в системе средств и в актуальной речи), непрерывно удовлетворяет потребностям наименования.

Говоря о процессе и конкретных актах наименования, следует отметить следующие основные моменты.

1. Именуемый предмет должен именоваться таким именем, которое бы не вызывало ассоциаций.

2. «Интенция наименования является тем основным моментом, благодаря которому наше сознание во время восприятия нового предмета находит смысл, значение (т. е. признак наименования. — *Авт.*) и помещает его среди знакомых переживаний»⁶⁵. Акт наименования, по утверждению Д. Н. Узнадзе, возможен лишь тогда, когда ощущение становится восприятием, т. е. когда удастся объединить имеющиеся ощущения на основе какого-нибудь значения. Между представлениями наименованного объекта и слова, следовательно, должен появиться обязательно некий средний член, называемый значением воспринимаемого объекта наименования, который руководит выбором имени.

3. Функцию репрезентации значения нового наименования, как правило, берет на себя представление какого-либо определенного предмета, одного из видов его рода, представление по ассоциации, по форме, функции и т. п.

4. Основой наименования может быть не только четкое представление именуемого объекта действительности, но и чувства, эмоциональное состояние именующего субъекта (ср. всевозможные метафорические переносы при прямой и косвенной номинации).

Словесным знакам не только противостоят, но и находятся с ними в диалектическом единстве, речевые знаки-сообщения, высказывания. «Именно в логическом познании совершается выход за рамки чувственных явлений и внешней логики событий, зафиксированных в чувственных образах. Но и абстрактное мышление, в свою очередь, не может не опираться на какую-то конкретно-чувственную основу, которая смогла зафиксировать, закрепить существенные общие признаки познаваемых явлений и

⁶⁵ Д. Н. Узнадзе. Указ. соч., стр. 6.

одновременно обеспечить передачу обобщенных образов мысли от человека к человеку в процессе общественно-трудовой практики и социального общения. Такого рода основой или базой абстрактного мышления и служит звуковая речь, которая при этом не вытесняет чувственных образов, но вовлекает их в сферу новых отношений и обогащает новыми функциями»⁶⁶.

В целях обмена мыслями, при общении чувственные образы декодируются в звуки, словесные знаки семантически развертываются, распространяются во фразы и предложения.

Процессы интеграции (обобщения) и дифференциации (конкретизации), присущие человеческому мышлению, совершаются между двумя полюсами основных гносеологических категорий — общего и отдельного, общего и особенного, абстрактного (виртуального) и конкретного (актуального).

В языке этим двум противоположностям соответствуют обобщенные, виртуальные знаки языка — слова и их эквиваленты, и конкретные, актуализованные знаки речи — сообщения и высказывания. С гносеологической точки зрения, процесс общения совершается в направлении от конкретного к абстрактному, т. е. речевые знаки являются первоосновой, с точки зрения коммуникативного использования языка декодирования, конкретизации подлежат обобщенные знаки — слова, составляющие основу для порождения конкретных речевых произведений.

Этой взаимообусловленной связи знаков языка и знаков речи способствует членимость содержания и формы словесного знака, непосредственно подвластная контролю сознания. «Человеческий голос объективизирует идею, но посредством слуха она вновь достигает человеческого сознания как нечто внешнее, сигнализирующее об объекте. В результате этого обратного воздействия звука обеспечивается постоянная возможность проверки того, насколько внешнее выражение соответствует тому субъективному намерению, которое в этом звуке предполагалось выразить»⁶⁷.

Общим для единиц языка и единиц речи является номинативная функция, свойственная не только словам, но

⁶⁶ Л. В. Уваров. Образ, символ, знак. Минск, 1967, стр. 109.

⁶⁷ П. Ф. Протасеня. Проблемы общения и мышления первобытных людей. Минск, 1961, стр. 26.

и в определенной мере предложениям. Однако характер означаемого и самого процесса «номинации предмета» и «номинации события» различен.

«Существует точка зрения, — пишет Н. Д. Арутюнова, — объясняющая своеобразие назывной функции предложения тем, что, будучи актуализованным языковым знаком, предложение непосредственно отнесено к денотату — стоящей вне языка реальной ситуации. Поэтому, если означаемым слова является десигнат (сигнификат), т. е. некоторое обобщенное понятие, то означаемым предложения служит денотат (референт), то есть единичное событие. Предложение, следовательно, моносемично и не выражает понятия, которое бы участвовало в процессе расчленения действительности носителями языка. Смысл предложения не закреплен языковым кодом»⁶⁸.

Ядром в означаемом любого высказывания является содержание речевого сообщения, субъективное отношение к высказываемому — модальность, наконец, обязательная соотносённость с коммуникантами и временем речевого акта, чем не обладают словесные знаки и их эквиваленты, выполняющие в языке собственно репрезентативную, дефинитивную, описательную и идентифицирующую функции.

Хотя означаемое высказывания и не представляет собой суммы отдельных наименований, но общая номинация события складывается на основе расчленения информации «на отдельные, поддающиеся обозначению на данном языковом коде фрагменты»⁶⁹, а также выбора для каждого из этих фрагментов содержащего необходимые сведения языкового знака.

Следовательно, языковые номинативные знаки — слова и словосочетания и речевые (предикативные) знаки — фразы и предложения — противостоят, дополняя друг друга, как две стороны диалектического целого — языка, соотносясь как виртуальное и актуализованное, как кодифицированное, индивидуальное и некодифицированное, индивидуальное, как воспроизводимое и создаваемое.

Характер знаковой репрезентации, свойственный естественному языку, семиотическому по своей структуре и

⁶⁸ Н. Д. Арутюнова. Синтаксис, стр. 308.

⁶⁹ Там же, стр. 268.

функциям, способы и механизм «перевода» системных средств в речевые, условия «семантического распространения» виртуальных словесных знаков и многое другое составляют чисто лингвистический аспект языкового означивания.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ

Науку об именах, о природе и типах наименований называют ономастикой; ее главная задача заключается в «изучении средств и способов называния отдельных элементов действительности»⁷⁰ и «обозначения целостных событий»⁷¹. Средства номинации, самобытно складывающиеся в каждой языковой системе, разнообразны и неоднородны.

По существу каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносит вклад в его номенклатуру, одни уровни — непосредственно, как лексика и словообразование, другие — более опосредовано, как фонология и категориальная морфология.

Обозначение элементов внешнего и внутреннего опыта человека, так называемая «элементная номинация»⁷², осуществляется либо в виде прямой (нейтральной или стилистической), либо в виде косвенной, одно- и несколько-словной, простой или расчлененной номинации; обозначение ситуаций, событий, так называемая «событийная номинация» осуществляется речевыми единицами, высказываниями, сообщениями.

ПРЯМАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ

Результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека находят свое выражение в системе номинаций, в номенклатуре лексических единиц, представляющих собой собственно номинативные (называющие) и «менее» номинативные (неназывающие) знаки.

Различение слов по их семантике, назначению в структуре языка и сфере их функционирования нашло отражение в истории науки в виде классификации словарных еди-

⁷⁰ В. Матезиус. О системном анализе. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 228 и сл.

⁷¹ Н. Д. Арутюнова. Синтаксис, стр. 209.

⁷² Ср. главу VI данной книги.

ниц (идущей от Аристотеля) на два больших разряда, называемых разными учеными по-разному: знаменательные и служебные слова ⁷³, полнозначные и неполнозначные ⁷⁴, слова-символы и слова-указатели ⁷⁵, характеризующие (*characterizing signs*) и универсальные знаки (*universal signs*) ⁷⁶, respectable слова (*respectable words*) и псевдослова (*pseudowords*) ⁷⁷, знаки-информаторы и знаки-дистинкторы ⁷⁸ и т. п.

Основанием многочисленных классификаций служат разные свойства словесных знаков в системе отдельных языков, тем не менее их можно свести к двум всеобщим признакам — к характеру смыслового содержания слов и к выполняемым ими функциям в той или иной сфере языковой деятельности.

Характер семантики (значения) словесных знаков и роль последних в структуре языка являются действительно определяющими, и в этом смысле основными, но отнюдь не единственными признаками и в этом отношении недостаточными для отнесения их к тому или другому семиологическому классу. В разряде полнозначных, знаменательных слов, как в равной мере и в неполнозначных, причисляемым к служебным, имеются многочисленные группировки знаков, обладающих различным характером смыслового содержания и специфическими для каждого разряда функциями.

Так, в разряде «полнозначных слов», объединяемых по номинативной (как основной) функции качественной характеристики предметов, явлений, их признаков и отношений (действий, состояний и т. п.), имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия противостоят знакам количественной характеристики предметов — числительным, называемым иногда, в противоположность первым, количественными определителями (*quantifiers*). В число неполнозначных зачисляются разные по семио-

⁷³ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове.

⁷⁴ H. Sweet. *New English Grammar*, v. I. Oxford, 1892; А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. «Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». Л.— М., 1925.

⁷⁵ K. Bühler. Указ. соч.

⁷⁶ Ch. W. Morris. *Signs, language and behavior*. N. Y., 1946.

⁷⁷ L. Antal. *Questions of meaning*. The Hague, 1963.

⁷⁸ Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 284 и сл.

логическим функциям знаки: актуализаторы, выполняющие функции индивидуализации, конкретизации полнозначных слов (некоторые местоимения, артикли, наречия и т. п.), знаки, являющиеся заместителями полнозначных имен — указательные, вопросительные и другие местоимения в их анафорической функции, проверки (например, *do* в вопросительных и отрицательных конструкциях в английском) и т. п.; знаки-форматоры и шифтеры⁷⁹, у которых видоизмененная функция референции сводится фактически к актуализации и транспозиции системных значимостей в «речевые», к сдвигу единиц разных структурных уровней в системе языка при их реализации в линейном ряду.

Универсальной, свойственной всем языкам, является категория таких словесных знаков, как личные, притяжательные, указательные местоимения, словесные знаки временного и пространственного дейксиса — указания относительно координат речевого акта, призванные обслуживать исключительно коммуникативную сферу языковой деятельности.

В любом языке имеются в высшей степени обобщенные слова, так называемые универсальные знаки (*all, everybody* 'все', *everything* 'все', *something* 'что-нибудь', *nothing* 'ничто' и т. п.) и междометия, которые в силу своей семантики, соответственно, функции не могут быть отнесены ни к знаменательным, ни к служебным. Поэтому при классификации словесных знаков, отнесении их к тому или другому семиологическому классу, подклассу необходимо учитывать следующие семиологические признаки слов: 1) наличие (отсутствие) денотативного и сигнификативного аспектов, составляющих основу знакового значения слова; 2) наличие и формы взаимоотношений в словесном знаке его абсолютных (системного значения) и относительных (парадигматических и синтагматических значимостей) параметров⁸⁰, составляющих основу семантического варьирования словесных знаков и предопределяющих оппозицию и комбинаторику как два основных семиологических принципа их функционирования; 3) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными зна-

⁷⁹ *O. Espersen. Философия грамматики. М., 1958; R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957.*

⁸⁰ Ср. понятия «лексической основы» (*lexical base*) и «лексического распространения» (*lexical extension*). — *G. Lakoff. Irregularity in syntax. N. Y., 1970, стр. 87—88.*

ками (номинативную, коммуникативную, прагматическую); 4) характер и средства семантического развертывания (распространения) виртуальных словесных знаков и условия их актуализации — вторичного означивания в речи (типы лингвистического — системного, речевого контекста, экстралингвистического — ситуации, намерения говорящего и т. п.); 5) тип смысловой структуры словесных знаков, форма асимметрии двух сторон знака (содержания и выражения) и степень контекстуальной зависимости их значений.

Разграничение языковых знаков, особенно слов, на разряды с учетом их денотативного и сигнификативного аспектов наиболее полно, хотя далеко не последовательно, было проведено в логической теории языка. Еще Дж. Милль⁸¹ делил слова на имена (*names*) и синкатегорематические знаки (*sincategoremata*), относя к последним наречия, предлоги и т. п. Подходя к разграничению семантики слов и их значений с логической точки зрения — способности/неспособности выступать в роли субъекта и предиката, Дж. Милль причислял к разряду имен существительные, глаголы и отчасти прилагательные (в силу возможности их предикативного использования)⁸². При грамматическом подходе к лексическим единицам, в зависимости от того, могут ли слова выполнять роль грамматического подлежащего, в категорию имен зачислялись не только существительные, но и местоимения и субстантивные фразы.

Противопоставление двух компонентов знакового значения слов интерпретируется многими учеными приблизительно одинаково, хотя соответствующие понятия облекаются в разную терминологию. В классическом традиционном языкознании это — «предметная и понятийная отнесенности слова», в формальной логике — «объем и содержание понятия», в работах по математической логике и логической теории языка — обозначаемое (*nominationum*) и значение (*connotation*)⁸³.

Общим для всех классификаций является факт выделения и противопоставления двух больших разрядов словес-

⁸¹ *J. Mill. System of logic rationative and inductive*, v. I, ch. 2. London, 1843.

⁸² К именам Дж. Милль причислял в основном словесные знаки, в то время как Г. Фреге — предложения.

⁸³ Ср. *J. Mill. Указ. соч.*

ных знаков — полнозначных (знаменательных), регистрирующих своей семантикой отраженные в виде денотатов и сигнификатов свойства и отношения предметов реального мира, и неполнозначных (полузнаменательных, служебных), являющихся заместителями, коннекторами первых⁸⁴.

Знаменательные слова обслуживают познавательноклассификационную деятельность человека и лежат в основе формирования абстрактно-обобщенного способа отражения мира и, как имеющие в своей семантике денотативные и сигнификативные аспекты значения, служат названиями единичных и целых классов предметов, уникальных и в высшей мере универсальных (обобщенных) признаков и понятий.

Второй разряд словесных знаков обслуживает сферу коммуникативно-речевой деятельности, когда пользующийся языком воспроизводит полнозначные словесные знаки как единицы языка, соединяет их, связывая по значению, в определенной последовательности в предложения, используя слова-понятия для формирования высказываний, образуя на основе первых более сложные категории мысли — суждения.

Для того чтобы язык как сложная семиотическая система выполнял свое основное назначение — быть средством формирования абстрактного мышления и средством коммуникации, наличие в словаре номинативных знаков, какими являются слова-названия, необходимо, но недостаточно. Переход от языка к речи осуществляется при помощи многочисленных микросистем знаков — знаков-заместителей, указателей, шифтеров и форматоров, связующих слов и разного рода (логических, прагматических) операторов.

Эти два различающихся между собой разряда словесных знаков противостоят друг другу как 1) номинативные, **н а з ы в а ю щ и е з н а к и**, характеризующие пред-

⁸⁴ Пожалуй, более всего такому делению соответствует классификация словесных знаков на символические и указательные у К. Бюлера (*K. Bühler. Указ. соч.*). Не полностью выдержана, но приближается к подобному разграничению слов классификация О. Есперсена, в которой имена существительные, прилагательные, местоимения и глаголы противопоставлены частицам, т. е. наречиям, предлогам, союзам, междометиям (*О. Есперсен. Указ. соч., стр. 100*).

меты, явления, действия и их отношения в реальном мире, и 2) *неназывающие знаки* — заместительно-указательные, связочные, обслуживающие и координирующие конкретные акты речи, высказывания, сообщения и т. п.

По набору семиологических признаков, присущих словесным знакам любого языка, можно выделить следующие основные семиологические классы слов:

в разряде *называющих* выделяется три класса: характеризующие знаки (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные) и количественные знаки (количественные числительные);

в разряде *неназывающих* можно выделить четыре класса: дейктические знаки (указатели координат речевого акта), заместительные слова (поговорки, прономиналы, проадъективы), связочные словесные знаки (союзы, предлоги, послелогии) и знаки-актуализаторы (артикли, некоторые прилагательные, частицы).

Признаками, интегрирующими характеризующие имена в разные семиологические классы, являются номинативная и сигнификативная функции слов; признаками, разграничивающими имена нарицательные на подклассы, — характер и факт раздельного или совместного (в пределах значения одного слова) сосуществования его предметной и понятийной соотнесенности, формирующих его лексическое значение. Если в именных лексемах предметная и понятийная соотнесенность совмещаются в пределах имени существительного, образуя простую номинацию, то в глагольных и адъективных лексемах, выражающих более абстрактные категории — «отношение», «состояние», «свойство» и т. п. соотношение предметной и понятийной отнесенности, а следовательно, и плоскость их языкового выражения (обозначения), совершенно иные)

Значение именных лексем носит абсолютный характер даже в тех случаях, когда они обозначают абстрактный признак, ср.: *синева, доброта* и т. п.

Семантика же глагольных и адъективных лексем относительна в силу того, что в ее основе лежит понятие признака, который как по логике вещей, так и по логике мышления имплицитно подразумевает некоторую субстанцию, предмет, которым он должен (может) быть придан. Поэтому лексическое значение глагольных и адъективных лексем, выражающее неполное понятие, отдельный признак, отношение

или состояние предмета, предопределяет и способ его языкового выражения — имплицитные лексические синтагмы, реализующие основные типы смысловых отношений: «агенса — действие», «субъект — состояние», «действие — объект» и т. п.

Указание на характер денотата глагольного действия — на агенса, источник, инструмент действия — чаще не включается, чем включается в номинацию глагольной лексемы; ср.: *читать книгу, письмо, документ, газету, журнал* и т. п.

В то же время в разных языках имеется значительное число лексем, особенно глагольных, обозначающих формой простой номинации комплексные понятия. Например, в семантику глаголов *to draw* 'рисовать карандашом' и *to paint* 'рисовать красками' включено название инструмента действия; сравните в русском языке такие глаголы, как *утюжить, лопатить, грязнить* и др., в номинативных значениях которых содержится указание на инструмент или средство обозначаемых ими действий⁸⁵.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ

Особенности наименования объектов внеязыковой действительности (предметов, событий и т. п.) стилистически маркированными языковыми знаками предопределяют особый ракурс рассмотрения изучаемого явления, который можно определить как стилистический аспект номинации.

Стилистически маркированные языковые знаки, осуществляющие процесс номинации, включают в себя довольно широкий круг единиц. Это прежде всего стилистически маркированные номинативные словесные знаки, определенные типы устойчивых словосочетаний, модели некоторых стилистических приемов и т. д.

Оставляя в стороне специфику стилистической номинации в знаках различных уровней, а также своеобразие этого явления в единицах языковой системы и речи, рассмотрим некоторые общие черты, характерные для процесса стилистической номинации в целом.

Сущность знаковой репрезентации любого типа определяется гносеологическим аспектом изучаемого явления,

⁸⁵ Конкретные способы и средства прямой лексической (нейтральной и стилистической) номинации см. во втором выпуске «Языковая номинация (Особенности разных уровней языка)».

т. е. соотношением языка, мышления и объективной действительности. За исходное в знаковой репрезентации принимается опосредованное человеческим сознанием отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности⁸⁶. Изучение гносеологического аспекта номинации в стилистически маркированных знаках доказывает, что обобщающий и классифицирующий характер человеческого сознания находит здесь своеобразное воплощение.

Соотнесенность с выделенными выше квалификативными сферами познавательной деятельности человека реализуется особым семантическим компонентом. Для стилистически маркированного словесного знака — это стилистическое значение⁸⁷. Для единиц, получающих стилистически маркированную знаковую репрезентацию в контексте в результате вторичной окказиональной номинации или окказионального переименования, этот семантический компонент обозначается термином «стилистический смысл»⁸⁸.

При этом соотнесенность полнозначного стилистически маркированного номинативного знака с указанными выше квалификативными сферами происходит в подавляющем большинстве случаев опосредованно. Для виртуального номинативного знака эта соотнесенность «преломляется» через тот предмет обозначения, к которому «прилагается» узуально-закрепленное отношение, оценка и т. п., выражаемые стилистическим значением.

⁸⁶ См. Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семантики. Л., 1964, стр. 143.

⁸⁷ Термин «стилистическое значение» используется для общего обозначения эмоционального, оценочного и экспрессивно-образного значения слова.

⁸⁸ В данной работе под «смыслом» понимается то содержание виртуального знака, которое оно получает в контексте. Соответственно, стилистический смысл определяется как содержание стилистически актуализированной единицы, т. е. то эмоционально-оценочное, экспрессивно-образное или усиленно-эмфатическое содержание, которое не обязательно свойственно ей как дискретной единице языковой системы. В зависимости от соотношения смысла и семантико-стилистического потенциала знака целесообразно различать узуальный стилистический смысл — проявление стилистического потенциала и окказиональный стилистический смысл — проявление стилистического содержания в конкретных речевых условиях.

В словах с доминирующим нейтральным лексическим значением, когда стилистическое значение представляет периферию смыслового содержания слова или отдельного его лексико-семантического варианта, соотносённость стилистического значения с квалификативными сферами оказывается опосредованной лексическим значением слова. В качестве объекта квалификации — оценки, образного представления и т. д. — выступают некоторые признаки объекта именованного, признаки, которые «узualmente избираются» как ведущие и на основе которых формируется тот или иной тип стилистического значения. Например, в ряду слов *деточка — ребенок — отродье, есть — жрать*, англ. *child — brat; firm — pigheaded* и т. д., характеризующихся соотносённостью с одним и тем же предметным представлением, налицо различное их осмысление, связанное с наличием или отсутствием того или иного типа стилистического значения.

В словах с доминирующим стилистическим значением (междометия и междометные образования, субъектно-оценочные прилагательные, бранные слова, слова типа *душечка*, англ. *sweetheart* и т. п.), когда стилистическое значение представляет ядро смыслового содержания лексико-семантического варианта, соотносённость с квалификативными сферами осуществляется непосредственно. В качестве объекта оценки или образного представления выступает референт⁸⁹, определяемый контекстом.

Сущность стилистической номинации заключается, таким образом, в том, что она характеризуется двойной и одновременной соотносённостью. С одной стороны, это — квалификативные сферы познавательной деятельности человеческого сознания, категории социально-психологические, с другой стороны — это те признаки, качества, свойства и т. п., которые «приписываются» предмету именованного, а затем закрепляются за ним языковым коллективом; признаки, на основе которых формируется тот или иной тип стилистического значения. Таким образом, в качестве предмета обозначения стилистически маркированной виртуальной единицы выступают определенные категории социально-психической деятельности людей —

⁸⁹ Термин «референт» используется для обозначения предмета или класса предметов, соотносящихся со словом в его конкретном речевом употреблении.

квалификативные сферы, а также признаки квалификативного характера, узуально закрепленные за денотатом языковым коллективом.

Соответственно, денотат стилистически маркированной единицы, в отличие от денотата нейтрального слова, предстает как сложное, комплексное явление, где соотносительность с квалификативными сферами «преломляется» через выделенный языковым коллективом признак предмета наименования, который становится «бросающимся в глаза», ведущим, доминирующим в процессе осмысления объекта реальной действительности средствами номинации. Именно на основе этого признака происходит «переосмысление» объекта именованного через призму оценочного, чувственного или образного представления.

В качестве реального объекта обозначения стилистически маркированного знака выступают определенные категории социально-психической деятельности людей, которые лежат на стыке чувственного и рационального в процессе человеческого познания «... Без „человеческих эмоций“, — писал В. И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»⁹⁰. В рассматриваемом аспекте — это те эмоции и чувства, которые возникают как результат процессов, связанных с познавательной деятельностью человека, — ощущениями, восприятиями, представлениями, мыслями⁹¹; эмоции, чувства, которые обуславливаются объективными качествами предмета, точнее — теми качествами, которые акцентируются в данном предмете языковым коллективом, но которые отражают не самый предмет, а отношение к нему человека, что и становится объектом наименования. Это отношение находит свое отражение в языке и, прежде всего, в словесных номинативных знаках — в присовокуплении оценки к его назывной функции.

И, наконец, отношение, осмысление объекта внеязыковой действительности может проявляться и в образном его представлении. Известно, что процесс восприятия включает в себя несколько стадий: чувственное восприятие, рассудочное; при эстетическом восприятии — образное, что находит свое выражение в характере мышления (логическое, художественное и т. д.) и в языке. Слово,

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 111.

⁹¹ См. Л. С. Выготский. Указ. соч., стр. 14, 314.

в частности, может явиться проводником как сигнификативно-денотативного, так и экспрессивно-образного содержания. ✓

Как уже отмечалось, чувственный и рациональный аспекты человеческого познания находятся в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости, отражая объективную диалектику единичного, особенного и всеобщего. «Как нет только выхваченных из всеобщей связи единичных вещей или только всеобщего вне вещей, так и нет и не может быть чувственного познания вне опосредствованного познания, вне отражения общего в единичных вещах»⁹².

В качестве общего, обобщающего в рассматриваемых социально-психологических категориях выступают общепринятые в данном языковом коллективе критерии эмоциональных ощущений и оценочных суждений. На основании данных психологии и физиологии оказывается возможным определить типы эмоций, которые присущи чувственному восприятию мира; по данным социологии и философии те же исчисления проводятся для оценочных категорий.

Так, психологи и физиологи разработали четкий критерий для положительных и отрицательных эмоций, доминантами которых являются общие понятия «удовольствие» и «неудовольствие», представляющие собой дефицит или прирост прагматической информации, необходимой для организации действий⁹³.

В русле логических теорий оценочных суждений абсолютные оценки определяются понятиями «хорошо» («добро»), «плохо» («зло»), «безразлично» и т. п. Основанием оценки является некий образец, стандарт, идеал. «Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом», — писал К. Маркс⁹⁴. Большая группа оценок имеет в качестве своего основания какое-либо чувство или ощущение: «этот предмет хорош, т. к. он доставляет мне удовольствие»⁹⁵.

Ясно, что подобное исчисление эмоциональных и оценочных критериев можно считать лишь доминантами соот-

⁹² Ф. И. Георгиев. Проблема чувственного и рационального в познании. «Вопросы философии», 1955, № 1, стр. 33.

⁹³ См. П. В. Симонов. Указ. соч., стр. 100.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 143.

⁹⁵ А. А. Ивин. О логике оценок. «Вопросы философии», 1968, № 8, стр. 55—57.

ветствующих синонимических рядов, строящихся по степени интенсивности оценочных категорий и эмоциональных ощущений, которые насчитываются в количестве до полутораэта ⁹⁶. Очевидно также, что все эмоциональные ощущения и оценочные категории четко подразделяются на положительные и отрицательные. Весьма показательно, что отношение говорящего к содержанию высказывания в категориях «одобрение — неодобрение», в исследованиях, касающихся семантических структур языков, рассматривается в числе семантических универсалий ⁹⁷.

Общепризнанность обобщенных понятий об эмоциональных и оценочных критериях, принятых в данном языковом коллективе, создает объективную социально-психологическую базу, на основе которой становится возможной коммуникация в области стилистической информации.

Итак, предмет именованного стилистически маркированного знака представляет собой не единичный факт эмоционального переживания, оценочного суждения или образного представления, а обобщенное, т. е. типизированное надиндивидуальное представление об определенных сферах из области социально-психической деятельности человеческой общности и об определенном характере осмысления обозначаемого класса предметов. Предложенное толкование сигнификативного аспекта стилистической номинации не противоречит тому факту, что словесный знак, в частности, «по природе своей есть обобщение общего, а не единичного... оно есть непосредственная реальность обобщающей мысли, а не чувства человека» ⁹⁸.

Квалификативное осмысление объекта обозначения осуществляется через «избранный» языковым коллективом признак, который также принадлежит не единичному предмету, а классу предметов и, соответственно, представляет собой обобщенное и типизированное представление о качестве, свойстве и т. п. объекта обозначения.

Таким образом, функция обобщения присуща стилистически-маркированным единицам, как и любым номинативным знакам. и проявляется она в этом слое языковых единиц, в осложненном и комплексном виде.

⁹⁶ См., например, Г. И. Рожкова. Восприятие эмоциональных интонаций. — «Уч. зап. МГПИИЯ», т. 44, 1968.

⁹⁷ См. У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», вып. 5. М., 1970, стр. 175—176.

⁹⁸ М. Коган. Морфология искусства. Л., 1972, стр. 286.

Классифицирующая деятельность человеческого сознания, лежащая в основе стилистической номинации, имеет свои отличительные черты.

Освоение объектов реальной действительности средствами стилистической номинации связано, как известно, с абстрагирующей деятельностью человеческого мышления. Процесс абстракции в акте наименования — это процесс мысленного отвлечения от множества второстепенных, несущественных свойств предмета и одновременно выделения, вычленения какого-то одного свойства, которое делается «представителем» предмета. Именно эта особенность словесного знака позволяет определить слово как «отчужденное воплощение абстракции».⁹⁹

При рассмотрении гносеологического аспекта номинации в исследованиях последних лет обращается особое внимание на соотношение между именуемым объектом и именующим субъектом. Если в основе формирования значения лежит классификационная способность человеческого мышления, то в основе самого акта наименования оказывается способность выбирать определенные признаки предметов, что и определяет внутреннюю форму их наименований, с учетом, разумеется, того, что роль и «свобода» субъекта в этом процессе социально ограничены.

Выделение того или иного признака как основы наименования самым непосредственным образом связано с характером восприятия предмета познающим субъектом.

Имена, как известно, не обозначают субстанционального характера вещей и не дают полного представления о сущности обозначаемой вещи. Они «нацелены» лишь на какой-нибудь один аспект именуемого предмета. В акте наименования человек из множества данных, которые поставляются нашими чувствами, устанавливает определенные фиксированные центры восприятия. При выделении предмета из ряда других происходит, по выражению В. Г. Гака, «поворачивание» его разными сторонами к субъекту. Человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо — в связи с практическим освоением данного объекта¹⁰⁰, в соответствии с интересами и целя-

⁹⁹ В. Г. Колшанский. Указ. соч., стр. 70.

¹⁰⁰ См. В. Г. Гак. О семантической относительности языковых единиц. «Тезисы докладов и сообщений на пленарных заседаниях Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания АН СССР». М., 1974, стр. 24—26.

ми данного языкового коллектива. Особенно наглядно это проявляется в слое стилистически маркированных номинативных единиц.

Прямое номинативное значение нейтральных единиц, т. е. номинативных единиц, обозначающих тип денотата, «не отягощенного» узуально закрепленной квалификативной характеристикой, соотносится с реальными признаками обозначаемого объекта. При этом выбор признака достаточно произволен. Так, в английском языке «белье» (собр.) обозначено *linen*, «нижнее белье» — *under-wear*, «постельное белье» — *bed-clothes*, «столовое белье» — *table-linen*; в немецком «нательное белье» — *die Wäsche*, а «постельное белье» — *die Leinen*; в русском языке для всякого белья «бросающимся в глаза признаком» оказывается «белый».

Стилистическое значение, как и нейтральное, есть соотнесенность с одним из признаков, «приписываемых» объекту наименования, а затем закрепленному за данным словесным знаком языковым коллективом. При этом одному и тому же реальному объекту в разных языковых коллективах могут быть приписаны диаметрально противоположные квалификативные характеристики.

Абстрагирующая способность человеческого мышления и активная роль познающего субъекта в акте номинации особенно четко проявляется в процессе образного представления действительности. Эта возможность основывается на способности человеческого мышления ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира, на способности видеть общие признаки и качества разных предметов в результате общности или близости создаваемых ими впечатлений. Например: *pepper* 'перец', *peppery*, *pepper* — *pot* 'вспыльчивый человек' (ср. *hasty*), *purpy* 'щенок', 'молокосос', 'глупый юнец' (ср. *unfledged youth* и т. п.).

Характер выделяемого признака может быть самым разнообразным. В основе языковой образности может лежать с м ы с л о в а я м о т и в и р о в к а (*pill* 'пилюля' → 'зануда', просторечн. 'отвратительный тип', *rat* 'крыса' → 'трус' и т. д.), звуковая мотивировка, особенно в глагольных междометиях типа *to pooh*, *to pshaw* (например, *She consulted her husband at once. He «poch-poched» the matter (Galsworthy)*; коннотация вокруг собственных имен (*Pyrrhon*, *Pyrrhonist* 'человек, обладающий скеп-

тическим характером⁷, Quixot — в узуально-закрепленном переносном значении: It was not fair! It was quixotic (Gal-sworthy) и др.

В итоге создания экспрессивной образности происходит осмысление отвлеченного понятия и его языковое воплощение через отдельные конкретные признаки. В результате процесса абстрагирования один из признаков предмета, как правило, наиболее броский, становится основой нового (непрямого) узуально-закрепленного наименования. Именно в этом процессе и возникает конкретно-наглядное отражение абстрактного понятия.

В литературе последних лет все настойчивее опровергается мысль о полной произвольности языкового знака¹⁰¹. Это утверждение представляется наиболее справедливым для единиц, характеризующихся непрямою узуально-закрепленной номинацией, в которых социально-психологическая и культурно-историческая обусловленность оказывается особенно очевидной. Еще более очевидной такая обусловленность оказывается для эмоционально-оценочных значений. Положительная или отрицательная оценка, принятая в данном социальном коллективе, покоится на объективных критериях нравственности, которые имеют исторический характер и изменяются в зависимости от общественного строя, классовой борьбы и т. д. Господствующая оценка практически и определяет собой реальную языковую норму. В силу сказанного стилистически окрашенные номинативные единицы оказываются мало устойчивыми, в значительной степени зависящими от эпохи, социальных и общественных устоев и т. п. Так выявляется социально-психологическая и культурно-историческая обусловленность стилистически-маркированных номинативных единиц. При этом следует учесть, что выявление тех или иных факторов общественной, исторической и культурной обусловленности отдельных языковых явлений или даже языка в целом предполагает, что язык социально детерминирован не под воздействием каких-либо отдельных экстралингвистических факторов, но самой своей природой, своими функциями, своим назначением в обществе¹⁰². Только в этом аспекте плодотворно изуче-

¹⁰¹ См. И. Р. Гальперин. Информативность единиц языка. М., 1974, стр. 7—8.

¹⁰² См., например, Р. А. Будагов. Человек и его язык. — ВЯ, 1970, № 6, стр. 4.

ние действия экстралингвистических факторов на язык, изучение разнообразных «институтов», с которыми взаимодействует язык и социальная природа которых становится, в конечном итоге, существенной и для самого языка.

В качестве непосредственного объекта обозначения нейтральным словом выступают определенные классы предметов. При этом, давая наименование предмету, нейтральное слово обозначает его как целое, со всеми выявленными и невыявленными свойствами, выполняя по отношению к нему функцию «метки»¹⁰³. Соответственно, лексическое значение нейтрального слова осуществляет прямую номинативную соотнесенность с сущностными признаками объекта наименования во всей их совокупности. Это есть соотнесенность с предметом обозначения как неким целым, обладающим комплексом как существенных, так и нерелевантных характеристик.

В качестве объекта непосредственного обозначения стилистически маркированным знаком выступают, с одной стороны, квалификативные сферы социально-психологической деятельности людей, категории, лежащие на стыке чувственного и рационального в процессе человеческого познания, с другой стороны — эти признаки квалификативного характера, которые узуально закрепляются за объектом обозначения языковым коллективом. При этом номинативная соотнесенность стилистически маркированного словесного знака с квалификативными сферами не есть прямая, непосредственная соотнесенность. В этом случае мы имели бы нейтральный знак, называющий отвлеченные понятия, связанные со сферами эмоционального или оценочного (например, «любовь», «ненависть», «добро», «зло» и т. п.). Соотнесенность стилистически маркированного знака с квалификативными сферами «опосредуется» через признак квалификативного характера, на основе которого происходит переосмысление объекта именования через призму оценочного, чувственного или образного восприятия. «Экспрессивно-стилистическая окраска, — пишет Д. Н. Шмелев, — это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую восприни-

¹⁰³ А. А. Леонтьев. Психофизиологические механизмы речи. «Общее языкознание. Формы существования», стр. 339.

мается «смысл», связанный с данным звуковым комплексом»¹⁰⁴.

Таким образом, если номинация нейтральным словом характеризуется прямой и непосредственной соотносительностью с предметом обозначения, то для номинации стилистически маркированным знаком типична опосредованная двойная соотносительность, которая в словах с образной основой усложняется еще и новым узуально-закрепленным означиванием.

Имеются определенные качественные различия и между типом денотата нейтрального и стилистически маркированного знака. Это связано, во-первых, с различным характером номинации в описываемых слоях лексики, а, во-вторых, с различным характером избирательности, с различным характером «отчуждения» того признака, который становится основой акта наименования.

В качестве денотата нейтральной единицы выступают сущностные признаки объекта именованного, признаки, позволяющие «отграничить» одни «кусочки» действительности от других, сделать их «жесткими», опознаваемыми признаки, которые позволяют представить объект именованного в его «тотальности», целостности.

Номинация в стилистически маркированном знаке реализует квалификативную соотносительность с некоторыми, чаще всего несущественными признаками, которые «избираются» и узуально закрепляются за данным предметом обозначения языковым коллективом и становятся «представителем» объекта наименования. Таким образом, денотат стилистически маркированного знака предстает как одно из свойств, признаков, качеств и т. п. объекта обозначения, «пропущенный» через призму узуально-закрепленной квалификативной оценки.

Так классифицирующая деятельность человеческого сознания, лежащая в основе освоения предметов окружающего мира средствами стилистической номинации, оказывается усложненной узуально-закрепленной квалификативной деятельностью данной языковой общности. Это обстоятельство позволяет характеризовать денотат стилистически маркированного знака (в отличие от денотата нейтральной единицы) как сложное, комплексное яв-

¹⁰⁴ Д. Н. Шмелев. Очерки по русской семасиологии. М., 1961, стр. 111.

ление и объясняет следующее принципиальное различие между лексическим и стилистическим значением. Практически безграничное количественное многообразие лексических значений, соотносящихся с бесконечным множеством явлений и вещей реального мира, не идет ни в какое сравнение с четкой ограниченностью стилистических значений, что объясняется его квалификативной природой, его соотнесенностью с конкретными сферами интеллектуально-чувственной деятельности человека. В то же время стилистическое значение, по сравнению с лексическим, оказывается менее устойчивым, в большей степени зависящим от эпохи, социальных и общественных устоев и т. п.

Сигнификативный аспект стилистической номинации также предстает в сложном комплексном виде.

В качестве общего в рассматриваемых социально-психологических категориях выступает обобщенное представление об определенных сферах из области социально-психической деятельности языкового коллектива и об определенном характере осмысления обозначаемого класса предметов, что в отличие от восприятия, акта психофизиологического, определяет осознанный, активно-селективный социальный характер стилистической номинации. Обобщение понятия об эмоциональных и оценочных критериях, принятых в данном языковом коллективе, и составляет одну сторону сигнификативного аспекта стилистической номинации. Другая ее сторона определяется соотнесенностью с обобщенным представлением о признаке, приписываемом языковым коллективом классу предметов.

Характер соотнесенности стилистически-окрашенной единицы с объектом внеязыковой действительности определяет функциональные различия нейтрального и стилистически маркированного номинативного знака.

Выполнение нейтральным словесным знаком функции «метки», функции «отграничения» одних «кусочков» действительности от других приводит к стертости собственно информативной функции виртуального словесного знака. «Самое большее, что обычно удается зафиксировать посредством одного знака — это факт существования именно данного предмета в отличие его от других»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ И. С. Нарский. Проблема значения «значения» в теории познания. «Проблема знака и значения». М., 1969, стр. 38.

Обозначение же объекта внеязыковой действительности посредством стилистически маркированного знака включает в себя, как было отмечено выше, узуально-закрепленное отношение, осмысление этого объекта данным языковым коллективом, что проявляется в присовокуплении оценки к назывной функции слова. Стилистически маркированный знак отражает, по существу, не самый предмет, а узуально-закрепленное отношение к нему данной языковой общности (ср., например, *мама* и *мамочка*, *лошадь* и *кляча* и т. п.). Это дает возможность считать, что смысловое содержание стилистически окрашенного лексико-семантического варианта слова обладает своего рода «внутренней предикацией», выражающей узуально-закрепленное отношение языкового коллектива к соотнесенному со словом классу предметов, когда узуально-закрепленная эмоциональная или интеллектуальная оценка предмета именованного становится неотъемлемой, а иногда и ведущей составляющей смыслового содержания слова как дискретной единицы языковой системы.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

Основу названия в любом языке составляют понятийные или ономазиологические категории: формирование нового слова происходит прежде всего в опоре на самые общие грамматические классы, представленные в данном языке, — части речи. В языках типа славянских или германских с установившимися традициями и развитыми грамматическими системами необходимость в новом обозначении будет реализована прежде всего при выборе того формального класса, которому по природе следует обозначаемое: так, какой-либо процесс будет скорее всего обозначен с помощью глагола, а новый предмет — с помощью существительного и т. п.

Понятие словообразования как такового относится в первую очередь к словам полнозначным, и оно начинается со знаменательных частей речи: глагола, существительного, прилагательного и наречия. Ономазиологические категории¹⁰⁶, существующие на этом уровне и имеющие грамматический характер выражения, получают на

¹⁰⁶ См., например, *M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, I. Praha, 1962, стр. 196.*

уровне словообразования дальнейшее развитие и уточнение в более конкретных терминах. Дифференциация слов, начатая их распределением по частям речи и означающая прежде всего осмысление того, что подлежит означиванию, в категориях предметности, процессуальности и признаковости, получает на уровне словообразования еще более дробный и сравнительно более конкретный характер.

Общая категория наименования элементов окружающей нас действительности¹⁰⁷ во всей ее сложности и многообразии получает членение прежде всего через призму частей речи и уже вторично — в многочисленных производных. Главными ономаσιологическими категориями языка следует поэтому, по нашему мнению, считать те, благодаря которым слова формируются как слова разных формальных классов и как знаки разной природы (собственно наименования, или полнозначные части речи, в противовес квантификаторам, форматорам и т. п., т. е. незначительным частям речи, а также местоимениям и числительным). В свою очередь основными ономаσιологическими категориями, реализующими собственно наименования, можно считать категорию субстанций в широком смысле этого понятия (иногда ее называют также категорией предметности), отражающуюся в грамматике в виде такой части речи, как существительное, и категорию признака, охватывающую три прочих знаменательных части речи, — глагол, прилагательное и наречие. Значения, выражаемые данными частями речи, можно считать наиболее абстрактными общекатегориальными значениями.

Эти ономаσιологические категории, которые можно было бы также назвать частеречными, получают конкретизацию либо через грамматические категории, отличающиеся в отдельно взятом языке обязательным характером их формального выражения, либо через категории словообразовательные, тоже имеющие формальное выражение в языке, но зато не обязательно передаваемые в структуре слов данного класса. Важно отметить, что ономаσιологические категории словообразовательного порядка могут занимать в иерархии ономаσιологических категорий разное место, ибо с их помощью могут уточняться

¹⁰⁷ Ср.: О. Лешка. К вопросу о частях речи в описательной грамматике славянских языков. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974, стр. 36 и сл.

как непосредственно категории предметности или признаковости, так и — ступенькой ниже — грамматические категории языка.

Словообразовательные ономаσιологические категории — это модификаторы и конкретизаторы категорий предметности и признаковости, но поскольку модификация и конкретизация могут происходить как в рамках части речи, имеющей свои разветвленные грамматические категории, так и в рамках части речи, бедной этими категориями, подчиненность словообразовательных категорий частеречным может иметь разную форму. В русском языке, например, родовая дифференциация имен на грамматическом уровне способствует тому, что словообразовательные категории конкретизируют обозначаемые в пределах сложившихся родовых классов: каждой словообразовательной модели свойственна определенная родовая характеристика (ср. *пловец* — *пловчиха*, *школьник* — *школьница*, *учитель* — *учительница* и т. п.). В английском языке грамматическая категория рода в существительных отсутствует; родовая классификация проявляется у них только как словообразовательная, при необходимости маркируется пол лица: *act-or* ‘актер’ — *act-r-ess* ‘актриса’, но случаи этого рода немногочисленны. Приведенный пример показывает, что в иерархии ономаσιологических категорий в общем одни и те же понятийные классы могут иметь разную форму выражения, разный статус в структуре языка и занимать разное место в иерархии представленных категорий.

Словообразовательные категории нередко принимают на себя функции отсутствующих грамматических категорий, как бы восполняя пробелы в выражении некоторых самых общих и, по-видимому, универсальных значений. Их место в структуре языка обуславливается поэтому тем, в каком отношении находятся они к основным общекатегориальным значениям — предметности или признаковости. В языках с системой грамматического числового противопоставления с помощью словообразовательных средств дополнительно выражаются разные типы единственности и множественности — категории единичности (сингулятивы), двойственности (парности) или собирательности, но при отсутствии грамматической оппозиции единственного и множественного числа именно эти последние значения могут быть словообразовательными.

По-разному ведут себя и словообразовательные категории разных частей речи: в каждом языке вокруг каждой части речи складывается определенный набор категорий, уточняющих или модифицирующих ее общекатегориальное значение.

Среди полнозначных частей речи доминантную позицию с точки зрения их номинативной значимости занимают существительные: только они могут приобретать функцию собственно наименований (*nomina propria*)¹⁰⁸. Не случайно в этой связи, что обычно именно существительные обладают наибольшей способностью дифференцироваться по разным основаниям. Имея в своей основе «понятие субстанции, предмета в широком смысле слова»¹⁰⁹, существительные развивают обычно множество разнообразных словообразовательных категорий, конкретизирующих предметность в терминах лица/не-лица, одушевленности/неодушевленности, производителя действия/его адресата, обладателя или носителя определенного признака (свойства) или же исполнителя какого-либо действия и т. п.

Нельзя не отметить, что категории, реализующие общекатегориальное значение предметности, вступают в иные иерархические отношения, нежели те, которые характеризуют значения широко понимаемого признака. Ведь сама ономаσιологическая категория признака, атрибута, свойства выступает как более дифференцированная уже на уровне частей речи: она объединяет этим значением три части речи. Иерархию ономаσιологических категорий образует здесь поэтому реализация значения признака в трех планах на двух разных ступенях абстракции: семсиологическом и грамматическом (см. схему).

Схема показывает, что называющие знаки делятся по семантическим основаниям на знаки, называющие предметы и не-предметы — признаки в широком смысле слова. В свою очередь эти последние делятся на знаки-атрибуты и знаки действий и процессов. Знаки-атрибуты в силу их разной синтагматической соотнесенности делятся на знаки-атрибуты присубстантивные и призначные. Призначные знаки составляют группу наречий, присубстан-

¹⁰⁸ См. *J. Kuhař*. К общей характеристике номинации. — TLP, 3. Prague, 1968, стр. 96.

¹⁰⁹ *A. A. Уфимцева*. Указ. соч., стр. 96.

тивные — группу прилагательных. В то время как существительные, глаголы, прилагательные и наречия противостоят друг другу как разные части речи, а существительные противостоят всем прочим частям речи по всей совокупности признаков, прилагательные и глаголы могут быть сближены как знаки, называющие признаки (состояния) и поэтому принимающие в качестве определителей наречия. Если в этой схеме в каждой точке ветвления указать слова «и отсылающие к другим знакам языка», схема будет пригодна для интерпретации разных классов производных единиц.

Глаголы и прилагательные образуют разновидность одной широкой категории — признака¹¹⁰, а внутри более узкой субкатегории собственно атрибута (при противопоставлении атрибута действию или состоянию) выделяются категории признака или свойства как такового (*белый, черный, важный*) и категория признака признака (*бело, черно, важно*). По схеме видно, что приименные и приглагольные признаки (т. е. собственно признаки и признаки

¹¹⁰ Как подчеркивали уже Платон и Аристотель, их сближает выполнение предикативной функции; оба этих класса слов способны определяться наречиями и т. п.; см. подробнее: J. Lyons. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge, 1969, стр. 323—324; В. Чейф. *Значение и структура языка*. М., 1975.

признаков) обладают большей близостью и бóльшим числом сходных черт, чем категории представления признака предмета через его действие или состояние, с одной стороны, и признака предмета через его свойства и качества, с другой; прилагательные и наречия, вместе взятые, отчетливо противостоят глаголу.

Эти общие принципы важны для понимания специфики словообразовательных категорий, реализующих частные значения глаголов, прилагательных и наречий, поскольку разновидности выражаемых ими ономаσιологических категорий тоже могут конкретизироваться либо с помощью грамматических категорий (ср. степени сравнения для прилагательных или аспектуальные характеристики для глагола), либо с помощью категорий словообразовательных (ср. классы оценочных, притяжательных, относительных и пр. производных прилагательных, с одной стороны, и классы фактивных, инхоативных, дуративных и пр. производных глаголов, с другой).

То, что должно получить в языке обозначение, оформляется одновременно и как определенная часть речи (в терминах грамматики частей речи), и как определенный семантический разряд внутри выбранной части речи. Таким образом, выбор конкретной словообразовательной модели для реализации акта номинации предопределяется осуществленной категоризацией обозначаемого как в терминах частей речи, так и в терминах существующих в данном языке ономаσιологических категорий.

Если ономаσιологические категории предметности и признака элементарны в том смысле, что на выбранной глубине анализа они далее не разложимы на другие составные части и, следовательно, для данного случая предельны, иерархически им подчиненные ономаσιологические словообразовательные категории уже не элементарны; их реализуют производные единицы, ономаσιологическая структура которых двучленна и состоит из двух компонентов — базиса и признака.

Базисом производного является то, что фиксирует его принадлежность к классу предметов, признаков, действий или признаков признака, т. е., проще говоря, к наиболее общей из тех понятийных категорий, которые выражаются данным словом. Так, базисом слова типа чешск. *dobrák* 'добряк' является понятийная категория предмета как носителя определенного свойства.

Ономасиологическим признаком, который всегда имеет более конкретную сравнительно с базисом семантику, является переменная для каждой словообразовательной модели величина, способствующая уточнению или конкретизации базиса; ономасиологический признак в таких производных, как *добряк*, *толстяк* выражен основой прилагательного. Ономасиологический признак может иметь и более сложную форму, ср. *толстопузый*, *свинопас* или чешск. *dřevorubec* 'дровосек'. Про такой сложный признак говорят, что он составлен из ономасиологического мотива (производящей основы) и связующего (ср. *толстопузый* → с *толстым пузом*, *свинопас* → *тот, кто пасет свиней* и т. п.).

Чешские лингвисты выдвинули положение о том, что в структуре деривата функцию ономасиологического базиса обычно выполняет словообразовательный формант; ономасиологический же признак фиксирует понятие, отношением с которым связан базис¹¹¹. Это определение не раскрывает, однако, всех возможностей, наблюдаемых в соотношениях базиса и признака у производных разного типа.

В случае префиксации сущность названия заключена в мотивирующем слове, а префикс только уточняет основу, но не указывает на класс предметов — класс предметов задан именно определяемым словом (основой), ср. *ультра-звук*; *сверхсложность*; *переделать*, *передумать* и т. п. В сложных словах типа *бахуврих* ономасиологический базис как бы вынесен за пределы слова, само же слово представляет собой ономасиологический признак предмета, ср. др.-исл. *bein-stórr* 'с крупными костями', *hals-langr* 'с длинной шеей', англ. *pickpocket* 'карманный воришка', букв. 'обворовывать карман' и т. п. В так называемых сочиненных сложных словах (нем. *kennenlernen*, русск. *зубробизон*, англ. *a girl-friend* и т. п.) представлено по два равноценных ономасиологических признака: *a girl-friend* — это *a friend that is a girl*, и наоборот, *a girl that is a friend*. Ономасиологический базис подобных слов фиксируется самой словообразовательной моделью и ее принадлежностью к определенному семантическому классу производных.

¹¹¹ Ср. обзор А. Г. Широковой и Г. П. Нещименко в ВЯ, 1968, № 6, стр. 136.

Даже в суффиксальных производных соотношение оно-масиологического базиса и ономасиологического признака может быть различным. Интересным примером своеобразной перестановки базиса и признака являются испанские производные на *-azo*¹¹², которые в значении большого предмета имеют в качестве базиса основу слова, а в качестве ее признака — суффикс (*martillazo*₁ — это *un martillo grande* ‘большой молоток’), но которые при обозначении удара каким-либо предметом имеют в качестве ономасиологического базиса суффикс, а в качестве ономасиологического признака напротив, основу (*martillazo*₂ — это ‘удар молотком’ и переменный признак «удар — какой?») выражен основой, ср. *hachazo* ‘удар топором’ или *navajazo* ‘удар ножом’).

Можно предположить в связи с указанным различием, что, например, оценочные и экспрессивные суффиксы оказываются в ономасиологических структурах производных единиц носителями ономасиологического признака, классификационные же суффиксы (ср. например, французский суффикс *-ier*, обозначающий класс деревьев; ср. английский агентивный суффикс *-er*; ср. русский суффикс *-ник* со значением ‘вместилще для’ и т. п.) — носителями ономасиологического базиса. Изучение этих ономасиологических величин является интересным предметом исследования, важным для понимания сущности мотивации и выбора опорных пунктов при назывании.

Особенно сложный вопрос о соотношении ономасиологических базиса и признака встает применительно к безаффиксальным производным. Если при их образовании наблюдается общекатегориальный сдвиг, как сказывается он на возникающей при этом новой ономасиологической структуре? Что становится в этой структуре выражающим ономасиологический базис и что — ономасиологический признак? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим содержательную сторону безаффиксального словообразования. Этот анализ поможет пролить свет и на сущность более широкого явления — транспозиции.

С ономасиологической точки зрения безаффиксальное словопроизводство направлено на выражение самых об-

¹¹² См. *H.-M. Gauger. Determinatum und Determinans im abgeleiteten Wort. «Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von H. Marchand». The Hague — Paris, 1968, стр. 93 и сл.*

щих — грамматических — категориальных, частеречных значений (например, категории предметности теми основами, для которых первично выражение процессуальности или признаковости; категории процессуальности — основами, для которых первично выражение предметности или признаковости и т. д. и т. п.). Ономаσιологическая специфика безаффиксального словопроизводства состоит в том, что оно отражает видение, восприятие, понимание обозначаемого в новом ракурсе, в новой категориальной проекции. Это подведение старой основы под новую категориальную группу. Безаффиксальное словопроизводство служит поэтому в первую очередь целям транспозиции и созданию мостиков между разными частями речи. С формальной же точки зрения словообразовательным средством служит здесь мена морфологических показателей при одной основе — показателей как грамматических классификаторов. Соответственно этому безаффиксальное словопроизводство можно было бы именовать парадигматической или морфологической редистрибуцией основ, или просто редистрибуцией. Интересно отметить, что под определение редистрибуции хорошо подходят случаи мутации или же «равнопроизводности» основ, которые до сих пор как будто бы не получали в теории словообразования адекватного освещения (ср. *смелый* — *смело*, *красавец* — *красавица*, *супруг* — *супруга* и т. д.)¹¹³.

Наблюдаемая смена морфологических показателей имеет глубокие семантические основы: использовать глагольное слово со всеми признаками процессуальности в качестве обозначения какого-либо предмета можно только при одном условии — лишив его этих свойств глагольности или, по крайней мере, нейтрализовав те из них, которые противоречили бы его предметному восприятию. Такие же по своей сущности мотивы играют роль и при «переводах» субстантивных основ в класс атрибутов или же при использовании атрибутивных основ для характеристики действия или состояния. В этом смысле можно утверждать, что категориальные значения кардинальных частей речи (предметность, признаковость, процессуальность) суть основные ономаσιологические категории языка, и даже

¹¹³ См. Р. И. Лихтман. К вопросу об основных понятиях словообразования. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1973, т. 32, вып. 2, стр. 132 и сл.

простая редистрибуция основ по этим категориям приводит к изменению присущих им значений. Смена морфологических показателей, т. е. замена одних морфологических показателей на другие, выступает поэтому как способ формального выражения категориальной редистрибуции основ.

Если в языках флективного строя кардинальные части речи характеризуются обязательным наличием в реализующих их структурах (особенно в их назывных формах) специальных морфологических примет (признаков их классной принадлежности), смена морфологических показателей может предстать только в виде усечения исходных показателей. Нельзя, таким образом, упускать из виду, что усечение — это не столько особый словообразовательный прием¹¹⁴, сколько разновидность более общего приема по переоформлению категориальной принадлежности основы. Конечно, усекается именно тот морфологический показатель, который сигнализирует о принадлежности к определенному классу слов¹¹⁵, но ведь правильно и обратное: при потребности в новом наименовании к производящей основе должен быть прибавлен новый морфологический элемент, сигнализирующий в слове о его функционировании в качестве другой части речи (ср. русск. *руль* → *вырулить*; шведск. *film* 'фильм' → *film-a* 'снимать фильм', нем. *Salz* 'соль' → *salz-en* 'солить' и пр.).

Итак, в то время как все остальные способы словообразования направлены на конкретизацию и модификацию трех главных ономаσιологических категорий, т. е. семантические видоизменения в пределах этих категорий (предметности, атрибутивности и процессуальности), — безаффиксальное словопроизводство существует в первую очередь для того, чтобы обеспечить выражение самих этих значений: выражение какой-либо готовой лексемой нового вторичного для нее значения, и, следовательно, для того, чтобы обеспечить редистрибуцию основ по указанным ономаσιологическим категориям. Соответственно,

¹¹⁴ См. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1972, т. XV, стр. 116 и сл.

¹¹⁵ Ср. замечания П. Гарда и Л. Дюровича по докладу Д. Уорта на Международном коллоквиуме славистов в 1970 г., указывавших на нейтрализацию глагольных категорий или их снятие при образовании имен, в связи с чем морфемы, выражающие эти категории, отбрасываются. См. сб. «The Slavic word». The Hague — Paris, 1972, стр. 138 и 140.

ономаспологическая сущность безаффиксального словопроизводства — в редистрибуции основ, в их общекатегориальном переосмыслении. Можно полагать в связи с этим, что и отсутствие в рассматриваемых словообразовательных процессах специальных деривационных аффиксов имеет свои глубокие корни. Аффикс — это прежде всего семантический модификатор, а сущность наступающего при редистрибуции сдвига — в новом категориальном видении обозначенного производящей основой, в переключении из одного класса в другой.

(Общеизвестны положения Е. Куриловича о синтаксической и лексической деривации; при синтаксической деривации производное слово отличается от производящего не своим лексическим значением, а только своими синтаксическими свойствами¹¹⁶. В принципе точно такое же определение давал Ш. Балли транспозиции, указывая на то, что «языковый знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, глагола, прилагательного, наречия)»¹¹⁷.)

В принципе, следовательно, при необходимости любое существительное может мотивировать новый глагол, послужить источником образования отглагольного имени, а прилагательное, обозначающее признак или свойство явления, лечь в основу обозначения нового процесса или предмета. Простейшим средством осуществления этой задачи и является безаффиксальное словопроизводство во всех его четырех морфологических вариантах, описанных нами ранее¹¹⁸. Есть также некоторые основания полагать, что эти формы транспозиции были известны уже на ранних стадиях развития индоевропейских языков¹¹⁹. При раз-

¹¹⁶ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962; Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, стр. 164 и сл.

¹¹⁷ Ш. Балли. Указ. соч., стр. 130.

¹¹⁸ Е. С. Кубрякова. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 4.

¹¹⁹ См.: Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в древних германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 43 и сл.; 74 и сл.; Она же. Прилагательные в германских языках. «Историко-типологическая морфология германских языков». М., 1977.

витых системах словообразования они продолжают действовать и в современных языках: так, исследователи отмечают, что во французском языке глагол может быть создан с помощью конверсии почти от любого существительного как женского, так и мужского рода, причем существительное может иметь любую семантику¹²⁰; достаточно свободно образуются и отглагольные существительные¹²¹. Свобода образования глаголов от существительных и наоборот считается многими исследователями характернейшей чертой словообразования в английском языке¹²². Аналогичные утверждения обоснованно делались также относительно немецкого и других языков¹²³. Естественно также предположить, что в связи с разнообразием и семантической неоднородностью возможных исходных единиц безаффиксального словообразования, вторичные наименования, полученные в результате этого способа деривации, тоже могут быть производными самых разных лексико-семантических разрядов. Этот факт, по-видимому, никаких сомнений не вызывает: безаффиксальные производные могут реализовать примерно тот же круг значений, что и другие типы производных и модифицировать (вторично) ономаσιологические категории предметности, процессуальности и атрибутивности в тех же отношениях, что и прочие типы производных. Нельзя только забывать о том, что подобная модификация значений внутри значений частей речи для транспозиции вторична.

Мы уже говорили о том, что модели парадигматичес-

¹²⁰ См. Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 77 и сл.; В. Г. Гак. О глагольно-именной конверсии во французском языке. «Уч. зап. Ин-та международных отношений», Серия филолог., вып. 7. М., 1961, стр. 32—33.

¹²¹ Ср. также: H. Marchand. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Französischen und die entsprechenden Verhältnisse im Englischen und Deutschen. «Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur», 1963, Bd. 73, H. 3/4.

¹²² Ср. работы Г. Марчанда, П. А. Соболевой, А. А. Уфимцевой, И. П. Ивановой, П. М. Каращука и многих других англистов; ср. также: R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. A grammar of contemporary English. London, 1972, стр. 1009 и сл.

¹²³ Ср. А. Н. Антышев. Категориальная омонимия основ и корреляция глаголов и существительных в современном немецком языке. АҚД. М., 1972; ср. также понятие имплицитного словообразования у В. Флайшера (W. Fleischer. Указ. соч., стр. 59), работы В. В. Лопатина о нулевом словообразовании в русском языке и пр.

кой редистрибуции; могут по своему значению повторять модели аффиксального типа. Могут, однако, наблюдаться и такие модели, которые не имеют прямых параллелей среди моделей префиксального или суффиксального типов.

В исландском языке, например, бытует словообразовательная модель «прилагательное, обозначающее национальную принадлежность → существительное ж.р., обозначающее соответствующий язык», ср. *islenzk-ur* 'исландский' — *islenzk-a* 'исландский язык', *dansk-ur* 'датский' — *dansk-a* 'датский язык', *russnesk-ur* 'русский' — *russnesk-a* 'русский язык'; в шведском языке эта же модель строится по другому структурному типу, ср. *gysk* — *rusk-a*, *dansk* — *dansk-a*, *isländsk* — *isländsk-a*.

Во французском языке существительные, обозначающие металлы и стройматериалы, служат источником глаголов, обозначающих 'покрывать ч.-л., указанным производящей основой' (ср. *sementer*, *betonner*, *chromer*, *nickeler*). В английском языке та же модель представлена в другой форме (*to asphalt*, *bronze*, *nickel*, *plaster*, *silver*).

В немецком языке от существительных, обозначающих продукты питания, легко образуются глаголы со значением 'приготавливать данный продукт', ср. *käs-en* 'приготавливать, делать сыр' от *Käse* 'сыр', *wurst-en* 'выделывать колбасу' от *Wurst* 'колбаса', *butter-n* 'сбивать масло' от *Butter* 'масло', *kraut-en* 'готовить овощи' от *Kraut* 'овощи' и пр., в английском и французском языках их нет¹²⁴.

Во французском языке глаголы, образованные от прилагательных, обозначающих цвета, регулярно совмещают транзитивные и интранзитивные значения и характеризуют как наличие данного признака, так и процесс его становления; в русском языке эти значения четко разграничены благодаря транспонированию в разные классы глаголов, ср. фр. *blanche* → *blanchir*, русск. *белеть*, *белить*; фр. *rouge* → *rougir* — русск. *краснеть*, *краснить*; фр. *bleu* → *bleuir* — русск. *синеть*, *синить* и др. Русские примеры показывают, что если в каком-либо языке отдельные парадигмы различаются не только флексиями, но и основообразующими элементами, последние обязательно вов-

¹²⁴ См. *H. Marchand. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem...*, стр. 116.

лекаются в процессы словообразования¹²⁵. Классическим примером такого рода является система слабого глагола в готском языке с ее делением в зависимости от основообразующего элемента на четыре различных класса, каждый из которых обладает наряду с непронизводными глаголами явными вторичными единицами, объединенными общим словообразовательным значением¹²⁶. В ситуации такого рода многие исследователи склонны приписывать выраженные словообразовательного значения основообразующему элементу, а не операции по транспозиции основ, но это положение опровергается как будто бы а) наличием того же самого значения у непронизводных слов с основообразующим элементом (ср. русск. *зреть, спеть, млеть*, передающие значение становления какого-либо состояния точно так же, как и производные *стареть, глупеть, мелеть*), а также б) частым отсутствием основообразующего элемента в структуре многих словоформ, что вряд ли было бы возможно при его функционировании в качестве семантической деривационной морфемы¹²⁷.

Если регулярно совершаемая транспозиция приводит к тому, что в пределах какого-либо парадигматического объединения достаточно большая группа слов выделяется как наделенная повторяющимся значением и если при этом та же группа слов характеризуется одним и тем же основообразующим элементом, возникает возможность связать это значение именно с основообразующим элементом. Группа слов, связанная своим происхождением с редистрибуцией основ, начинает осознаваться как особый словообразовательный разряд, маркированный основообразующим элементом — ср. русские глаголы на *-еть*, готские глаголы на *-jan* и *-nan* и т. п. Естественно, что внут-

¹²⁵ Ср. «... в принципе флективные различия могут получать определенную словообразовательную функцию, создавая в языке разные модели несобственной деривации» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 125).

¹²⁶ Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке. «Фонетика, фонология, грамматика». М., 1971.

¹²⁷ Так, если считать, что различие между *стар-е-ть* и *стар-и-ть* заключено в различии суффиксов, непонятно, как это различие сохраняется в *старей* — *старь*, *стареющий* — *старящий* и т. п. См. подробнее Е. С. Кубрякова. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 4, стр. 70—72.

ри подобной группировки функции основообразующего элемента не вполне эквивалентны тем, которые он выполняет в составе производного слова; основообразующий элемент приобретает функции словообразовательного маркера. Но и возрастающая функциональная нагрузка основообразующего элемента, и его маркирующая способность — это только следствие произведенной редистрибуции основ, а не ее средство. Целью словообразовательного акта являлось создание нового наименования как новой части речи; средством осуществления этой цели было определенное морфологическое переоформление основы и снабжение ее новыми морфологическими показателями, результатом — возможное переосмысление самих морфологических показателей.

Проведенный анализ позволяет показать, почему даже такие общекатегориальные значения, как «предметность» и «признаковость», могут по форме и структуре их выражения в языке рассматриваться в качестве словообразовательных и почему соответствующие этим значениям ономаσιологические категории могут выступать либо как чисто грамматические, либо как деривационно-грамматические. Так, ономаσιологическая категория «предметность» может считаться грамматической, когда реализующий ее класс слов выражает это значение в отвлечении от всех других полнозначных знаков данного языка. Напротив, указанная категория может считаться деривационно-грамматической, когда она находит в целом классе слов выражение через обобщенную для данного класса слов отсылку к другим полнозначным знакам.

«Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определенный понятийный класс..., а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономаσιологическую структуру понятия как определяемое (ономаσιологический базис), а признак как определяющее (ономаσιологический признак)»¹²³. Это общее положение применительно к безаффиксальным производным может быть раскрыто следующим образом: их ономаσιологическим базисом является такой понятийный класс, как часть речи, их ономаσιологическим признаком — указанная основой конкретная разновидность данной части речи. Вместе с фик-

¹²³ М. Dokulil. Указ. соч., стр. 196.

сацией слова в качестве определенной части речи при безаффиксальном словообразовании происходит также фиксация определенной разновидности выбранной части речи. Благодаря этому выражаемая ономаσιологическая категория оказывается, как мы указывали выше, деривационно-грамматической. Характеризуясь двучленной структурой, безаффиксальные производные выступают, как и другие производные, в качестве слов особой ономаσιологической природы — с иерархической организацией их базиса и признака.

Изучение производных слов имеет для теории номинации особое значение: именно по отношению к производной единице как единице с расчлененной смысловой структурой мы можем с уверенностью говорить о том, какой признак предмета был воспринят как самый для него типичный и бросающийся и какой признак смог стать в конечном счете «представителем» всего класса предметов в целом.

Изучение словообразовательных моделей и мотивирующих их единиц открывает широкие возможности в анализе актов номинации, ибо каждая такая модель обобщает известные типы отношений, реально существующие в окружающей нас действительности, ср. *пасты свиной* и *свинопас*, *чистить трубы* и *трубочист*, *носить письма* и *письмоносец* и т. д.

Производное есть номинация определенной отсылкой к существующему знаку или знакам языка; это своеобразное обозначение неизвестного через известное, через знакомый и понятный знак или знаки языка; это соединение нового опыта со старым; представленное в расчлененной форме, производное слово помогает ассоциировать обозначенный им предмет, действие или признак с тем, что знакомо из предыдущего опыта.

Рассмотрение производного как особого наименования позволяет установить и другие важные характеристики этой единицы, свойства которой не повторяются в своей совокупности ни у каких других единиц языка. Ведь анализируя производное как результат акта называния того или иного фрагмента действительности, мы можем продемонстрировать, что и словообразовательный процесс — это всегда акт номинации со следующими специфическими чертами:

1 — создание производного как нового наименования с новой смысловой структурой происходит на базе уже

существующих в языке единиц, это отличает словообразование от «выдумывания» слов типа *газ*;

2 — производное наименование строится как о д н о с л о в н о е, т. е. независимо от протяженности и сложности мотивирующей единицы замыкается рамками одного слова; это отличает словообразование от создания несколькихсловных наименований типа *белый гриб*, *транспортные средства* и т. п.; следует поэтому отличать синтетическое словообразование от аналитической номинации;

3 — в структуре производного наименования повторяются знак или знаки или части знаков, содержащиеся в исходной единице; словообразовательная корреляция всегда содержит родственные части, общие по корню; это отличает подлинное словообразование от супплетивного, где подобная материальная повторяемость знаков отсутствует (ср. *лечить* — *врач*, но *лечить* — *лекарь*);

4 — повторяемость знаков присуща производному независимо от того, создано ли оно с формальной точки зрения полным повторением знака (типа англ. *a sail* → *to sail*), свертыванием исходных знаков (ср. разные типы аббревиатур и процессы универбации словосочетаний) или же их развертыванием, «расширением», ср. англ. *form* → *formal* → *formality*; различие «следов», оставляемых исходными знаками в структуре производного, позволяет говорить не только о разных формах отражения отношений производности или разных степенях членимости производной единицы, но и о разной степени их мотивированности и семантической «прозрачности»; указанное качество отличает производные как вторичные выводимые единицы от простых, непродуцируемых;

5 — производное наименование представляет собой новое слово, поэтому его формальные характеристики не повторяют в своей совокупности тех, которые присущи исходному слову; это позволяет отличить подлинное словообразование от так называемого семантического словообразования, при котором деривация значений происходит как бы внутри одного и того же слова, ср. *лиса*₁ — «род животного» и *лиса*₂ — «хитрец»;

6 — создание производного осуществляется в ходе применения определенной формальной операции, общее число которых в данном языке конечно и исчислимо; существование этих регулярно повторяющихся в одних и

тех же номинативных целях формальных операций, лежащих в основе разных способов словообразования, позволяет устанавливать словообразовательные модели в опоре на объективные критерии; это позволяет представить процессы словообразования как процессы моделирования единиц по определенным правилам и тем самым сблизить их с чисто грамматическими видоизменениями слова;

7 — выбор необходимой для образования конкретного наименования операции обуславливается, как и весь словообразовательный акт, смысловым заданием данного процесса: аффиксация, словосложение, конверсия и другие формальные операции отличаются друг от друга не только техникой их проведения, но и своей ономастической направленностью, т. е. их семантические последствия нетождественны; даже при возможном сходстве лексических значений у производных, созданных с помощью разных средств, различной оказывается их ономастическая структура и сама суть обозначения.

Учитывая все перечисленные особенности актов номинации словообразовательного характера, можно уточнить и понятие словообразования, ибо становится ясным, по какому признаку или признакам оно может быть отграничено от смежных явлений — супплетивного или семантического словообразования, аналитических наименований и т. п. Можно показать также, почему процессы словообразования столь разительно отличаются от всех прочих явлений деривации в языке. Соответственно сформулированным правилам можно, наконец, дать и более общее определение производной единицы как однословного вторичного мотивированного наименования с двучленной ономастической структурой, формирующего свое лексическое значение посредством расчлененного представления базиса и признака наименования. Уже этого определения достаточно, чтобы констатировать неповторимость, данной единицы языка и возможность отличить ее от слов простых, производных.

Моделируя расчлененные вторичные словесные знаки в соответствии с выработанными в данном языке образцами (описание таких образцов будет дано во втором томе настоящего издания), словообразование играет серьезную роль в классификационно-познавательной деятельности человека и способствует все более дробному расчленению окружающей нас действительности и всестороннему ее

познанию. Поскольку именно в производных словах прозрачно выступает природа их мотивации, исследование словообразовательных процессов позволяет углубить наши представления о формировании значений словесных знаков, о связях предметного ряда с названиями его составляющих, о роли непосредственных ассоциаций в актах называния, о выборе того или иного признака предмета в процессе его обозначения и т. д. и т. п. Все это заставляет нас отвести словообразованию важное место в теории номинации и изучать многие аспекты процессов деривации слов именно в рамках теоретической ономастологии.

О СПОСОБАХ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ — НЕПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ

В процессах формирования наименований всегда взаимодействуют три гетерогенные по своей природе сущности. Одна из них — то, что именуется (называется) — мир действительного, включая и психическую деятельность человека (т. е. сфера денотации). Вторая — образ (в гносеологическом смысле) компонента действительности — его понятийное отражение, в котором человеческое сознание способно совмещать и квалифицитивно-оценочное видение мира. Соотносясь с именем, этот образ воплощается при языковом назывании в понятийно-языковой форме отражения действительного (сфера сигнификации). Третья сущность — имя (звукоряд или его графическое изображение), т. е. языковое средство выражения сигнификативного содержания, которое закрепляется за именем с целью опознавания того, что обозначается. Отношение именованного, связывая таким образом сигнификат с именем в форме языкового знака, соотносит его с обозначаемой действительностью (см. подробнее главу «Лингво-гносеологические основы языковой номинации»).

Общезвестно, что изначальная, «первичная» лексическая номинация, под которой обычно понимается соотношение отражаемого в сознании фрагмента внеязыкового ряда и звукоряда, впервые получающего функцию названия, — весьма редкое явление в современных языках. Ср., например, такие «выдуманные» в наше время имена, как *нейлон* и *лавсан*, или слова, вроде *молния* 'металлическая или пластмассовая застежка' и 'вид особо срочной телеграммы' (здесь и далее за основу описания значений слов

принимаются данные академического Словаря современного русского литературного языка в.17 т.), ср. также *наносить* (*удар, оскорбление*) или *черный* в (*черный рынок, биржа*), *черный хлеб, черный день* — все эти номинативные единицы выступают во «вторичной» для них функции наименования.

Совершенно очевидно, что «именующий субъект», используя уже существующие единицы номинации (и правила их комбинаторики) в новом отношении именования, руководствуется прежде всего смысловыми мотивами выбора тех или иных средств для называния, т. е. пригодностью их семантического содержания для выполнения нового номинативного задания. По причине такой опосредованности номинации, некоторые признаки значения, присущие переосмысливаемой языковой единице, переносятся в сигнификат нового наименования. Поэтому при исследовании таких процессов вторичной номинации возникает необходимость выявления и изучения тех механизмов, которые обеспечивают создание новых наименований на основе уже существующих номинативных единиц. Без раскрытия языковой техники вторичной номинации невозможно постичь «глубинные» процессы, протекающие в сфере номинативной деятельности, а равным образом — выявить семиологическую природу вторичных наименований и их функциональную «предрасположенность».

Вторичная номинация — явление многообразное. Но существует, по крайней мере, два разных типа вторичных наименований, различие между которыми проявляется в самом характере их номинативной ценности. Непрямая (мотивированно-опосредованная), но автономная направленность смысла (сигнификата) имени на действительность приводит к самостоятельной номинативной ценности единицы наименования. Такие наименования содержат в сигнификате все те сведения, которые необходимы для правильного сопоставления имени и обозначаемого фрагмента действительности. Слово *молния*, например, может обозначать известное физическое явление, особого рода застежку или сверхсрочную телеграмму, а при выборе таких наименований требуется только знание того, о чем идет речь; равным образом, глаголы *проходить* или *приходить* способны обозначать протекание во времени, поэтому их выбор ес-

тествен, если речь идет о наступлении или прекращении событий, мыслимых во временном развитии (*Весна прошла; Пришла любовь; Боль не проходит* и т. д.). Но если сигнификат некоторого наименования характеризуется направленностью на обозначаемый компонент действительности только при совместной реализации с другой, строго определенной номинативной единицей (или рядом единиц), то это свидетельствует о не самостоятельной номинативной ценности такого наименования, а тем самым — о косвенном способе соотнесения смысла (сигнификата) имени с действительностью, когда при именовании в объекте выделяются только такие признаки, которые существенны для него относительно свойств некоторого другого определенного объекта (или ряда объектов), и при этом — свойств, уже закрепленных в другом наименовании. Поэтому для правильного соотнесения косвенного наименования с действительностью необходима опора на сигнификат другого наименования. Например, такие наименования, как *воля, мужество* или *сопротивление, натиск* содержат сведения о непреклонности, твердости поведения их агентов, отсюда — и выбор названия *сломить* для обозначения «уничтожения» этих свойств кем-то со стороны; чтобы назвать такого же рода воздействие на авторитет или влияние некоторого лица, избирается глагол *подорвать* (ср. также *разбить любовь, дружбу, развеять мечты, сомнения* и т. д.); для названия агента-возбудителя такого события, как война, выбор падает на слово *поджигатели* (ср. * *поджигатели сражения*); для обозначения фиктивного возбудителя чувства сомнения, точащего душу, выбор пал на слово *червь* и т. п. (здесь и в дальнейшем «звездочкой» отмечаются ненормативные или невозможные в данном языке сочетания).

То, что существует глубокое различие между вторичными наименованиями по характеру их номинативной ценности, — факт давно известный¹²⁹. И тем не менее приро-

¹²⁹ Результаты вторичной номинации, рассматриваемые в плане переноса значений слов, издавна изучались в связи с закономерностями исторического развития значений, а также в этимологических штудиях. Достаточно хорошо описаны такие значения п с точки зрения их лексико-семантической организации (см., в частности, работы советских лингвистов — В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева, Ю. Д. Апресяна и др.).

да этих различий еще недостаточно исследована. При этом наиболее загадочным феноменом номинативной деятельности остается косвенная номинация, поэтому ей и будет уделено далее основное внимание¹³⁰.

Способы косвенной номинации, служа одним из универсальных средств для образования новых единиц языка, широко используются и в словообразовании, обнаруживая здесь ряд специфических особенностей (что уже отмечалось выше). Но еще более специфичны и разнообразны приемы косвенной номинации в лексической сфере. Проявления косвенной номинации обнаруживаются у большинства значений многозначных слов: их отличает «замкнутость в строго определенные фразеологические контексты» или закреплённость «за строго определенной функцией в составе предложения»¹³¹. Менее очевидный, хотя и не менее существенный показатель номинативной опосредованности таких значений — «перерыв постепенности» в их семантической преемственности, наличие своего рода «качественного скачка» в закономерностях переосмысления, основанных в большинстве случаев на «возбуждении» коннотативных признаков¹³².

Такого же рода «скачкообразное» переосмысление значений присуще и лексическим компонентам идиом. Само идиомообразование — это процесс, в известном смысле обратный образованию новых значений у слов: он тяготеет скорее к явлению опрощения, чем к собственно лексической номинации. И тем не менее лексические компоненты идиом можно рассматривать как особый вид косвенных наименований, поскольку они разделяют характерный признак последних — соотносённость с действительностью

¹³⁰ Описанию типов косвенной номинации посвящена специальная глава во втором томе настоящего издания, здесь же ставится задача охарактеризовать специфические особенности косвенной номинации и ее отличие от непрямой (об особенностях последней см. также стр. 15—16).

¹³¹ См. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова, стр. 12—26.

¹³² Под коннотативными признаками смыслового (сигнификативного) содержания здесь понимаются те «сопризнаки», которые отражают предметно-понятийные свойства обозначаемого внеязыкового объекта, избыточные для его отождествления как такового, но входящие в «фоновое знание» говорящих на данном языке. Коннотативные признаки соотносимы с ассоциативными «семами», которые способны при определенных условиях актуализации выполнять дифференцирующую роль.

совместно с другим наименованием. Но мотивированность идиоматических значений слов и сочетаний в целом «опричинена», как правило, чем-то вне их «собственного» лексического значения. Ср., например, идиомы, переосмысленные на основе смежности некоторой внеязыковой ситуации и связанного с ней «обычного» восприятия времени, — *до петухов, на заре* и т. п., или же идиомы, мотивированные некоторым текстом, к которым можно отнести и так называемые эллинизмы, библиизмы и т. п. (типа *демянова уха, принцесса на горошине, ахиллесова пята, гроб повапленный* и др.)¹³³. «Сверхсловный» характер переосмысления обнаруживают идиомы иконического типа, обозначающие в «прямом» значении паралингвистические способы коммуникации: *махнуть рукой, на большой палец*, ср. англ. *to wave a hand* ‘махнуть рукой’, *to shrug one’s shoulders* ‘пожимать плечами’, *to rub one’s hands* ‘потирать руки’ и т. д. Именно в силу такого «случайного» характера переосмысления идиоматические значения слов предстают как предел полисемии¹³⁴.

Гетерогенность косвенных наименований — объективная причина того, что явление косвенной номинации остается наименее изученной областью номинативной деятельности. Другая причина такого состояния кроется, по нашему мнению, в том, что косвенные наименования исследовались, как уже отмечалось, по преимуществу в результативном их аспекте. Достаточно отметить, например, что в уже упомянувшейся работе В. В. Виноградова, где определение основных типов лексических значений строится на двух основаниях — наличии / отсутствии непосредственной направленности их на действительность и свободе / связанности сочетаемости, выделение лексических значений, не обладающих самостоятельной номинативной функцией, осуществлено скорее на сочетаемостных свойствах таких значений, чем на определении характера их номинативной ценности (ср. в этой связи скачок и в самом терминологическом ряду: «прямые» но-

¹³³ См. описание таких процессов в трудах М. М. Покровского и А. А. Потебни (*М. М. Покровский. Соображения по поводу изменения значений слов. «Избранные работы по языкознанию». М., 1959, стр. 36—60; А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894 и др.*).

¹³⁴ *О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 171.*

минативные и «номинативно-производные» значения и значения «фразеологически связанные» и «предикативно-характеризующие»¹³⁵.

В историко-этимологических и структурно-классификационных аспектах описания косвенной номинации отражается лишь одна из проекций этого языкового феномена — структурно-семантический результат процесса именованя. Однако по самой своей природе номинация — это такое же фундаментальное и многомерное языковое явление, как и коммуникативная сфера языка¹³⁶. Постулат об отсутствии самостоятельной номинативной функции у синтагматически закрепленных словесных значений не снимает задачи содержательного определения и описания способов их соотнесения с действительностью. Столь же необходимым является и изучение организующей роли в процессах косвенной номинации самих языковых форм¹³⁷, вторично используемых в роли называния.

¹³⁵ См. В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 12, 16, 24. — Уместно заметить, что во фразеологии, предметом которой является исследование «строго определенных фразеологических контекстов» — фразеологических единиц языка, не предпринималось специального исследования «фразообразующих» словесных значений в их номинативном аспекте, хотя постулат об их номинативной несамостоятельности является одним из основных положений фразеологии.

¹³⁶ Как отмечает М. В. Никитин, «уровень номинаторов — наименьший уровень, на котором снимается противопоставление собственно языка (*langue*) и речи (*parole*) и совершается переход в речевую деятельность (*language*, язык в широком смысле)» (М. В. Никитин. К таксономии языковых единиц. «Проблемы общей и романо-германской семаологии». Владимир, 1973, стр. 87).

¹³⁷ Понятие «языковая форма» противопоставляется в нашем употреблении логико-понятийной форме отражения действительности: языковая форма понимается как значимая языковая сущность, наделенная информацией о некотором уже «спятом» и материализованном в ней отражении вязыкового объекта и несущая сигналы, причастные к формально-грамматическому, лексико-семантическому и семантико-синтаксическому членению языка (последнее отображает способность языковых форм как элементов синтаксической конструкции совмещаться со структурой события, обозначаемого в высказывании, см. об этом подробнее: Н. Д. Арутюнова. Синтаксис, стр. 286—287). Обращение к термину языковая форма диктуется тем обстоятельством, что при вторичной номинации в роли называния всегда выступает языковая сущность, пересмысляемая в процессе приспособления к новому для номинативному заданию.

Системно-языковая опричиненность феномена косвенной номинации заложена не только в асимметрии словесных знаков — она соотнобразуется и с тенденцией языковой экономии, избегающей при образовании новых наименований увеличения единиц плана выражения, что вызывает к жизни как непрямую номинацию, так и комбинаторные приемы переосмысления и именованя за счет рекурсивного функционирования уже имеющихся в наличии единиц словаря.

Языковая техника рекурсивно-комбинаторных способов наименования обеспечивается «гибкостью» самого языкового кода — его многоуровневой системой тождеств и различий элементов и правил их организации, с одной стороны, а с другой — взаимодействием номинативного (классифицирующего) и коммуникативного (синтезирующего) планов речевой деятельности, где функциональные тождества и различия преобладают над структурно-семантическими¹³⁸. В этом диалектическом противостоянии структурного и функционального аспектов языка и «разрешается» возможность косвенных приемов именованя — приспособление уже готовых языковых форм к выражению изначально несобственной для них номинативной функции при совместном с другой языковой формой обозначения «кусочков» действительности, а тем самым — и к воспроизведению сформировавшегося в этом процессе и принятого данным языковым коллективом значения в определенных коммуникативных условиях его реализации.

Чтобы определить специфику косвенной номинации и одновременно отграничить ее от непрямои номинации, целесообразно принять за отправную точку сопоставление структуры непрямои и косвеннои отношений именованя.

Вторичное использование языковых форм в роли названя всегда опосредовано и мотивировано их структурно-семантическими признаками (независимо от того, осознается ли эта мотивированность как живая или обнаруживается только в историко-этимологических срезах). Иными словами, в любом случае вторичнои номинации — непрямои или косвеннои — отношение именованя формируется во взаимосвязи четырех компонентов: «действи-

¹³⁸ См. Б. А. Серебрянников. К проблеме сущности языка, стр. 56—80.

тельность — понятийно-языковая форма ее отражения — предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы (выступающее в роли опосредующего звена) — языковая форма в ее вторичной функции названия». Поскольку отношение именованного призвано дать название вновь отражаемому внеязыковому объекту, то опосредующее звено «снимается» в новой предметно-понятийной связи. Часть информации, существенной для обозначаемого объекта, переносится во вновь формирующееся понятийно-языковое содержание языковой формы, при этом корректируются и ее категориально-грамматические сигналы.

Если языковая форма соотносится с обозначаемым внеязыковым объектом самостоятельно, автономно, то опосредование исчерпывается указанной выше номинативной производностью и непрямым характером обозначения действительности.

Если же языковая форма соотносится с обозначаемым объектом при соучастии другого наименования — косвенно, то сам процесс переосмысления и «снятия» протекает в таком случае при взаимодействии двух отношений именованного. Здесь в игру вступает понятийно-языковое содержание того наименования, которое служит как бы посредником между языковой формой, вторично используемой в роли названия, и объектом. Основанием для такого посредничества служит, как правило, тот факт, что вновь именуемый объект предметно-логически «связан» с тем компонентом действительности, который обозначен другим наименованием. Ср., например, пересечение денотативной отнесенности косвенного наименования с денотативной сферой другого наименования в таких сочетаниях, как *в п а с т ь в немилость* — 'потерять, утратить то, что обозначено в наименовании милость' или *в п а с т ь в ярость* 'быть в состоянии, обозначенном в наименовании ярость' (ср. *разъяриться*), и *н и т ь рассказа* — 'основная линия изложения' или *н и т и заговора* — 'связи, установленные между участниками заговора' и т. п.

Уже из отмеченных различий в способах соотношения имени и действительности становится очевидным, что косвенная номинация — это качественно отличный от непрямого номинации способ именованного, при котором (в самом общем случае) связь между действительностью и

названием всегда опосредуется другим отношением именованья, воздействие которого на формирование косвенного наименования осуществляется в самом процессе симбиоза¹³⁹.

Подобная опосредованная связь внеязыковых объектов и названия приводит к образованию предметно-понятийного симбиоза двух отношений именованья, при котором взаимодействуют уже не четыре, а пять компонентов: «действительность — понятийно-языковое ее отражение — сигнификат опосредующего, опорного наименования — предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы — языковая форма во вторичной функции названья».

Такое «глубинное» взаимодействие двух (или более) «разноименных» отношений называния в процессе косвенной номинации предопределяет характерные проявления косвенных наименований, что вызывает необходимость во введении особого понятия, отражающего это специфическое языковое явление. Для этой цели можно воспользоваться (за неимением лучшего) термином *н о м и н а т и в н ы й к о н т е к с т*, поскольку этот термин соответствует интуитивному представлению о формировании наименований в определенном их взаимодействии¹⁴⁰. Структура

¹³⁹ Ср. иное распределение терминов в гл. VI наст. издания. Поскольку при исследовании речевого аспекта именованья за исходное принимается ситуация, то выбор имени здесь всегда рассматривается относительно элементов обозначаемого в высказывании события. При таком подходе термин косвенная номинация выступает как родовой и рядоположный с термином непрямая номинация, отражая факт употребления языковых знаков в составе высказывания. При этом подходе существенным оказывается синтагматическая обусловленность выбора одного наименования окружения в зависимости от другого в процессе лексико-грамматической организации предложения (т. е. закономерности, отражающие семантно-синтаксический аспект выбора наименований). См. также: В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 373.

¹⁴⁰ Само понятие номинативного контекста восходит в нашем его понимании к введенному Г. Фреге понятию *indirekter Kontext*, призванному выделить класс «косвенно (*indirekt*) употребляемых имен», которые принимают значение истинности только в зависимости от истинности другого имени, входящего в данное составное имя (к последним Фреге относил и предложения). Несмотря на различие логического и лингвистического подходов к проблеме номинации, у Фреге содержится плодотворная и для языковой теории номинации мысль о том, что при косвенном употреблении имени его денотация функционально связана со

номинативного контекста может рассматриваться, в случае необходимости, на разных уровнях ее представления — на семантико-синтаксическом, лексико-семантическом и грамматическом.

Понятие номинативного контекста отражает специфическую, инвариантную особенность косвенной номинации — ее двухмерную опосредованность: опосредование по отношению к переосмысливаемой языковой форме, т. е. в деривационном ее аспекте, и опосредование относительно другого отношения именованного.

Совершенно естественно, что в зависимости от того, что обозначается при косвенной номинации — «вещный» или понятийный объект, какую цель преследует сам акт именованного, кроме «простого» называния, какие при этом преобладают мотивы переосмысления — внутриязыковые или внеязыковые, какой логико-синтаксический фундамент подводится под отношение между наименованиями и т. п., видоизменяется и структура номинативного контекста, ее механизмы, а тем самым — виды косвенных наименований. Все эти вопросы предполагается осветить в специальной главе, здесь же уместно отметить различие трех основных типов номинативного контекста.

«Ядерный» тип номинативного контекста характеризуется явно различными опорным и косвенным отношениями именованного (чему в лексико-семантическом аспекте рассмотрения косвенной номинации соответствует связанность одного из компонентов). Ср., например, обозначение свойства «носитель признака» в зависимости от обозначенного в опорном наименовании определенного качества, процесса или свойства — *раб (страстей, моды), хозяин (положения, слова), кладь (премудрости)* и т. д. или обозначение конечной фазы некоторого события в зависимости от «конкретных» его свойств, отраженных в понятийно-языковом содержании опорного наименования, — *терять (веру, надежду, терпение), поврать (отношения, знакомство), выходить из (положения, затруднения)* и др.¹⁴¹

смыслом другого имени (см. G. Frege. Über Sinn und Bedeutung. «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik». 1892, Bd. 100, стр. 28 и сл.; см. также Б. В. Бурюков. Теория смысла Готлоба Фреге. «Применение логики в науке и технике». М., 1960).

¹⁴¹ См. определение понятия «фразеологическая парадигма», введенного В. Г. Гаком (В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс. М., 1967, стр. 490).

В отличие от этих ядерных типов косвенных наименований (которые в основном и будут привлекаться в данной работе), номинативный контекст, в «пространстве» которого формируются конструктивно-закрепленные наименования, типа *осел, дубина, отрава*, имеет более сложную структуру: он включает в себя пропозитивную схему предложения, поскольку здесь опорное наименование представлено в субъекте высказывания (ср. **Ворона <разиня> пропустила такси, но Эта ворона <разиня> пропустила такси; Он — настоящее бревно <тупица> и Терпеть не могу тупиц, но *Терпеть не могу бревен*). Эти примеры показывают, что такие косвенные наименования не могут употребляться в несобственных для них позициях без специальных средств актуализации. Пропозитивная основа номинативного контекста характерна, впрочем, и для таких косвенных наименований, как *тяжелы (переживания, страдания), старый (знакомый, друг)* и т. п., у которых за структурой словосочетания скрыто наречно-предикативное отношение (ср. *Их близкое знакомство ⇔ Они близко знакомы; Сн мой старый знакомый ⇔ Мы с ним давно знакомы*).

Номинативный контекст несколькословных косвенных наименований — идиом предстает в нерасчлененном варианте, поскольку, несмотря на «разноименность», здесь имеет место «сращение» двух (или более) отношений именованного в одно.

Необходимость выявления речемыслительных закономерностей непрямо́й и косвенной номинации выдвигает задачи изучения этих процессов с учетом понятийных форм отражения действительности, лежащих в основе вторичного именованного. Этот аспект номинации — наиболее сложный и неисследованный компонент теории языковой номинации вообще, поскольку в отражательной деятельности человека скрыто разыгрываются сложнейшие речетворческие процессы. И тем не менее представляется необходимым хотя бы в самых общих чертах остановиться на этом аспекте вторичной номинации.

Как уже отмечалось в другой связи, при вторичной номинации «образ» (в гносеологическом смысле) отражаемого внеязыкового объекта всегда опосредован сигнификатом языковой формы, используемой в роли имени. Поскольку словесные знаки, являясь носителем обобщенного отражения действительности, органически соединяются с со-

ответствующими понятиями или отдельными их признаками»¹⁴², то и вновь отражаемые при их посредстве элементы действительности отображаются на основе прежде познанных их свойств, уже облеченных в понятийно-языковую форму некоторого знакового выражения. Возможность такого опосредованного отражения действительности кроется в способности словесных знаков хранить и передавать понятийное содержание, исторически закрепляющееся за данным словом в виде его лексического значения, удовлетворяя отражательно-классификационным и мыслительно-коммуникативным процессам во всех сферах человеческой деятельности, — с одной стороны, а с другой — в свойстве понятий переходить друг в друга и проникать одно в другое, отображая все новые свойства, связи и отношения познаваемой человеком действительности. Человеческие понятия, как отмечал В. И. Ленин, комментируя мысль Гегеля об активности и самодвижении понятий, «сами по себе суть некоторый переход», они «вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»¹⁴³.

Способность человеческого сознания отражать новые данные практического или мыслительно-абстрагированного освоения действительности на базе уже отраженных в понятийной форме прежде познанных свойств объектов заложена в самой форме понятия. Понятие как форма мысли есть суждение в своей основе: в ней всегда содержится утверждение относительно некоторых свойств объекта — «неопределенного X», что отмечал еще М. И. Каринский¹⁴⁴. При этом ядром понятия является утверждение о безотносительно существующих признаках отражаемого объекта — предмета или явления, существенных для них безотносительно к тому, в какой связи или с какой точки зрения рассматриваются эти объекты. Помимо таких признаков, в содержание понятия входят относительно существующие признаки — существенные для объекта в той или

¹⁴² А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков, стр. 11.

¹⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207, 226—227.

¹⁴⁴ См. Е. К. Войшвилло. Понятие. М., 1967, стр. 103—160 (здесь же приводится обзор литературы по данному вопросу); М. И. Каринский. Классификация выводов. «Избранные труды русских логиков XIX в.». М., 1956, стр. 61—62.

пной его связи или в том или другом логико-предметном его отношении. Эта релятивность понятий связана с самой «способностью» предметов проявлять себя определенным образом в определенных отношениях, а явления или процессы отражают в своем понятийном содержании такого рода «диспозициональные» валентности¹⁴⁵.

На этих свойствах понятия и основана способность человека давать одному объекту разные названия, рассматривая этот компонент действительности в разных его аспектах или логико-предметных отношениях и отражая факты действительности в тех или иных безотносительно или относительно существенных свойствах — с одной стороны, а с другой — давать одно имя разным объектам на основе некоторого сходства или подобия в их понятийном содержании, прибегая к актуализации в сигнификате языковой формы тех признаков, которые представляются именуемому субъекту существенными.

При непеременимом условии преемственности и развития понятий в процессах вторичного именованья здесь обнаруживаются различные способы формирования понятийно-языкового содержания языковых форм. Это различие связано, во-первых, с тем, какие признаки — безотносительно или относительно существенные — преобладают в процессе формирования понятийно-языковой формы отражения действительности, а во-вторых, оно зависит от самого характера относительного отображения компонентов внеязыкового ряда. Если формирование понятийно-языкового содержания нового наименования происходит на основе относительно существенных признаков объекта, то релевантным оказываются взаимодействуют ли при отображении именуемого компонента действительности понятийные формы отражения, или же отражение фрагмента действительности протекает под воздействием уже вычленившихся и закрепленных в сигнификатах языковых знаков в индивидуальных свойствах тех объектов, относительно которых отображается именуемый фрагмент

¹⁴⁵ См. *Е. К. Войшвилло*. Указ. соч., стр. 139—152. Диспозициональные свойства объектов в лингвистике иногда связывают с пресуппозитивными признаками значений слов — референтными или синтагматическими. См. подробнее: *Н. Д. Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике. «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXXII, № 1, 1973, стр. 84—89.

мира. В таких случаях «языковленного» отображения существенным является диапазон обобщаемости понятийно-языкового содержания наименований, относительно признаков которого вычленяется и формируется сигнификат нового наименования. Ср., например, такие релятивные наименования, как *начинать, ненавидеть, брат, кусок* и т. п., которые отражают в своих сигнификатах — соответственно — любое начинающееся действие, процесс или состояние; высшую степень неприязни к любому факту действительности и т. д. — с одной стороны, а с другой — такие релятивные наименования, как *завоевывать (право, влияние, любовь, симпатию)*, где также обозначается начальная фаза некоторого ряда событий или фактов, но далеко не всех, даже сходных, ср. **завоевывать воздействие, влюбленность, или дочь народа, но *дочь отечества* и т. п. От преобладания в этом взаимодействии тех или иных форм отражения действительности зависит и различие способов и видов вторичной номинации.

Если при отражении объекта относительно существенные признаки включаются в понятийное «ядро», то они начинают выполнять роль безотносительно существенных. Понятийно-языковое содержание таких вторичных наименований формируется за счет «собственных» ресурсов сигнификата переосмысливаемой языковой формы, независимо от того, какие его признаки входят в состав нового понятийно-языкового содержания, а какие — перемещаются в фонд относительно существенных (ср., например: *лес* — ‘большая площадь земли, заросшая деревьями’ и собир. ‘срубленные деревья как строительный материал’, где в ядро вторичного, непрямого наименования входят признаки ‘как строительный материал’, относительно существенные для прямого значения). В таких случаях новое сигнификативное содержание «само по себе» имплицитирует свои логико-предметные связи, что выражается в свободной сочетаемости номинативно-производных значений слов.

Свобода сочетаемости обнаруживается и в тех случаях, когда в основе понятийного отражения фрагментов действительности преобладают свойства, существенные относительно целого класса других объектов. Такие отвлеченно-абстрагированные признаки входят в ядро сигнификативного содержания нового наименования и имплицитируют его связи с точностью до отраженного класса

объектов, независимо от средств знаковой репрезентации последних. Ср., например: *престарелый* — о возрасте человека, *идти* — о протекании во времени событийных объектов типа *день, жизнь, сражение* и т. п. или *дружить* — об отношениях между государствами, социальными коллективами, где перенос значения осуществлен на основе переосмысления предшествующего значения относительно свойств участников события и характера их акций.

Чем менее подлежат отвлеченно-абстрагированному обобщению признаки объектов, относительно которых отражены свойства вновь обозначаемого фрагмента действительности (предмета, процесса, качества, состояния), тем бóльшую зависимость обнаруживает его понятийно-языковое содержание от средств знаковой репрезентации этих объектов. Опосредованное таким образом сигнификативное содержание новых наименований нуждается для его соотнесения с обозначаемой действительностью в тех лексических партнерах, относительно признаков смыслового содержания которых оно сформировалось. Нельзя не заметить, что в таких случаях сигнификативное содержание вторичного наименования способно обозначать свой объект через соотнесенность с понятийно-языковым содержанием другого слова. Если такого рода признаки связаны с референтными пресуппозициями, то ограниченная сочетаемость вторичных наименований еще регулируется природой самого обозначаемого объекта. Например: о трамвае, машине, моторной лодке можно сказать *идет*, ср., однако **Идет велосипед, мотоцикл, телега*. Здесь, видимо, имеет значение тот факт, что в самом обозначаемом действии выделены признаки, существенные относительно тех видов средств передвижения, которые имеют устойчивое основание и двигатель. Отраженный в таких референтных подробностях способ передвижения и лег в основу сигнификативного содержания вторичного наименования (во всяком случае для такого предположения имеются основания). Об осадках можно сказать *выпадают* — в этом наименовании отражен результативный аспект нерасчлененных событий типа *дождь, снег, роса*, а для обозначения бытия во времени используется наименование *идти* — о дожде, снеге, так как они перемещаются, выпадая из тучи, а роса *падает*, не перемещаясь, поэтому и не говорят **Идет роса*.

Совершенно иной характер формирования понятийно-языкового содержания обнаруживается в таких наименованиях, как *идти* — ‘поступать к.-н. образом или быть готовым к к.-н. действиям’ (ср. *идти на уступки, на риск* и т. п., но **идти на подвиг, на побряжки*) или *дружить* в том значении, которое реализуется в сочетаниях типа *дружить с песней, с физкультурой, с бутылкой*, обозначая класс событий, характеризующихся тем, что субъект действия охотно прибегает к определенным акциям (пению, занятиям физкультурой, вышивке и др.) и получает (как он считает) пользу от этих акций, что вызывает у него эмоциональное удовлетворение¹⁴⁶. Формирование этого сигнификативного содержания глагола осуществляется под воздействием признаков, входящих в понятийное содержание наименований *физкультура* и т. п. Вполне естественно, что при неопределенности признаков ‘получать пользу’ и ‘эмоциональное удовлетворение’, осложняемых к тому же внесением субъективной оценки, сигнификативное содержание этого наименования достаточно диффузно, что характерно для многих наименований подобного рода¹⁴⁷. Это значение неустойчиво и относительно лексических связей в силу расплывчатости понятийно-языковой общности сочетающихся слов, хотя совершенно очевидно, что в этом случае имеет место смысловая связанность наименования *дружить* (ср. *друг леса, но дружить с лесом* и **дружить с чтением* и т. п.).

В случаях, подобных приведенным выше, и проходит та грань, которая отличает непосредственную направленность лексических значений на действительность от косвенной (и которая проявляется в «скачкообразной» преемственности нового и предшествующего лексических значений). В самом деле, если обозначение некоторого фрагмента действительности может опосредствоваться не только предшествующим значением языковой формы, но и зависеть от отражения свойств другого объекта, то, подобно этому, именование может быть опосредовано как по линии развития понятия на базе одного и того же сло-

¹⁴⁶ См. «Материалы к Толково-комбинаторному словарю русского языка. Предварительные публикации». М., 1976.

¹⁴⁷ Д. Н. Шмелев считает, что «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 95).

ва, так и по линии воздействия на формирование нового понятия некоторых признаков, уже отраженных в понятийно-языковом содержании другого языкового знака, относительно которых и обозначается внеязыковой объект.

Вполне естественно, что при таком способе отражения и именовании в основу переосмысления языковых форм ложатся семантические признаки, поскольку здесь в игру вступают дистинкции, связанные с семантическим членением взаимодействующих в процессе наименования языковых форм. В этих случаях в значении переосмысливаемой языковой формы актуализируются те свойства, которые оказываются существенными (или отсутствующими) относительно понятийно-языкового содержания другого, опорного слова (или ряда слов). Но сам выбор языковой формы, призванной обозначить вновь отражаемое внеязыковое содержание, зависит от способности ее предшествующего значения семантически согласоваться с понятийно-языковым содержанием того словесного знака, относительно признаков которого и выделены свойства именуемого объекта. Ср. выбор языковой формы *завязывать* для обозначения начальной фазы действия или процесса относительно признака 'иметь контакт', присущего сигнификативному содержанию слов *разговор, беседа; знакомство, дружба; драка, перестрелка* и т. п., чему соответствует пресуппозитивный семантический признак глагола *завязывать* — 'связуемое'; ср. также выбор языковых форм *воз, короб* для обозначения большого количества дискретных речевых актов — *воз, короб новостей, рассказов, анекдотов* и др. или выбор языковых форм *железная, твердая* для обозначения высшей степени проявления воли, решимости относительно признака 'неуклонное следование намеченному пути к цели'; выбор языковой формы *сорить* для обозначения незначительной, безразборчивой траты денег и т. д.

Таким образом, в отражательном исходе косвенной номинации лежат те признаки отображаемых фрагментов действительности, которые рассматриваются как существенные для них относительно понятийно-языкового отражения действительности в других словесных знаках, которые и играют с е м и о л о г и ч е с к и р а з р е ш а ю щ у ю роль в этих процессах именовании.

Если при непрямой номинации наблюдается преемственность значений языковых форм в рамках одноименных

«семиологических треугольников», то при косвенной номинации процесс переосмысления протекает при взаимодействии по крайней мере двух отношений именованного (двух их «треугольников»). При этом в самом проектировании коммуникативной перспективы высказывания выбор опорного наименования предшествует выбору косвенного: от выбора наименования *разговор* в высказывании, где предполагается сообщить о начале этого «речедействия» некоторым агентом, зависит выбор глаголов *начинать*, *заводить*, *завязывать*, а от выбора *беседа* — реализация глаголов *начинать* или *заводить*; от выбора наименования *рассказ* зависит выбор слова *нить* для обозначения непрерывной сюжетной линии, а наименования *роман*, *повесть* или *очерк* такого выбора не задают и т. п. Трудно представить, чтобы говорящие обозначали начало прежде действия или выбирали определение до выбора его определяемого и т. д.

Акт косвенной номинации всегда протекает «по инициативе» номинативно опорной формы и в номинативной (т. е. обобщающе-классифицирующей) деятельности языка, о чем свидетельствует не речевой, а языковой характер таких значений и сами закономерности формирования косвенно-номинативных значений. Приведем еще примеры: в сочетаниях *братъ под защиту* или *зло берет* фрагменты действительности, обозначаемые языковой формой *братъ*, — элементы событий, обозначаемых смысловым содержанием слов *под защиту* и *зло*. В первом случае обозначается действие субъекта события *защита* (он же — субъект глагола *братъ*), распространяемое на второго участника этого события (при этом семантико-синтаксическое значение конструкции также вносит свой вклад в обозначаемое, ср. другой «расклад» участников в сочетании *нуждаться в защите*). Во втором случае (*зло берет*) обозначаемое — интерсубъектное состояние лица, где *берет* обозначает инактивность этого чувства-состояния (ср. также различие в обозначаемых наименования *братъ* в сочетаниях — *братъ уроки*, *братъ в долг* или *братъ на себя обязательство*). При взаимодействии двух «семиологических треугольников» отношения именованного формируются косвенно-производные значения и таких слов, как *голос* (*народа масс*), *зерно* (*истины*), или *черная* (*зависть*, *неблагодарность*), *мертвое* (*молчание*, *тишина*) и т. п.

+

Принципиально иной вид отношения семиологически опорного слова и переосмысляемой языковой формы характерен для формирования косвенных наименований типа *зеленый (чай)*, *коробка (скоростей)*, *шагающий (экскаватор)* и т. п. В данных примерах вновь обозначаемая реалья имеет «вещное» сходство с той реальей, которая отражена в предшествующем значении переосмысляемой языковой формы. Вторичное именование мотивируется в таких случаях «природой вещей», а понятийной базой для именованя выступает понятие с выделенным видовым признаком, что обуславливает соотношенность всего номинативного контекста с одной «вещью», а косвенное наименование обозначает какой-либо ее субстанционный признак.

Специфичность характера косвенного именованя предопределяет неспособность косвенно-номинативных значений слов отражать обозначаемые внеязыковые объекты как автономно существующие в пространстве и времени. Отсюда — не самостоятельность номинативной функции таких словесных знаков и их соотношение с действительностью только в рамках определенного номинативного контекста. Следствием этой специфичности является связанность значений, сформировавшихся в процессе косвенной номинации, а также неспособность служить «доминантой» синонимического ряда или выступать в качестве базы для отражения новых объектов, что характеризует такие значения как гносеологически пассивные. Однако, наряду с этим, косвенно-номинативные значения достаточно активно включаются в языковые связи по аналогии, не только расширяя круг «опричинивших» их формирование слов, но и вступая вместе с ними в новые синонимические (или вариантные — применительно к идиомам) связи.

Семиологически разрешающая роль словесных знаков проявляется и в особенностях переосмысления значений языковых форм в процессе их приспособления к новому номинативному заданию. При таком переосмыслении объективность понятийного содержания непреложно воплощается в объеме значения (т. е. в соотношенности понятийно-языкового содержания с классом обозначаемых объектов). Субъективное начало в формировании понятийно-языкового содержания, связанное с познающим субъектом, выражается в мотивах выбора дан-

ного словесного знака для названия вновь познаваемого и «извлечения» из предшествующего значения языковой формы тех или иных признаков. Сам мотив выбора не исключает «отлета фантазии» именуемого и той существенной роли, которую играют в этом выборе культурно-исторические и социальные предпосылки, а также прагматические факторы¹⁴⁸. При этом роль субъективного фактора уравнивается объективностью переосмысливаемых языковых значений и значений опорных наименований, а также правилами сочетаемости этих слов и нормами употребления, суживающимися до узуса в меру «принятия» косвенных наименований членами языкового коллектива.

При косвенной номинации поводом для выбора и переосмысления языковых форм может служить смежность в самих внеязыковых объектах, и тогда объемы понятий вновь именуемого объекта и уже отраженного в предшествующем значении языковой формы совпадают в каких-то частях. В таких случаях имеет место метонимия. Другой, наиболее характерный для косвенной номинации, способ переосмысления основан на метафорических переносах. Метафора — это утверждение о признаках объекта, выделенных именуемым в значении переосмысливаемой языковой формы на основе аналогии¹⁴⁹.

Особенности метафоры как способа переосмысления значений слов были определены еще Аристотелем. Метафора, по Аристотелю, подобна загадке, сущность которой состоит в том, чтобы, «говоря о действительном, соединять с ним невозможное», подмечая сходство или по аналогии, а ясность метафоры достигается за счет удачного совмещения двух понятий: метафора как способ «сказать новое» должна содержать утверждение о равенстве двух понятий¹⁵⁰. Именно в этом, видимо, и заключается тво-

¹⁴⁸ См. Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, стр. 67—89.

¹⁴⁹ См. в этой связи мысль, высказанную Ю. С. Степановым, о том, что вторичные аппараты всех трех «элементарных» функций языка — номинации, предикации и локации — «развиваются на основе различных типов метафоры» (Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 252—253).

¹⁵⁰ Аристотель. Поэтика. «Античные теории языка и стиля». М.—Л., 1936, стр. 174—187. Следует отметить, что проблема метафоры обычно связывается в лексикологии с историческими

рящая н о в о е сила метафоры — в совмещении двух «величин», одна из которых — понятийное отражение фрагмента действительности, объем признаков которого вычленяется относительно свойств другого объекта, а вторая — значение переосмысливаемой языковой формы, взаимодействие которых и образует понятийно-языковое содержание нового наименования и сопутствующие ему коннотации¹⁵¹. Так, например, для обозначения центральной основной части события, обозначенного номинативно опорной языковой формой *программа (сезон)*, могут быть выбраны прямое наименование *центральный номер (программы)* или косвенное наименование *звездь (программы)*. В последнем случае обозначаемое становится богаче по содержанию: *звездь программы* — это не только центральный, основной, но и наиболее эффектный номер. Добавление признака осуществляется за счет коннотации свойства 'острый', отражаемого в обычном значении русского слова *звездь* (хотя само это сочетание — калька с французского). Происходит как бы наложение двух планов — классифицирующего, логико-понятийного в своей

закономерностям развития значений слов или выражений (см., например, работы А. А. Потебни, М. М. Покровского, Г. Пауля, В. В. Виноградова). Однако историко-семасиологические штудии не раскрывают того, как «делаются» и воспроизводятся языковые метафоры в реальном функционировании языка. Лингвистическое описание не может отказаться от исследования механизмов языковой метафоризации, если в ее задачи входит построение «активной грамматики» языка, о которой писал еще Л. В. Щерба. В интерпретативной версии трансформационной грамматики предложения, содержащие метафору, квалифицируются как аномалии, что не продвигает вперед решение проблемы метафоры (критический анализ этой концепции см.: I. Loewenberg. Identifying Metaphors. «Foundations of Language», v. 12, 1975, № 3).

¹⁵¹ М. Блэк, исследуя логико-языковую структуру метафоры в русле теории референции, выделил в качестве существенного признака метафоризации взаимодействие (interaction) понятийного содержания двух величин: «фокус» метафоры — это всегда утверждение о признаке, свойстве того, что обозначается за счет собственного названия. Так, назвать человека волком, отмечает Блэк, — это сделать утверждение о том, что он обладает признаками хищности или ненасытности и т. п. При этом такой «волк» денотирует и другую систему признаков, а именно — признаков того слова, вместо которого стоит переосмысливаемое — лицо, разумность и т. п. (M. Black. Models and metaphors. Studies in language and philosophy. Ithaca. — N. Y., 1962, стр. 39—41).

основе, и коннотативного, основанного в данном примере на референтных персуппозициях семантического содержания слова *воздь*. Все остальные признаки, не существенные для нового обозначаемого, погашаются. Ср. также переосмысление значений типа *раб (страстей)*, *червь (сомнения)*, а равным образом «пустые» метафоры типа *пелена (тумана)*, *узы (брака)* или стершиеся метафоры — *претворять в жизнь, кодекс морали, хозяин жизни* и т. п.

В подтверждение интерференции признаков обозначаемого объекта и значения переосмысляемого слова можно привести примеры распространения языковой метафоры в тексте, когда метафорическое переосмысление радирует и в соседние обозначаемые: *Имело место, господин Вебер, — согласился Самсонов, по т я н у в н и т о ч к у разговора к себе; Его не мучило разъедающе е у г р ы з е н и е совести, что бывало дома в пустые дни; И тогда притупленный укол стыда словно отрезвил его* (Ю. Бондарев. Берег).

Таким образом, метафоризация — это способ переосмысления на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысляемого слова, что отличает метафору от метонимии, где основа переосмысления заложена в смежности самих обозначаемых объектов — в их субстанциональных (вещных) признаках или в понятийных, если объект — абстрактно-отвлеченное понятие о свойствах, процессах и т. п. Метафора и метонимия — как основные способы переосмысления (если отвлечься от других видов тропов, соподчиненных этим основным)¹⁵² — не взаимно-исключают друг друга. Так, косвенные наименования, переосмысляемые на основе метонимии, обнаруживают, как правило, и метафорические сдвиги, если в понятийное отражение объекта «вносится» утверждение о несобственных его признаках (ср. обозначение хлеба из ржаной муки как *черного* или обозначение в англ. яз. копченой селедки как *красной* — *red herring*, а сырой — как *белой* — *white herring* и т. п.).

Нельзя не обратить внимания на то, что при непрямой номинации преобладают метонимические способы перено-

¹⁵² См. J. Pelc. Studies in functional logical semiotics of natural language (глава «Concept of metaphor»). The Hague — Paris, 1973, стр. 144—186.

са, а при косвенной — метафорические. Даже такие «метафорические» (как считает Д. Н. Шмелев) переносы, которые характерны для вторичного значения, например, слова *топить* 'губить'¹⁵³, обнаруживают в своей основе метонимию — здесь имеет место смежность действия и его возможного результата.

При косвенной номинации случайность выбора признака, что является законом языковой техники именования (см. стр. 155—158), отчасти устраняется, поскольку само понятийно-языковое содержание, относительно которого выделяются признаки вновь именуемого объекта, есть в то же самое время и «лексическое правило употребления слова», как писал Л. В. Щерба¹⁵⁴, регламентирующее закономерности выбора. Ср., например, выбор слов *железная* или *твердая* для обозначения признака непоколебимости воли или решимости, но намерение уже не мыслится как *железное*, а только как *твердое*, поскольку намерение — это скорее план действий, чем принятый путь к достижению цели. Осмысленность выбора данной языковой формы может быть утрачена в связи с тем, что первоначально сформировавшееся косвенное наименование включилось в силу аналогии в другие номинативные комплексы (ср. изначальное *нести крест* и *переносить страдания* или фразеологическую парадигму *давать слово, брать слово, сдерживать слово, нарушить слово* и т. п.). Возможна также и радиация языковых форм по синонимическим, предметно-тематическим и т. п. лексико-семантическим связям. Так, например, возникают варианты лексического состава идиом типа *камень <горе, бремя, тяжесть> упал с плеч*.

Случайность выбора признака при косвенной номинации может быть сопряжена с вмешательством прагматической интенции социального или сугубо-индивидуального характера, с влиянием культурно-исторических факторов, находящих отражение в коннотациях, присущих словам в данном конкретном языке, с развитием функционально-стилевых форм существования данного языка — его литературно обработанных и разговорно-обиходных стилей речи. Чем больше подобных оттенков отпечатывается в

¹⁵³ См. Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 231—233.

¹⁵⁴ Л. В. Щерба. Преподавание иностранного языка в средней школе, М.—Л., 1947, стр. 67.

процессе номинации, тем глубже упакован гносеологический образ реалии и тем менее такое наименование способно выполнять познавательно-абстрагирующую роль в отражательной деятельности человека.

Косвенные наименования отражают действительность, «пропуская» ее не только через систему тождеств и различий предшествующего значения переосмысливаемой языковой формы, но и отображая ее в формах синтаксических структур. Процессы переосмысления языковых форм закономерно связаны с процессом словесных знаков к выполнению того или иного коммуникативного задания — функции идентификации или предикации¹⁵⁵. В зависимости от того, к какого рода коммуникативному заданию приспособились косвенные наименования, и определяется тип их знакового значения. Формирование семантического содержания косвенных наименований зависит, следовательно, и от коммуникативно-функциональных условий, в которых свершается соотносительность языковой формы с обозначаемым определенным типом — с «вещными», событийными или абстрактно-отвлеченными объектами. Тяготению к одному из противоположных коммуникативных полюсов соответствует и распределение метонимического или метафорического способов переосмысления. Так, косвенные наименования, замещающие объект (типа *скорая помощь*, *стол справок*) или входящие в атрибутивные словосочетания типа *чайный гриб*, сохраняют денотативную соотносительность, а тем самым — способность идентифицировать «вещный» объект или его свойства; те косвенные наименования, которые приспособились к функции сообщаемого, разделяют свойства знаков-предикаторов или релятивных и функциональных имен лиц (ср. *дружить с песней*, *бутылкой*, *белая ворона*, *кровь с молоком* и т. п.).

Закономерности такого рода свидетельствуют о необходимости изучения процессов косвенной номинации с учетом той коммуникативной функции, которую косвенные наименования выполняют в составе высказывания и

¹⁵⁵ На связь семантического содержания словесных знаков, их коммуникативной функции и семиологических типов уже указывалось в литературе, см.: С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965; Н. Д. Арутюнова. Коммуникативная функция и значение слова; А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

которая оказывает прямое воздействие на формирование их номинативной функции. Все это обязывает связать проблему косвенной номинации с закономерностями формирования у косвенных наименований вторичных коммуникативных функций¹⁵⁶.

Таким образом, особенности косвенной номинации проявляются и в том, что переосмысленная языковая форма воспроизводится во вторичной для нее функции только при условии «монтажа» всего номинативного контекста на соответствующем логико-синтаксическом фундаменте и при воспроизведении коммуникативно-функциональных условий формирования косвенного наименования.

Отмеченные специфические признаки косвенной номинации — отличительная черта всех косвенных наименований. Процессы косвенной номинации протекают во взаимодействии целого ряда объективных факторов и сопутствующих им интенций именуемого субъекта, что и обуславливает различие видов косвенных наименований. На характер результата именованного оказывает прямое влияние структура самих обозначаемых объектов — их предметность или соотношенность с «понятийным рядом» — с отвлеченно-абстрагирующими результатами человеческого мышления. Здесь существенную роль играет соответствие обозначаемого отдельной «вещи» или «атомарному факту» (если воспользоваться выражением Л. Витгенштейна), т. е. вещи, отраженной в ее отношении к другим предметам, явлениям, процессам на временной оси. С этой внеязыковой соотношенностью корреспондирует и формирование коммуникативной функции наименований, которое связано также с типом знаковой функции опорных наименований, поскольку последние играют в процессе косвенного означивания семиологически разрешающую роль. С коммуникативно-функциональными условиями формирования знакового содержания взаимосвязаны и сами способы переосмысления языковых форм — опора на предметный или понятийный аспект предшествующего значения, а тем самым метонимический или метафорический характер переосмысления. К такого же рода факторам, влияющим на механизмы косвенной номинации и на ее

¹⁵⁶ См. Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл (логико-синтаксические проблемы); см. также главу «Номинация, референция, значение» настоящего издания.

семантические результаты, относится и целенаправленность именованья — то, ради чего создается в языке новое значение, — ради пополнения единиц словаря, недостающих в нем, или ради возмещения недостаточности в языке словообразовательных средств наименования, или для расширения вариантных средств, состоящих на службе множественности способов языкового выражения. Естественно, что пополнение словарного состава нейтральными наименованиями, удовлетворяющими познавательную (гносеологическую) функцию, сопровождается при именовании максимальным погашением коннотативных признаков, а пополнение экспрессивно-стилистических средств языка, удовлетворяющих прагматическим интенциям говорящих, протекает на основе квалификативно-оценочных способов отражения действительности. В зависимости от характера номинативного задания используются те или иные средства языкового кода. При этом грамматические — морфологические и синтаксические — значения не остаются пассивными, внося свои коррективы в языковое членение действительности, обозначаемой в процессе именованья. Все эти факторы в том или ином их взаимодействии и обуславливают сложность языковой техники косвенной номинации, многообразие ее способов.

Аппарат косвенной номинации — наиболее гибкий и универсальный инструмент номинативной деятельности, посредством которого человек может не только обозначать новые стороны или новые аспекты рассмотрения фрагментов действительности, но и выражать тонкие и мельчайшие их подробности. Всем этим и объясняется активность косвенной номинации в языке и закономерное ее сосуществование наряду с непрямой номинацией.

ЛИНГВО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Государственный университет

Анализ языка как организованной системы со строгой структурой не может замыкаться пределами только внутреннего строения языка, так как само предназначение языка есть репрезентация человеческого сознания, функционирующего как общественное явление и предполагающего поэтому непрерывный процесс обмена идеями, мыслями, осуществляемого с помощью языка. В этом отношении осуществляется передача информации о реальных (материальных и духовных) событиях, шире — об объективном мире. Поэтому первостепенной и фундаментальной задачей анализа языка является рассмотрение его системных и структурных способностей передавать все богатство познавательного содержания мышления человека¹.

Раскрыть механизм отношения языка и мира, проанализировать всю строевую систему языка в его отношении к возможности передачи информации о внеязыковых явлениях — значит подойти к языку со стороны его основной и глобальной функции — выражения мышления в процессе коммуникации. Бесспорным является тот факт, что языковая коммуникация осуществляется с единственной целью — передать какую-либо информацию адресату. Реальное существование языка — это бесконечный процесс вербальной коммуникации людей, что делает язык необходимым атрибутом человеческого общества, накапливающего и передающего от поколения к поколению знания и опыт. Очевидно, что языковой механизм должен обладать такой внутренней струк-

¹ «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970 (особенно раздел «Специфические особенности коммуникативной знаковой системы», стр. 56—84).

турой, которая бы позволяла осуществлять содержательную коммуникацию. Именно информативная направленность коммуникации и дает основание современным исследователям языка анализировать его содержательную сторону, связанную с передачей информации от отправителя к получателю². В связи с этим обращает на себя внимание настойчиво выражаемое в лингвистической литературе мнение, что «язык по своей природе есть прежде всего средство коммуникации, а не замкнутая в себе структура»³.

Коммуникативная сущность языка должна быть главной целью лингвистических исследований, предполагающей, естественно, поэтапное, поуровневое, а равно и обособленное изучение в статике и в динамике отдельных аспектов и единиц языка.

Можно согласиться с тем, «что любая попытка рассматривать язык обособленно от его коммуникативной функции, обречена на неудачу»⁴. Явление номинации не составляет исключения.

При такой постановке вопроса безусловно полезно комплексное изучение семантики языка с разных точек зрения, например, с лингвистической и с логической, однако, необходимо помнить, что в конечном итоге любая информация восходит к естественному языку как первоисточнику выражения мыслительной деятельности человека. Поэтому в настоящее время вполне закономерным является заметное расширение фронта семантических исследований, проводимых отдельно в каждой из наук (логическая семантика, лингвистическая семантика), или совместно в работах лингвистов и логиков, обратившихся к естественному языку как исходному материалу для проверки логики повседневного мышления человека⁵.

В настоящее время можно считать общепризнанным для лингвистики, что структурная организация языка не

² Из последних работ по вопросу о языке как коде для передачи информации см.: *P. Beckmann. The structure of language — a new approach. Colorado, 1972.*

³ *J. W. Oller. Coding information in natural languages. The Hague — Paris, 1971, стр. 23.*

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ См.: *Л. Тондл. Проблемы семантики. М., 1975, стр. 8—9, а также: Г. А. Брутян. Уровни абстрагирования и язык как критерий определения статуса логических наук.— ВЯ, 1975, № 4; В. С. Библер. Мышление как творчество. М., 1975.*

может быть адекватно описана только как внутренняя организация без ее отношения к тем фактам и событиям, которые становятся предметом словесного оформления в процессе коммуникации⁶. Эта информативная сторона языка есть его семантическая область в самом широком смысле, а каждое конкретное содержательное наполнение языковых единиц есть та сфера, которая обеспечивает выполнение языком его первейшей функции — быть средством выражения мышления.

✓ Содержательное наполнение языковых форм — это прежде всего их соотнесение с тем явлением, которое детерминирует предметное значение единицы. Первая ступень этого соотношения может быть определена как н о м и н а ц и я, т. е. как отношение языковых единиц к неязыковым фактам, ситуациям и реалиям.

Номинация есть закрепление за языковым знаком понятия — сигнификата, отражающего определенные признаки денотата — свойства, качества и отношения — предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации.

В связи с тем, что каждый реальный предмет обладает определенным набором конкретных свойств, их фиксация в результате познавательного акта может быть двоякого рода: или как обозначение предмета через класс, т. е. через указание родового признака, а следовательно, закрепление его наиболее общего абстрактного свойства, или как обозначение по одному из свойств непосредственно самого конкретного предмета.

✓ Абстрагирующая сущность познания заключается в том, что оно схватывает диалектику единичного и всеобщего, присущую каждому реальному объекту и, соответственно, закрепляет ее в словесном выражении через наименование предмета как представителя определенного

⁶ Отказ от чисто формализованного представления структуры языка характерен для современного языкознания: «Если рассматривать язык как коммуникацию, то совершенно очевидно, что нельзя рассматривать языковые единицы независимо от их значения или их значения независимо от их отношения к внеязыковым факторам» (J. W. Oller. Über die Beziehung zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik. Kritische Information. J. Schmidt, Hrsg. Pragmatik I. Interdisziplinäre Beiträge zur Erforschung der sprachlichen Kommunikation. München, 1974, стр. 144.

класса и как предмета, имеющего свои дифференциальные признаки внутри этого класса. Поэтому всегда необходимо в содержательной стороне слова, в его предметной соотнесенности отчленить признаки, которые охватывают широкое значение, от признаков в пределах первичного обобщения.

В случае фиксации признаков единичного явления словом необходимо отличать его родовую общность как опосредованную ступень обобщения от видового специфического признака данного конкретного явления. Языковой знак одинаково адекватно фиксирует некоторое общее качество, даже если название отдельного предмета и происходит через указание на конкретные признаки.

Значение слова *дом* является обобщенным, позволяющим употреблять это слово для обозначения всевозможных строений типа «дом». Одновременно конкретизация этого значения через указание на собственные признаки отдельного дома также проходит через предписание в свою очередь общих признаков: «блочный дом», «высотный дом», «панельный дом» и т. д. Кроме того, в обобщенном значении слова *дом* содержится еще и признак вхождения его в класс других предметов (например, «сооружение»).

Сам объект именованья (например, слова *дом*), как и его определение — указание конкретных признаков («кирпичный», «блочный»; «дом моего брата»), — через родовой признак — «сооружение» получают словесное обозначение также благодаря признаку, который в свою очередь является абстрактным. Другими словами, по своей природе словесное обозначение всегда связано с общим, а не единичным значением языкового знака⁷. Каждый предмет, обладающий безграничным набором конкретных признаков, может быть конкретно поименован через перечисление собственных признаков. Диалектика перехода от единичного к общему и от общего к единичному реализуется не только в самом знаке, но и в комбинации этих знаков (слово, словосочетание, высказывание).

Именование предмета происходит путем указания на его признаки, поскольку и само материальное существо-

⁷ Об обобщающем содержании языкового знака см.: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка», стр. 51, 55, 106—110.

и

вание предмета есть одновременно проявление его свойств через взаимоотношение с другими предметами, и поэтому представление предмета путем указания на определенный его признак теоретически может рассматриваться как построение бесконечной цепочки высказываний, практически ограниченное только определенными целями коммуникативного акта. Вот почему с гносеологической точки зрения принципиально важно предусмотреть четкое различие предмета как всей совокупности его свойств — с одной стороны, и как отдельных свойств этого предмета, становящихся объектом словесного именованя (обозначения) — с другой.

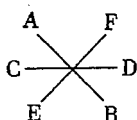
Познавательное мышление четко фиксирует дискретный характер существования предметов и явлений объективного мира, вследствие чего любой предмет предстает не как аморфный предмет вообще, а во всех своих конкретных качествах. Словесный знак закрепляет в сигнификате эти свойства и удерживает их в качестве отраженных элементов как дискретные значения. Эта дискретность значения слова создает различимость знаков по содержанию даже в пределах некоторой многозначности, ограниченной, тем не менее, определенными рамками общности компонентов сигнификата.

Денотат как объект обозначения или один из его признаков является исходным материальным фактором (в том смысле и при именовании явлений духовной, психической области человека) для образования соответствующего значения языковой единицы.

В снятом, отраженном виде «идеальный» денотат принадлежит понятийной стороне знака, и эта соотнесенность объективного и идеального денотата может быть выражена корреляцией «денотат — сигнификат», при этом в сигнификате сохраняется прямая гносеологическая связь с объективным признаком предметов и явлений — с реальным денотатом.

Предмет на второй ступени обобщения (род) может быть непосредственно элементом называния, именованя, а конкретный признак предмета может быть затем экстраполирован на сам предмет вообще. В этом случае всегда целесообразно сначала отделить тот объект, на который направлено познание, признак, становящийся представителем этого объекта, и, следовательно — предметом понятийного и словесного закрепления.

Сошлемся на известную схему Г. Фреге:

В ней точка — нуль как объективно существующее родовое явление может быть описана в системе дифференциальных признаков как пересечение линий AB — CD или как CD — EF и т. д., но во всех этих случаях непосредственно сам объект предстает в своей словесно-семантической характеристике каждый раз через указание на его конкретный признак.

Когда Г. Фреге рассматривает равенства $2 + 5 = 7$ и $3 + 4 = 7$, то он еще раз обращает внимание на то, что равенство по правой части не соответствует фактически левой, так как предметные знаки 2, 5, 3 и 4, естественно, не совпадают: «эти выражения равны, но означают не то же самое»⁸. И далее: «Значение выражений — *отрезок A и B* и *отрезок B и C* одно и то же, но их смысл различен. Точно так же значение выражения «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» одно и то же, но смысл их различен»⁹.

Г. Фреге по существу подчеркивает то положение, что каждый предмет может быть обозначен в определенном высказывании конкретным набором его свойств, что, однако, не дает права уравнивать в словесных выражениях их значение как содержания языкового выражения только на основе отнесения этого значения к определенному объекту.

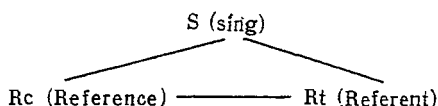
Планета Венера помимо всех свойств имеет также и те два разных качества, что она видима на горизонте и при заходе солнца, и при его восходе. Это — два разных качества самой планеты — быть видимой в двух точках движения земли, и эти два разных объективных свойства Венеры обозначаются в двух разных словесных выражениях, предметом которых (или по терминологии Фреге — значением) является та же самая планета, но взятая со стороны ее различных объективных свойств (по терминологии

⁸ G. Frege. Funktion, Begriff, Bedeutung. Göttingen, 1962, стр. 17.

⁹ Там же, стр. 39.

Фреге — с различным смыслом). «С помощью знака мы выражаем его смысл и обозначаем им его значение»¹⁰.

Языкознание и логика достаточно широко рассматривают этот вопрос, однако до сего времени существует большое разнообразие и многозначность терминологического порядка в обозначении указанных различий. В соответствии с известным треугольником Ч. Морриса

любая звуковая единица языка должна быть определена через свое отношение к неязыковому объекту. Однако такое представление требует четкого разграничения непосредственно самого предмета — объекта (референта) и тех его признаков, которые закреплены в обозначаемом знаке (понятии, референции).

Разграничение значения как чисто языкового фактора, относящегося к сфере идеального, и предмета, к которому относится это значение, особенно настойчиво проводится в концепции Е. Косериу, который требует от лингвистики резкого разделения значения и обозначения (*Bedeutung* — *Bezeichnung*). По мнению Косериу, различные языковые значения, зафиксированные в разной языковой форме (и несинонимичные), не могут уравниваться на основе внеязыковых факторов и поэтому подлежат тщательному анализу со стороны именно значения, а не свойств самого предмета¹¹. И далее: «Трансформации, принятые в трансформационной грамматике, основаны на смешении языкового и неязыкового факторов»¹². «Трансформации *ich schneide das Brot mit dem Messer* — *Ich schneide das Brot, indem ich dafür ein Messer benutze* — *Ich schneide das Brot, dabei verwende ich ein Messer*, по утверждениям

¹⁰ G. Frege. Указ. соч., стр. 44; см. по этой проблеме: Л. Тондл. Проблемы семантики (раздел 5 — «Смысл и денотация»), стр. 148 и сл.

¹¹ E. Coseriu. *Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik*. «Commentationes Societatis Linguisticae Europaeae, III. Sprachwissenschaft und Übersetzen. Symposium an der Universität Heidelberg». München, 1969, стр. 105.

¹² Там же, стр. 108.

представителей этого направления, соотносятся с одной и той же глубинной структурой. На самом же деле они имеют отношение к внеязыковым факторам, а в языковом плане совершенно неоправданны»¹³.

При таком подходе к рассмотрению проблемы языковой коммуникации было бы, видимо, наиболее логичным отчленить прежде всего ту сферу, которая существует независимо от языка и человека и которая составляет не языковой, а сам материальный мир. Для отдельных явлений этого мира достаточно точно могут употребляться такие обозначения, как «предмет» или «объект». Для тех же признаков этих объектов, выбираемых познающей деятельностью человека и актуализируемых затем в бесконечном процессе через языковой знак, уместно было бы обозначение термином «денотат», под которым следует понимать вневингвистический фактор, а именно объективный признак объективного предмета (процесса, явления), ставший предметом наименования.

Следовательно, д е н о т а т есть объективное свойство какого-либо предмета — объекта, а отражение этого свойства в мышлении, зафиксированное в языковой форме, есть с и г н и ф и к а т. Когда говорят о предметной соотношенности слова, о денотативном компоненте, то обычно диффузно представляют сам объективный признак предметов (денотат) и его понятийную форму (сигнификат). На самом деле это разграничение в словесных знаках весьма существенно и принципиально важно, так как помогает четко отличить значение языковых выражений от предмета, к которому оно отнесено, через указание только лишь на один из его признаков — денотат. Пресловутый пример: *Вальтер Скотт — автор Веверлея и Вальтер Скотт — великий английский писатель* — по своим сигнификатам явно различные выражения, так же, как и по своим денотатам, т. е. объективным признакам единой физической личности — Вальтера Скотта.

Зафиксированная в содержании словесного знака, эта объективная сторона предмета в качестве его мыслительного отражения может быть названа сигнификатом, выполняющим функцию того идеального момента содержания слова, которое дифференцирует и отличает по определенному признаку одно явление от другого (например,

¹³ Е. Coseriu. Указ. соч., стр. 109.

ходить, летать, плавать; стол, стул; дом, сарай). В значении слова в этом смысле и содержится идеальный денотат как отраженная форма материального. С и г н и ф и к а т, следовательно, может быть определен как единая область содержательной стороны знака, как идеальная сфера знака, внутри которой могут быть отграничены понятия более общие и более конкретные¹⁴. Сигнификат есть лингвистический термин, равный по своему объему логическому термину «понятие», поскольку предметно-гносеологическая направленность их совпадает¹⁵. Использование всех этих обозначений в современной литературе весьма разнообразно, и необходимо поэтому дать некоторые сведения о наполнении указанных терминов¹⁶.

В традиционном языкознании используются такие понятия, как предметная соотнесенность слова — значение, содержание, семантика слова — для идеального ряда; предмет, объект, событие, факт, ситуация, денотат, референт, обозначаемое и т. д. — для материального ряда.

Соответственно этим двум рядам можно упомянуть также термины «значение» и «смысл» Г. Фреге, «интенционал» и «экстенционал» Р. Карнапа; «значение» и «референция» Куайна; «сигнификат» и «денотат» А. Черча.

Для принципиального решения вопроса о номинативной структуре слова достаточно основного разграничения того идеального компонента, связанного со значением языковой единицы, материальным выражением которого является звуковая оболочка слова, и объективных предметов и явлений их признаков, которые отражаются мышлением человека и фиксируются в соответствующих логических формах, манифестируемых языковым знаком.

¹⁴ Ср. «... сигнификат (понятие, являющееся отражением существенных признаков единичного предмета или класса предметов)» (А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974, стр. 14).

¹⁵ Ср. «Специфическая, т. е. опосредствованная человеческим сознанием, связь означающего с означаемым, формы знака с его содержанием, может быть выражена по отношению к слову следующим образом: слово реализует понятие о предмете, им обозначенном» («Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка», стр. 103). См. также: В. З. Панфилов. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака. — ВЯ, № 3, 1973, стр. 27.

¹⁶ Достаточно компактное и содержательное изложение истории вопроса см. в главе «Соотношение имени и вещи» в работе: L. Lyons. An introduction to theoretical linguistics. Cambridge (England), 1968.

В этом плане можно согласиться с общим определением А. А. Уфимцевой, различающей именно эти две области, необходимые для адекватного анализа семантики языкового знака. Явления объективного ряда А. А. Уфимцева в целом обозначает термином денотат (в ее формулировке: «типовое представление предмета реальной действительности»), а понятийную сферу обозначает как сигнификат (в ее формулировке: «понятие, являющееся отражением существенных признаков единичного предмета или класса предметов»¹⁷).

Материальный денотат коррелирует с его отражением в значении слова (сигнификате), с идеальным как компонентом, создающим определенное отношение слова к именуемому предмету, вследствие чего поименованный признак (денотат) объекта становится различителем значения одного слова от другого. Так, совокупность денотативных признаков, закрепляемых в идеальной форме (в форме сигнификата) в слове *дом* — ‘сооружение для постоянного размещения людей’ (прямое значение), — вполне однозначно отграничивает его от значений слов *вокзал*, *фабрика* и т. д. При номинации не создается в значении слова какой-либо признак, не бытующий в самом предмете, а направленность познавательной деятельности при образовании и закреплении значения слова регулируется в конечном итоге уровнем знаний и характером материальной жизни коллектива. Выбор же звуковой формы слова (например *стол* — *стлать*, *table* — *tabula*, *Tisch* — *diskus* и т. д.) представляет интерес для истории языка. Но каждый конкретный выбор того или иного признака в качестве предмета именованного объекта никаким образом не затрагивает гносеологического отношения в ряду — «материальное — идеальное»; «денотат — сигнификат»; «материальный денотат — идеальный денотат».

Поименованное, обозначенное в языковой форме, есть факт, предмет, явление объективного мира. Отражение же обозначенного в идеальной сфере языкового знака образует его означаемое, равное сигнификату знака¹⁸.

¹⁷ А. А. Уфимцева. Указ. соч., стр. 14. — Необходимо, однако, заметить, что слова «типовое представление» из контекста можно понять как отражение реальных предметов, упорядоченных в своих группах по определенным общим признакам.

¹⁸ Ср.: «...денотат очерчивает предметную отнесенность номинативного словесного знака» (А. А. Уфимцева. Указ. соч., стр. 43,

Необходимо отметить, что определение знака как билатеральной единицы, состоящей из означающего (материальная сторона) и означаемого (идеальная сторона), далеко недостаточно для характеристики единиц естественного языка по той причине, что эта знаковая билатеральность в какой-то степени остается замкнутой в себе и не имеет выхода через идеальную сторону к реальным объектам. Такое понимание характерно для Ф. де Соссюра, рассматривавшего означаемое знака только как психическое явление. Понятие же в этом случае означаемого содержит ту двусмысленность, что зачастую под «означаемое» подводят сам предмет вместо того, чтобы ограничиться собственно понятийным содержанием знака. Если говорить об означаемом знака в его приложении к естественному языку, то необходимо считать эту идеальную сторону для всех знаковых единиц языка сигнификатом, т. е. понятийной областью, отражающей определенные фрагменты действительности — реальные признаки объектов (денотаты).

Если решать вопрос в принципе об отношении семантики языкового знака к внелингвистическим факторам, то вряд ли целесообразно вкладывать в понятие сигнификата смысл «значение, присущее слову как единице языка в отличие от того значения, которое оно приобретает при употреблении в конкретных ситуациях речи, т. е. в отличие от его номинации»¹⁹. В данном случае противопоставление «сигнификации и номинации» может быть отнесено совершенно к другой плоскости рассмотрения языка (изолированное или контекстное значение слова), а противопоставление предметного ряда и идеально-отражательного ряда более точно передается отношением терминов денотат и сигнификат. Говоря о сигнификативной стороне знака как понятийной области языка в целом, необходимо иметь в виду лишь самое общее противоположение: «предмет — понятие». В этом плане включение других терминов не может быть оправдано какими-либо методиче-

96); денотация есть «выражение собственно содержания основного значения языковой единицы в отличие от ее коннотаций...», хотя можно понимать здесь «собственно содержание» как отношение к реальным предметам, то есть как значение, совпадающее с распространенным его толкованием как предметной отнесенности (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966).

¹⁹ О. С. Ахманова. Указ. соч.

скими целями, поэтому использование термина десигнат может лишь создать иллюзию о существовании материального ряда особой группы, помимо денотата. Так, характеристика десигната как предмета или явления, взятого как «целое»²⁰ или как «реальное» объекта²¹ по существу совпадает с содержанием термина объект.

Устанавливая значение терминов денотат как экстралингвистического фактора и сигнификата как содержательного фактора языкового знака, можно избежать определенного удвоения этих терминов для разных единиц языка, например, для слова и предложения²².

Четкое различие указанных терминов, естественно, возможно только при условии, что будет четко соблюдаться условие отграничения предмета как реального факта от мысли, отражающей этот предмет²³. Необходимо также учитывать, что подобное разграничение отнюдь не лишает права любую науку — логику, языковедение, психологию — исследовать эти явления под определенным углом зрения в целях всестороннего и более глубокого их изучения. Именно кардинальное отличие денотата как внеязыкового фактора и сигнификата как содержательной стороны знака не позволяет объединять их как компоненты одного плана и требует четкого их разграничения²⁴.

²⁰ Г. П. Щедровицкий. О строении атрибутивного значения. «Доклады АПН», 1958, № 1.

²¹ А. Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969, стр. 87.

²² Ср., например, следующее: «Если означаемым слова является десигнат (сигнификат), т. е. некоторое обобщенное понятие, то означаемым предложения служит денотат (референт), т. е. единичное событие» («Общее языковедение. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 308). В данном случае более строгим было бы не противопоставление для этих единиц «понятие — единичное событие», а указание на простой денотат (для слова) и сложный денотат (референт) (для предложения).

²³ Ср., например, определение обозначаемого как десигната: «...Предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира как внутренняя (семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы» (О. С. Ахманова. Указ. соч.).

²⁴ Ср., например, другое использование этих терминов в работах Ю. С. Степанова: «Необходимо отметить, что из всех трех компонентов значения слова — денотата (референта), сигнификата, десигната ... именно десигнат может быть в общем отождествлен с тем, что Соссюр называл «означаемым» знака» («Понятия «значение слова», синонимы, метафоры в свете семиотики». Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества, IV. Кали-

В отношении предметов и явлений реального мира, отображаемых в содержании языковой единицы, сигнификат является всеобъемлющей понятийной формой, выполняющей самую существенную функцию языка — быть репрезентантом мышления. Чисто языковые категории, возникающие на основе конкретных закономерностей звуковой системы языка, не затрагивают сигнификативную понятийную сферу в том смысле, что не влияют на адекватность отражения мышлением объективного мира и не деформируют сигнификат вследствие наложения особых законов языка. Такие чисто языковые категории, как например, род, часть речи, падеж, являются лишь вспомогательным средством для образования системы, в которой осуществляется реализация законов мышления, являющихся в свою очередь лишь отражением объективных законов, поэтому не следует относить к номинативной области моменты чисто языковой формы, не связанные с сигнификативной сферой.

Естественно, что языковая единица потому и является двусторонней, что она представляет как отражательную функцию сознания — сигнификат, так имеет и собственную форму на базе внутрисистемной организации единиц. Например, вся грамматика слова будет включать в себя описание не только содержательной части, но и всех формальных категорий (морфологию), причем это описание не будет входить непосредственно в область сигнификата, хотя очевидно, что из морфологии должны быть выделены те моменты, которые, как вообще формальные категории языка, непосредственно связаны и с сигнификативной стороной, в частности, содержание предметности, процессуальности (что в целом соответствует понятию класса слов, части речи). Подход к языковой единице с точки зрения номинации требует поэтому в настоящее время более тон-

нин, 1974, стр. 139). Если учитывать эту номинативную сущность сигнификата языковой единицы, то целесообразно все другие компоненты значения слова отделить от сигнификата и не уравнивать его с такими факторами, как синтагматический, парадигматический, ситуативный, прагматический, что, например, предлагает Б. Косовский (см. *Б. Косовский. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе*. Минск, 1974, раздел 1; см. также *О. Н. Селиверстова. О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов*. «Материалы второго симпозиума по психоллингвистике». М., 1968, стр. 39—44).

кого описания, расчленения и характеристики ее форм и функций, с обязательным разграничением непосредственно сигнификативной стороны слова и особенностей ее грамматического оформления.

Реальные свойства реальных предметов и объектов, на которые направлена познавательная деятельность, целесообразно обозначать термином «денотат». Мышление отражает эти свойства-признаки, и они получают идеальное существование как свою вторичную жизнь в качестве понятия — сигнификата (идеального денотата), материализованного в соответствующей языковой единице.

Вычленение из предмета денотативного признака как реального признака предмета необходимо не только с точки зрения гносеологии, но весьма важно и для лингвистики, поскольку природа номинации связана прежде всего с закреплением этих свойств в значении языковой единицы²⁵.

Функционирование слова в языке возможно только благодаря тому, что, с одной стороны, слова представляют реальные свойства предметов в механизме «языкового мышления», а, с другой — само употребление слова в том или ином коммуникативном отрезке верифицируется в конечном итоге практическим владением соответствующим предметом или явлением.

Отношение слова к предмету есть поэтому не значение этого слова, а лишь факт номинации, — обозначения. Значение слова определяется идеальным содержанием отображаемого реального предмета или свойства, т. е. сигнификатом. Слово закрепляется благодаря своему сигнификату за определенным предметом; в иных терминах, слово — это тот языковой факт, благодаря которому в сознании и языке различаются сами предметы и явления. В пропозитивной номинации существенным является однозначное соотношение словесного знака с обозначаемым в том смысле, что каждый раз соответствующий языковой знак фиксирует и поддерживает в речи именно тот предмет, который становится объектом высказывания. Для номинации прежде всего важно сохранение за определенным знаком тех существенных черт реальных предметов и явлений,

²⁵ Критический анализ литературы по проблеме определения слова и его семантики, см.: Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

которые через их отражение в семантике слова, т. е. через сигнификат, служат дифференцирующим фактором в обозначении каждого конкретного предмета, явления, свойства, процесса. Именование предмета с помощью словесного знака есть прежде всего указание на тот существенный и разграничительный признак, который отчленяет один предмет от другого. Этот признак в абстрагированном виде представлен в сигнификате каждого языкового знака, вследствие чего он приложим всегда и к классу однородных предметов, и к каждому конкретному предмету из этого класса. Реализация этого свойства языкового знака (быть приложимым к предмету как таковому и к конкретному предмету одновременно) происходит в условиях его речевой реализации. Именно определенная комбинация словесных знаков в рамках конкретного высказывания является непременным условием существования отдельного знака, а следовательно, и его функционирования как представителя определенного предмета в сознании. Поскольку словесный знак должен рассматриваться как элемент некоторой совокупности знаков, образующих высказывание, то, естественно, в каждом высказывании может актуализироваться один из признаков реального факта в пределах соответствующего сигнификата.

Обобщающий характер сигнификата (включая сюда и сигнификаты нарицательных и собственных имен), связанный с неизбежно абстрагирующим характером человеческого сознания, разрешает свое внутреннее противоречие (диалектику общего и единичного, абстрактного и конкретного) благодаря тому, что ни один языковой знак не существует абсолютно изолированно, не является собственно непосредственным элементом коммуникации, а всегда входит в качестве элемента в некоторую законченную конструкцию — высказывание, в рамках которой всякое общее становится конкретным (и наоборот) в атрибутивном и предикативном сочетании (*Это — стол; Это — круглый стол; В углу стоит письменный стол и т. д.*).

В пределах общего высказывания *Роза — красивая, Роза — ароматная, Роза — красная* и т. д. неизменно сохраняется первоначальное значение, благодаря которому все высказывание относится к розе, а признаки ее теоретически могут быть представлены как бесконечное перечисление соответствующих комбинаций слова в различ-

ных высказываниях. Поэтому описание значения языкового знака, другими словами — структуры его сигнификата, требуется самой природой номинации как языкового явления, закрепляющего в соответствующих языковых формах понятие о конкретном предмете и явлении через существенный признак этих предметов с сохранением всех его отдельных единичных признаков.

Дифференцирующие признаки в пределах общего сигнификата есть не что иное, как ограничение значения в конкретных сочетаниях, а их структура в лексикографическом плане может быть описана в соответствующей иерархии по типу, например, от общего к частному (дифференцирующие — интегрирующие признаки), или наоборот, или в равном соположении.

Слово удерживает в своем содержании существенные и постоянные признаки как основные компоненты сигнификата при всех употреблениях его в конкретных контекстах. При функционировании, например, слова *стол* в любых предложениях с прямым значением этого слова ('определенный предмет мебели') всегда сохраняется существенный его признак ('горизонтальная поверхность, положенная на ножки и предназначенная для определенных целей') раскрывает в каждом контексте любой дополнительный конкретный признак ('круглый', 'большой', 'тумбовый' и т. д.), всегда при этом сохраняя основное или, как часто определяют, стержневое значение.

Дело здесь не в том, что компоненты значения могут рассматриваться по степени важности, а в том, что само значение слова, его сигнификат детерминируется только существенными, постоянными признаками. Именно эти признаки отличают значение одного слова от другого и именно его абстрактность создает возможности для функционирования слова в конкретных контекстах.

В аспекте номинации каждый знак имеет строго определенное значение — сигнификат, с помощью которого осуществляется всегда однозначный акт коммуникации. Аморфность значения или множественность значений языковых единиц лишали бы язык способности передавать четкое и абсолютно определенное содержание высказывания. Конкретные употребления слова, например, не деформируют, не снимают номинативного значения слова — именно обозначения определенных реальных денотатов. Поэтому в плане номинации так называемая многозначность

слова должна получить резко дифференцированную интерпретацию для случаев прямой и непрямой и косвенной номинации, а также для случаев разрыва полисемии и образования новых слов (об этом ниже). Именно для номинации принципиально важно одно условие: любая языковая единица (прежде всего, конечно, слово) в любых контекстных окружениях остается тождественной себе только благодаря сохранению определенности и однозначности сигнификата (при всем мыслимом количестве, например, контекстных определений для слова *дом*). Это слово должно однозначно соотноситься с обозначаемым им предметом (денотатом). При смене значения — сигнификата в случаях образного употребления (непрямая номинация — *дом*, например, в значении 'семья') или в случаях явной замены значения (например, возникновение омонимии — *зуб* человека и *зуб* шестеренки) встает вопрос и об изменении конкретного номинативного содержания языковой единицы.

В связи с тем, что выбор признака диктуется прежде всего различными экстралингвистическими факторами, то в принципе для отнесения каких-либо знаковых единиц языка к предмету не играет решающей роли сам характер конкретного признака — важна всеобщая закономерность обозначения предмета или явления через какой-либо признак как его денотат. Выбор признака и возможные, связанные с ним ассоциации для того или иного языкового и социального коллектива действительно создают в некотором роде своеобразную для каждого языка картину, называемую иногда «языковым картированием мира». В аспекте номинации, однако, совершенно ясно, что выбор признака, денотативная соотнесенность слова не создает каждый раз особой картины, ибо в конечном итоге именуются одни и те же вещи и явления (в примере — *утренняя звезда* — *вечерняя звезда*), с одной стороны, а, с другой — любое сочетание признаков, т. е. переход от изолированной номинативной единицы к комплексной (словосочетание, предложение) идентифицирует любые вещи и явления в любом языке с полной адекватностью.

На основе универсального закона номинации — адекватного отображения в сигнификате слова тех или иных объективных качеств и свойств предметов (денотатов) — в итоге адекватно обозначаются предметы и явления действительности, вещи и их связи путем соотнесения того

или иного признака, зафиксированного в сигнификате слова, к одним и тем же предметам.

В каждом языке соблюдается первое условие адекватности отображения мира в сознании человека — однозначное соответствие языкового знака, его сигнификата поименованному предмету (денотату). Ни в одном языке немислима такая «картина мира», когда слово, обозначающее, например, дерево, будет именовать в своем прямом значении в конкретном контексте птицу. Но эти сигнификаты или совокупность всех сигнификатов любого языка не есть «промежуточный» мир, как его представляет Л. Вайсгербер, поскольку каждый в отдельности сигнификат не реализует самого миропонимания, покоящегося в конечном итоге на полной адекватности соотношения понятийного мышления и отражения им предметного мира.

Выбор языкового признака (денотата) для именования вещи никак не меняет самой сущности именования как процесса абстрактного мышления, фиксирующего то или иное познание, прежде всего в трудовой деятельности, качество или свойство предмета и явления (речь здесь не идет о важности этого обстоятельства для этимологии и дальнейшего развития значения слова). Адекватность понятийной формы, закрепленной за словесной материей (языковым знаком), и объективного предмета, вычленяемого и характеризуемого в познании человека, гарантируется в конечном итоге практическим овладением мира, базирующимся на прямом его познании, а, следовательно, на непосредственном его отражении, составляющем в мышлении прямое содержание, передаваемое языковыми формами. Расхождение в объеме значений аналогичных слов той или иной комбинации языков (см. нем. *Arm*, *Hand* — русск. *рука*), разнохарактерность этимологии слова в разных языках в смысле выбора признака именования (см. англ. *table* ↔ *tabula*; русск. *стол* ↔ *стлать*; русск. ~~фиалки~~^{фиалки} нем. *Maiglöckchen* 'майские колокольчики' и т. д.) не могут служить свидетельством для особого понятийного членения мира в каждом конкретном национальном языке.

Во-первых, в каждом языке, независимо от этимологии конкретных слов, сигнификативная сторона лексики (при всем разнообразии формы слова) однозначно соотносится с тем или иным предметом или явлением, что и служит базой номинации, а, во-вторых, язык образуется не

конгломератом отдельных слов, а всей системой лексики и грамматики, что в итоге всегда абсолютно достаточно для полного охвата всей совокупности мышления человека, направленного на тот или иной фрагмент действительности. Гносеологический характер номинации не изменяется от того, какая сторона предмета (денотат) фиксируется в том или ином отдельном слове; решающим является сам отображательный характер обозначения в языковых формах того или иного реального предмета, признака и т. д. Несмотря на обширную литературу по этому вопросу, предлагаемое решение не является бесспорным и однозначным²⁶. Однако в литературе зачастую, на наш взгляд, номинативный аспект языка, непосредственно связанный с гносеологией, подменяется неправомерной проблемой сопоставления значений отдельных слов или их этимологии при затушевывании единой номинативной сущности. Гипотетично допущение того положения, что содержание лексических единиц языка (десигнатов) не совпадает с системой понятийной. И при этом система понятийности определяется как адекватная форма отражения действительности, а лексическая система как особая — десигнативная мыслительная форма, что дает основание для необоснованного раздвоения человеческого аппарата абстрагированного мышления²⁷.

Р. А. Будагов, касаясь указанной проблемы, высказывается в этом плане категорично: «Каждый язык в самом деле имеет свои особенности и в фонетике, и в грамматике, и в лексике. Это хорошо известно каждому школьнику. И все же существует глубокое и постоянное взаимодействие между языком и действительностью, между «миром языка» и окружающим нас миром»²⁸.

²⁶ См.: Г. А. Брутян. Язык и картина мира. — НДВШ. «Философские науки», 1973, № 1, стр. 110; С. А. Васильев. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.

²⁷ Такое допущение делает В. З. Панфилов, однако в итоге утверждает: «Существование наряду с понятиями, суждениями и другими неязыковыми категориями также и языкового десигната, в формировании которого определяющую роль играет фактор отражения объективной действительности, не означает, что есть два самостоятельных параллельных и независимых друг от друга вида отражения действительности» (В. З. Панфилов. Отражательная деятельность в языке и проблема языкового знака. — ВЯ, 1975, № 3, стр. 39).

²⁸ Р. А. Будагов. Что такое общественная природа языка? — ВЯ, 1975, № 3, стр. 16.

Нет оснований утверждать, что человек живет в двух мирах — одном, созданном языком, другом, созданном или мышлением, или «руками» человека. Адекватность «понятийной картины мира» реальному миру не может разрушаться языком, так как в конечном итоге язык и есть сама «действительность мышления». Механизм номинации един для всех языков, а особенности, например, этимологии слов, образности значений в истоке связаны единым предметным отношением человека к объективному миру. Адекватность верного отражения этого мира для всех народов, говорящих на разных языках, с разным идиоэтическим характером, подтверждается уже не языковой системой, а практической деятельностью человека.

Рассматривая язык в целом как коммуникативную систему, реализующую общественный характер человеческого сознания, его отражательной сущности, нет оснований говорить об особом «языковом мире» как о промежуточной сфере между мышлением и психикой, о том, что понятие о мире человека определяется не объективными закономерностями, отражаемыми в мышлении, а системой языковых форм, выступающих со своей стороны в качестве демиурга, неповторимого для каждого народа «языкового мира»; об особом членении мира через язык, так как языковые формы не образуют своего «особого царства», а все содержание и богатство мышления воплощается в материи языка, и понятийным миром человека остается отражение единого объективного мира, укладывающегося в единую познавательную систему, в целом адекватно передаваемую любым конкретным языком, являющимся по своим существенным характеристикам единым для всего человеческого рода.

Для описания системы лексических значений и истории развития их в отдельности в каждом конкретном языке всегда существенно вскрыть особенности выбора признака именованного, которые обусловлены своеобразием уклада жизни, уровнем культурного развития народа и другими моментами (русс. *стол* от *стлать* достаточно ясно говорит об обычае место трапезы накрывать полотном; ковром, в то время как нем. *Tisch* (< *diskus*) говорит о предмете, вырезанном из круглого ствола дерева). В принципе для механизма номинации данные особенности выбора признака укладываются в универсальную гносеологическую схему отображения в понятии (сигнификате)

реальных объектов, что и дает право, с одной стороны, существовать в языкознании особой дисциплине — теории номинации, а с другой — семасиологии, этимологии и т. д.

Анализ конкретных слов должен всегда учитывать именно основное номинативное значение — сигнификат, отражающий существенные признаки какого-либо предмета, процесса, притом независимо от деталей контекста. Справедливо пишет по этому поводу Д. Н. Шмелев, полемизируя с Ю. Д. Апресяном: «то, что 'варить картошку' и 'варить суп', 'копать землю' и 'копать яму' и т. д. реально различные ситуации, это несомненно, но то, что здесь разные значения глаголов, не представляется вполне бесспорным»²⁹.

Сигнификат слова *стол* присутствует во всех контекстах (имея в виду прямое значение этого слова), и можно сказать, что это слово не раскрывает своих потенций, а конкретные значения как признаки конкретных столов добавляются в рамках высказывания, не деформируя самого сигнификата слова³⁰. Именно поэтому приходится еще раз возвращаться к тому, что каждое слово как единица словаря, имеет строго фиксированное значение, определенное отражением тех существенных признаков, которые соответственно дифференцируют предмет, процесс или явление объективного мира (включая, естественно, и явления духовного мира). Это значение является одновременно и актуальным, и потенциальным, реализующимся, естественно, только в рамках конкретных коммуникативных актов. Например, для прямого значения слова *дорога* (*шоссейная дорога, дорога в город, свернуть с дороги, показать дорогу, верная дорога, идти своей дорогой* и т. д.) остается существенным сигнификативный компонент — 'линия следования', если можно так условно определить, причем как физическая, так и воображаемая: во всех употреблениях в правильных русских фразах это прямое номинативное значение не разрушается. Что касается уже другого значения этого слова 'поездка, путешествие' (*отдохнуть с дороги*), то здесь речь должна идти по существу не о синтагматическом варианте, а прежде

²⁹ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 229.

³⁰ См. там же, стр. 214; Э. М. Медникова. Значение слова и методы его описания. М., 1974, стр. 137.

всего о переходе прямого значения в не прямое (производное), т. е. другими словами, о деформации, потере основного номинативного значения ('линия передвижения') и приобретении нового на основе закона переноса значения (в данном случае — метонимического — 'время нахождения в пути'). Эта проблема смыкается уже с другой — с проблемой развития, расширения или сужения значения на основе номинативного содержания слова. Во всех случаях слово *стол* остается однозначным (определенный предмет мебели), употребление его в конкретных фраземах не порождает нового значения, сигнификат слова не поддается, так сказать, эрозии, ибо номинация может оставаться номинацией только при условии, что обозначаемый словом денотат — предмет как бы остается равным себе и не превращается ни во что другое. Именно номинация и является тем языковым гироскопом, благодаря которому в любой языковой единице постоянно удерживается определенная предметная направленность.

Сигнификат не является разовым употреблением или суммой употребления, а представляет собой закрепленную за определенным реальным предметом или явлением понятийную форму мышления, выражаемую языковой единицей; с гносеологической стороны он является отражением существенных свойств соответствующих предметов (их денотатов). Контекст в свою очередь не является каким-либо однократным употреблением каждого слова, он есть практически неограниченный процесс коммуникации, связанный каждый данный раз с творческим актом мышления, а следовательно, и образованием высказывания, отражающего определенный фрагмент практической и теоретической деятельности человека³¹. Необходимо заметить, что рассмотрение слова и его значения как суммы компонентов (в любом его структурировании) есть абстракция как бы второго уровня, т. е. результат теоретико-лингвистического абстрагирования значения словарной единицы через обобщение определенной суммы реальных высказываний (в которых соответствующее слово получало ту или иную свою семантическую реализацию).

³¹ В аспекте номинации вряд ли правомерно отводить синтагматике столь большую роль: «В контексте реализуются закрепленные в языке регулярные синтагматические связи слова, обуславливающие его семантическую структуру» (Э. М. Медникова. Значение слова..., стр. 46).

Значения любого слова, реально манифестируемые в том или ином сочетании, высказывании, позволяют лингвисту-лексикографу составить максимально полный перечень всех встречавшихся в текстах значений и представить эти результаты в словарной статье. Значения слова, отмеченные в словаре, есть метауровень для с о б с т в е н н о значения слова, существующего только в реальных высказываниях, конкретных коммуникативных актах. Сточки зрения номинации, слово начинает обозначать что-то в рамках осмысленных коммуникативных единиц, предложений (высказываний). Акт обозначения поэтому не принадлежит, собственно, словарю, и он не образуется из суммы употребления слов в высказываниях.

Можно полагать, что лексикографическое закрепление совокупности значения слов, взятых из его реальных употреблений, есть фрагмент описания языка, результат лингвистической обработки реального функционирования языка. Разделение сферы языковой деятельности на язык и речь является условным и не может влиять на самое существование номинации языковых единиц³².

В принципе все формы языковой фиксации какого-либо факта или явления мира могут квалифицироваться как явление номинации. К языковым формам номинации поэтому могут быть отнесены слова, словосочетания и предложения.

Однако в пределах общей категории номинации следует выделить три разных вида: а) номинация через слово и словосочетание (лексическая), б) номинация через предложение (пропозитивная) и в) номинация через текст (дискурсивная).

Все значимые единицы языка имеют единую по своей природе денотативную направленность и, следовательно, любое смысловое содержание этих единиц может быть в принципе определено как сигнификат. В этой общей постановке вопроса безразлично, какие единицы будут со-

³² См. Т. С. Шарадзендзе. Язык и речь. Тбилиси, 1971.— См. также обстоятельный критический анализ проблемы соотношения языка и речи Е. Косериу, выводы которого сводятся к тому, что разграничение языка и речи не дает никаких оснований для признания какой-либо реальности, кроме языка (*E. Coseriu. Sprachtheorie und allgemeine Sprachwissenschaft. München, 1975, стр. 38; см. также: Г. В. Колшанский. О правомерности различения языка и речи. «Иностранные языки в высшей школе». М., 1964).*

поставляться с реальным денотатом: будет ли это слово, словосочетание, предложение или даже текст — их значение (сигнификат), в гносеологическом смысле, так или иначе должно быть в итоге возведено к тому или иному денотату (предмету). В этом аспекте денотат лексической единицы или денотат высказывания в принципе един как категория, взятая из сферы объективных предметов и явлений. Все языковые единицы по отношению к денотату могут быть объединены в одну категорию, весьма общую и включающую в себя разнородные по лексическому составу и грамматической форме элементы ³³.

Говоря об общем категориальном содержании номинации и номинативных единиц, естественно, следует иметь в виду, что внутри этой общей категории конкретные разряды слов, например, прилагательные и глаголы, местоимения и наречия и т. д., имеют свои дифференциальные отличительные признаки, связанные со своеобразием той сферы действительности, которая фиксируется в соответствующих номинативных единицах. Скажем, процесс как реальное явление, фиксируемое в разряде глаголов, или название лиц, фиксируемое в разряде собственных имен, или разнообразие свойств, фиксируемое в прилагательных и наречиях, или разряды класса существительных, фиксирующие самые разнообразные предметы и явления во всей гамме от конкретных единичных до самых абстрактных, — все эти особенности характерны, безусловно, для конкретных разрядов слов, для их сигнификативной части и поэтому могут анализироваться самостоятельно, но всегда с учетом их общей категориальной принадлежности к номинативным единицам языка ³⁴.

Разряды слов, получившие свое грамматическое оформление, как например, это характерно для частей речи в индоевропейских языках, с точки зрения номинации, представляют собою по существу некоторые специализированные классы, денотативные особенности которых (закрепление признака процесса или предмета, или процесса как предмета или признака самого процесса и т. д.) решающим образом повлияли на их регулярные синтаксические позиции, что и создало постоянные грамматические маркеры

³³ См. по этому вопросу: *Г. С. Чинчлей*. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Кишинев, 1975.

³⁴ См. *А. А. Уфимцева*. Типы словесных знаков, стр. 50—70.

для соответствующих классов слов. Для теории номинации, однако, важна прежде всего констатация единой сигнификативной природы языковых знаков, их гносеологической абстрактной сущности в плане отражения реальных признаков объекта. Именно на этой номинативно-гносеологической основе и возможно дальнейшее их описание как элементов лексико-семантической и грамматической систем языка (вопросы синтаксической функции слов, свободной и несвободной сочетаемости слов, экспрессии, модальности, коннотации и т. д.).

* * *

Необходимо также рассмотреть вопросы, связанные с особенностями номинации сложных единиц языка. Если в отдельной лексеме ощущается ее сигнификативная связь с определенным предметом, будь то наименование конкретных или абстрактных предметов (*дом, число, время* и т. д.), то словосочетание служит конкретным описанием того или иного денотата (*высотный дом, астрономическое число* и т. д.). Однако на этом уровне обозначаемый словом денотат остается единичным явлением, простой констатацией одного из признаков предмета и в этом смысле как для отдельного слова, так и словосочетания (атрибутивного) остается в силе понятие простой предметной соотношенности.

Комбинация слов и словосочетаний репрезентирует уже соединение некоторых отдельных значений — сигнификатов, в результате чего образуется новая номинативная единица, идентификация и понимание которой зиждется на адекватном воспроизведении некоторого реального единства предметов, явлений и их свойств (сочетание предмета и признака, сочетание предметов, сочетание действий и т. д.)³⁵.

Все эти положения относятся к прямой номинации, что же касается непрямой и косвенной (например, при образовании фразеологических сочетаний), то вопрос о сочета-

³⁵ Ср.: «...Семаспология должна исходить из взаимосвязи и взаимозависимости синтагматических и парадигматических особенностей слова, причем ведущим является собственное значение слова (что особенно важно провозгласить теперь при тенденции к гипостазированию словосочетания)» (Э. М. Медникова. Значение слова..., стр. 47—48).

емости сигнификатов, входящих в соответствующий набор лексем, и создание нового номинативного содержания (все виды переносного значения) должны рассматриваться уже в ином аспекте, а именно, в аспекте функционирования фразеологических словосочетаний в качестве лексемоподобной или расчлененной номинативной единицы.

На уровне высказывания, т. е. предикативного словосочетания, предметная соотнесенность, а следовательно, и сама номинация приобретают другое качество, оставаясь тем не менее в пределах общей категории отношения языковой единицы к некоторому материальному явлению, соотношения материального (объект, предмет и их свойства, признаки) и идеального (понятие, значение, сигнификат) рядов. Денотативным источником высказывания является уже не какой-либо конкретный предмет или явление, взятое обособленно, а сложный денотат как некоторая связь реальных явлений (предметов, свойств процессов в их различной комбинации). В предложении *Москва — город Олимпийских игр (1980)* соединение двух реальных денотатов (город — столица и город олимпиады) в единое целое образует смысл, который можно охарактеризовать как соединение двух разнопорядковых признаков — в одном случае *город страны* (подлежащее), в другом случае *город олимпийских игр* (сказуемое). Это сложный денотат как связь двух предметов (городов) может также рассматриваться как единый реальный объект, но по своей уже внутренней структуре он отличается от денотата лексического уровня тем, что предстает в высказывании в сложном комплексе. Если в целом по характеру отражаемого явления два рода денотатов (простой и сложный) принципиально едины, различие их внутренней структуры тем не менее существенно и делает целесообразным и терминологическое разграничение. В современной литературе сложный денотат высказывания часто квалифицируется как событие, факт, в противоположность простому денотату слова как предмету, явлению, признаку.

Определение природы номинации на уровне предложения по сравнению с лексическим уровнем сопряжено с дополнительными трудностями. Дело в том, что к предложению необходимо применять тот же критерий отражения, что и для слова. Однако комплексный характер реального денотата предложения характеризуется разными исследователями по-разному. Если считать, что образова-

ние предложения необходимо связано с некоторым сообщением, информацией об определенном ряде событий, то можно сделать вывод о том, что говорящий оформляет сообщение о любом событии в соответствии с целью высказывания и таким образом как бы вновь воссоздает, строит свою «языковую ситуацию». Понятие «языковой ситуации» требует выяснения вопроса о соответствии «языкового факта» объективному факту, другими словами, о соответствии интеллектуального факта (существующего в качестве смысла, семантики предложения) и реального факта. Мы уже говорили о том, что в принципе гносеологический подход к соотношению «язык — мышление — действительность» детерминирует и само решение вопроса, независимо от того, какие значимые единицы языка вовлекаются в поле рассмотрения исследователя в аспекте: объективные факты и языковые значения.

Как правило, исследователи отмечают, что предложение передает в своей семантике «информацию о событиях, ситуациях или явлениях объективной действительности, которая представляет собой интеллектуальное отражение денотата предложения»³⁶. Достаточно определенно высказывается по этому поводу В. Г. Гак: «Высказывание есть единица, референтом которой является не понятие — результат абстрагированного восприятия элементов ситуации, а сама ситуация»³⁷.

Языковеды более или менее едины в том, что материальным источником (денотатом) смысла (сигнификата) предложения являются факты и ситуации объективной действительности. Однако при этом часто присовокупляются ограничивающие условия, которые интерпретируются как воздействие субъективного или собственно языкового фактора на оформление соответствующего содержания высказывания, производимого говорящим лицом. В этом случае, как правило, полагают, что семантическая сторона предложения «создается соединением денотативного и сигнификативного значения»³⁸.

³⁶ Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 31.

³⁷ В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики. 1972». М., 1973, стр. 354.

³⁸ См. «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», стр. 311.

Если не говорить об узкоязыковой семантической интерпретации предложения³⁹, то чаще всего встречается утверждение о том, что «денотативная и вместе с ней и референтная соотнесенность образуют фундамент семантической структуры высказывания, в то время как модифицирующие значения выступают в ней в виде надстройки»⁴⁰. О. И. Москальская считает, например, что в основе комбинаторных операций, связанных с номинативной функцией предложения, лежат «не события и факты действительности, как утверждают создатели учения о «пропозитивной номинации», а отражение человеческим сознанием обобщенных моделей фактов и ситуаций, которые и изучает в настоящее время синтаксическая семантика»⁴¹.

Такая постановка вопроса также упирается в проблему моделирования фактов в структуре предложения — является ли семантическая структура высказывания чистым продуктом мышления или следует признать отражательный характер самих моделей (обобщенных моделей), а если нет, то в каком отношении стоят обобщенные модели к реальным ситуациям, и верно ли синтаксические модели передают общие признаки реальных «моделей». Синтаксические конструкции типа законченного высказывания, в принципе, подчиняются одному и тому же номинативному «закону» — воспроизводить в языковой форме такую сигнификативную (семантическую) структуру, которая бы адекватно передавала любую реальную концепцию, ситуацию (реальный сложный денотат), например, как реальную ситуацию *Рабочие строят дом*, так и такую же реальную, но другую ситуацию *Дом строится рабочими*.

В решении данного вопроса следует прежде всего четко отчленить для всякой языковой единицы, в том числе

³⁹ Ср.: «Языковедческий анализ не предполагает обращения к внеязыковой структуре ситуации: он должен базироваться на собственно языковом материале» (Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание». М., 1973, стр. 463). Более правильным, видимо, было бы возражать против прямой подмены языкового анализа вещным, предметным анализом.

⁴⁰ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, стр. 10.

⁴¹ О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, стр. 12.

и для предложения, план объекта и план отражения этого объекта в семантической структуре. Как для лексического уровня, так и для предложения целесообразно считать, что объективный факт не может быть во всем его объеме представлен в единичном высказывании: каждый раз конкретное высказывание направлено на одно из свойств объекта, в данном случае сложного объекта-события, ситуации, становящееся денотатом высказывания (что для предложения равно референту высказывания). Именно этот референт (денотат) и является непосредственно той объективной платформой, на которой строится высказывание как содержательная, информативная единица коммуникации. Все, что можно утверждать относительно грамматической модели высказывания, надо объяснять не поверхностным синтаксисом, а синтаксисом, обращенным к референту, выбранному в соответствии с познавательной установкой в качестве предмета сообщения (высказывания) в тех или иных конкретных условиях коммуникативного процесса, и в этом смысле коммуникативная направленность высказывания может быть интерпретирована как объективное для языка явление, т. е. выбор одного из свойств ситуации в качестве референта (признака события, факта, ситуации). В этом плане можно считать, что «синтаксическая структура предложения не есть лишь грамматическое объединение слов, но является целостным отображением структуры ситуации — такой, как представляет ее себе говорящий»⁴².

Вопрос о взаимодействии структуры высказывания и структуры ситуации в номинативном аспекте может решаться, скорее всего, только в пользу решающей роли онтологии, т. е. самой ситуации, ибо в любом другом случае разрушается принцип адекватности языкового выражения определенного мыслительного (понятийного) содержания (сигнификата — для языковых единиц), отражающего действительную ситуацию в ее реальной денотативной структуре.

Создает ли синтаксис при оформлении высказывания свою структуру ситуации в отличие от объективной, создает ли, так сказать, свою «картину события», используя свой собственный фильтр? Ответ на этот вопрос нельзя полу-

⁴² В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 11.

читать из самой грамматики, так как принцип адекватного отражения действительности не позволяет видеть истину в языковых формах, и верификацией смысла высказывания не служит поэтому правильность грамматической конструкции, а наоборот, высказывание квалифицируется как содержащее или не содержащее смысл, верно описывающий ту или иную ситуацию. Природа номинации требует видеть в языковых формах (в данном случае — в синтаксических структурах) правильность построения высказывания по отношению к определенному смыслу, сигнификату. Использование той или иной синтаксической конструкции регулируется в конечном итоге замыслом однозначного, точного выражения понятийного содержания, относящегося к реальному денотату, референту. Языковой анализ высказывания должен поэтому тщательным образом соотнести два плана — лексико-синтаксическое структурирование высказывания и действительное структурирование самой ситуации (денотата) ⁴³.

Можно считать, что номинативная сущность предложения в гносеологическом отражательном плане едина с номинативной сущностью слова и словосочетания; в коммуникативном и структурном же плане лексическая и грамматическая номинации имеют существенные различия.

Конечно, эти структурные различия имеют одновременно и гносеологическое содержание (отражение самих явлений и отражение связи явлений), но эти различия, можно сказать, второго порядка, поскольку в их основе лежит один фундамент — отражение в мышлении и выражение в языке объективных свойств предметов и явлений — реальных денотатов.

Предложение образует основу коммуникации-сообщения, в конечном итоге являющегося основной единицей, базирующейся на способности передавать в предложении такую информацию, которую человек может квалифицировать как истинную или ложную, т. е. как информацию, жизненно важную для практической и теоретической дея-

⁴³ Ср. следующее изложение этого вопроса: «Можно предположить, пишет Н. Д. Арутюнова, — что само членение ситуации происходит путем наложения на нее синтаксической конструкции, вследствие чего наименование каждого фрагмента действительности предполагает не только его лексическое обозначение, но и обозначение его функций» («Общее языкознание», стр. 290).

тельности человека, в то время как лексическая номинация не может выполнять такую коммуникативную функцию, она образует только элементы синтаксической номинации.

В ходе анализа, начиная с простейших построений, кончая сложным синтаксическим комплексом (сложное предложение, абзац), необходимо тщательно вычленять каждый раз особый референтный смысл предложения, который нельзя сводить к некоторому всеобъемлющему объекту (типа строительство дома, встреча друзей и т. д.). Именно номинативная основа языка и должна служить тем ключом, с помощью которого можно строить действительный алгоритм правильного семантического анализа любого высказывания, определять его действительный смысл, выявлять его синонимичность и т. д.

В логике и философии неоднократно обсуждался вопрос о возможных путях познания мира через язык, его структуру, что особенно было свойственно для направления логического позитивизма.

В связи с этим интересно сравнить, например, понимание «факта» в концепции Б. Рассела, который поставил анализ логической структуры высказывания в параллельную зависимость от онтологической структуры действительности и выразил свое мнение по данному вопросу следующим образом: «Я думаю, что существует доказуемая зависимость между структурой предложений и структурой событий, к которым относятся предложения. Мне не кажется, что структура невербальных фактов совершенно непознаваема, и я уверен, что особенности языка, при сохранении достаточной осторожности в пользовании ими, могут нам помочь в понимании структуры мира»⁴⁴. Понятие же невербального факта получает двойственное толкование. С одной стороны, каждое восприятие, отличающееся от других восприятий субъекта, есть факт. Для выражения факта как такового достаточно в конечном счете, с точки зрения неопозитивизма, отличия данного восприятия от других состояний сознания — предшествующих и последующих, — так что «факт» может быть определен как поддающееся установлению изменение состояния сознания. С другой стороны, факты существуют

⁴⁴ *B. Russel. An inquiry into meaning and truth. London, 1951, стр. 341.*

объективно, независимо от субъекта, за пределами воспринимаемого опыта.

Подобный подход включает понимание фактов как «описание положения дел», как процесса, происходящего в сфере вещей и как восприятия этого процесса субъектом. Понимание факта для позитивизма может быть таким всеобъемлющим потому, что в конечном счете «нечто», существующее в феноменальном поле субъекта, и внесубъектное «нечто» и не материально, и не идеально. Факт в логическом атомизме и неопозитивизме образует «формальную субстанцию» мира и вообще, как заявил по этому поводу Рассел, «не определяется»⁴⁵.

Подобно Расселу Витгенштейн утверждает, что «только предложение имеет смысл»⁴⁶, а словам присуще значение. Высказывание, по Витгенштейну, показывает свой смысл, показывает, как обстоит дело, если оно истинно; а истинным или ложным предложение может быть только будучи образом действительности.

Прослеживая характер изображения действительности в предложении, Витгенштейн приходит к убеждению, что нелингвистический эквивалент высказывания — предметную ситуацию — в силу ее структурной сложности можно только описать, но не назвать. В связи с этим он подчеркивает, что высказывание — это не имя (как трактовал Фреге) и не класс имен или совокупность слов (по утверждению Рассела). Высказывание, обладающее свойством истинности или ложности, выражает, по его словам, смысл.

Витгенштейн настойчиво подчеркивает, что смысл высказывания создается не просто перечнем значений входящих в него слов, а в результате сложного их взаимодействия по определенным правилам. При всех своих колебаниях он все-таки больше склонен подчеркивать роль формальной структуры языка, ибо «тайна» образования смысла кроется в той внутренней связи, в которую вступают слова в структуре высказывания, т. е. в логико-синтаксической форме предложения.

В этом плане для позитивизма является сложным вопрос о том, что же следует все-таки считать исходной гносеологической реальностью предложения — факты или фик-

⁴⁵ В. Russell. Указ. соч., стр. 293.

⁴⁶ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958, 4.03.

сирующие их суждения? Согласно Карнапу, «вопрос о том, являются ли факты суждениями определенного рода или объектами какой-то другой природы, есть вопрос спорный... Вопрос этот до некоторой степени является вопросом терминологическим и должен, следовательно, быть разрешен соглашением»⁴⁷.

Материалистическая гносеология называет фактом существующее объективно, независимо от восприятия человека явление, событие, процесс. Отражение реального факта никак не может быть его «творением», а языковая форма высказывания тем более не может «конструировать» объективный факт. Таким образом, в семантическом плане для формирования языковых единиц исходным пунктом будет реальный объект, точнее, одно из его свойств, т. е. денотат, и в особенностях семантики, в том числе и синтаксической, надо искать ее реальные особенности, которые присущи самому факту. Речь не может идти, естественно, о прямом переносе особенностей грамматических форм (например, падежа, рода, порядка слов и т. д.) на объект, но в равной мере речь не может идти и о модификации факта вследствие «наложения» на него «языковой схемы» (например, определенной синтаксической конструкции — актива или пассива). Интерпретация языковой формы в плане номинации должна выявлять через особенности языковых форм особенности семантики — сигнификата, который манифестирует в сознании особенности реального денотата. Языковые особенности, например, лексической и синтаксической номинации указывают на своеобразие их семантики, представления в их сигнификатах действительных объектов — в одном случае представление отдельных свойств, в другом — их диалектической связи⁴⁸.

Слово и словосочетание как форма номинации не раскрывают детальных связей объективной действительности, но образуют необходимое и первое условие развернутой номинации через предложение, как единицы содержатель-

⁴⁷ Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1958, стр. 64.

⁴⁸ Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974; О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса; Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976; И. П. Сусов. Семантическая структура предложения; F. Liefrink. Semantico-Syntax. London, 1973.

ного коммуникативного процесса⁴⁹. Известно, что объекты материального мира и происходящие в нем процессы находятся во взаимосвязи и взаимодействии, и абсолютно обособленных друг от друга объектов (в том числе фактов) не существует.

Денотативная основа высказывания — референт — требует в этом смысле всегда тщательного анализа как объективно существующий фактор, сложный по своей структуре (свойства и признаки событий, ситуации, поставленные в определенные отношения). Эту денотативную основу необходимо четко отличать от реального денотата слова лексической номинации, ограниченной сферой обозначения изолированных качеств и свойств, составляющих лишь структурный элемент цельной и коммуникативно значимой номинации, образуемой предложением.

Предложение обозначает денотат как некоторую ситуацию, в которой сами объекты становятся в какие-либо отношения с другими объектами, формируя как бы динамический сложный денотат, т. е. референт.

В ряду сигнификат — денотат методически удобно обозначать денотат высказывания отдельно как референт, оставив за термином «денотат» узкое значение реальных признаков предметов, явлений для семантики слов и словосочетаний. Слово и словосочетание можно назвать п р о с т о й н о м и н а ц и е й, поскольку этот вид номинации есть лишь фиксация изолированных признаков и свойств, т. е. статических денотатов.

Снятие изолированности объекта есть в языке снятие простой номинации и превращение ее в сложную н о м и н а ц и ю в законченных коммуникативных единицах. Лишь номинация второго рода — через предложение — создает базу для коммуникации.

Предметом рассмотрения непосредственно языковой номинации является простая и сложная номинация, т. е. номинация в пределах слова и словосочетания и номинация в пределах предложения.

Третий вид номинации через текст — дискурс — есть форма опосредованной номинации событий, поскольку в нем устанавливается соотношение не только между объектами, но и между ситуациями.

⁴⁹ Ср.: «Наличие в языке одних только слов само по себе никогда не могло бы обеспечить никакой коммуникации» («Общее языкознание. Формы существования...», стр. 56).

Номинация в рамках текста имеет уже дело с комбинаторикой, т. е. операциями над сложными номинативными единицами.

* * *

Отношения между знаком и предметом не могут принадлежать ни к самому знаку, ни к самому предмету. Эта проблема вообще не может быть разрешена в пределах диады «знак — предмет», а должна быть вынесена в действительное отношение между языком и миром, т. е. в отношении человека к предметному миру. В конечном итоге отношение знака к объекту может быть установлено только через практическую деятельность человека, активного овладения им предметом внешнего мира. В пределах же функционирования языка, материально представляющего человеческое сознание, единственным отношением языковых знаков остается отношение формы и содержания, т. е. звукового выражения понятийного мышления. Отношение звука и значения есть первичное отношение для языка, а отношение «знак — предмет» есть опосредованное отношение, осуществляемое через практическую деятельность человека. Это отношение — важнейший аспект рассмотрения языка, благодаря которому можно снять сословное ограничение знака только психической стороной.

При рассмотрении языка с точки зрения номинации остается самым существенным вопросом не определение словоформы, а отношение имени и предмета-денотата как внеязыкового фактора. Главное — это установление характера соотношения между именем и предметом. В соответствии с распространенной концепцией это отношение имени к предмету и составляет само значение слова, другими словами, его внутреннее содержание, т. е. семантику («предметную соотношенность»).

Очевидно, что отношение имени к денотату не может иметь какой-либо материальной связи, а в области идеальной это отношение может быть квалифицировано лишь как особая умственная операция, устанавливающая возможность приложения некоторой словарной единицы как ярлыка-знака к какому-либо предмету.

Иллюстрацией подобного положения могла бы служить ситуация о веществе в именовании какого-либо предмета с помощью этикетки, например, когда письменное название *ящик*, *шкатулка* прикреплено непосредственно

к самому предмету. Однако языковой знак в естественной речи не приклеивается к каждому предмету, не говоря уже о том, что сам предмет обозначения — денотат может относиться как к материальной, так и к идеальной сфере. Вообще отношение какого-либо языкового знака к предмету не может быть квалифицировано как однократное. Отдельное именование в этом смысле и не образует языка, и только в коммуникативном акте устанавливается действительное соотношение имени с конкретным, единичным предметом. Наиболее элементарным видом этого отношения является предложение типа *Этот предмет называется...* Возможно, что атомарные фразы естественного языка и являются простейшим названием, на базе которых строятся затем фразы в тексте. Кстати, и овладение языком всегда начинается с усвоения имени, названий предметов.

Содержание слова как явление номинации не может быть прямым отношением имени к предмету, а есть отношение, проявляющееся в соответствующей языковой структуре. Значение имени, следовательно, должно расшифровываться не только как прямое отношение имени и предмета, но и через его функционирование в системе языка, т. е. через значение в системе языковых средств. Чисто предметное же отношение слова и предмета должно быть отнесено к гносеологическому фактору, а верификация этого отношения соответственно должна иметь место не в языковых правилах, а в практических действиях человека, связанных с его поведением на основе вербальной информации.

Действительное отношение значения имени к предмету есть факт языковой номинации, детерминированный практической деятельностью человека. Номинативное содержание слова входит в систему языковых значений и благодаря этому получает статус относительно самостоятельного, т. е. системного, элемента. Вследствие этого сама номинация приобретает противоречивый характер; с одной стороны, она есть процесс и результат установления связи имени с обозначением какого-либо денотата, а с другой — составная часть системы языка, где номинативное содержание проявляется непосредственно в самой системе. Если номинативные значения относить только к прямому предметному содержанию слова, то это означает, что система значения единиц языка определяет-

ся только этим прямым соотношением и не включена совершенно в систему самих внутренних отношений в языке. На самом же деле здесь осуществляется диалектика связи элементов системы, образуемой в свою очередь из онтологически самостоятельных по своему значению и форме единиц.

Функционирование готовых номинативных единиц в языке может быть объяснено в рамках поэтому одновременно внутренней системы (например, объяснение значения слов через дистрибуцию) и отдельной номинативной сущности. Обозначающая часть системы языка так или иначе требует гносеологического объяснения, а следовательно, выхода за внутреннюю систему языка. Номинация как денотативно-сигнификативная соотнесенность есть поэтому важнейшая составная часть системной организации языка, природа которой смыкается с гносеологическим характером отражательной деятельности человеческого мышления и образует по существу тот фундамент языка, на базе которого осуществляется предметно-осмысленная коммуникация в обществе.

Система языка есть система внутренних отношений языковых единиц субстанционального характера, значения которых определяются в итоге предметным миром. Это утверждение справедливо при том условии, что языковая система не может рассматриваться как абсолютно независимый феномен, а наоборот, как форма тотального выражения деятельности мышления. Он в конечном итоге определяется объективным познавательным процессом и единными закономерностями материального мира.

Следовательно, объяснение функционирования языка на уровне самого языка допустимо лишь как один из приемов исследования. Действительное же объяснение сущности языка должно смыкаться в итоге с теорией познания — гносеологией.

* * *

Особый вопрос представляет собой состав компонентов значения, которые, как часто утверждается в лингвистической литературе, накладываются на основное значение слова, образуют как бы дополнительные значения. Эта проблема в целом обнимается понятием «сопутствующие значения», иногда объединяемое общим понятием конно-

тации (при этом примечательно, что по своему содержанию слово «коннотативный» является противоположным употребляемому здесь понятию «денотативный»). По определению, коннотация есть «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т. д.»⁵⁰

Для явления номинации в этом случае важно само принципиальное решение вопроса о коннотации как о таком компоненте, который или действительно образует значение слова, т. е. является отражением каких-либо объективных моментов или он возникает вне всякой зависимости с денотатом и является особым семантическим пластом, формирующимся помимо значения слова вследствие чисто субъективных усилий человека — говорящего субъекта. Если полагать, что коннотативные значения есть продукт оценочной деятельности сознания человека, то в этом случае нельзя раздваивать семантику знака, не относящуюся к предмету и относящуюся к человеку. Природа содержательной стороны слова едина и рождается только при субъективном отражении объективных явлений. Это так называемая «субъективность» никогда не может накладываться на что-то, а она есть само условие образования значения слова.

Так называемые экспрессивные слова в номинативном отношении также адекватно передают реальные денотативные признаки объекта, как и обычные нейтральные слова. Сигнификаты таких, например, слов, как *бабуля*, *страшилище*, *подлец* и т. д. отражают именно объективное свойство, в данном случае человека, один из его многочисленных признаков — денотатов («быть доброй бабушкой», «обладать низменными качествами» и т. д.). Понятие реального денотата потому и важно для выяснения природы номинации, что оно дает возможность провести четкую границу между действительным объектом (в данных примерах — различными категориями людей) и значением-сигнификатом, отражающим его признаки. Нельзя себе представить дело так, что говорящий «привносит» в по-

⁵⁰ О. С. Азманова. Словарь лингвистических терминов, стр. 203.

нятие вообще бабушки свое собственное понятие доброты, в то время как *бабуля* действительно обладает качеством 'добрая бабушка' (если она не обладает им, то это будет уже не субъективная оценка, а просто ложное употребление слова).

Если же полагать, что коннотативные значения рождаются каждый раз только в речевых отрезках, то в этом случае надо признать, что язык творит в каждом своем конкретном акте некоторые новые значения, будь это экспрессивные, оценочные, модальные или какие-либо другие, но зависящие только от замысла говорящего и от выбора им соответствующих языковых средств. Однако в этом случае естественно заключить, что коннотативные компоненты значения есть не что иное, как обычный сигнификат единиц языка, взятый в рамках коммуникативных фрагментов, воссоздающих не просто отдельные изолированные лексические значения лексем, а отражающие некоторое цельное мыслительное содержание, образуемое всей совокупностью связей сигнификатов слов в пределах определенных законченных грамматических конструкций.

Коннотация в синтагматическом плане может рассматриваться как взаимодействие ряда значений, но не как субъективное вторжение говорящего, а закрепленное в результате номинации за конкретным словом онтологически обоснованное (через реальный денотат) значение (*милый друг, хорош, друг!*; *Вот тебе и друг!*, *верный друг* и т. д.). Другими словами, в отношении значения языковых единиц коннотация не привносит никакого принципиально иного элемента и может поэтому рассматриваться в рамках реализации обычных значений слов, вступающих в конкретные комбинаторные связи с другим словом (атрибутивные и предикативные словосочетания).

Так называемые коннотативные значения есть не что иное, как проявление связи значений в пределах соответствующих лексических групп, объединяемых общностью содержания (синонимический ряд, семантические поля и т. д.). Однако коннотация, как бы индивидуальна она не была для каждой группы слов, как, например, особенности сочетаемости слов в каждой группе для каждого языка, тем не менее она не выходит за рамки, диктуемые прямо или косвенно самим денотатом, выражаемом в значениях слов. Коннотация не деформирует номинативного содержания слова — она создает лишь предпосылки для

— проявления значения в различных сочетаниях слов, что всегда в принципе покрывается разветвленной сетью взаимодействий отдельных слов для выражения определенно-го значения.

Оценочная семантика является по своему существу, таким образом — по объективности источника (объект как само отношение субъекта к какому-либо явлению), обычной семантикой, однако группируется в определенной части словаря. Разряд так называемых экспрессивных слов в языках может быть довольно значительным и, несмотря на то, что сигнификат этих слов в принципе един с сигнификатом так называемых предметных слов, может тем не менее составлять отдельную группу для изучения особенностей этого разряда как со стороны семантики (особенности оценочного объекта), так и со стороны формы (внутренняя структура слова).

Выступая в каком-либо словосочетании, любое слово раскрывает свое прямое значение, благодаря которому собственно и допустимо то или иное соединение сигнификатов значений в определенном грамматическом комплексе⁵¹. Так называемое созначие — коннотация не есть прямой продукт системы, а сама система есть лишь условие для раскрытия значения слова (здесь имеется в виду синтагматический ряд). Ограничения, накладываемые на сочетаемость слов, например, проистекают не из особой внутренней системы языка, а регулируются природой сигнификата слова, отражающего в вариантах сочетаемости в конечном итоге осмысленные реальные связи вещей и явлений. Так, в прямом значении слова невозможно сочетание, скажем, *разбить воздух*, поскольку сигнификат слова *разбивать* отражает лишь разрушение твердых предметов. Ограничение на это сочетание накладывает сама природа, зафиксированная в конкретном значении слова. Никакие внутрисистемные связи не могут оправдать образование подобного комплекса (в прямом значении).

Здесь речь идет не только о фиксированных значениях слов, использование которых не выходит за пределы собственных значений, но и о таких случаях, как *рвать нить*

⁵¹ См. по этому поводу: Р. А. Будагов. Что такое общественная природа языка?, стр. 21; В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 14; Н. Ю. Шведова. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы». — ВЯ, 1970, № 3, стр. 41.

и *рвать металл*, поскольку в значении русского слова *рвать* зафиксирован денотат, вроде 'разрушение предмета через растяжение'. Сопоставление значений слов разных языков, например, значения слова *рвать* в русск. *рвать нитку*, в англ. *to break a thread* должно быть связано прежде всего с точным установлением значений внутри одного языка, а констатация совпадений или несовпадений значений близких слов в разных языках имеет другую лингвистическую и методическую цель, не связанную прямо с анализом природы номинации.

Система языка не есть демиург языковых значений, а использование языка человеком детерминируется не произволом и субъективной волей каждого индивидуума, а определяется в конечном итоге познанием реальных связей системы объективных явлений. Внутрисистемные связи языка, как бы разнообразны они ни были, они по своей форме в конкретных языках в принципе не являются абсолютно самостоятельным творением человеческого разума (в противном случае, язык перестал бы выполнять свое назначение). О системных связях в языке и о функционировании слов со своим значением как системной принадлежности языка, можно говорить лишь в том условном смысле, что сам по себе язык есть в свою очередь материя мышления, включенного во всеобщий круговорот объективных закономерностей. В пределах языка всегда можно вычленишь сегменты и установить микросистемные отношения как в лексике, так и в грамматике. Поиски системности в лексике есть не что иное, как поиски тех связей денотативного характера, которые группируют соответствующие языковые явления вокруг какого-либо объективно существующего явления (описание, например, семантического поля родства, цвета, каузальности и т. д.).

* * *

Важным пунктом теории номинации является вопрос многозначности слова, так как он затрагивает саму природу номинации — способность слова точно и определенно обозначать, называть вещь, предмет (их признаки — реальный денотат) и функционировать в коммуникативных актах, передавая однозначно информацию о предмете сообщения. В принципе этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: является ли слово в плане но-

минации действительно многозначным в коммуникации или его многозначность существует вне рамок коммуникации, поскольку многозначность в коммуникации разрушила обмен мыслями вследствие неопределенности предмета общения (если, например, продолжить высказывание о пресловутом столе — *Мне понравился его стол* — с неясным значением: 'предмет мебели' или 'угощение') и существует ли вообще слово вне коммуникации? Здесь нет необходимости затрагивать проблему языка и речи, в рамках которой вопрос о многозначности слова решается предельно просто — в языке слово многозначно, в речи — однозначно. Выше было замечено, что существование двух «языков» — языка и речи далеко не очевидно, а сведение многозначности слова, например, к процедуре описания отдельных значений слов, встречающихся в различных сочетаниях, переводит всю проблему в плоскость лингвистической теории, а именно создания словаря языка, в то время как решению подлежит вопрос о многозначности слова не в словаре (словарь, естественно, не образует языка), а в коммуникации, являющейся действительной жизнью языка и одновременно реальностью мышления.

Теория номинации располагает в данном случае одним единственным исходным пунктом, суть которого состоит в том, что слово, в соответствии с гносеологическим законом, необходимо адекватно закрепляет в своем сигнификате реальные признаки (денотаты) предметов и явлений.

Многозначность слова не размыкает ни границ самого слова, ни границ конкретного значения, оно есть лишь проявление той внутренней закономерности строения языка, которое связано с ограниченным по необходимости набором единиц и с абсолютной достаточностью каждый раз конкретных условий высказывания (словосочетание, контекст), которые позволяют каждому слову функционировать только в одном-единственном значении в конкретном коммуникативном акте. Коммуникация никогда не страдает от многозначности слова, но она становится возможной практически для человека только в силу того, что достаточно ограниченное число единиц языка предполагает практически безграничное число комбинаций этих единиц, в которых абсолютно достаточны ограничения для выражения единственного значения, присущего каждому конкретному высказыванию.

Однозначное соотношение сигнификата и денотата есть просто предварительное условие функционирования слова, и выполнение этого условия гарантируется адекватностью отображения в значении слова существенных признаков (реальных денотатов) предмета, явления и прямой номинации (о непрямой — будет сказано ниже). В принципе исключается возможность одновременно многопредметного обозначения в каком-либо одном слове — невозможно, чтобы, например, в русском языке слово *стол* обозначало бы и стул, и табуретку, и шкаф и т. д. (для обозначения разряда предметов, обнимаемых значением другого слова *мебель*). В плане номинации вообще гипотетически можно говорить не о существовании действительной многозначности (не в словаре) слова, а необходимо говорить о его действительной однозначности в смысле адекватного отношения денотата и сигнификата. Однако необходимо иметь в виду, что номинация как лингво-гносеологический акт обозначения объективных предметов и явлений есть по своей сущности акт абстрагирования, в результате чего значение слова приобретает абстрактный, всеобщий характер, позволяющий употреблять соответствующее слово не к одному-единственному конкретному предмету, а в зависимости от степени абстракции к большему или меньшему классу явлений. Это свойство слова и создает условия для употребления его для обозначения каждого представителя определенного класса (слово *стол* для всех видов столов) с сохранением только одного, но решающего условия процесса номинации — обозначения предметов, подпадающих под действие данного сигнификата, другими словами, обладающих существенными признаками, закрепленными в данном сигнификате, т. е. в данном слове. Этот же абстрактный характер сигнификата разрешает и образование множества конкретизаций значений (т. е. обозначения конкретных, вплоть до единичных, предметов) через различные определения в словосочетаниях и высказываниях.

Каждое слово только в этом смысле многозначно, так как раскрытие значения слова есть практически безграничный процесс употребления, сдерживаемый только условиями сохранения своего прямого значения как отражения существенных признаков предмета. Там, где эта связь прерывается, т. е. в тех условиях, когда меняются сами существенные признаки, закрепленные в сигнифика-

те слова, там возникает не многозначность, а омонимия (здесь речь не идет о метафорическом употреблении слова). Если слово *зуб* меняет свой существенный признак как 'твердого образования ротовой полости, служащее определенным целям человеческого организма', и получает в качестве существенного признака значение 'выступ определенной формы' (что не образует существенного признака 'зуб человека'), то эти слова становятся не многозначными, а омонимами, раздельное существование которых затем может подкрепляться различными формальными средствами (так, для русского варианта образуются новые парадигмы: *зуб* — *зубы*, *зуб* — *зубья*). В этом плане природа номинации слова не изменяется от того, является ли слово однозначным (термины) или многозначным. Изменяются лишь условия проявления в каждой словесной единице тех значений, которые заранее определены для этой единицы как номинативное содержание — отношение значения к реальному денотату. Как было отмечено выше, коммуникация осуществляется не через отдельное слово, а лишь посредством полнозначного осмысления единиц высказывания (предложения), в рамках которых каждая номинативная единица обнаруживает свои полноценные качества служить передаче всегда определенной информации.

К сфере номинации необходимо отнести также и такой способ обозначения предметов, который связан не с названием существенных его свойств, другими словами, не с прямым названием, а с обозначением нового предмета через несущественные, второстепенные признаки другого предмета, отраженные в его наименовании. Этот способ обозначения в целом определяется как непрямая номинация, куда могут быть отнесены метафорические и метонимические переносы.

Это явление характеризуется прежде всего тем, что слово употребляется в схожем значении, но в другом, чем основное, другими словами, значение претерпевает смещение и соответствующее слово приобретает новый уzus.

Более детальное рассмотрение этого вопроса требует, безусловно, и синхронического и диахронического подхода, но учет диахронического аспекта не изменяет общего положения о самом механизме переноса, смещения значения.

Для строгого анализа соотношений прямого и переносного значений (во всех его видах) для соответствующих слов требуется, безусловно, четкое определение понятий существенных и несущественных признаков, однако в данном случае вполне возможно руководствоваться понятием существенного признака, отработанного в философии, несмотря на трудности, связанные с вычленением существенных признаков⁵² для значений обиходных слов (в противоположность определению подобных признаков в научной терминологии).

Установление существенных признаков для значений слов важно для того, чтобы с большей вероятностью устанавливать факты переносного значения, что весьма существенно, например, для теоретической и практической стилистики⁵³.

При прямой и не прямой номинации так или иначе предмет получает свою характеристику через сигнификат слова. Но важно подчеркнуть, что в прямой номинации сохраняется во всех словоупотреблениях основной понятийный признак предмета, а при не прямой и косвенной — один из существенных или второстепенных признаков, что и создает сдвиг в значении слова, благодаря которому и возникает известное явление образности, совмещающее в себе, с одной стороны, некоторые признаки прямого значения, а с другой — не прямое, отражающее свойство нового предмета, характеризуемого через один из признаков, так сказать, прямого предмета. Именно этот «раскол» сигнификата слова и есть источник и мотив художественного описания какого-либо явления посредством метафорического сравнения. Как видно, не прямая номинация имеет другой аспект словоупотребления и является производной от основной, прямой, и может рассматриваться уже в плане функционального преобразования сформировав-

⁵² «Существенный признак — признак, который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которого данный предмет существовать не может и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его от предметов других видов и рядов» (Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 507).

⁵³ I. R. Galperin. Stylistics, p. IV. M., 1971; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 17, 19; А. В. Калинин. Лексика русского языка. М., 1966, стр. 26—38; Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974, стр. 117—123.

шейся номинации тех или иных единиц в процессе творческого пользования языком.

На примере непрямой номинации особенно заметно то существенное свойство языка которое определяет его как коммуникативное средство. Все виды переноса могут быть зарегистрированы только в границах какого-либо словосочетания как минимум, а в норме — в границах самостоятельной коммуникативной единицы — предложения. В принципе перенос значения уже предполагает образование по меньшей мере словосочетания, включаемого в свою очередь в предложение. Практически и теоретически человек не может пользоваться языком, употребляя лишь изолированные единицы слова в общении, так как коммуникация заранее связана условием обмена мыслями — условием диалога. Поэтому все языковые явления могут получить всестороннее описание только на уровне их системной интерпретации.

* * *

Номинативная функция не может быть отделена от коммуникации, поскольку, во-первых, содержание языковых единиц реализуется только в процессе вербального общения, а, во-вторых, коммуникация есть первое и единственное предназначение языка как средства объективации мышления.

Все номинативные единицы меньше, чем предложение, могут быть выделены как составные части номинативной структуры предложения. Следовательно, понятие номинации должно быть неразрывно увязано с предикацией, поскольку в аспекте функционирования только предикативные единицы полностью реализуют номинативную функцию языка и поскольку установление номинативного значения любой составной части высказывания возможно в итоге только благодаря образованию предикации. Любое слово содержит в себе указание на предмет только в результате того, что оно может быть включено в предикацию (начиная с элементарной предикации: *Это — стол, дом, дерево*).¹ Имея в виду определенную условность выделения номинативных единиц как самостоятельных из состава высказывания, есть основания предполагать, что через предикацию опосредованно можно установить

начальный процесс образования значения лексической единицы и ее дальнейшее развитие в языке.

К начальному моменту установления номинативного значения языковой единицы в гносеологическом плане может быть отнесен лишь выбор того или иного признака, свойства, качества предмета, который в условиях конкретного материального производства и общественных отношений еще в условиях первобытного общества стал наиболее важным и существенным для его определения. Этимология как существенная часть номинации является предметом исторических разысканий для наиболее древних состояний языка и в настоящее время располагает достаточным материалом для объяснения последующего развития языковых значений из первоначально номинативных условий. Теория номинации должна учитывать при этом два фактора: 1) первичное установление значения слова и закрепление в познании, а, следовательно, и в языке одного из признаков предмета и 2) процесс развития номинативного значения языковых единиц в аспекте общего развития языка.

Номинация, рассматриваемая в аспекте теории языка вообще, имеет своим предметом объяснение взаимоотношений номинативных единиц языка — слов, словосочетаний, предложений к внеязыковым объектам. Этот раздел теории включает в себя прежде всего такие вопросы, как вопрос об адекватности соотношения реальных объектов, признаков предметов (денотата) и значений (сигнификатов) языковых единиц и является по существу разделом философии языка.

С точки зрения содержания языковой единицы обозначение любого предмета объективной действительности (предмета, процесса, ситуации) есть понятийное фиксирование какого-либо реального признака и закрепление его в значении соответствующего элемента языка. В этом плане сигнификативный аспект номинации может рассматриваться как часть гносеологического раздела теории языка.

Проблема номинации как раздел теории языка может включать в себя следующие составные части:

семантика слова как результат закрепления абстрагированным мышлением познанных и обозначенных в словесной форме признаков и свойств реальных предметов и явлений (денотатов);

структура семантики слова — проблема реализации значений языковых единиц в коммуникации;

проблема синонимии и омонимии в связи с природой сигнификата слова в его соотношении к объектам и реальным денотатам;

проблема многозначности слова (полисемия) как проблема абстрактной природы словесных знаков;

проблема изменения значения языковых единиц;

проблема метасемиозиса как проблема перехода прямой номинации к непрямой, как закономерность изменения значения слова на основе аналоговых соотношений денотатов;

категориальное закрепление сигнификативных признаков в содержании слова в пределах различных разрядов лексической системы (части речи, семантические классы и т. д.);

взаимодействие различных видов значения (сигнификат) слова в пределах лексической системы конкретного языка (вопросы коннотации, валентности и т. д.).

Исследование указанных здесь проблем и ряда других в аспекте теории номинации безусловно может оказаться плодотворным для современного языкознания.

НОМИНАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

I. О НЕКОТОРЫХ ОБЩЕМЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ

Проблема номинации — сложная и трудная проблема. Хотя разработка этой проблемы в ее различных аспектах ведется на протяжении многих десятков лет, многое в ней еще остается неясным, отдельные результаты ее исследования часто между собой не согласованы, определены не достаточно точно и т. д.

По нашему мнению, трактовка всех вопросов, связанных с проблемой номинации, могла бы быть более ясной, если бы учитывались важнейшие факторы, способствующие появлению в языке того или иного слова. Эти факторы следующие: опыт, лингвистическая техника, человеческая психология и роль отдельного индивида, роль общества, влияние внешних условий, номинация и языковая система, взаимоотношение языка, мышления с окружающей действительностью. Рассмотрим каждый из этих факторов в отдельности.

1. ОПЫТ

Любое наименование в языке является результатом опыта. Длительность опыта может быть самой различной. Человек может изучать и познавать предмет в течение многих лет, он может поверхностно ознакомиться с ним, увидев его впервые. Но длительность опыта в данном случае не имеет никакого значения. Важно, чтобы опыт этот был, так как опыт всегда предшествует наименованию. Появление наименований каких-либо предметов или явлений

невозможно представить вне человеческого опыта. Человек не мог создать прилагательные типа *светлый*, *темный*, *холодный*, или существительные типа *волж*, *лес*, *водоворот* и т. п. без предварительного ознакомления с этими свойствами и предметами на опыте.

Но всякий опыт должен оставить в голове след в виде представления, понятия или его аналога, который должен обязательно предшествовать наименованию.

Существует, к сожалению, довольно широко распространенное мнение, будто бы до появления слова у человека отсутствует какое-либо достаточно четкое представление о предмете или явлении. Если нет слова, следовательно, нет понятия. Не вдаваясь в полемику по поводу тезиса об обязательном вербальном характере человеческого мышления, мы постараемся обосновать наш основной тезис: опыт создает инвариантный обобщенный образ предмета, который обычно предшествует его наименованию.

В философии обычно принято делить процесс познания на идущие по восходящей линии ступени, именуемые формами познания. Такими формами являются ощущение, восприятие, представление и понятие.

Сложность этого вопроса состоит в том, что первичная стадия познания — ощущение не отделена китайской стеной от остальных стадий, как пытаются представить это некоторые философы. В. В. Орлов, например, утверждает, что в ощущении не дано непосредственного знания геометрии тел — линии, плоскости, форм вообще, в ощущениях непосредственно не осознаются пространственность и длительность, хотя они заранее заключены в содержании ощущений¹.

Все дело в том, что уже в ощущениях содержатся элементы общего. Определенного качества ощущения могли генетически возникнуть только на базе многочисленных повторений. В противном случае его качественная однородность не выработалась бы, и эффект ощущения был бы в каждом конкретном случае разным.

Неверно также, что знание геометрии тел не дано в ощущении. Четко очерченные контуры предмета, по видимому, схватываются ощущением. Если ощущение способно отразить общие очертания предмета и однородно

¹ В. В. Орлов. Особенности чувственного познания. Пермь, 1962, стр. 171.

информировать человека о его свойствах, то это значит, что в ощущении уже присутствует познание категориально общего, пусть даже в менее совершенной форме, чем оно представлено в восприятии.

При характеристике ощущения недопустимо абстрагироваться от такой важной особенности человека, как память. Чувственный образ предмета мог воспроизводиться в памяти. Благодаря несовершенству памяти такой образ мог быть только редуцированным, поскольку человеческая память не в состоянии сохранить все мельчайшие подробности. Этот образ был буквально не похож ни на один предмет окружающей действительности. Следовательно, с самого начала он был обобщенным инвариантным образом предмета.

Отличительным признаком восприятия является то обстоятельство, что оно является результатом практической деятельности человека и содержит известные элементы обобщения. Оно включает в себя также момент, который не вытекает непосредственно из лежащих в его основе ощущений, а зависит от общего состояния психической деятельности человека (апперцепции). Восприятие зависит от имеющихся у человека знаний, интересов, навыков. Апперцепция выражает зависимость восприятия от прошлого опыта человека, является аккумуляцией ранее воспринятых ощущений. Стало быть, обобщенный образ предмета в восприятии также может присутствовать.

Тем не менее очень часто можно слышать утверждение, что восприятие может дать сведения только о том, что непосредственно воздействует на животное или человека, т. е. знание конкретной ситуации. Здесь скрывается явное противоречие.

На более высокой ступени познания объективного мира возникает представление. Здесь уже, по мнению многих теоретиков, возможен отрыв образа от конкретной ситуации во времени. Простейшее представление образуется в результате многократного воздействия на чувства и многократного образования ощущений и восприятий от данного предмета. Вряд ли здесь можно сомневаться в том, что в представлении не присутствует обобщенный инвариантный образ предмета.

Что касается высшей сферы познания — понятия, то его характеристика крайне неопределенна. Понятие нередко определяется фактически как круг знаний о дан-

ном предмете или явлении. Поскольку эти круги знаний у разных людей явно не одинаковы, то и базирующиеся на этих кругах понятия могут также варьироваться. Понятие можно отождествить с определенным набором дифференциальных признаков, отличающих один предмет от другого. Но в таком случае определенные понятия начинают приближаться к восприятию.

Если на всех ступенях познания в той или иной мере присутствует элемент общего, то и разделить практически эти фазы крайне трудно. Трудно также согласиться с утверждением некоторых философов и психологов о существовании в развитии человека стадии чистого чувственного познания мира, предшествующего образованию понятий. По нашему мнению, такая стадия является фикцией.

Для уяснения процесса номинации нам представляется целесообразным исходить из следующих теоретических положений. Жизненный опыт человека, неоднократное знакомство с предметами, относящимися к определенным категориям, неизбежно ведет к знанию предмета и к образованию в его сознании инвариантного образа предмета. Инвариантный образ всегда предшествует наименованию. Этот тезис можно извлечь и из высказываний классиков марксизма. Люди, говорил Маркс, «начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов»². Эти слова наглядно показывают, что Маркс признавал примат опыта. Повторение процесса производства и есть не что иное, как опыт.

Труд, по Энгельсу, возник раньше членораздельной речи. «Сначала труд,— замечает Ф. Энгельс,— а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 377.

его по величине и совершенству»³. Труд, предшествующий речи, — это опять-таки опыт. Следовательно, опыт создает основу всякого наименования — обобщенный инвариантный образ предмета.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Для того, чтобы обобщенный инвариантный образ слова, выступающий в нашем сознании в виде хотя бы представления, или трудно от него отличимого понятия, мог выступать как элемент человеческой речи, он должен быть выражен звуковым комплексом. Без этого условия нет номинации. Следует с самого начала понять, что выбор звукового комплекса есть чисто лингвотехнический прием, который в познании избранного нами предмета не приносит абсолютно ничего нового, так как свойства предмета, по крайней мере его наиболее существенные свойства, нами уже познаны в результате жизненного опыта. При этом совершенно безразлично, какого характера был этот опыт. Мы могли получить представление о свойствах предмета на основании его характеристики, произведенной каким-либо другим лицом в чисто языковой форме, или путем непосредственного воздействия на нас предмета через первую сигнальную систему, поскольку первая сигнальная система вполне способна сообщить нам необходимую информацию о предмете.

Признаки, выбираемые в качестве основы наименования, в каждом языке могут быть разными. Др.-греч. ἀγορά 'рынок' связан с глаголом ἀγείρω 'собирать', т. е. 'место, где собирается народ', англ. market 'рынок' происходит от лат. mercatus 'торг, рынок', которое в свою очередь связано с лат. mercor, означающим 'покупать'. И древний грек имел, и современный англичанин имеет полное представление о всех атрибутах рынка: рынок — это место, где собирается народ, где что-то продают или покупают. Различие состоит лишь в самой технике номинации. Техника номинации не дает возможности судить о степени развитости мышления того или иного народа.

Различных технических способов номинации может быть довольно. Наиболее распространенный способ номинации, как будет показано ниже, — это использование звукового комплекса, означающего какой-либо из при-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 490.

Знаков, присущих данному предмету. Наименование может происходить на основе звукоподражания или использования звуковой символики. Довольно распространенным является способ наименования, основанный на деривации или, проще говоря, производство слова от другого слова. Одним из технических способов номинации является довольно распространенное в некоторых языках словосложение. Образование идиоматических выражений также представляет особый тип номинации. К способам номинации следует отнести также калькирование и заимствование. Каждый из этих способов обладает собственной, иногда неповторимой спецификой, которую следует учитывать при изучении различных проблем номинации. Например, степень случайности в выборе признака при различных способах номинации далеко не одинакова. Она довольно велика в случаях наименования по какому-либо признаку. При звукоподражании степень случайности резко падает. Еще более резко она уменьшается и почти сходит на нет при деривации.

3. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РОЛЬ ОТДЕЛЬНОГО ИНДИВИДА

Среди некоторых лингвистов распространено мнение, что язык не обладает функцией отражения. «Мышление и язык, — пишет Г. В. Колшанский, — соотносятся с предметами действительности, только первое соотносится с ними отношением отражения, второй — отношением выражения»⁴.

По нашему мнению, с этим утверждением нельзя согласиться. Следует учесть тот факт, что человеческое мышление не только отражает окружающую действительность, но и участвует в создании системы языка. Однако роль этих мыслительных актов в том и другом случае будет иметь некоторое довольно существенное различие.

Мышление, как отражение действительности в целом, — это довольно сложное явление. Фактически это целая система различных мыслительных операций, связанных с обработкой информации, доставляемой рецепторами, с образованием представлений, понятий, суждений и умозаключений. Такого рода деятельность происходит в го-

⁴ Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, стр. 16, 17.

лове каждого человека и в обществе, понимаемом как целое.

Мышление, участвующее в создании языковой системы, конкретно отражается в создании различных лингвотехнических приемов. Вне всякого сомнения, оно имеет определенный субстрат — понимание человеком окружающей действительности, возникшее в результате ее отражения, но сами операции языка, выраженные в лингвотехнических приемах, менее сложны. Это преимущественно отбор признаков на основе определенных ассоциаций, сведение предметов в категории, установление общности функций, различных корреляций и т. п.

Но самое любопытное здесь состоит в том, что любая инновация в языке — создание нового слова, формы, словосочетания, новой синтаксической конструкции — осуществляется в самом начале отдельным индивидом, и в этом нет ничего парадоксального. Всякая инновация требует инициативы, которая не может возникнуть у всех членов данного общества одновременно и быть совершенно одинаковой по своему содержанию, направленности и т. д. Все новое в языке вначале создает индивид, и это новшество в дальнейшем распространяется, принимается или отвергается другими членами общества.

4. РОЛЬ ОБЩЕСТВА

Хотя каждая инновация в языке создается отдельным индивидом, но судьба созданного зависит от общества. Несмотря на огромное разнообразие внутреннелингвистических и внешнелингвистических факторов, определяющих судьбу вновь возникшего слова или формы, решающая роль всегда принадлежит обществу. Общество окончательно создает и формирует язык в подлинном смысле этого слова.

Общество создает известный конвенционализм в употреблении слов, в результате чего слово получает определенное место в лексической системе языка, приобретает определенную стилистическую окраску. В начальный период развития авиации в нашей стране возникла необходимость в наличии какого-то русского термина для обозначения авиатора. Так называли в то время летчика. Были предложения внедрить слово *льтец* (ср. слово *чтец* от глагола *читать*). Однако это предложение не

имело успеха, так как предполагаемое слово встречало сопротивление со стороны лексической системы русского языка. Суффикс *-ец* объединяет целый ряд эмоционально окрашенных слов сниженного стиля: *лжец, подлец, глупец, стервец, наглец* и т. д. Для названия новой и почетной профессии предлагаемое слово *льтец* никак не подходило. Было создано слово *летчик*. Это слово не имело никакой оценочной окраски. Кроме того, суффикс *-чик* существовал во многих других словах, обозначающих профессию, ср. *наладчик, переплетчик, водопроводчик*. Если взять для примера две русские фразы: *он прошел славную дорогу* и *он — мой спасатель*, то обе эти фразы с точки зрения стилистических норм русского языка явно ошибочны. В сочетании *славная дорога* слово возвышенного стиля *славный* сочетается со словом более сниженного стиля *дорога*. С стилистической точки зрения было бы более правильным сказать *славный путь*, потому что в русском языке слово *путь* употребляется в более высоких стилях речи. Слово *спасатель* также в данном случае неуместно, поскольку целый ряд слов с суффиксом *-атель* имеет насмешливо-ироническую окраску, ср. *развиватель* какой-либо теории (в дурном смысле), *старатель, обыватель*, и т. п. Стилистически в русском языке это слово снижено, тогда как слово *спаситель* не имеет этой стилистической окраски и принадлежит к более высокому стилю.

Казалось бы, с точки зрения логического содержания и значения слова *путь* и *дорога* совершенно одинаковы, поскольку они соотнесены с одним и тем же денотатом. Однако общество чисто конвенционально разграничило сферы употребления этих слов, создало для каждого слова как бы определенную моду употребления.

Конвенционализм в употреблении слова и придание его значениям различных оценочных и стилистических характеристик сильно осложняют лексическую систему языка. Создаются особые закономерности дистрибуции слова, его сочетаемости. Так называемые реляционные значения слов, в отличие от лексических значений в традиционном смысле, не имеют коррелятов в объективной действительности. Поэтому вряд ли с методической точки зрения можно признать удачными попытки некоторых лингвистов любое явление в языке рассматривать как прямое и непосредственное отражение действительности.

5. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ

Если рассматривать внешние условия как импульс появления новых слов в языке, то роль их огромна. Однако, если рассматривать слово с точки зрения лингвистической техники, то чаще всего выбор признака в качестве основы наименования не зависит от каких-либо внешних условий и является результатом чисто случайных ассоциаций. Русск. *окно* этимологически связано со словом *око* (глаз), сербск. *прозор* 'окно' этимологически связано с русским глаголом *взирать* 'смотреть', исп. *ventana* 'окно' связано с лат. *ventus* 'ветер'. Совершенно понятно, что внешние условия не играли никакой роли в этих процессах номинации. Еще более трудно обнаружить какую-либо мотивированность внешними факторами при словообразовании.

Однако можно найти отдельные случаи, когда номинация, в особенности выбор признака, имеют определенную внешнюю мотивацию. Греч. *πρόζατος* 'овца' означает буквально 'идущее вперед'. Очевидно, этот признак отражает некогда существовавший у греков порядок расположения различных пород домашних животных при перегоне скота с одного пастбища на другое. Финск. *rohjola* 'север' связано со словом *rohja* 'дно'. Это объясняется тем, что тыловая часть землянки, находившаяся в земле, у древних финнов была обращена к северу, в отличие от выхода из землянки, который всегда был обращен к югу.

Очевидно у разных способов номинации степень мотивированности внешними условиями будет неодинаковой.

6. НОМИНАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

Технические приемы номинации являются общими для всех языков мира. Однако отсюда не следует, что особенности языковой системы, особенности языкового типа не могут оказывать никакого влияния на характер приемов номинации. В некоторых языках Европы, например в германских, славянских, новогреческом, армянском и др., довольно распространен такой прием номинации, как словосложение. В древнекитайском языке огромное количество слов состояло только из одного слога. Ограниченное количество типов слогов в китайском языке сильно ограничивало дистинктивные возможности языка даже при

наличии тональной системы. В целях ликвидации этой лингвотехнической ущербности в китайском языке очень усилилось словообразование, в результате осуществления которого преобладающее большинство слов современного китайского языка представляют так называемые биномы, т. е. исторически соединенные двух некогда самостоятельных слов. В то же время во французском, а также в таких языках, как испанский и португальский, сложные слова не образуются. В татарском языке также возможны словосложения, но эти словосложения облакаются в изафетную конструкцию, образуемую по схеме «существительное + существительное + притяжательный суффикс», ср. нем. *Land-wirtschaft* 'сельское хозяйство', но тат. *авыл хужалы-гы*.

Необходимо также отметить, что сложившаяся в языке лексическая система сама начинает накладывать известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова. Номинация становится зависимой от сложившейся лексической системы.

7. ВЗАИМОТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Вряд ли можно отвергать тот бесспорный факт, что всякая номинация опосредствована мышлением. Если предмет материального мира не подвергся умственной обработке, его свойства не закрепились в нашем сознании, никакой номинации быть не может.

Принято считать, что мышление человека отражает окружающую действительность. Однако вместе с тем существуют теории, согласно которым язык изображается как творец действительности. Таково, например, учение В. Гумбольдта о языке как выражении духа народа. Отношение человека к предметам целиком обусловлено языком. По мнению Л. Вейсгербера, язык сам создает окружающий мир. Слова упорядочивают многообразие предметов под определенным углом зрения. Этот же взгляд по существу отражен и в широко известной в настоящее время гипотезе Э. Сепира и В. Уорфа.

Многими нашими лингвистами эти теории подвергаются резкой критике и трактуются как идеалистические.

Если человек создает посредством языка какой-то особый мир, совершенно отличный от всего того, что его окру-

жает, то такой взгляд, конечно, явно противоречит ленинской теории отражения. Однако совершенно исключить всякое творческое начало в глоттогонической деятельности человека также было бы неправильно.

Необходимо всегда иметь в виду известное качественное различие между мышлением и языком как средством коммуникации. Создание языка, как средства общения, всегда связано с известной необходимостью препарирования окружающей действительности. Это не значит, что наше мышление, сознание перестает быть результатом отражения окружающего мира. Самое замечательное здесь состоит в том, что свойство отражения окружающей действительности в мышлении человека не устраняется и в то же время препарация действительности в целях создания средства общения, т. е. языка, постоянно осуществляется.

В чем заключается эта препарация? Язык обладает тем характерным свойством, что он линейный, тогда как окружающие нас предметы и явления обычно предстают в единой и совокупной целостности различных их свойств. Создание языка требует объективизации отдельных свойств предметов и их отношений, превращения их как бы в отдельно существующие предметы. По этой причине в каждом языке количество слов намного превосходит количество самостоятельно существующих явлений действительности. Такие понятия, как «теплота» или «твердость», «справедливость», «высота», «близость», «даль» и т. п., отдельно не существуют. Безусловно, все, это является элементом творчества, но это творчество не идет в разрез с отражательной способностью нашего мышления.

Создавая язык, как средство общения, человек должен в какой-то мере приспособить его к своей человеческой природе и создать в нем то, чего нет в окружающей действительности. Ярко выраженная в каждом языке конвенциональность в употреблении слов, стилистическая окраска слов, создание различных средств экспрессии, многочисленные случаи выражения различных модальностей и т. п., — все это результат творческой деятельности человека. Но эта творческая деятельность в конечном счете не элиминирует отражательной способности человеческого мышления. Во всех этих явлениях нашла свое отражение человеческая природа, в значительной степени отличная от неживой природы.

Следует также иметь в виду, что создание языковой системы ведет к известному упрощению, а в ряде случаев даже к искажению действительности. Окружающая нас действительность текуча, в ней отсутствуют строгие разграничительные линии. Поэтому процесс познания действительности связан с выделением каких-то отдельных предметов, с их наименованием, с их отождествлением между собой, с превращением непрерывного в дискретное, текучего в жесткое⁵.

Таким образом, познание окружающего мира человеком и создание им языка является творческим актом, ведущим к известному упрощению действительности, но такое упрощение необходимо и в целом не противоречит теории отражения.

В предложениях типа *лес шумит* и *река течет* осуществлена явная персонификация предметов неживой природы: лес сам не может шуметь и река сама не может течь. Стремление к упрощению коммуникативной техники привело к известному искажению действительности, но не к устранению отражательной способности человека. В действительности эти различия человеком осознаются. В человеческом языке имеются различные элементы, обслуживающие только технику речи и т. п.

В различных языках окружающий мир может члениваться по-разному по причине различия окружающих условий. Очень часто это различие касается только содержания понятий, относится к различию объема знаний или сферы употребления данного слова.

Однако при всех этих различиях можно всегда найти общее понятийное ядро в близких по значению словах различных языков мира. Как бы ни были различны представления о доме у жителя Сибири, жителя Полинезии или у жителя Африки, во всех случаях *дом* — это средство для жилья, имеющее стены, крышу, дверь, окна и т. п.

Не вдаваясь в излишние крайности, можно утверждать, что человек, отражая в своем сознании окружающий мир, в известной степени его творит и преобразует, но это творчество не устраняет ни его отражательной способности, ни примата действительности в процессе отражения.

Всякая номинация есть прежде всего лингвистическая

⁵ Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961, стр. 76.

техника, но эта техника имеет менталистическую основу и осуществляется в различных условиях. Поэтому учет различных факторов, определенным образом влияющих на образование слов, представляется нам крайне необходимым.

II. НАИМЕНОВАНИЕ ПО ПРИЗНАКУ

В процессе образования слов человеческого языка огромное значение имеет проблема выбора. Роль выбора обусловлена целым рядом обстоятельств, которые относятся отчасти к физиологическим особенностям человека, отчасти к функциям и механизму речи.

Мыслительная деятельность, совершающаяся в мозгу каждого отдельного индивида, недоступна познанию другого индивида, если она не получает никакого чувственно воспринимаемого материального выражения. Во всех языках мира наиболее удобной формой материального выражения мысли для целей общения является система звуковых сигналов.

Звуковой сигнал, или звуковой комплекс, удобен в том отношении, что он может быть соотнесен как с классом предметов, так и с каждым конкретным представителем данного класса предметов.

Одной из важнейших функций языкового комплекса является функция метки или возбuditеля.

Каждый конкретный предмет или явление окружающего мира имеет целую систему свойств и различных связей, которые образуют в нашем сознании довольно сложное представление о данном предмете, т. е. знание о предмете. Наименование предмета совершенно немислимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета. В связи с этим нам хотелось бы привести замечание Д. Н. Кудрявского: «Отвлечение слова предполагает многократное повторение однородных восприятий, которые человек научился отождествлять. Общее представление может быть создано только тогда, когда человек уже научился в каждом новом восприятии, например, данного дерева, находить общее со всеми прежними восприятиями других деревьев. Общее представление всегда является сознательным или бессознательным выводом из целого ряда однородных восприятий. Все это, несомненно, указывает на то, что созданию слова пред-

шествует: 1) долгий опыт и 2) классифицирующая работа ума»⁶.

Каждое речевое сообщение преследует две основных цели: 1) оно должно возбудить в сознании собеседника предмет или тему собеседования и в известной мере раскрыть его содержание. В данном случае интересно то, что конкретное речевое высказывание никогда не раскрывает всей суммы сведений о предмете, которую имеют собеседники. В конкретном речевом акте раскрывается лишь часть сведений, которая по какой-либо причине интересует одного говорящего или других, участвующих в данном разговоре. Произнесение звукового комплекса также не ставит своей целью возбудить в собеседнике все, что он знает о данном предмете. Вполне достаточно для установления темы разговора, если при произношении слова «корабль» в голове собеседника возникает представление об общих контурах корабля и эти контуры будут ассоциированы с морем.

Эта особенность слова-метки, слова-возбудителя представления открывает очень широкие возможности для создания звукового комплекса на основании только какого-нибудь признака.

Познакомившись с новым предметом или явлением, человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков, выбирает только какой-нибудь один, кажущийся ему характерным признак, уже имеющий в данном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета. Богатый опыт, накопленный этимологами в области исследования этимологических связей различных слов и их истории, явно свидетельствует о том, что названия предметов, явлений, различных процессов и т. п. возникают именно таким способом. Ливингвисты, занимающиеся историей различных слов, очень часто раскрывают название какого-нибудь признака, легшего в основу наименования данного предмета или явления. Это положение может быть подтверждено достаточно наглядными примерами.

Нем. *Bär* 'медведь' связано с прилагательным *bhero* 'бурий'; нем. *Fuchs* 'лисица' происходит от корня **rūk-*: реук 'волосатый', 'лохматый', ср. русск. *пух*,

⁶ Д. Н. Кудрявский. Введение в языковедение. Юрьев, 1912, стр. 36.

пушной; др.-инд. ruśśha 'хвост'; нем. Nase 'заяц' обнаруживает связь со ср.-в.-нем. heswe 'бледный', др.-в.-нем. hasan — 'серый', 'блестящий', др.-англ. hasu 'серо-коричневый'; нем. haben родственно лат. capere 'схватывать'; нем. Fels 'скала' сопоставимо с др.-норв. fiáll 'гора'; нем. Schlaf 'сон' сопоставимо с schlaff 'вялый' и русским *слабый*; нем. Morgen 'утро' связывается с литовским merkti 'сверкать'; нем. früh связано с корнем *рго 'вперед'; ср. также нем. schwimmen 'плавать' и норв. svamla, smula 'плескаться'; нем. Berg 'гора' и *bhergh 'высокий'; нем. Süden 'юг' и готск. sunþa 'солнечная сторона'; нем. Schmerz 'боль', англ. smart 'острый', 'кусающийся', лат. mordeo 'кусать'; нем. Käfer 'жук' и голл. keveren 'грызть'; нем. Ried 'тростник', др.-англ. hriod из *hrenda от корня *kreut 'трясти, оживленно двигаться'; нем. Hahn 'петух' и др.-ирл. canim, лат. cano 'пою'; нем. Baum 'дерево' и biegen 'гнуть'; нем. Schwan 'лебедь' из *suon, т. е. 'издающий звук', лат. sonare 'звучать'; нем. Frosch 'лягушка', др.-герм. *prusko 'прыгать', русск. *прыгать*; нем. Brot от *bh(e)ren 'бродить'; нем. Fliege 'муха' от fliegen 'летать'; нем. dunkel 'темный' из *dheugwos, нем. диал. dunken 'сырой', нем. Furt 'брод' от *rftu собственно 'проход'; нем. Ernte 'жатва', др.-норв. oþn (из *aznu), готск. asans 'жатва', 'лето', русск. *осень*, прусск. assanis 'осень'; нем. frieren 'мерзнуть', др.-инд. pṛiṣṭa 'сожженный', алб. pṛiṣ 'иней', 'жар', лат. pṛina 'тлеющий'; 'уголь'; нем. Nord 'север', греч. νέρθερος 'нижний'; нем. Rost 'ржавчина' от rud 'красный'; ст.-сл. ružda 'ржавчина'; русск. *поле* от *полюй*, лат. palam 'открыто', шв. fala 'равнина', 'пустошь'; русск. *берегу*, *беречь*, готск. baigan, др.-в.-нем. bergan 'скрывать'; русск. *остров*, греч. ῥέω 'теку' из greō (первоначальный признак «обтекаемый»); русск. *туча*, лит. tankūs 'густой'; русск. *тло* 'основание', лат. tellus 'земля', др.-ирл. talam 'почва', русск. *течь*, *теку*, ирл. techim 'убегаю'; русск. *юг*, гр. αὐγή 'блеск', 'мерцание'; русск. *соловей*, от *соловий* или *желтовато-серый*; русск. *олово*, лат. albus 'белый', греч. ἀλόφος, русск. *небо*, лат. nebula 'туман', греч. νέφος, νεφέλη 'облако', нем. Nebel 'туман'; русск. *утро* из *устро*, лит. ausga 'заря'; русск. *крот*, лит. krūtus 'подвижный'; русск. *лес*, лит. laisve 'лист'; русск. *береза* от основы *bherəḡ 'светлый', 'белый', ср. также

готск. *bairhts* 'светлый 'ясный'; др.-в.-нем. *bercht* 'блестящий', др.-англ. *beorht* 'блестящий', англ. *bright* 'яркий', 'светлый', 'блестящий'; русск. *создать*, готск. *deigan* 'месить', др.-инд. *dēhmi* 'обмазывать'; русск. *бороться*, лат. *ferio* 'ударять'; греч. *σκίουρος* 'белка' из *σκία* 'тень' + *οὐρα* 'хвост', букв. 'тот, кто делает тень хвостом'; греч. *μακρός* 'длинный' и лат. *macer* 'тощий', др.-норв. *magr*; греч. *ἔτος* 'год', лат. *vetus* 'старый', ст.-сл. *ветхий*; греч. *κλέος* 'слава', 'слово', др.-норв. *hlusta*, др.-англ. *hlustan*, англ. *to listen* 'слушать', лит. *klausit* 'слышать'; греч. *βραχύς* 'короткий', ст.-сл. *brūzū* 'быстрый'; греч. *καρδία* 'сердце', лит. *širdis*, др.-ирл. *scide*, арм. *sirt* от **kerd* собственно «середина», «сердце, то, что находится в середине человеческого тела»; греч. *πέλαγος* 'море', нем. *flach*, голл. *vlas* 'плоский'; греч. *κράτος* 'сила', др.-норв. *hardr* 'твердый'; греч. *λευκός* 'белый', др.-инд. *gōcate* 'светит', лат. *luna* 'луна' из *louqna* (букв. 'светящаяся'); греч. *κρέας* 'мясо', лит. *kraujas* 'кровь', русск. *кровь*; греч. *κάλαμος* 'тростник', норв. *halmr* 'стебель', русск. *солома*; греч. *σπόγγος* 'губка', лит. *gumbas* 'нарост', лат. *fungus* 'гриб'; греч. *φοβέσθαι* 'бояться', лит. *begti* 'бежать', ср. русск. *бегу* из **bhegu*; греч. *σκοτός* 'темнота', др.-ирл. *scáth* 'тень', готск. *skadus*, др.-англ. *sceadu*, др.-в.-нем. *scato* 'тень'; греч. *ἔρχομαι* 'приходить', др.-перс. *gasatiy*, совр. перс. *gasad* 'достигать', др.-инд. *gṛchati* 'достигать'; греч. *κλέπτω* 'воровать', лит. *slepti* 'прятать'; греч. *ἔλος* 'болото', др.-инд. *saraḥ* 'бассейн', 'пруд'; греч. *λάμπω* 'блестеть', лат. *lara* 'сосновый факел'; прусск. *lopis* 'пламя', лит. *lėrsna*, лтш. *lesma* 'пламя', ст.-сл. *лѣрь* 'блестящий', 'хороший'; др.-инд. *ātmā* 'душа', нем. *Atem* 'дыхание'; греч. *ἔρπω* 'ползать', др.-инд. *saraḥ* 'змея'; греч. *ἥλιος* 'солнце', лат. *sol*, готск. *sauil* 'солнце', от и.-е. корня **saū* 'светить'; греч. *πέτομαι* 'летать', галл. *eth* 'птица' <**pet-no*; лат. *latus* 'широкий', из **stlātos* букв. 'постланый'; лат. *lūcus* 'роща', из **loukos*, лит. *laukas* 'поле', т. е. 'нечто более освещенное'; лат. *mergus* 'гагара' от *mergo* 'нырять'; польск. *chować* 'сберегать', нем. *schauen* 'смотреть'; польск. *biały* 'белый', русск. *белый*, др.-инд. *bhā-mi* 'светить'; польск. *jastrzab* 'ястреб' от *jastry* 'быстрый'; чешск. *dřevo* 'дерево', русск. *дерево*, лат. *durus* 'твердый', др.-инд. *dhruvaḥ* 'твердый', зенд.

drva 'твердый', греч. δρῦς 'дуб'; чешск. labut', русск. *лебедь* от *elbh/-albh 'белый'; чешск. bez, русск. *без*, др.-инд. bahiṣ 'мимо'; чешск. chromu 'хромой', др.-инд. śraṃajati 'устаёт', śrautaḥ 'усталый'; лит. karvė 'корова', греч. κέρα, лат. cornu, готск. hauru, нем. Horn 'рог'; лит. krantas 'высокий берег', русск. *крутой*, лит. auṣra 'утренняя звезда', др.-исл. austr 'восток'; лит. badas 'голод', русск. *беда*; лит. kalnas 'гора', лтш. kalns 'гора', др.-исл. halmr 'маленький остров' и т. д.

Изучение этимологических связей слов также показывает, что при наименовании различных предметов и явлений, а также различных процессов и состояний в разных языках, могут быть выбраны различные признаки.

Немецкое Nase 'заяц' связано с названием цвета, ср. др.-в.-нем. hasan 'серый', др.-англ. hasu 'серо-коричневый'; русск. *заяц* образовано от корня *ḡhei/ḡhoi 'скакать, лететь'. В венгерских диалектах встречается слово füles 'заяц' от fül 'ухо'. Венг. czillág 'звезда' этимологически связано с удмуртским глаголом *чилянны* 'блестеть', ср. также комп-язвпнское *чиль* 'искра'. Немецкое Stern и латинское stella 'звезда' связаны с индо-европейским глагольным корнем *ster- 'рассыпать', 'распространять', 'сплотить', татарское *йолдыз* 'звезда', по-видимому, содержит звукосимволический элемент *йол(д)*, изображающий сверкание, мерцание, который также содержится в таких словах, как *ялк* (*ын*) 'пламя', *ялт-ырау* 'блестеть', тур. yıldırım 'молния'; др.-инд. pakṣatram, вероятно, из *pakt-kṣatra 'господствующий над ночью', ненецк. *нумгы* 'звезда' образовано по признаку 'то, что находится на небе'; нем. Nachtigall 'соловей' связано с Nacht 'ночь' и gallen 'петь', нашедшим отражение в латинском gallus 'петух', Русск. *соловей* связано с прилагательным *соловый*, венгерское szalogány 'соловей', по-видимому, имеет отношение к глаголу szalogátni 'привлекать'; финск. satakieli 'соловей' (букв. 'сто языков'), тадж. *булбул* 'соловей' основан на звукоподражании, ср. тадж. *булбулак* 'детская глиняная свистулька'. ἄγορά в др. греч. означает 'рынок' и образовано от глагола ἀγείρω 'собирать', т. е. 'место, где собирается народ'; англ. market 'рынок' происходит от лат. mercatus 'торг, рынок', которое в свою очередь связано с лат. глаголом mercor, означающим 'покупать'; русск. *рынок* связано с нем. Ring 'круг'.

Рум. *sat* 'деревня', алб. *fshat* происходит от латинского *fossatum* 'нечто окруженное рвом'; нем. *Dorf* 'деревня' связано с готским *fraur* 'обработанная земля', 'поле', русское *деревня* в конечном счете через посредство слова *дерево*, связывается с глаголом *драть*. Первоначальное представление существительного *дерево* 'то, что выдирается или обдирается', т. е. место, расчищенное от деревьев, 'выдранный' от деревьев. Осет. *gäw* 'селение' 'аул', этимологически связывается с др.-инд. *gava* или *gavya* с исходным значением 'скот'. Русск. *берег* названо по принципу высотности, ср. нем. *Berg* 'гора', лат. *gira* 'берег' имеет отношение к греч. глаголу *ἐρείπω* 'бросать вниз, обрушиваться', исп. *costa* 'берег' связано с лат. *costa* 'ребро'.

Русск. *мост* связано с глаголом 'метать', лат. *pons* 'мост' — это то же самое, что и русск. *путь*; морд. *сeдь*, венг. *híd* и груз. *hidí* представляют заимствование из какого-то иранского языка. В авест. *saeta* означает 'плотина'. Лит. *tiltas* 'мост' связано с др.-русск. *тло* 'пол' и ст.-сл. *тло*, а также с русск. глаголом *стлать*.

В основе тат. *карлыгач* лежит звуковой признак, ср. телеутской *карлы* 'хриплый'. Удмуртское название ласточки *ваёбыж* буквально означает 'раздвоенный хвост'.

В отдельных случаях в разных языках наблюдается конвергенция, когда для наименования предмета выбирается одинаковый или сходный признак, например, греч. глагол *κλέπτω* 'воровать' связан был первоначально с идеей утаивать, о чем свидетельствует его связь с лит. глаголом *slėpti* 'прятать'. Тот же смысл обнаруживается при сравнении также таких слов, как эрзя-морд. *салаж* 'красть' и финск. *salata* 'скрывать', 'таить', 'утаивать', др.-инд. *tauṣ* 'вор' и русск. *таить*. Манс. *tump* 'остров', связанное с венг. *domb* 'холм', очевидно первоначально представлялось в виде холма, выступающего из воды. Этот же признак содержится и в шв. слове *holm* 'остров' и в нем. *Holm* 'островок (речной)', ср. лат. *collis* 'холм', лит. *kalnas* и т. д.

Русск. *белый* связывается с индо-европейским корнем **bhē* 'светить', но та же связь обнаруживается в таких словах, как финск. *valkea* 'белый' и мар. *волгыдо* 'светлый', венг. *féher* 'белый' и норв.-саам. *baggjåd* 'светлый'. Готск. *aḥa* 'река' связано с понятием воды, ср. лат. *aqua* 'вода'. Та же связь существует между коми-зыр. *ва*

‘вода’ и *ва* ‘река’, выступающим в названиях рек, ср. *Эжва* ‘Вычегда’, *Колва*, *Сылва*, *Эмба* ‘Вымь’ и т. д.

Лит. слово *gīgia* ‘лес’ этимологически связывается с др. -инд. *gīgī* ‘гора’. Такая связь вполне понятна: гора, покрытая лесом, могла ассоциироваться с лесом вообще. Та же конвергентность наблюдается и в отношениях между такими словами, как коми-зыр. *вӧр* ‘лес’ и удм. *выр* ‘возвышенность’, манс. *иг* ‘гора’, болг. *гора* ‘лес’ и русск. *гора*. Готск. *himins* ‘небо’ это ‘то, что покрывает’. Аналогичная связь между лит. *dangus* ‘небо’ и *denkti* ‘покрывать’. Русск. *число* из *čitslo* связано с глаголом *читать*. Аналогичная связь наблюдается в некоторых угро-финских языках *luke* ‘число’ и *lukea* ‘читать’, коми-зыр. *лыд* ‘число’ и *лыддыны* ‘читать’.

Чеш. *labut* и русск. *лебедь* связаны с инд.-евр. корнем **elbh/albh*, означающим *белый*. Аналогичная связь наблюдается в тат. *ак кош* ‘лебедь’ (букв. ‘белая птица’). Немецкое *Lichte* ‘просека в лесу’ связано со словом *Licht* ‘свет’. Первоначальный признак ‘место в лесу, пропускающее свет’. Аналогичная связь в русск. диалектном слове *ясня* ‘просека’. Слово связано с прилагательным *ясный*. Русск. слово *небо* связано с греч. *νεφος* или *νεφέλη*, означающим ‘облако’. Подобная связь наблюдается между осет. *агу* ‘небо’ и перс. *абг* ‘облако’. Лат. слово *mergus* ‘гагара’ связано с глаголом *mergo* ‘нырять’. Такая же связь между нем. словами *Taucher* ‘гагара’ и *tauchen* ‘нырять’. Осет. *дон* ‘река’ сопоставляется с др. -инд. *dhanauamī* ‘бежать’, ср. русск. *течь*, *теку* и ирл. *techim* ‘убегаю’. Русск. слово *петух* связано с глаголом *петь*. Та же идея в нем. *Hahn* ‘петух’, ср. лат. *сапо* ‘пою’. Коми-зыр. *вӧравны* ‘охотиться’ связано со словом *вӧр* ‘лес’, ср. аналогичную связь между фин. *metsästää* ‘охотиться’ и *metsä* ‘лес’.

В нем. *Antwort* отражена идея ответного слова, или слова, направленного к собеседнику как реакция на его обращение. *Antwort* собственно ‘слово-против’. Точно также построено коми-зыр. *вочакыв* ‘ответ’ и мар. *вашмут* ‘ответ’.

Эрзя-мордовское *сёрмадомс* ‘писать’ связано с коми-зыр. *сёр* ‘узор’. *Сёрмадомс* первоначально связано с представлением ‘испещрять’, ‘делать пестрым’. Такие же этимологические связи обнаруживают русск. глагол *писать*, связываемый с греч. *ποικίλος* ‘пестрый’. Лат. *luna*

‘луна’ (из *louksna*) связано с лат. *lux* ‘свет’, род. пад. ед. ч. *luc-is*. Признак, легший в основу наименования, ‘светлый’. Аналогичная связь существует между др.-инд. *śandra* ‘луна’ и (ś)*candra* ‘яркий’, а также нов.-греч. *φεγγάρι* ‘луна’ и *φέγγος* ‘свет’. Греч. *μέλας* ‘черный’ и лтш. *melns* ‘черный’ связаны с др.-инд. *mela* ‘грязный’. Подобная связь существует между готск. *swarts* ‘черный’ и лат. *sordidus* ‘грязный’. В иврите *garzen* ‘топор’ связано с *gāzar* ‘отрезать’, ‘отрубить’, ср. лит. *kirvis* ‘топор’ от *skirti* ‘резать’, ср. греч. *κίρω* ‘резать’, лат. *arbo* ‘дерево’ связывают с лат. *arduus* ‘крутой’ и прл. *ard* ‘высокий’. Аналогичная связь между чеш. *strom* ‘дерево’, сербо-хорв. *strm* ‘крутой’.

Обычно принято считать, что при создании звуковой оболочки слова обычно используется какой-либо из наиболее существенных признаков предмета, явления или процесса, выступающего в роли объекта наименования. В данном случае возникает сложная проблема, что понимать под существенным признаком, в каком отношении он является существенным. Само понятие существенного здесь допускает самые различные градации. Русск. слово *река* связано в конечном счете с греч. глаголом *ρέω* ‘течь’, но готское название реки *aḥa* связано с лат. *aqua* ‘вода’. Какой признак здесь более существенный? Совершенно очевидно, что признак *течь* обладает большими дистинктивными возможностями, потому что он действительно отличает реку от озера, болота, моря, какого-то закрытого водоема. Как наиболее дистинктивный признак он в данном случае существен. Однако этого нельзя сказать о признаке ‘вода’, лежащем в основе наименования готского *aḥa*, потому что воду можно найти и в реке, и в озере, и даже в большом болоте. Естественно, что этот признак мало дистинктивен, он не подходит под категорию существенных и бросающихся признаков. Подобные случаи мы встречаем всюду. Название *березы* связано с названием белого цвета, русск. *дятел* связано с глаголом *долбить*, а сербо-хорв. *skakavec* ‘кузнечик’ обнаруживает совершенно явную связь с русск. глаголом *скакать*. Эти признаки достаточно дистинктивные. Никакое другое дерево в лесу не обладает такой белой корой, как береза, для дятла характерно свойство долбить стволы деревьев. Таким свойством другие птицы не отличаются. Кузнечик, в отличие от других насекомых, постоянно прыгает и притом на значительные

расстояния. В то же время можно найти признаки, обладающие крайне незначительной различительной способностью. Название дятла в маньчжурском языке *ф'брхон* связано с глаголом *фори* 'бить'. Нем. слово *Hahn* 'петух' связано с лат. глаголом *cano* 'петь'. Но способностью к пению обладают многие сотни других птиц. Нем. *Fliege* 'муха' происходит от глагола *fliegen* 'летать'. Этой способностью (летать) обладают все без исключения насекомые. Утверждают, что русск. *лес* связано с лит. *laisve* 'лист'. Крайне слабый отличительный признак. К тому же не всякий лес может быть листовенным. Нов.-греч. *δάσος* 'лес' явно связано с др.-греч. прилагательным *δαῖος* 'густой'. Вряд ли это достаточно для характеристики леса. Нем. *Käfer* 'жук' связывают с голл. *kevegen* 'грызть'. Но ведь этим свойством обладают многие животные. Венг. *puigfa* 'береза' состоит из двух частей — *puig* и *fa*. Последний компонент означает 'дерево', ср. финск. *puu*, коми-зыр. *пу*. Первый компонент *puig* связывается со значением 'прут', ср. мар. *нёргё* 'молодой побег', коми-зыр. *ньёр* 'прут', манс. *нир* 'прут', ненецк. *неро* 'ивняк', 'тальник'. Вряд ли этот признак достаточен, поскольку прутья, гибкие ветки и побеги могут иметь такие деревья, как ива, ольха, черемуха и т. п. Если русск. *сосна* по происхождению звукоподражательное слово и связано с глаголом *сопеть* (*сосна* из *сопсна*), т. е. 'шуметь от ветра', то этой особенностью обладает и ель, и пихта, и многие листовенные деревья.

Все это свидетельствует о том, что если подбор признака происходит в языке стихийно, без предварительного обдуманного плана, то наряду с признаками броскими, обладающими большой различительной силой, могут быть выбраны маловыразительные признаки, различительная способность которых довольно слаба. В дальнейшем мы постараемся показать, каким образом различные изолирующие процессы, происходящие в языке, могут устранить недостаточную дистинктивную способность выбранного признака.

Выяснение причин выбора разных признаков при создании звуковых оболочек слов в различных языках мира скорее является компетенцией физиологии и психологии, а не лингвистической науки. Окружающий мир различными людьми воспринимается не совсем одинаково. Предположим, два человека видят какой-то предмет. Один

человек может подметить одну сторону предмета, другой — другую. Многое здесь может зависеть от наличия определенного опыта, ассоциаций, степени развития комбинаторных способностей. характера окружающей обстановки, заинтересованности в данном предмете и других обстоятельств.

Однако выбор признака — это техника номинации, способ создания звуковой оболочки слова. Лингвисты, занимающиеся проблемами номинации, не в меньшей степени интересуются вопросами, как ведет себя вновь созданное слово. К сожалению, в лингвистической литературе трудно найти достаточно ясный ответ на этот вопрос. Чаще мы сталкиваемся с противоречивыми и недостаточно определенными рассуждениями.

В нашей лингвистической литературе нередко встречаются такие толкования, с которыми нельзя согласиться. Так, например, Р. А. Будагов так определяет внутреннюю форму слова: «Способ выражения понятия через слово, характер связи между звуковой оболочкой слова и его первоначальным содержанием и называется внутренней формой слова»⁷.

И далее: «Во внутренней форме слова первоначальное его значение обычно как бы вытекает из самой структуры слова; структура слова четко обрисовывает его первоначальное значение»⁸.

Таким образом, по Будагову получается, что первоначальное содержание, или значение находится в соответствии со звуковой оболочкой слова. Например, *подснежник* означало 'цветок, растущий под снегом', *предмет* — это 'то, что брошено впереди нас'.

«В настоящее время, — пишет Р. А. Будагов в другом месте своей книги, — существительное *предмет* уже почти ничего не имеет с чем-то 'брошенным перед нами', а существительное *апломб* окончательно утратило связь со словом *свинец*. Развитие мышления приводит к тому, что у человека возникает настоятельная потребность обращаться не только к конкретным, но и отвлеченным словам и понятиям. Все это, в свою очередь, способствует тому, что первоначальная этимология слова забывается. В самом слове развиваются новые значения, оно становится

⁷ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965, стр. 73.

⁸ Р. А. Будагов. Указ. соч., стр. 76.

многоплановым. Происходит забвение первоначальной этимологии слова; внутренняя форма слова становится менее прозрачной.

Процесс забвения первоначальной этимологии слова в целом является закономерным и прогрессивным процессом, тесно связанным с развитием языка, со становлением сложных, отвлеченных значений слова. Если бы человек и в настоящее время связывал существительное *предмет* с понятием, 'нечто брошенное вперед', то он не смог бы употреблять данное существительное в таких многообразных значениях и в таких сложных планах, как это делается теперь»⁹. Таким образом, Р. А. Будагов отождествляет семантическое содержание технического приема, признака, используемого для создания звуковой оболочки создаваемого нового слова со значением и содержанием этого слова.

Ведь выбранный признак уже имеет в языке звуковую оболочку и определенное значение. Если содержание нового слова соответствует содержанию признака, то мы не можем говорить о появлении нового слова. Новое слово появляется только в том случае, когда у него появляется новое значение и новое содержание. Точно так же и содержание слов *подснежник* и *предмет* было значительно шире того признака, который был использован. В противном случае создание нового слова было бы совершенно бессмысленным актом, если бы его значение и содержание замыкалось бы только тем признаком, на который указывает его звуковая оболочка.

В настоящее время с достаточной степенью научной доказуемости установлено, что русск. *береза* восходит к архетипу **b̥n̥eǵ* со значением 'белый'. Если следовать Р. А. Будагову, то можно сделать вывод, что первоначальное значение слова *береза* — 'белая'. В действительности этого не могло быть. Звуковой комплекс *b̥n̥eǵ* с самого начала стал соотноситься со всеми наиболее отличительными признаками березы в целом.

Согласно мнению Р. А. Будагова, отрыв слова от его внутренней формы есть результат развития абстрактного мышления. Именно развитие абстрактного мышления, развитие мышления превращает *предмет* в нечто большее, чем то, что 'брошено перед нами'¹⁰.

⁹ Р. А. Будагов. Указ. соч., стр. 82, 83.

¹⁰ См. Р. А. Будагов. Указ. соч., стр. 76, 82.

С этим трудно согласиться. Новое слово, созданное на основе звуковой оболочки, соотношенной с каким-либо его признаком, с самого начала становится содержательно богаче по сравнению с содержанием, воплощенным в признаке. Выбор признака — это только технический прием.

Г. В. Колшанский прав, когда он заявляет, что характер номинации в слове никак не изменяет того, что признак, на основе которого материализуется абстрактное название вещи и класса, может быть самым различным. Главное, чтобы этот признак имел отношение к классу предметов, но для номинации неважно, существен этот признак или нет; вот почему этимология слов вскрывает весьма пеструю картину как в рамках одного языка, так и для языковых семей.

Именно в силу того, что выбор признака не детерминирует характер слова, этот признак зависит не от способа абстракции, а от практически конкретных условий (трудовой процесс, культура, традиции, географическая среда и т. д.)¹¹.

В нем. слове Wand, в соответствии с исчерпывающим обоснованием Г. Шухардта, этимологически содержится признак 'плести' (winden), указывающий на то, что первоначально для германцев 'забор' строился в виде плетня, но «родовая характеристика плетня как некоторой формы стены или перегородки уже при возникновении этого слова, вошла в его содержание»¹².

С самого начала появления слова возникает конфликт между содержанием и формой выражения, и язык пытается этот конфликт устранить. Одним из наиболее эффективных средств является формальная, а нередко и более радикальная смысловая изоляция вновь возникшего слова.

Формальной изоляции слова может способствовать перевод его в другой разряд. Выше уже говорилось, что нов.-греч. δάσος 'лес' связано с др.-греч. прилагательным δασύς 'густой'. От этого прилагательного было образовано новое существительное по типу существительных с основой на -ο, ср. λόγος 'слово', ποταμός 'река', νόμος 'закон' и т. д.

¹¹ См. Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 71.

¹² Г. В. Колшанский. Указ. соч., стр. 72.

В языке может произойти утрата источника наименования. Слово *береза* и *лебедь* в русском языке связаны с названиями белого цвета. *Береза* происходит от древнего *bherēgъ 'светлый', 'белый'; а *лебедь* — от корня *albъ 'белый', ср. лат. albus 'белый'. Но таких прилагательных в русском языке давно нет. Слово *сын* из sūnus никак не может быть ассоциировано с глагольной основой *sū 'рождать', поскольку эта основа в русском языке, даже в его предке — праславянском, давно утрачена.

Когда слово заимствуется одним языком из другого, оно также изолируется, поскольку его этимологические связи остаются в пределах другого языка. Существующее в русском слово *ковбой* заимствовано из английского, не разлагается в сознании русского на составные части, поскольку этимологические связи остались в пределах английского языка.

Большое значение в процессе изоляции слов имеют различные фонетические процессы. В слове *голубь* основа гол- фактически связана с прилагательным *желтый*. Но в *желтый* выступает иная основа чередования gəl, где g в положении перед позднее возникшим e превратилась в ж, а в основе гол такого превращения не произошло. Таким образом, слово *голубь* совершенно изолировалось от прилагательного *желтый*.

Вряд ли древний грек мог связать слово *кумля* 'кусок' с глаголом *κόπτω* 'бить', 'рубить', так как облик корня *кор* в данном случае затемнен ассимиляцией. Изменение грамматических форм также может способствовать изоляции слова от его первоначального источника.

Современный носитель татарского языка не воспринимает слово *куян* 'заяц' как причастие настоящего времени от глагола *куй* 'гнать', поскольку в настоящее время причастия на -ан в татарском языке уже нет. Современный грек также не замечает, что в слове *πρωτεύουσα* 'столица' скрыто причастие настоящего времени от глагола *πρωτεύω* 'играть первую роль', 'главенствовать', опять-таки потому, что в современном новогреческом языке вообще нет формы причастия настоящего времени.

Средством изоляции слова может быть деформация его первоначального облика, фонетическое выветривание и т. п. Ни один человек, говорящий на русском языке, не осознает, что в слове *нет* скрыта форма 3-го лица ед. ч. настоящего времени глагола *быть* — *есть*. *Нет* произ-

шло из *не есть*. В слове *nicht* 'нет' немец уже не осознает скрытого в нем существительного *wicht* 'вещь'. *Nicht* произошло из *newicht* (букв. 'не вещь'). В современном нем. слове *Pferd* 'лошадь' почти невозможно узнать его источник, лат. *paraveredia* 'пристяжная лошадь'. Изоляции слова может способствовать очень сильное изменение его первоначального значения. Русск. глагол *пунуть* первоначально был звукоподражательным глаголом, близким по значению к глаголу *пыхать*, *запыхаться* и т. д. Позднее он стал обозначать увеличение объема тканей человеческого тела. Фин. глагол *puhua*, также в основе своей звукоподражательный глагол, некогда имел значение 'дуть'. Позднее он получил значение 'говорить'. Коми-зыр. глагол *лэбны* означает 'летать', но когда-то он был также звукоподражательным глаголом. Элемент *лэб-лэб* мог изображать хлопанье крыльев.

Создание слова по какому-нибудь признаку является чисто техническим языковым приемом. Признак выбирается лишь для того, чтобы создать звуковую оболочку слова. Признак, выбранный для наименования, далеко не исчерпывает всей сущности предмета, не раскрывает всех его признаков. Если дерево *береза* в русском языке первоначально было названо по признаку цвета коры и связано с прилагательным, обозначающим белый цвет, то это далеко не означает, что этот белый цвет исчерпывает все свойства, присущие березе. Береза может быть высокой, низкой, свежей, засохшей, ветвистой, красивой. Знания человека о предмете, приобретенные им в результате жизненного опыта, намного богаче по сравнению с признаком, выбранным для создания звуковой оболочки слова.

Кроме того, выбранный для наименования признак может стать даже практически несущественным. Нем. слово *Bucht* 'бухта', 'залив' связано с глаголом *biegen* 'гнуть'. Но моряка практически интересует не сам факт изогнутости берега, а другие достоинства бухты, например, удобства для стоянки кораблей, достаточная закрытость и т. п. Нем. слово *Burg* 'замок', 'город' связано этимологически с глаголом *bergen* 'хранить'. Однако при современной военной технике вряд ли город может быть использован как средство абсолютно безопасного убежища.

Этим объясняется тот совершенно бесспорный факт, что так называемая внутренняя форма, или, точнее говоря, осознание основы наименования, очень часто утра-

чивается. Выясняется, таким образом, что язык стремится устранить опасность ложной характеристики значения слова, которая может возникнуть по той причине, что в основу наименования кладется название какого-либо одного признака, тогда как действительное значение основывается на сумме признаков. Этим можно объяснить тот бесспорный факт, что многие слова в различных языках мира не поддаются этимологизированию.

Установление этимологических связей слов не всегда связано с фактами первичной номинации. Могут быть случаи, когда мы фактически констатируем переход одного значения в другое.

Русск. *быть*, лит. *būti*, др.-инд. *bhavamī* с тем же значением соответствует греч. $\varphi\acute{\upsilon}\omega$ 'расти'. Здесь трудно найти какой-либо признак, легший в основу наименования. Первоначальное конкретное значение 'расти' превратилось со временем в ряде индоевропейских языков в более абстрактное значение 'быть'. Комп-зыр. *кыйны* 'охотиться' связано с венг. глаголом *követni* 'идти по следу'. В данном случае также трудно говорить о признаке, легшем в основу наименования, т. к. имело место развитие одного значения на базе другого значения.

Следует отметить, что в этимологических словарях и в специальных работах по исторической лексикологии эти различия часто не отмечаются.

III. ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ЗВУКОВАЯ СИМВОЛИКА

Значительную роль в создании звуковых оболочек слов в различных языках мира играет звукоподражание. Звукоподражательные глаголы встречаются значительно чаще, чем имена существительные, ср. русск. *плескаться*, *щебетать*, *ржать*, *шептать*, *бормотать*, *чирикать*, *каркать*, *бурчать*, *урчать*, *жужжать* и т. д.; сербо-хорв. *брбљати* 'болтать', *блејати* 'блеять', эрзя-морд. *сѣтордомс* 'хрустеть', *циледемс* 'чирикать', *сыйнась* 'пшпеть', *гурнемс* 'урчать', *ждянкаемс* 'ударять о твердый металлический предмет', *марнась* 'шуметь' (о ветре), *поснась* 'дуть' (о ветре), *сесарць* 'шелестеть'; комп-зыр. *гуджыны* 'скрестись', *ковгыны* 'гулко стукнуть', *швачмунны* 'лопнуть', 'треснуть', *камгыны* 'стучать', *кажгыны* 'грызть', 'хрупать', *бузгыны* 'плеснуть с шумом', 'бурлить'

(о ручье), *дзуртны* 'скрипеть', *чилзыны* 'визжать', *чарскыны* 'скрипеть', *трачкыны* 'хрустеть'; финск. *siristää* 'стрекотать', *sopottaa* 'шептать', *kuhertaa* 'ворковать', *puuskua* 'дуть порывисто', *leperrella* 'лепетать', *pöristää* 'жужжать', *porpattaa* 'бормотать'; эст. *sumisema* 'жужжать', *sulisema* 'журчать', *sisisema* 'шипеть', *porisema* 'грохотать', *kilisema* 'звенеть', *klirisema* 'дребезжать'; венг. *zümögni* 'журчать', *sziczeregni* 'щебетать', *bugni* 'гудеть', *szobogni* 'журчать', *brekegni* 'квакать', *szogogni* 'течь', *zugni* 'шуметь', *szokolni* 'целовать', *szuszogni* 'сопеть', *horkolni* 'храпеть', *dögögni* 'греть', *sincogni* 'пищать' (о мышах), *szilingelni* 'звенеть', *mekegni* 'блеять', *ugatni* 'лаять'; манс. *ситуңкве* 'сосать', *хорыстаңкве* 'шуршать', южно-манс. *щыхэртах* 'скрежетать'; мар. *кокрыаш* 'кашлять', *коргаш* 'храпеть', *чыргыктәш* 'журчать', *кычыртаташ* 'скрежетать'; тат. *ышылдау* 'шипеть', *пошкыру* 'фыркать', *мыңгырдау* 'ворчать под нос', *шатырдау* 'трещать', *шарылдау* 'бурлить' и т. д.; чув. *чашила* 'шипеть', *шавла* 'шуметь'; греч. *βήχω* 'кашлять', *βραχιάζω* 'хрипеть', *κραοῦρίζω* 'кричать', лат. *hinņio* 'ржать', *tinnio* 'звенеть', *шигшиго* 'бормотать', *grunņio* 'хрюкать'; удм. *нажыртмыны* 'хрустеть', *нужыртмыны* 'мурлыкать', *урге-тыныны* 'рычать', 'урчать', *чильыктыныны* 'чирикать', *чаштыртмыныны* 'шуршать', *дымбыртмыныны* 'грохотать', *жалыыртмыныны* 'журчать'; лит. *čiulbeti* 'щебетать', *čiŗpti* 'верещать', *ŗerskinti* 'звякать', 'бренчать', 'лязгать', *ŗaukti* 'кричать', *treŗketi* 'трещать', *suŗti* 'пищать', 'визжать', *ŗiauskinginti* 'чавкать', *ŗlepenti* 'шлепать', *ŗnabŗdėti* 'шептать'; лтш. *ŗirkstet* 'скрипеть', *sirsinat* 'верещать', *nerkstet* 'скулить', *ŗlurkstēt* 'хлюпать', *ŗlupstet* 'шепелявить', *ŗlerķŗket* 'трещать', *sisinat* 'стрекотать', *ŗļākt* 'плескать'; алб. *fishkēlley* 'свистеть', *ŗēshŗēris* 'шептать', *zunas* 'жужжать'; японск. *фуку* 'дуть', *сасаяку* 'шептать', *дзавадзава ситэ иру* 'шуметь', *сарасара ото-о татэру* 'журчать', *гаягае суру* 'жужжать'; кит. *цзо вэнвэншэн* 'жужжать', *чань-чань цзотен* 'журчать', *цзо цзоцзюшэн* 'чирикать'; эвенк. *баркира* 'реветь', *ваквана* 'квакать', *писи* 'поливать', *сарги* 'журчать', *сивси* 'трещать', нанайск. *гунгирэ* 'гудит', *конгорира* 'звенит', *такарира* 'стучит', 'скрежещет зубами', *хасорира* 'шуршит', *чачарира* 'потрескивает', *ингурирэ* 'грохочет'; ненецк. *сыйнась* 'шипеть', *вывнась* 'завывать'

(о ветре); англ. hiss 'свистеть', murmur 'журчать', 'шелестеть', roar 'реветь', 'орать', whisper 'шептать', crash 'рушиться с треском', rurl 'журчать'; фр. chuchoter 'шептать', souffler, 'дуть', tintiller 'звякать', balbutier 'лепетать', bavarder 'болтать', coasser 'квакать'; исп. zurrir 'жужжать', sisear 'освистать', borbollar 'бурлить', chupar 'сосать', chorrear, 'течь ручьем'; ит. balbettare 'бормотать', gorgogliare 'булькать', belare 'блеять'; рум. fāsai 'шипеть', sfogai 'сопеть', grohăi 'хрюкать', șopti 'шептать'; нем. summen 'жужжать', brummen 'ворчать', göcheln 'хрипеть', knistern 'трещать'; евр. pḥh 'порхать', араб. wsws 'шелестеть' и т. д.

Встречаются и звукоподражательные существительные, ср. русск. свист, шум, гром, шепот, хохот, тетереv, скворец; кит. шашатэн 'шелест', коми-зыр. гулю 'голубь' (подражание воркованию голубя), лит. čiurlys 'стриж' от čiurletis 'журчать', греч. βάρβαρος 'варвар' (говорящий на непонятном языке), ср. русск. тарабарщина, алб. zhurmë 'шум'; тат. бака 'лягушка' при бакылдау 'квакать'; финск. räsky 'ласточка', ср. русск. писк, тат. карлыгач 'ласточка', ср. телеутск. и шорск. карлак 'хрипый', коми-зыр. катша 'сорока', ср. катшыны 'бряцать', 'стучать', русск. гагара, нем. Möwe 'чайка', ср. русск. мяукать, нем. Drohne 'трутень', от dröhnen 'гудеть', чув. тăнкăрч 'скворец', ср. тăнкăр — тăнкăр — подражание звонкому журчанию, эрзя-морд. цёков 'соловей', ср. цёкордамс 'петь' (о соловье), сербо-хорв. савка 'галка', ср. тат. чак-чак — подражание крику галки, мар. шўшпык 'соловей', восходящее к глаголу шўшкалтамш 'свистеть', нан. сакси 'сорока' от сак-сак (подражание крику сороки), рум. сіосіrlап 'жаворонок' от сіос подражание стрекотанию и т. д.

Есть языки, в которых подражание различным звукам и шумам очень развиты, К таким языкам относится, например, чувашский. Шăн-шăн в чув. выражает подражание дрожанию стекол, тăпăр — подражание звуку при падении дождя, каш — подражание шуму снега, сползающего с крыши, кор — подражание шуму ветра в лесу, лакăр — подражание сильному кипенью, лошт — подражание встряхиванию одежды от пыли, лăр — подражание клокотанию котла, лăч-лăч — подражание ударам волн о крутой берег, машт — подражание фырканию коровы, нош — подражание шмыганью носом, патарт —

подражание звуку от разрыва туго натянутой веревки, *тонк* — подражание звонкому удару, *лат* — подражание глухому звуку при ударе, *тән-тән* — подражание звуку колокола, *тәнч* — подражание удару по темени, *сарт-сарт* — подражание звуку, возникающему при падении досок, *сәтәр* — подражание легкому треску льда, *сатарт* — подражание звуку, возникающему, когда лошадь щиплет траву, *чаит* — подражание удару кнутом, *пйт-пйт* — подражание редкому накрапыванию дождя, *тал* — подражание проливному дождю, *тәлт* — подражание звуку, возникающему при захлопывании двери и т. д.

В бурятском языке *дар-дар* — подражание звукам хлопанья, *хор* — звукоподражание звукам, издаваемым погремушкой, *нус* — звукоподражание, выражающее глухой звук стука, *нас* — звукоподражание шлепанию, *нэр* — звукоподражание, выражающее звуки глухого фыркания, *хун* — звукоподражание гулкому звуку, *хур* — звукоподражание хрусту, *ар-ур* — подражание рычанию, *нилд* — звукоподражание падению предмета в мягкую расплывчатую массу (полужидкая грязь, сырое мясо, тесто и т. д.)¹³.

Не меньшим богатством звукоизобразительных и звуко-символических слов отличается марийский язык, например: *быр-быр* — о шелесте листьев, *бырлоп-бырлоп* — о звуке при колке дров, *дубб-дубб* — о шуме лошадиных копыт, *дыр-дыр-дыр* — о звуке колес машины, *ко-а*, *ко-а* — о крике ворон, *круп-круп* — подражание звуку, возникающему при хлестании, *лөч-лөч* — звукоподражание звуку, возникающему при ударе обухом топора, *пөлт* — о звуке при отскакивании затычки у бочки, *пый-пый* — скрип досок, *тып-тып* — о топоте ног, *угу-угу* — о крике совы, *чиньок-чиньок* — о крике желны; много звукоподражательных слов в нанайском языке, например, *туэнг* 'звук глухого выстрела', *тоас* 'трещать' (о сухом дереве), *пэу-у* 'шум тайги', *лиап* 'звук сильного шлепка воды о днище', *коёр-р* 'звук урчания в животе' и т. д. Ср. также в якутск. *кыыс-куус* 'свистя', *кыкыр-чыкыр* 'скрипя', в тадж. — *шар-шар* 'звук падающей воды', *гар-гар* 'скрип'; в туркм. — *жыт-жыт* 'чириканье птиц', *хув-*

¹³ Л. Ш. Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962, стр. 102—103.

хув 'жужжанье осы'; в корейск. — *чол чол хырыда* 'течь журча' и т. п.

В различных языках мира в создании звукоподражательных слов иногда наблюдаются конвергенции, правда не абсолютно тождественные, но во всяком случае сходные, ср. греч. *βάτραχος* 'лягушка' и эрзя-морд. *ватракиш* 'лягушка'; греч. *κόραξ* 'ворон', тат. *карга* 'ворона'; мар. *корак* 'ворона', русск. *каркать*; русск. *трещать*, лит. *treškėti* 'трещать'; др.-русск. *батати* 'колотить', диал. *ботать*, фр. *battre* 'бить'; коми-зыр. *бут-кыны* 'стучать'; тат. *шаула* 'шуметь', удм. *шауланьы* 'шуметь'; удм. *кулыктыны*, русск. *клохтать*; нем. *hus-ten* 'кашлять', удм. *кыз-ыны* 'кашлять'; удм. *пальканы* 'плескаться', русск. диал. *палькаться*, 'плескаться'; финск. *sopottaa*, русск. *шептать*, рум. *șopti* 'шептать'; тат. *чылчык* 'воробей', русск. диал. *чивикать* 'чирикать'; венг. *horkolni* 'храпеть', мар. *кор-гаиш* 'храпеть' и чув. *xapp* — подражание храпу; солонск. *писари* 'брызгать', финск. *pisara* 'капля'; финск. *polskia* 'плескаться', русск. *плескаться*; нем. *summen* 'жужжать', венг. *zúmmögni* 'жужжать', чув. *шор-ла* 'журчать'; шв. *sorgl* 'журчать', коми-зыр. *шор* 'ручей', исп. *chorrear* 'журчать', нанайск. *соар* 'журчать', венг. *szorogni* 'журчать'; чув. *чишиш* 'подражание шипенью воды, закипающей в котле' и нем. *zischen* 'шипеть'; чув. *чал* 'подражание звуку при поделуе' и удм. *чунаны* 'целовать'; чув. *тăк-так* — подражание неравномерному клеванию, ср. русск. *тик-так* — подражание тиканью часов; чув. *туп* (из *тон*) — подражание топоту ног, ср. русск. *тон-тон*, а также глагол *топать*; чув. *мăрр* — подражание мурлыканью, ср. русск. *мырлыкать*; чув. *мах* (из *мăк*) — подражание бляению; ср. нем. *teschern*, венг. *tekegni*, греч. *μῆχ-ἄομαι* 'блеять' чув. *лăй-лăй* — подражание переругиванию, ср. русск. просторечн. *лаяться*; нем. *Uhu* 'филин', мар. *угу* — подражание крику филина; коми-зыр. *катша* (*каша*) 'сорока', груз. *кашкаси* 'сорока', чув. *чакак* — подражание крику сороки; коми-зыр. *ызгыны* 'жужжать', тат. *ыз иту* — звукоподражание летящим насекомым; русск. *журчать*, коми-зыр. *жургыны*; финск. *puuskaa* 'дуть', эрзя-морд. *поснась*, греч. *φύσῳ* < *phusao*, лит. *pusti*, польск. *puchać* 'дуть', ниже-лужицк. *pučaś* 'дуть', ср. также русск. *пухнуть* (первоначально «надуваться»). Возможно также присоединить сюда марийское *пошаш* 'раздуть'

огонь при помощи мехов'. *Пошаш* — из *posas*; тат. *пыр иту* — подражание порханию птиц, удм. *пир-пир* — подражание шуму кружащихся в воздухе листьев; финск. *kakattaa* 'гоготать', венг. *gagogni*; рум. *bugă* 'бык', венг. *bugni* 'гудеть', лат. *bucina* (*bukina*) 'труба' (муз. инструмент); тат. *бака* 'лягушка', груз. *baqaqi*, др.-инд. *bhekah* 'лягушка'; венг. *hahotazni* 'хохотать'; др.-инд. *kahati*, тат. *хахылдау* 'хохотать'; эвенк. *солкон* 'щелчок', русск. *щелкать*; мар. *чыргыкташ* 'журчат', венг. *szogogni* 'журчат'; эвенк. *пичи* 'пищать', русск. *пищать*; русск. *порхать*, др.-евр. *prh* 'порхать' и т. д.

Звукоподражание может быть сходным по звучанию, но не одинаковым по значению, ср. коми-зыр. *шольгыны* 'журчат', корейск. *чол-чол хырыда* 'течь журча', но эрзя-морд. *чоледемс* 'звенеть', чув. *пун-пун* — подражание треску лопнувшей скорлупы, венг. *pattogni* 'трещать'; лтш. *šlākt* 'плескать', русск. *слякоть*; чув. *си-си* — подражание свисту, лтш. *sisinat* 'стрекотать'; чув. *кашла* 'шуметь', русск. *кашлять*; груз. *bzuili* 'жужжать', коми-зыр. *бузгыны* 'шуметь', 'бурлить'; коми-зыр. *кажгыны* 'хрустеть', 'хрупать', чув. *кашартат* (произн. *кажърдат*) 'шуршать'; эрзя-морд. *сятордомс* 'трещать', чув. *сътър* — подражание треску льда, коми-зыр. *лапкӧдны* 'хлопать', 'похлопать', чув. *лӓп* — подражание хлопку; нан. *пао-о* 'шуметь (о ветре)', кит. *пао* 'пушка' и т. д.

Вместе с тем в одинаковых по значению звукоподражательных словах в разных языках наблюдается довольно большое расхождение. Например, далеко неодинаково в разных языках передается ржание лошади. По-русски это будет *ржать*, по-немецки *wichern*, по-латински *hinnire*, по-мордовски *цяхамс*, по-румынски *pescheza*, по-фински *higna* и т. д.

Типичному звукоподражательному глаголу *шипеть* соответствует в нем. *zischen*, в морд. *сыйнась*, в чув. *кашла*, в эст. *sisisema*, в курд. *fiş-fiş*, *kirîn* и т. д.

Русск. глаголу *свистеть* в тат. соответствует *сызгыр*, в алб. *fishkëllej*, в нем. *pfeifen*, в англ. *whistle*, в мар. *шишкаш*, в венг. *fütyülni*, в голл. *fluiten*.

Глаголу *жужжать* соответствует в нем. *summen*, в японск. *гае-гае* (*суру*), в тат. *выжылда*, в алб. *gumëznoj* в чув. *найллат* и т. д.

Глаголу *лаять* соответствует в коми-зыр. *уетны*,

в нем. *bellen*, в лат. *latrare*, в греч. *γαυγίω*, в алб. *leh*, в голл. *blaffen* и т. д.

Глаголу *чавкать* соответствует в лит. *čiauškinti*, в венгерском *szamzogni*, в коми-зыр. *матшкыны*, в нанайск. *чоап-чоап* и т. д.

Подобного рода расхождения были подмечены многими лингвистами.

«Возьмите для примера, — замечает Лев Успенский, — обыкновенную утку. Думается, мы, русские, правильно считаем, что эта полезная птица крикает, произнося совершенно ясно «кря-кря». По мнению французов, утиное кряканье надо передавать иначе: «куэн-куэн».

Румыны изображают крик утки опять-таки по-своему «мак-мак-мак». А датчане полагают, что их утки ясно выговаривают «раб-раб-раб»¹⁴.

Объяснение причин этих явлений можно найти в работах Н. И. Ашмарина, который писал по этому поводу: «... Человек легко произносит только привычные звуки в их привычных сочетаниях, а все звуки и звуковые сочетания, неясные с точки зрения его собственного обычного звукостроения (фонетики), разлагает на ясно артикулируемые элементы»¹⁵.

Это означает, что характер звукоподражательных слов в сильной степени зависит от фонетических особенностей конкретного языка.

Можно легко заметить, что в финском и ненецком языках, в которых отсутствуют фонемы *š*, *ž* и *š'*, эти же фонемы будут отсутствовать и в звукоподражательных словах, хотя они там крайне необходимы.

И далее Н. И. Ашмарин продолжает: «Так как каждый естественный звук представляет собой очень сложное явление, составляя комплекс входящих в него звуковых элементов, то различные народности отметили лишь некоторые стороны этого комплекса, что и должно было повести к неодинаковости подражаний, или мимем. Несходство однозначных подражаний в языках может объясняться также и той причиной, что один народ воспринял звуковую, а другой зрительную сторону явления»¹⁶.

¹⁴ Лев Успенский. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1962, стр. 61—62.

¹⁵ Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья. 3—5. Баку, 1925, стр. 77.

¹⁶ Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 88.

«Сравнивая между собой слова различных языков, означающие такой сравнительно простой физиологический факт, как сосание, мы находим, что они часто совершенно непохожи одно на другое, так, осм. *ем*, азерб. *ам*, каз.-тат. *ім*, чув. *ьм*, мадьяр. *szorpi*, лат. *sugo*, греч. *μύζω*, нем. *saugen*, араб. *мас-са* — отражают в себе не одни и те же природные звуки: в одних словах отмечено участие носовой полости и губ, в других же отпечатались движения языка. Очень близки к сосательным движениям и звукам звуки, наблюдаемые при питье. Напр., в слав. *питу*, греч. *πίω*, лат. *bibo* нашло себе выражение движение губ, а в араб. *шариба*, лат. *sorbere*, др.-нем. *sûfan*, н.-верх.-нем. *saufen*, черем. *срон*, *срон* (по звучному хлебанию) также отмечены и свистящие звуки, сопровождающие вытягивание влаги»¹⁷.

Сходным образом объясняет причины этих явлений А. М. Газов-Гинзберг, по мнению которого, причин этих вариаций может быть несколько:

«1. В самом объекте звукоподражания возможны более или менее значительные вариации. Например, свист может быть губным или язычно-зубным; в немецком языке эти разновидности дают два несхожих глагола *pfeif-en* (из латыни) и *zischen*, но первый служит также обозначением свиста вообще; в еврейском, наоборот, изображающий язычный свист корень *šp̄k* является основным обозначением свиста вообще, а общесемитский корень *šrg*, как и русское *свистеть*, изображает язычный свист, но с участием губ. Таким образом, возможно, распространение слова, изображающего одно конкретное звуковое явление, на несколько сходные с ним, что происходит неодинаково в разных случаях.

2. При переходе от имитации к слову одна и та же артикуляция может быть более или менее удачно отражена различными, но в чем-то сходными (как правило, гоморганными) фонемами, причем условия такого отражения специфичны для каждого звукового объекта. Например, относительно губных звуков: при изображении взрыва, звука, лопающегося твердого предмета возможны из губных только взрывные согласные: *p*, *b*; при изображении дуновения ртом — все губные неназализованные и не имеющие постоянного дифференциального признака

¹⁷ Н. Н. Ашмарин. Указ. соч., стр. 88.

звонкости *p* (*f*), *w*; при изображении чмоканья, чавканья возможны все губные, в том числе назализованный *m*, русск. *чмокать*, *чавкать*, кроме того некоторые неосновные или малослышимые в имитации моменты артикуляции могут быть не отражены фонемой (например, в корнях *L* и *BL* 'глотать', где начальное *ъ* второго корня отражает предварительное закрытие рта при глотании, неперенный, но не основной и самостоятельно не слышимый момент). Следует также отметить, что при разложении комплексных звуков, включающих несколько одновременно начинающихся и кончающихся артикуляцией, фонемы могут становиться в любом порядке (например, *R*, *RW*, *RGJ*, *G'R* и т. п. 'орать', 'реветь'), иногда уже на стадии имитации порядок безразличен (*SPSP*, *BSBS* 'шептать').

3. В одном и том же языке могут быть звукоизображения одного объекта, но разного «возраста». Среди них могут быть междометные звукоизображения, не вполне подчинившиеся фонематическому строю языка и, следовательно, отличающиеся от корней, ставших в этом отношении «нормальными». Существуют также звукоизображения, возникшие в различные периоды развития языка на разной фонематической основе (русск. *пыхать* и *фукать*), причем более старые из них могут в некоторой мере, даже не меняя значения, подчиниться произошедшим в языке фонетическим сдвигам¹⁸.

Природные звуки, в частности звуки, производимые животными. — звуки не артикулируемые. В них нет никаких фонем и в этом отношении они представляют нерасчлененные комплексы звуков. Звуки, производимые животными, не имеют однозначной связи. Чаще всего они полисемантичны. Звукопроизводство у животных представляет произвольный акт.

Звукоподражательное слово имеет другую природу и другое назначение. Оно создается не ради звукоподражания, а для того, чтобы на основе звукоподражания создать звуковую оболочку для названия определенного звучания, независимо от того, будет оно в языке представлено как процесс, сопровождающийся звучанием, или как простое название звучания, например, *треск*, *звон* и т. д.

Человек, создающий звукоподражательное слово, дол-

¹⁸ А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965, стр. 30, 31.

жен расчленил неартикулируемый поток звуков на фонемо-членимый комплекс. Это членение носит сугубо индивидуальный характер по принципу, что кому слышится и как представляется. Возможно, что у разных индивидуумов и у носителей языка создаются какие-то целостные доминанты восприятия.

Слушая свист, русский и татарин выделили какой-то резкий шум, который можно передать фонемой *с*, ср. русск. *свист*, тат. *сызгыру*. У немца доминанта восприятия оказалась другой. Он подметил глухой шум, который можно передать фонемой *ф*, ср. нем. *pfeifen*. Человек, говорящий на латинском языке, уловил эти две характеристики сразу, что нашло отражение в глаголе *sibilare*, где *s* и губное *b* представлены одновременно. Вариации здесь могут быть самыми различными. Кроме того, и сам свист мог быть разного качества. Свист, производимый сильным ветром, свистком или губами человека, может вызвать далеко не одинаковое восприятие.

Звук воды в относительно быстро текущем ручье передается по-русски глаголом *журчать*, по-литовски глаголом *šiuurbėti*, по-марийски — глаголом *чыргыкташ*, по-испански — глаголом *chorgear* и по-китайски глаголом *чань-чань*, *цзотэн*. В фонемо-нечленимом звуковом комплексе, представляющем журчание, ощущается известная прерывистость. Интервалы характеризуются довольно большой звучностью. Совершенно естественно, что аффриката *ч* наиболее подходяща для передачи этой звучности. Не случайно она содержится в глаголах всех представленных языков. Прерывистость хорошо может быть передана фонемами *г*, *л* и *п*. Также следует учесть, что и быстрое течение ручья может дать разный акустический эффект, начиная от сильного шума до тихого журчания.

Присутствует ли при этом словопроизводстве момент избирательности? Безусловно. Однако здесь она носит другой характер. При создании звуковых оболочек звукоподражательных слов выбор признака представляет собой результат некоего мыслительного анализа. При создании звуковых оболочек звукоподражательных слов выбор продиктован восприятием. Человек трансформировал нечленимый на фонемы звуковой комплекс так, как он его ощутил. Другой человек мог его по-иному ощутить и трансформировать иначе. Этим, например, также объясняется наличие в одном и том же языке звукоподражатель-

ных слов с оди наковым или близким значением, ср. в русском языке глаголы *лаять*, *гавкать* и *тявкать*.

В словах незвукоподражательного характера признак, положенный в основу наименования, очень скоро перестает ощущаться. Звукоподражательные слова ведут себя по-иному. Звукоподражательный элемент здесь ощущается всегда, ср. русские глаголы *трещать*, *свистеть*, *шуметь*, *шипеть* и т. д. Утрата этого ощущения наблюдается только в тех случаях, когда происходит радикальное изменение значения слова, ср. финск. *puhua* 'говорить' (первоначально 'дуть'), а также в таких словах, как *глагол*, *барaban*, *балалайка* и т. п., в которых звукоподражание уже не ощущается.

Более сложное явление представляет так называемая звуко-символика, когда определенные звукосочетания начинают применяться для выражения свойств различных процессов, предметов и явлений, ср. чув. *пёлт* — подражание миганию лампочки, *пёлль* — подражание горению небольшим пламенем, *пайк* — подражание мигающей лампы перед затуханием, *торр* — подражание остолбенению, *мёшёл* — подражание медленному движению, *мэйкэйш* — подражание прихрамыванию, *лап-лап* — подражание горению, когда образуются широкие и плоские языки пламени, *капёр* — подражание быстрому скоплению в одном месте, *тёр-тёр* — подражание дрожанию, *тёр-тёр* — подражание бессмысленному взгляду; тат. *пылт-итү* — подражание миганию, *гёлт-итү* 'вспыхнуть', *лус-лус йёгерү* 'бежать мелкой трусцой', *елт итү* 'сверкнуть', *тар-мар итү* 'разгромить', *ым-шым* 'втихомолку'; кирг. *саксай* 'лохматый (о волосах)', *болчо* 'надуваться', 'пыжиться'; бурятск. *мэл-мэл дупалла* 'падать крупными каплями' (о прозрачной жидкости), *нюдэн зур-зур шашаха* 'время от времени дергаться' (о веках глаз), *бур-бур гэхэ* 'клубиться' (о дыме), *бун-бун шогшохо* 'ехать мелкой рысью', *хар-булхар жажалха* 'жевать с надувшимися щеками', *дэ-эхэг-дээхэг гэшхэлхэ* 'шагать, высоко поднимая ноги', *налбага-налбага хиидэхэ* 'развеваться' (о материи), *ибар-ибар, гшиллэлхэ* 'идти мелкими и быстрыми шагами'¹⁹; в нанайском: *булчи-булчи* 'прижимать уши', *гада-гада* 'слегка качаясь из стороны в сторону', *гокилтак-гокилтак* 'резко приседая на ноги', *гуку-гуку* 'задирать

¹⁹ Л. Ш. Шагдаров. Указ. соч., стр. 99.

голову кверху', *сир-р-сир-р* 'сильно дрожа', 'трясаясь всем телом'; мар. *луй-лай* 'о плавном движении', *лыз-лоз* 'о косматом виде', *виж-вуж* 'быстро', 'мигом', например, *виж вуж шаланен пыташ* 'мигом разойтись', *вышт* — о движении чего-либо легкого, *выр-вор* 'быстро', *мыгыл-мугыл* 'о неповоротливости в движении', *льоп-льоп* 'о состоянии человека, промокшего во время дождя', *тул-дұл* 'предрассветная мгла'; коми-зыр. *гумыль-гамыль керны* 'быстро проглотить', *ливгыны* 'медленно совершаться', например, *ливгö-зэрö* 'идет тихий дождь', наречие *визгыр* передает представление о холоде, например, *визгыр пужавны* 'сидеть съезжившись', *чискыны* 'гореть без шума', *лютки-летки* 'неуклюже', *люс-ляс* 'кое-как', *люзь-лязь* 'лохматый', 'растрепанный', *пушкыр* 'раскидистый', *труньгыны* 'струиться', 'подниматься' (о дыме); удм. *луть-луть мыныны* 'идти с усталым видом', *эуз-эаз* 'лохмотья', 'клочья', *шер-шер кылыны* 'лежать неподвижно', *тап-тап* 'плотно', *лач-лач* 'плотно', 'наглухо', *лукыр-лакыр* 'ветхий', *тач-тач* 'битком', *вöз-вöз* 'плащмя', *жуй-жуй* 'пышный', *сать-сать котмыны* 'промокнуть насквозь', *тус-таскарыны* 'разбросать', *чурт-парт* 'торопливо' и т. д.

Можно предполагать, что в основе звукоимовики первоначально лежало звукоподражание. Так, например, в марийском языке *лыб-лыб* представляет звукоподражанию шелесту или трепету листьев. Позднее это звукоподражание было переосмыслено в плане представления о легком дрожании чего-либо, ср. мар. *тўрвыжо лыб-лыб кайыш* 'у него губы задрожали'. Мимема *льоп-льоп* в марийском изображает состояние человека, промокшего насквозь. Можно представить себе движение человека, упавшего в одежду в воду. Его наполненные водой сапоги могли издавать звук, напоминающий нечто вроде *лён-лён*, что позднее могло быть использовано как мимема для изображения определенного состояния.

Любопытно в этом отношении удмуртское выражение *такыр-такыр куасьмем музьем* 'совсем замерзшая земля'. *Такыр* — это звукоподражание трещанию, постукиванию. Земля замерзла настолько сильно, что когда человек идет по ней, его ноги производят звук, напоминающий *такыр-такыр*.

Возможность такого пути образования звукоимовических слов была хорошо показана Л. Ш. Шагдаро-

вым в его работе «Изобразительные слова в современном бурятском языке». В бурятском языке корни многих образных слов восходят к звукоподражаниям. «Сравнение первого слога образных слов с корнями звукоподражательных слов показывает, что многие из них по своему звуковому составу совпадают. Сопоставление их в семантическом плане также показывает, что образные слова с подобными корнями обозначают тот физический признак предмета, при падении которого или ударе на него или вообще при столкновении с ним других предметов издается звук, который в языке воспроизводится звуковым комплексом, встречающимся как корень в звукоподражательных словах и как первый слог в образных словах. Примеры: *har* — звукоподражание шарканью, шороху; *harсаганаха* 'шелестеть', *harсайха* 1) 'быть тонким', 2) 'быть накрахмаленным', 3) 'быть заскорузлым, ссохшимся' (о коже).

Дар-дар — 'подражание звукам хлопанья' (например крыльями), *дардаганаха* 'хлопать' (о развевающихся от ветра предметах), *дардаганаха* 'накапливаться'.

Пус — звукоподражание, выражающее глухой звук стука, *пусхыхэ* 'быть толстым', 'разбухать', 'раздуваться' (о животе), *пусхэгэр* 1) 'толстый', 'пузатый', 2) 'объемистый', 'раздувшийся'.

Нилд — звукоподражание падению предмета в мягкую, влажную, расплывчатую массу (полужидкая грязь, сырое мясо, тесто и т. д.); 1) 'мягкий', 'клейкий', 'жидковатый' (напр. о тесте), 2) перен. 'прилипчивый' и т. д.»²⁰.

Можно предполагать, что здесь, по всей видимости, происходят какие-то сложные процессы переосмысления акустического восприятия и превращения его в средство передачи уже не акустических свойств и особенностей для различных предметов и процессов. В качестве примера можно взять коми-зырянский глагол *труньгыны* 'струиться', 'подниматься' (о дыме). Этот глагол, по-видимому, вначале был связан с каким-то чисто акустическим восприятием, например, *тренькать* 'тихо играть на каком-либо струнном инструменте'. Затем это глухое треньканье было переосмыслено как средство передачи слабого дыма, когда он медленно поднимается вверх отдельными струйками.

²⁰ Л. Ш. Шагдаров. Указ. соч., стр. 102, 103.

Возможно, что это один из способов образования звуко-символических слов, но не единственный. Материалы различных языков свидетельствуют о наличии каких-то иных, более сложных процессов звуковой символики. Так, например, повторение звуко-символических слов, сопровождаемое аблаутом, может передавать состояние неупорядоченности предмета, неорганизованности какого-либо процесса и т. д., ср. коми-зыр. *люзь-лязь* 'лохматый', удм. *жуз-жаз* 'лохмотья', удм. *лукыр-лакыр* 'ветхий', мар. *лыз-зоз* 'о косматом виде', *тус-тас карыны* 'разбросать', мар. *мыгыл-мугыл* 'о неповоротливости' и т. д.

Для звуко-символики могло быть использовано качество звуков, ср. мар. *луй-лай* 'о плавном движении', коми-зыр. *шлыгыны* (из *шлылгыны* 'плавно идти', тат. *йолд-ыз* 'звезда', *ял-жын* 'пламя', *ялт-ыр* 'сверкать' и т. д.).

Н. И. Ашмарин отмечает, что «весьма характерными звуками для свето-подражательных слов являются в чувашском языке звуки *ј*, *г*, *р* и *л*»²¹.

Во всяком случае многие звуко-символические слова могли возникнуть в результате каких-то сложных метафор, смысл которых разгадать в настоящее время уже не представляется возможным. Во всех языках мира наблюдается тенденция к уменьшению звуко-символических слов.

Мы рассмотрели таким образом три основных типа номинации — наименование путем выбора признака, наименование по принципу звуко-подражания и наименование путем использования звуко-символики. Во всех этих способах выделяется нечто общее, и наряду с общим есть существенные различия. Общим является отбор признака, однако признак в каждом случае сугубо специфичен. В первом случае отбирается некоторый атрибут, свойство предмета, подлежащего наименованию, при звуко-подражании отбираются уже не отдельные признаки, а какие-то нюансы звукового континуума. При создании звуко-символики отбираются те же звуковые характеристики, но они творчески преобразуются в звуко-символический образ слова.

²¹ Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья, I—II. Баку, 1925 стр. 155.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958; т. II. Л., 1973.
2. *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1—17. Казань — Чебоксары, 1928—1950.
3. *Васильев В. М.* Марий мутэр. М., 1928.
4. *Георгиев Вл., Гълбов Йв., Займов Й., Илчев Ст.* Български етимологичен речник. Том I. София 1971.
5. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I — IV. М., 1964—1973.
7. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
8. *Collinder Bj.* Fenno-ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955.
9. *Voisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1950.
10. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
11. *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-european languages. A contribution to the history of ideas. Chicago. Illinois, 1949.
12. *Cioranescu A.* Diccionario Etimológico Rumano. Laguna, 1958.
13. *Ernout A. et Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. P. Klincksieck, 1960.
14. *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
15. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg, Winter, Göttingen, Vandennex und Ruprecht, 1955—1962.
16. *Holthausen F.* Gotisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
17. *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
18. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18. Auflage. Berlin, 1960.
19. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I—II. Heidelberg, 1956.
20. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969.
21. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1—2. Zagreb, 1971—1972.
22. *Toivonen Y. H.* Suomen kielen etymologinen sanakirja, I—IV. Helsinki, 1955—1969.

НОМИНАЦИЯ, РЕФЕРЕНЦИЯ, ЗНАЧЕНИЕ

В данной главе предполагается обсудить некоторые проблемы, относящиеся к выбору номинации объекта действительности в процессе речеобразования.

Выбор речевой номинации определяется рядом факторов: стилем повествования, количеством содержащейся в значении имени информации, логико-синтаксической структурой предложения, в которое входит имя, его коммуникативной функцией, фондом общих знаний собеседников, местом данного сообщения в тексте, ситуацией общения, т. е. прагматическим аспектом речи, этическими нормами, принятыми в данном обществе.

Наибольшее влияние на выбор номинации оказывает, по-видимому, та коммуникативная функция, которую выполняет имя в структуре предложения. Особенно резко противопоставлены друг другу идентифицирующая и предикатная функции имен. Идентифицирующая номинация, о которой пойдет речь ниже, предназначена для того, чтобы адресат мог при ее помощи выделить из поля своего знания или восприятия тот объект, о котором делается сообщение. Идентифицирующее имя обращено к миру, в том виде, в каком он входит в кругозор собеседников. Именно в этой роли слово реализует свою способность к означиванию, замещению объектов (в широком смысле этого термина).

Употребление имени в идентифицирующей функции предваряется актом номинации объекта. Акт называния соответствует перформативному высказыванию, т. е. эквивалентен действию, поступку. Так, произнося слова *Даю этому кораблю имя «Витязь»* говорящий, если он наделен соответствующими полномочиями, и нарекает

имя, и сообщает об этом наречении¹. Акт номинации есть в одно и то же время и действие, и сообщение о действии.

Отношения именованья связывают знак и то, что им называется, элемент кода и компонент действительности. Именуемые высказывания, не являющиеся первичным наречением имени, представляют собой сообщения об употреблении кода, т. е. имеют метаязыковой характер. Они могут быть уподоблены статьям общественного договора, в которых собеседники уславливаются о применении языковых знаков к предметной области приложения языка. Сообщение об имени предмета в общем случае не заключает в себе стимула, рассчитанного на получение речевой реакции. Содержащаяся в нем информация «принимается к сведению» собеседником, чтобы в последующем общении послужить целям отождествления объекта.

Идентифицирующая номинация есть своего рода стрелка, направленная к известному — существующему, существовавшему или могущему быть в одном из миров — реальном или гипотетическом (конструируемом автором речи). От того, насколько точно направление номинативного указателя, зависит эффективность сообщения.

Какими же свойствами должно обладать имя для успешного решения этой задачи? Очевидно, что оно должно быть прежде всего приспособлено к денотированию, т. е. прочно прикреплено к объекту.

Наиболее простой способ ввести объект в коммуникативный фокус состоит в прямом указании на него жестом, сопровождаемым дейктическим местоимением, а иногда и существительным широкой сферы приложимости. Ср. *Дай мне в о н т у ш т у к у. Убери э т о. Что э т о? Э т о соковыжималка.*

Дейктические слова применимы к любому объекту. Их речевое содержание всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретного коммуникативного акта. Если отвлечься от анафоры, то использование дейктических слов для идентификации конкретного предмета возможно только в ситуации его присутствия.

Когда речь идет о конкретном уникальном объекте, то идентифицирующим целям наиболее адекватно удовлетворяет имя собственное. Ср. *Александр Пушкин венчался с Наталией Гончаровой в 1831 г.*

¹ J. L. Austin. How to do things with words. Cambridge (Mass.), 1962.

Для имен собственных основной является функция названия предметов действительного или воображаемого мира. Они обладают свойством прозрачности — сквозь них как бы просвечивает референт, выбор которого, в отличие от действительных слов, независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени). Наличие значения у собственного имени, подобно разводам на стекле, делало бы его менее прозрачным, мешая увидеть денотируемый объект, поскольку образ, лежащий в основе значения имен собственных, как правило, не соответствует свойствам их носителей. Если, услышав имя *Елизавета Воробей*, адресат стал бы искать женщину, напоминающую маленькую чирикающую птичку, его взгляд едва ли остановился бы на истинной носительнице имени.

Собственные имена неконнотативны (по Миллю)². Они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств. Относясь к индивидуальным предметам, собственные имена никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного. Они, поэтому, не переводятся и не перифразируются. «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, — писал К. Маркс, — если знаю только, что его зовут Яковом»³. Собственные имена, по выражению Милля, подобны меловой отметине на доме: они имеют цель, но лишены значения. Их цель состоит только в указании на денотат⁴. Логически собственные имена незначимы до тех пор, пока нет единичного объекта, который они замещают в сообщении.

Говорящий не несет ответственности за тот образ объекта, который стимулируется именем собственным. Сколько ни далеки представления о носителе имени у говорящего и слушающего, эти различия не могут препятствовать коммуникации, т. е. уяснению того, о каком именно объекте идет речь.

² См. *J. St. Mill. Of names. «Theory of meaning»*. Prentice Hall, 1970.

³ *К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 107.*

⁴ Денотат собственного имени есть не что иное, как знание говорящим отнесенности имени к денотату (*В. З. Панфилов. Отражательная функция естественных языков и проблема языкового знака. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний»*. М., 1974, стр. 107).

Поскольку имя собственное относится к единичному предмету, его содержание соответствует всей совокупности его свойств в их нерасчлененной целостности (здесь можно отвлечься от признака пола лица, обычно, но не всегда, раскрываемого его именем). «Неоценимое прагматическое удобство собственных имен как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта»⁵, — писал Дж. Сирль.

Отсутствие договоренности об идентифицирующих признаках составляет основное свойство собственных имен, отличающее их от имен нарицательных (дескрипций). Из этого положения не вытекает, что собственное имя не скрывает за собой некоторых — варьирующихся по объему и характеру и лишенных коммуникативной значимости — сведений об объекте. «Употребляя имя собственное, — писал Дж. Милль, — мы позволяем слушателю идентифицировать индивидуума и связать его с той информацией, которой он располагал ранее»⁶.

Если говорящий не в состоянии заменить по требованию адресата имя собственное описанием каких-либо свойств объекта, правомерно предположить, что он и сам не знает, о ком говорит. Когда связь с некоторыми признаками денотата становится прочной и однозначной, имя собственное преобразуется в имя нарицательное, т. е. приобретает отнесенность к обобщенному понятию, а следовательно, и ко всем тем объектам, которые могут быть под него подведены.

Итак, собственные имена не нуждаются в понятийном содержании для успешной референции к предметам действительности. Поэтому, даже беря начало в признаковых словах (предикатах), они стремятся освободиться от того понятия, которое было им присуще первоначально. Тенденция к семантическому опрощению в той или иной степени характеризует историю практически всех собственных имен. Обычно процесс опрощения развивается в пределах до признаков широкого класса. Это заметно и в том, что язык старается более или менее определенно

⁵ J. Searle. The problem of proper names. «Semantics», Cambridge (Mass.), 1971, стр. 140.

⁶ J. St. Mill. Указ. соч., стр. 55.

дифференцировать серии собственных имен, относящихся к разным категориям реалий (людям, животным, городам, отелям и пр.), и в том, что при отсутствии между ними четких различий, имени собственному обычно сопутствует имя нарицательное родового значения (ср. *Тихий океан, гостиница Москва, остров Врангель, бухта Тикси* и пр.).

Стремление имен собственных избавиться от непосредственного понятийного содержания вполне объяснимо. Если имя денотируя объект, обозначает некоторый признак, мысль стремится обнаружить его в носителе имени — референте. Ср. *А как зовут графиню, жену вашего Острожского! — Графиня Роза. Должна быть красавица, подумал я наморщась. — Ну а дочки их такие же рози, как их маменька? — Нет, пане капитане, старшая называется Амалия, а меньшая Евелина* (Лермонтов. Княгиня Лиговская). Как видно из приведенного примера, отнесение смыслообразующего признака (в данном случае он был привнесен в имя ошибочно) к референту не может быть ни истинным, ни желательным для носителя имени. Имя собственное не имплицитно подразумевает наличия какого-либо качества референта. Более того, до тех пор пока такая импликация существует, номинация относится не к разряду имен собственных, а к разряду прозвищ, кличек, живучесть которых в отличие от имен собственных, зависит от их меткости, от того, насколько верно схвачено в них какое-либо свойство референта. Ср. следующее рассуждение по этому поводу Гоголя: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древне-княжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно, что писанное, не вырубляется топором... И нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос, или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы» (Гоголь. Мертвые души).

Однако далеко не все объекты обладают именами собственными или прозвищами и не всегда имя собственное бывает знакомо говорящим. Именами собственными об-

ладают сравнительно немногие категории реалий — лица, домашние животные, уникальные объекты макромира, такие как небесные тела, географические пространства, административные единицы, т. е. пространства, соответствующие национальному, государственному и социальному членению мира. Имена собственные присваиваются разного рода организациям, учреждениям, учебным заведениям, институтам, магазинам, топографии населенных пунктов, произведениям искусства, газетам и журналам, уникальным предметам (*бриллиант «Граф Орлов»*), пароходам, дворцам, музеям, виллам, ресторанам, гостиницам, театрам и кинотеатрам, видам товаров (моделям), школам и направлениям в науке и искусстве, крупным национальным событиям (войнам, эпохам), неповторимым явлениям природы (например, ураганам), стратегическим операциям и пр. Из приведенного неполного перечня явствует, что имена собственные составляют весьма обширный фонд языковых номинаций, служащих единственно целям идентификации объекта, или иначе допускающих только референтное употребление.

При отсутствии имени собственного целям идентификации служит другая категория номинаций — так называемые определенные дескрипции⁷, получающие предметную отнесенность только в составе предложения. Определенные дескрипции берут свое начало в признаковых словах (предикатах). Они относятся к некоторому объекту, благодаря тому, что описывают какие-либо его свойства. Поэтому для того, чтобы понять денотативную отнесенность дескрипции, ее референцию, необходимо располагать об объекте некоторой информацией. Определенная дескрипция — это своего рода стекло с изображением. Чтобы найти с его помощью объект, нужно совместить его с воспроизведенным на стекле образом (или его фрагментом).

Природа определенных дескрипций двойственна. Они имеют смысл и вместе с тем, подобно собственным именам относятся только к одному объекту. Ш. Балли, разработавший наиболее глубокую лингвистическую теорию

⁷ Основы теории дескрипций были развиты Б. Расселом (см.: *B. Russell. On denoting. «Mind», v. 14, 1905; Он же. Introduction to mathematical philosophy. 2 ed. London, 1920, ch. 16 Descriptions*).

актуализации (в логической терминологии референции), с полным основанием называл такого рода выражения именами собственными речи⁸.

Реальные коммуникативные акты позволяют наблюдать процесс образования значения идентифицирующих номинаций и действующие в этой области принципы.

Если речь идет об объекте, присутствующем в ситуации общения, но незнакомом по имени, то к нему должна быть применена дескрипция, которая бы выделила его среди соприсутствующих с ним объектов. В указанных обстоятельствах номинация строится с опорой на наиболее различительные индивидуальные признаки объекта. Ее выбор следовательно, зависит не только от свойств идентифицируемого объекта, но и от фона, на котором он фигурирует и от которого должен быть отделен. Естественно, наибольшие трудности представляет идентификация объекта, входящего в однородную с ним совокупность. Не случайно известный персонаж Честертона пастор Браун рекомендовал прятать сухой лист, помещая его в кучу сухих листьев. В пионерском отряде ссылка на красный галстук не может служить выделительным целям, а для отличия негра от других негров бесполезно ссылаться на цвет его кожи, тогда как в других условиях эти признаки могут быть индивидуализирующими. Ср. *Посмотри, какая хорошая улыбка у того мальчика в красном галстуке.*

Итак, первый и основной принцип выбора идентифицирующей номинации состоит в том, что в ее значение должно входить указание на индивидуализирующий признак объекта. Если одного признака оказывается недостаточно для того, чтобы придать номинативной стрелке нужную направленность, то номинация может быть дополнена другими признаками, обладающими выделительной силой, например, указанием на пространственное положение объекта. Ср. *У того мальчика в красном галстуке, который стоит у окна, хорошая улыбка. Тот мальчик в красном галстуке, который громче всех поет, мой брат.*

Из приведенных примеров видно, что смысл идентифицирующей номинации складывается из произвольного числа компонентов, указывающих на индивидуализирую-

⁸ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 91.

щие свойства объекта, такие как признаки класса, которому он принадлежит, его особые приметы, его местонахождение относительно других объектов; в динамической ситуации эффективно указание на действие объекта или действие, производимое над объектом.

Поскольку наибольшей различительной силой обладает самый частный признак объекта, более всего соответствует своему назначению имя узкой области референции. Так, из ряда номинаций *мужчина, старик, седой, седобородый* более всего пригодна для целей идентификации последняя, хотя в условиях, например, совета старейшин и она может оказаться недостаточной. Сказанное объясняет существующую в разговорной речи тенденцию к устранению из развернутой номинации идентифицирующего типа указания на общие свойства объекта, имплицитруемые частными признаками. Поскольку особая примета объекта не всегда может быть выражена существительным, идентифицирующая номинация часто приобретает форму субстантивированного прилагательного, предложного оборота и относительного придаточного, а в некодифицированной разговорной речи может иметь вид неноминализованного предложения, т. е. предложения без относительного местоимения. Ср. *С палкой/куда пошел?/ В красной шапочке/в лес побежала. Хлеб отпускает/куда ушла?/Молоко привозит/сейчас в отпуске/, да? Булочки продает/перестала к нам ходить. Хороший/с кем она сейчас познакомилась?*⁹. На устранении общих признаков объекта основана метонимия. Ср. *Красная шапочка побежала в лес. Смотри, очки недовольно поморщились. Валенки что-то сказали. Борода презрительно сплюнула.* Метонимия, в отличие от метафоры, более связанной с предикатной функцией имени, вызвана к жизни прежде всего потребностью создания идентифицирующих номинаций.

При выборе идентифицирующей номинации обычно избегаются субъективно-оценочные имена и прилагательные. Так, вопрос *Кто та прелестная девушка?* может повести к недоразумению, так как спрашивающий рискует разойтись во вкусах с адресатом. Гораздо надежнее задать вопрос, например, так: *Кто та девушка в ли-*

⁹ «Русская разговорная речь». М., 1974, стр. 438—440 (раздел «Глагольные номинации»).

ловом платье (с звездами, в больших зеленых очках, с теннисной ракеткой и пр.)?

А. Вежбицкая обратила внимание на то, что обозначения лица типа *подлинный художник, отличный оратор, хороший пловец* и под. мало пригодны для идентифицирующих целей, т. е. в общем случае не фигурируют в роли субъекта предложения. Она объясняет это тем, что основная часть значения приведенных сочетаний указывает не на объективные признаки референта имени, а на отношение к нему говорящего. Субъективно-оценочные номинации связаны с предикативным компонентом предложения. Показательно, что даже имена собственные, специально предназначенные для идентификации референта, получая оценочные суффиксы, покидают субъектную позицию и переходят на роль обращения¹⁰.

К отмеченным выше правилам выбора идентифицирующей номинации, таким образом, можно прибавить требование максимальной объективности входящих в ее смысл признаков.

Итак, в ситуации присутствия или эмпирического знания идентифицируемого объекта его номинация обозначает необязательно между собой логически связанные, часто гетерогенные, варьирующиеся по количеству, индивидуализирующие по отношению к референту максимально объективные компоненты, выбор которых обусловлен прагматически и к которым предъявляется требование знания их адресатом. В очной ситуации, как уже отмечалось, наиболее эффективны зрительно воспринимаемые приметы, характеризующие внешний облик объекта и его пространственную ориентацию. Эти признаки могут иметь как статический, так и динамический характер.

Сформулированные принципы выбора номинации объекта относятся к собственно референтному употреблению имени, при котором смысл идентифицирующей дескрипции выполняет роль указателя. Он независим от смысла сообщаемого, т. е. от значения предиката. При референтном употреблении определенная дескрипция дает адресату инструкцию для выделения из поля, доступного его восприятию или знанию, лица или предмета, о котором делается сообщение. Она является не более, чем орудием

¹⁰ А. Wierzbicka. Descriptions or quotations? «Sign, language, culture», t. I. The Hague-Paris, 1970.

для выполнения некоторой подсобной, вспомогательной задачи. Именно в этом случае говорящий может пользоваться разными по смыслу определенными дескрипциями, не внося этим изменений в истинностное значение предложения¹¹. Непосредственный смысл номинации не существен для коммуникативно значимого содержания высказывания. Ср. *Отец Андрея (мой дядя, наш сосед, вот тот человек и пр.) работает фельдшером в этой больнице*. Если объект известен собеседникам, то к нему может быть отнесена любая дескрипция, извлеченная из пессинонимического ряда наименований, способных его идентифицировать. Выбор идентифицирующей номинации всецело определяется прагматическими факторами. При изменении этих последних, например, при передаче чужой речи, обычно происходит замена одной идентифицирующей номинации на другую, более адекватную в новых условиях коммуникации. Включение в сообщение иной идентифицирующей дескрипции обычно не ведет к искажению смысла передаваемого сообщения¹². Ср. *Я вчера видел в театре твоего поклонника*, — сказал Коля Наде. *Коля сказал мне, что видел в театре твоего брата*, — сказала Надя Саше. Единственное ограничение, налагаемое коммуникацией на выбор идентифицирующей дескрипции, состоит в исключении номинаций, смысл которых содержится в смысле предиката. В высказывании *Мой брат холост* субъектная номинация *мой брат* не может быть заменена сочетанием *этот холостяк*, поскольку предложение *Этот холостяк холост* было бы не информативно: смысл сообщаемого совпадал бы с пресуппозициями сообщения.

Следует заметить, что если даже выбор идентифицирующей номинации обусловлен ошибочным представлением об объекте, т. е. основывается на ложной информации или искаженном восприятии, предложение сохраняет истинность¹³. Высказывание *Как мила девушка в синем платье* остается истинным, даже при условии, если говорящий дальтоник и на самом деле понравившаяся ему

¹¹ J. D. McCawley. Where do noun phrases come from? «Readings in English transformational grammar», Waltham (Mass.), 1970.

¹² K. Hasegawa. Transformations and semantic interpretation. «Linguistic Inquiry», v. III, № 2, 1972.

¹³ См. об этом: K. Donnellan. Reference and definite descriptions. «Semantics».

девушка одета в зеленое платье. Неверным в этом случае оказывается только смысл дескрипции, который, как отмечалось, при референтном употреблении остается за пределами суждения.

Хотя в принципе между значениями идентифицирующей дескрипции и предиката нет обязательной семантической связи, между ними может возникать известное смысловое взаимодействие. Так, например, в наименовании субъекта может быть подчеркнут тот именно его аспект (признак), в связи с которым делается сообщение. Ср. *Этот педагог обладает большим опытом* \Leftrightarrow *Этот человек опытен как педагог*; *Мой учитель математики хорошо знает свой предмет*; *У этого пианиста превосходная техника*. Не обращаясь к смыслу идентифицирующей дескрипции, в подобных случаях нельзя понять смысл сообщения.

Несколько отличны принципы выбора идентифицирующей номинации, когда речь идет о единичном объекте, косвенно знакомом собеседникам (или одному из них), т. е. об объекте, о котором говорящие располагают только некоторой частью информации. Чем ограниченной у них сведения об объекте, тем меньше возможности выбора его наименования. Так, если мы знаем, что произошла кража, то можем применить к ее непойманному агенту имя *вор* или какой-либо из его синонимов. Поскольку смысл сообщения также может относиться только к данному происшествию, между ним и смыслом идентифицирующей номинации возникает соотношенность. Ср. *Вор проник в дом через окно*; *Вор взял только ценные вещи*. Однако такая связь не выражает логического отношения.

Номинация в этих условиях опирается на предикат и извлекается из пропозиции, сообщающей о фактах, событиях и свойствах, относящихся к объекту. Ср. *Дом о б о к р а л и*. *В о р проник в него через окно*.

Сами сведения о бытии объекта часто вытекают из информации о совершившемся событии или из знакомства с некоторым статутом, порядком вещей в природе и обществе. Если случилось некоторое происшествие, предполагающее участие лиц (например, *была подожжена Александрийская библиотека*), то должен существовать деятель (в данном случае *поджигатель*). Если в театрах ставят некоторую пьесу, то правомерно говорить о драматурге, даже если он захотел остаться неизвестным. Псевдоним скрывает лишь настоящее имя автора, но не факт его су-

ществования. Любопытство Генриха IV, пожелавшего узнать, кто написал «Веверлея», не было беспредметным.

Знание законов природы и социального уложения позволяет говорить о президенте республики, командующем армией, победителе первенства страны по тому или другому виду спорта, лауреатах конкурса.

Такого рода определенные дескрипции самим своим значением имплицитно указывают на единичность референта. Их смысл чаще всего содержит указание на функцию объекта (*лифтер этого дома, заведующий магазином*), его отношение к другому объекту (*отец ребенка, принц-консорт*), его роль в конкретном событии (*автор «Короля Лира», поджигатель Александрийской библиотеки*).

Субстанциональная природа идентифицируемого объекта может оказаться безразличной для тех или других целей. Важен лишь его социальный статус, функция. Условие экзистенциальной пресуппозиции в этом случае заранее считается выполненным: оно имплицитно содержится в существующем порядке. Перед тем как задать вопрос *Где я могу видеть директора магазина?* или прежде, чем требовать жалобную книгу, не принято выяснять, существует ли директор магазина и есть ли в магазине жалобная книга.

Когда утверждение касается любого объекта, лишь бы ему был присущ тот или иной признак или функция, выбор номинации по необходимости сводится к указанию на данный признак, данную функцию. Поскольку не все признаки и функции могут быть обозначены существительными, номинация объекта часто развертывается в придаточное. Ср. *К т о з а, поднимите руку! К т о н е н а с в о е м м е с т е, прошу пересест! Пусть встанет тот, кто разбил окно. Те, у кого двойка в четверти, не будут допущены к экзаменам*¹⁴.

В данных условиях между смыслом номинации и смыслом сообщаемого может устанавливаться логическая (причинно-следственная или условная) зависимость. Ср. *Если у ученика есть двойка в четверти, он не допускается к экзаменам*. Такого рода зависимость регулярно наблюдается в правилах, кодексах, уставах, уложениях, т. е. нор-

¹⁴ И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предположения. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 90.

мативных текстах, изучаемых так называемой деонтической логикой. В этом случае номинация относится к потенциальному лицу, существование которого не имплицитруется сообщением. Ср. *Неплательщики подлежат штрафу*.

Наконец, в предложениях, выражающих общие суждения и относящихся к классу объектов, в качестве номинации пригодно лишь имя нарицательное, обозначающее родовые признаки. В суждениях о свойствах класса значение субъектной номинации логически связано со смыслом предиката. Предложение *Львы кровожадны* должно прочитываться следующим образом: 'если данный объект принадлежит классу львов, он обладает свойством кровожадности'. Иначе говоря, в такого рода суждениях утверждается конъюнкция признаков, входящих в смысл идентифицирующей номинации и предиката. В отрицательном суждении, напротив, утверждается дизъюнкция (несовместимость) признаков. Предложение *Собаки не мяукают* значит: 'если объект входит в класс собак, он не может мяукать'.

Существенно заметить, что наименования классов предметов не включают в свое значение четко выделенной и детерминированной совокупности родовых признаков. Их значение в известной степени диффузно, как и значение имени собственного, соотносимого с единичным предметом. Поэтому суждения, субъектом которых является наименование класса реальных, обычно не бывают аналитическими (не информативными, истинными в силу значения). Ср. *Кит — млекопитающее; Ель покрыта хвоей; и даже Медведи любят мед*.

Диффузность значения имен классов предметов, в особенности естественных реальных, затрудняет их словарную интерпретацию. По мнению некоторых авторов, лексические единицы этого типа в известном смысле вообще лишены словарного определения¹⁵. Толкование таких слов напоминает словесный портрет, в котором существенные признаки объединены с несущественными, часто внешними чертами, позволяющими идентифицировать предмет как принадлежащий к данному классу. Ср. *Снегирь — небольшая серая певчая птичка из отряда воробьиных*

¹⁵ См. D. Wiggins. On sentence-sense, word-sense and differences of word-sense. «Semantics», стр. 25—26.

с красной грудью у самцов. Применительно к естественным объектам толкование значения имени связано с глубиной познания действительности, т. е. с уровнем теоретического знания.

Важно подчеркнуть, что номинация объекта, целью которой является его идентификация для адресата речи, неблагоприятна для развития и точной фиксации значения. Последнее или вовсе отсутствует у идентифицирующих номинаций (имена собственные), или образуется колеблющимся, неустойчивым набором признаков таксономического и опознавательного типа. Развитие категорий семантики, нюансировка смысла, его уточнение и дифференциация связаны в первую очередь с предикатной функцией слова, стремящегося, в отличие от идентифицирующих номинаций, к моносемности, преодолению смысловой неопределенности.

Между тем, как это ни парадоксально, использование предикатных слов с их более определенным и ясно очерченным значением для идентификации предмета речи часто оказывается неэффективным. Это объясняется тем, что предикация признака предмету субъективно окрашена, т. е. отражает суждение автора речи (см. об этом выше).

Из следующего отрывка видно, что идентификация лица, при помощи предикатной номинации (*драгоценный алмаз*) невозможна без предварительной экспликации оценочного суждения; которое может иметь далеко не общепринятый характер: *Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторге, думая: «вот, наконец, человек, каких нужно побольше, это просто драгоценный алмаз!» Но ждет проситель день, другой, не приносят дел на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело и не начиналось; он к драгоценному алмазу* (Гоголь. Мертвые души). Если предваряющее номинацию объекта суждение не входит в коммуникативный предтекст, референция предикатных имен может остаться невыявленной. Поэтому, например, в русском языке их употребление с конкретной референцией обычно поддерживается анафорическим местоимением. Ср. *Узнав, что к нему приехал Хаджи-Мурат, Иван Матвеевич ... скрутил папироску, закурил и стал одеваться, громко откашливаясь и ворча на начальство, которое прислало к нему «этот го чорт а»* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат).

Еще более очевидные трудности вызывает определение референции предикатных номинаций, употребленных по отношению к классу, совокупности объектов. Покажем это на литературном примере. Как известно, Пушкин не раз высказывал отрицательные суждения о категории лиц, обобщенно называемых им *чернью*. Ср. *Блажен, кто с молодю был молод, Блажен, кто во-время созрел, Кто постепенно жизни холод С летами вытерпеть умел, Кто странным сном не предавался, Кто черни светской не чуждался* (Пушкин. Евгений Онегин). Между тем в явной форме он никогда не сообщал о том, к какой социальной категории относит имя *чернь*. Критики и интерпретаторы Пушкина по-разному понимали референцию этого существительного. Так, например, А. Блок в статье «О назначении поэта» писал: «Вряд ли когда бы то ни было *чернью* называлось простонародье. Разве только те, кто сам достоин этой клички, применяли ее к простому народу. Пушкин собирал народные песни, писал простонародным складом; близким существом для него была деревенская няня. Поэтому нужно быть тупым или злым человеком, чтобы думать, что под *чернью* Пушкин мог разуметь простой народ. Пушкинский словарь выяснит это дело...»¹⁶.

«Словарь языка Пушкина» на основе анализа всех контекстов, в которых Пушкин употреблял имя *чернь*, действительно определил его референцию. Она оказалась не столь однородной, как предполагал Блок, в поле зрения которого, попала, по-видимому, лишь определенная часть пушкинских текстов. Выяснилось, что Пушкин относил имя *чернь* к четырем категориям лиц. «Словарь» отмечает следующие значения у слова *чернь*: 1. Простонародье, городские низы, уличная толпа, сброд. Напр.: *Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева* (История Пугачева); 2. Благородная чернь (о родовитом, но обедневшем дворянстве в противопоставлении неродовитой придворной аристократии). Напр.: *Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха... Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда* (Гости съезжались на дачу); 3. Презрительно о совокуп-

¹⁶ А. Блок. Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1962, стр. 164.

ности рядовых представителей какой-нибудь среды. Напр.: *Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться литературной черни, которая рада будет на вас броситься* (статья «Вольтер»); 4. О невежественной, духовно ограниченной среде, толпе. Напр.: *И толковала чернь тупая: Зачем так звучно он поет? Напрасно ухо поражая, К какой он цели нас ведет?* (Поэт и толпа)¹⁷.

Приведенный пример поучителен. Он показывает, что принимая на себя идентифицирующую функцию по отношению к классу объектов, предикатные, в особенности оценочные номинации, вводят в область идентифицирующих значений, характеризуемых, как отмечалось выше, максимальной объективностью, субъективный элемент, стимулирующий известный произвол в референции имени. Уместно обратить внимание на то, что сам А. Блок, в отличие от Пушкина, эксплицировал, к какому разряду людей он относит имя *чернь*, которому дал, хотя и не пригодное в лексикографии, но достаточно внятное определение. Продолжим начатую выше цитату из статьи А. Блока: «Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский», давая собирательное имя той родовой придворной знати, у которой не оставалось за душой ничего, кроме дворянских званий¹⁸; но уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть — наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня: не знать и не простонародье»¹⁹.

Таким образом, референтное употребление характеризующих (предикатных) номинаций требует предварительного определения области их приложимости, которая в виду субъективности тех суждений, на которых такое употребление основывается, подвержена постоянным смещениям²⁰.

Это положение с особой очевидностью подтверждается текстами правил, уложений, кодексов, в которых классам лиц и классам событий обычно даются характеризую-

¹⁷ «Словарь языка Пушкина», т. 4. М., 1961, статья *чернь*.

¹⁸ Из приведенного выше словарного толкования явствует, что как раз эту категорию знати Пушкин склонен был называть *благородной чернью* (см. 2-е значение).

¹⁹ А. Блок. Указ. соч., стр. 164 и сл.

²⁰ Видимо именно это явление референтной нестабильности и растяжимости предикатных наименований имел в виду А. Блок, когда писал о «словах-оборотнях» (см. А. Блок. Ответ на анкету).

щие номинации (*преступник, нарушение общественного порядка, хулиганство, хищение преступление, предательство, измена* и пр.). Такого рода наименования могут быть отнесены к достаточно различающимся между собой деятелям и действиям. Поэтому порядок составления правил и кодексов требует точного очерчивания области референции соответствующих номинаций. Так, в тексте предписания, над которым трудились персонажи М. Салтыкова-Щедрина, вслед за сообщением о допустимости на улицах «приличных разговоров» дается перечисление тех классов событий, к которым надлежит относить этот термин, т. е. растолковывается область его референции: «При сем под выражением «приличный разговор» следует разуметь: а) воспоминания о прилично проведенном времени; б) предположения о возможности такого же времяпровождения в ближайшем будущем; в) расспросы о здоровьи начальствующих лиц, а равно родных и близких, не опороченных по суду» и т. д. (М. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия).

Референция предикатных номинаций, содержащих в своем значении оценочный компонент, приобретает прагматическую обусловленность. Она зависит прежде всего от автора речи. Если вернуться к употреблению имени *чернь* у Пушкина, то можно отметить, что отнесение его к простолюдинам (см. выше 1-е значение) преобладает не в прямом авторском тексте, а в речи определенных персонажей, оценка которых отражена в номинации, ср. в «Борисе Годунове» в речи Шуйского: *Но знаешь сам: бессмысленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна, Легко пустой надежде предана, Мгновенному внушению послушна, Для истины глуха и равнодушна, А баснями питается она.*

Прагматическая обусловленность референции предикатных номинаций с особенной очевидностью обнаруживает себя при сравнении автореферентных номинаций (т. е. номинаций, относимых автором речи к самому себе) с наименованиями того же лица в актах речи, в которых он не участвует, а также с обращениями к нему собеседников (апеллятивами). Ср. *Как вас зовут? Ужель поэт о м?* Я вас прошу в последний раз, Не называйтесь так пред светом, *Фигляр*ом назовет он вас! (Лермонтов). Влияние прагматического фактора на выбор номинации, восходящей к предикату, связано и с условиями, в которых

протекает общение. Ср. у Гоголя: Все [присутствующие] были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия *кубышки*, *толстунчики*, *пузанчики*, *чернушки*, *кики*, *жужу* и пр. (Гоголь. Мертвые души).

Поскольку к событиям, действиям, поступкам и т. п. могут быть отнесены только имена нарицательные характеризующего типа, выбор номинации зависит от понимания сущности явления, его оценки. Ср.: Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомою телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа «иронией» (А. Блок. Ирония); Что именно разумела вяленая вобла под названием «лишних мыслей и чувств» — неизвестно, но что действительно на наших глазах много лишнего завелось — с этим и я не согласиться не могу. *Сущности этого лишнего никто еще не называл по имени* (М. Салтыков-Щедрин. Вяленая вобла). Оценочная номинация событий входит в область вторичных атрибутов (т. е. слов, обозначающих признаки признаков). Она, поэтому, часто определяется субъективным отношением к соответствующему явлению и может, следовательно, колебаться в широких пределах. Ср. Неужто та *непреклонность*, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только *глупость* и *безумие* (М. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).

Точно таким же колебаниям подвержены номинации конкретных референтов при помощи имен классов предметов, соотносительных со вторичными атрибутами. Ср. [Кшешницюльский] хвастался, что служит в квартале только временно, покуда в сенате решается процесс его по имению, что хотя его и называют *сыщиком*, но, собственно говоря, должность его дипломатическая, и поэтому следовало бы называть его «*дипломатом такого-то квартала*» (М. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия).

Показательно, что именно характеризующие номинации объектов часто произвольно заменяются даже в идентифицирующей функции иными наименованиями, указывающими на другие свойства предмета и тем самым вуалирующими его сущность. Ср. *Одевшись он* [Иван Матвеевич] *потребовал от денщика «лекарства»*. И денщик, зная, что *лекарством называлась водка*, подал ему (Л. Толстой. Хаджи-Мурат).

Таким образом, наличие у идентифицирующих номинаций значения, отражающего сущность объекта, вступает в сложное взаимодействие с суждениями и оценками говорящих, в результате которого выбор номинации, сделанный в идентифицирующих целях, может получать субъективную зависимость.

В заключение следует подчеркнуть, что опора на предикат характерна не только для речевых номинаций конкретных предметов, она является достаточно регулярной для номинаций классов объектов, бытующих в языке. Вследствие предикатной (т. е. в конечном счете субъективной) обусловленности имен классов предметов, их первичный смысл часто бывает случайным: номинация строится на каком-либо несущественном (обычно выделительном) признаке класса. В процессе употребления такие имена обычно развивают семантическую «надстройку», определяющуюся их денотирующей функцией, т. е. референцией к объектам действительности. В этом случае предикатное (обычно монопризнаковое) значение имени постепенно вытесняется идентифицирующим (полипризнаковым) значением. Упрощая существующие отношения, можно утверждать, что у предикатных номинаций значение определяет и регулирует их употребление, их приложимость к тем или другим объектам; у идентифицирующих имен, скорее напротив, употребление (референция) определяет и формирует их значение.

СООТНОШЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В логике и философии определился двусторонний подход к понятию: понятие выступает как синтез знаний о том или ином классе предметов или явлений, но может быть представлено и в виде дефиниции существенных признаков этого класса. «Дефиниция необходима тогда, когда требуется определить понятие, т. е. установить его предел, границы, позволяющие отличить его от других связанных с ним понятий. В этом случае выделяют в объекте, отображенном в понятии, одни существенные признаки и временно берут их изолированно от всего остального знания, содержащегося в понятии»¹. Этот двусторонний подход к понятию принципиально важен для теории словесного значения.

Стремление рассмотреть понятие в двух аспектах присуще не только логикам, но и лингвистам, пришедшим к постановке указанного вопроса путем анализа слова, так как именно слово закрепляет и выражает понятие, являясь специфически человеческим способом отражения действительности². Сказанное в первую очередь относится к концепции С. Д. Кацнельсона, направленной на объяснение природы лексического значения, а также основ, на которых базируются языковые контакты, зиждется функционирование языка. Согласно этой трактовке по-

¹ В предложенной Н. И. Кондаковым трактовке понятия существенно и отграничение его от всей массы сведений о данном классе предметов. Понятие как форма мышления не совпадает со всем знанием об исследуемом объекте, не тождественно ему, так как совокупность признаков объекта, представленная в нем, ограничена отличительными признаками, т. е. исключает все многообразие второстепенных признаков (Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 394).

² «Павловские среды», т. I. М.—Л., 1949.

нятие имеет две части, две стороны, одна из них формальная, — это «тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета»³, другая — содержательная. В этой части понятия стремятся охватить предмет во всех связях и опосредованиях. В значениях слов объективируются формальные понятия. Содержательные пребывают в «свернутом» виде, и «без нужды мы не обращаемся к ним», так как нет необходимости при каждом упоминании предмета «мобилизовать весь наш запас сведений о нем»⁴. Автор ссылается на суждения Н. Г. Чернышевского и А. А. Потебни⁵.

Диалектический характер связи слова с понятием выявлен Потебней, указавшим, что ближайшее, или формальное значение «делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга»⁶. Общее между ними «условлено принадлежностью к одному и тому же народу»⁷. Другими словами: ближайшее значение слова *н а р о д н о*, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов — *л и ч н о*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка»⁸.

«Вообще говоря, все понятия «личные», — углубляет процитированное суждение С. Д. Кацнельсон, — в том смысле, что мышление реально существует только как развивающееся мышление бесчисленных индивидов прошлого, настоящего и будущего, и все понятия социальные, так как они возникают и развиваются в обществе, будучи обусловлены практической деятельностью общественно организованных людей»⁹.

³ С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X. М., 1951, стр. 837; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II. Харьков, 1888, стр. 8, 3.

⁶ А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 8.

⁷ Потебня делает важную оговорку: «Слово *народ* употреблено здесь для краткости. Круг единства понимания известного слова может быть гораздо теснее отвлеченного понятия «такой-то (русский и пр.) народ» (А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 9).

⁸ Там же.

⁹ С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 24.

Но если значение слова объективирует лишь «формальную часть» понятия, то связано ли со словом названное его содержательной частью? Отвечая на этот вопрос положительно, С. Д. Кацнельсон¹⁰ указывает, что функция слова при этом существенно меняется. «Чтобы воспроизвести то, что скрывается в глубине за формальным понятием, одного слова уже недостаточно». «Единственный способ выразить такое понятие — это развернуть его в словесный текст»¹¹. Такое развертывание, по мнению автора, отражает глубинные процессы в «механизме» мышления. «Словесная экспликация понятия это теперь могущественное средство актуализации элементов индивидуального опыта и знания, их «переброски» из «второго эшелона» на «передний край» сознания»¹².

Логика возражает против некоторых положений в такой трактовке понятия. Неточность усматривается в том, что ни в определении названного формальным понятием, ни в определении названного содержательным понятием не говорится об отображении существенных признаков, «что является главным в определении понятия»¹³. Вызывает принципиальное несогласие также и то, что единое понятие как бы расчленяется при этом на два: «формальное» и «содержательное»¹⁴. Между тем первое из них «есть по существу дефиниция понятия», а второе — «понятие, как система знаний, т. е. совокупность суждений, ядром которой являются суждения о существенных признаках предмета»¹⁵. Заслуживает внимания и такое возражение: «Называть дефиницию формальным знанием неправильно, так как в ней отображаются не формальные моменты отображенного предмета, а существенные признаки»¹⁶. Приняв эти уточнения и поправки, нельзя вместе с тем не приз-

¹⁰ Автор ссылается на следующие работы: В. М. Богуславский. Слово и понятие. «Мышление и язык». М., 1957, стр. 244; Л. С. Резников. Понятие и слово. Л., 1968, стр. 84—85.

¹¹ С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 25.

¹² С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 25.

¹³ Н. И. Кондаков. Указ. соч., стр. 398.

¹⁴ Напомним, что в работе С. Д. Кацнельсона присутствует указание на условность такого раздела, поскольку автор говорит о двух сторонах понятия, или о двух его частях и лишь затем для краткости изложения о двух понятиях — формальном и содержательном.

¹⁵ Н. И. Кондаков. Указ. соч., стр. 398.

¹⁶ Там же.

нать плодотворности выдвинутого С. Д. Кацнельсоном подхода к вопросу о соотношении понятия и значения.

Идея о двухаспектном рассмотрении понятия в теории о языковом значении ждет дальнейшей разработки. Связанные с ней выводы о природе лексического значения пока соотнесены лишь с концептуальным содержанием слов обыденной речи. Между тем названное значение можно характеризовать и как обиходное, и как научное, и как художественное. В принципе должно оказаться безразличным, к какому из трех типов оно принадлежит: в любом из них должны проявиться существенные признаки, позволяющие назвать его словесным значением. Оставляя пока в стороне вопрос о значении слова в художественной речи, обратимся к значениям, объективирующим научные понятия. Реализуют ли они всю систему знаний о данном классе предметов или только признаки, входящие в дефиницию научного понятия? Нет оснований сомневаться в том, что последние. В подобной дефиниции однако будут отражены результаты научного познания. Так, например, словари, в том числе и общие, толковые, дают в качестве дефиниции одного из значений слова *класс* ленинское определение: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹⁷. Признаки, выделенные в этом определении социальной категории, должен знать всякий читающий ленинские тексты, «Капитал» или другие сочинения К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и т. д. Без этого не может верно пониматься ни одна фраза, в которой употреблен термин *класс*. Ср., к примеру, фразу, взятую из сочинения В. И. Ленина («Мы ведем классовую борьбу, и наша цель — уничтожить классы») ¹⁸ или из «Манифеста коммунистической партии» («История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов») ¹⁹. Более того, если значение — это понятие, мысль о признаках, то именно эти, а не дру-

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 304.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

где признаки и должны иметься в виду при самых обычных употреблении слова *класс* в общей речи, на газетной полосе (типа *рабочий класс*, *класс капиталистов*, *антагонистические классы* и т. д.), пусть и не осознаваемые с такой предельной четкостью каждым из говорящих. Значение стало общенародным. Это отмечено общими словарями: при нем отсутствует помета «специальное»²⁰. Следовательно, и ближайшее значение (лексическое) может являться итогом научного познания, причем, становясь общенародным, оно непременно обретает свойство «тривиальности».

Вывод о реализации в значении слова признаков, входящих в дефиницию понятия, а не понятия как системы знаний о данном классе предметов или явлений, очевидно, верен в применении к любому типу общения, в том числе и научному. Ведь и здесь была бы не только бесцельной, но и губительной для речевого контакта актуализация при каждом упоминании термина всего синтеза сведений о называемом им классе реальных.

С другой стороны, как следует решить вопрос о дальнейшем значении или о понятии как синтезе знаний, применительно к словам из обыденной речи? Показательна в этом отношении словарная статья на слово *вода* в разработке В. И. Даля. В ней собраны сведения, бытующие в общем обиходе, известные всем и каждому, почерпнутые в семье и в школе, проверенные жизненной практикой. В Словаре сказано, что вода — это «стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родники, ручьи, реки и озера, и в смеси с солями — моря. Кипящая вода обращается в пар, мерзлая образует лед; испарения водные (влага, мокрота, сырость) наполняют мирокосицу (атмосферу. — *Авт.*) в виде облаков, тумана, росы, дождя, снега и пр. Едва ли не все жидкости в природе содержат в себе воду; твердые тела ею большей частью проникнуты, а с иными она сама обращается в твердое тело (с известью, гипсом); сама же она состоит из двух газов: водорода и кислорода; первый, стора при помощи последнего и соединяясь с ним, образует воду»²¹.

²⁰ «Словарь современного русского языка в 17 томах», т. V. М. — Л., 1956, стр. 992; «Словарь русского языка в 4-х томах», т. II. М., 1958, стр. 68.

²¹ «Толковый словарь живого великорусского языка». Сост. В. И. Даль, т. I. М., 1955.

Критикуя современные толковые словари за элементы энциклопедизма, С. Д. Кацнельсон замечает в частности, что в определении слова *вода* гораздо важнее было бы внести сведения не о химическом составе, а о естественных и искусственных водоемах (колодцы, водопровод, река и т. д.), о важнейших функциях воды как средства утоления жажды, мытья, варки и т. п.²² Нетрудно заметить, что перечень признаков воды, бытующих в обиходе, приведенный в Словаре Даля, пополнился еще и новыми. Какие же из них должны быть отнесены к числу входящих в дефиницию понятия, т. е. служить для распознавания данного класса предметов, для выделения его словом? Очевидно, что и здесь возникает вопрос об отборе существенных признаков, причем отборе не по принципу научности или ненаучности, а из числа тех, которые принято называть обиходными²³. В каждом акте общения все они не могут иметься в виду, а пребывают так же, как и при других типах общения в «свернутом» виде. Итак, не только научные понятия, но и обиходные — это синтез знаний о познаваемом классе предметов или явлений, т. е. не сводятся к дефиниции, к краткому указанию лишь существенных признаков объекта. Иначе говоря, «развертывание» признаков может происходить не только в сторону научной объективности, а вариативность их, по-видимому, не всегда имеет личностный характер.

Во всяком случае надо отметить, что обладание лексическим значением не является особенностью общих слов в отличие от терминов, так как и те и другие объективируют в своих значениях лишь дефиницию понятия, оставаясь в то же время в неразрывной связи со всей системой знаний о данном классе предметов или явлений. В дальнейшей разработке нуждается вопрос о том, в какой мере этот синтез, вся система знаний о классе реальных сказывается на речевом общении. Особенно много здесь должны дать наблюдения над записями естественной разговорной речи, а также о типизации ее в художественных текстах, так как при живых речевых контактах активней проявляются черты психологии людей, направленность

²² С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 22.

²³ Следует отметить, что в своей основе примитивность знаний такого рода оказывается кажущейся, так как они базируются на общественном опыте, приобретаемом в повседневном труде и обиходе.

их профессиональных интересов, специфика личных склонностей.

Что касается отбора наиболее примечательных и существенных признаков, необходимых для характеристики значения слова, то он, как понятно, должен решаться по-разному в отношении слов обыденной речи, терминов и слов, значения которых при употреблении в художественном тексте эстетически направлены и в силу этого в той или иной мере преобразованы, осложнены.

Возвращаясь к примеру описания значения слова в общих словарях, отметим, что толкование значения, не оставаясь стабильным от словаря к словарю, сохраняет при этом точность: 'прозрачная бесцветная жидкость, которая в чистом виде представляет собой химическое соединение кислорода и водорода'²⁴; 'прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера и моря'²⁵; 'прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом'²⁶. Как видно из сопоставления, неизменной остается лишь первая часть толкования — 'прозрачная, бесцветная жидкость'. Она связана с описанием внешнего вида, что существенно, особенно для обиходного понятия, хотя по одному этому признаку называемый словом класс предметов еще нельзя опознать. Однако любой другой из избранных признаков (химический состав или указание, что названная жидкость образует реки, озера и моря) уже дает эту возможность, так как вода относится к числу реалий общеизвестных. Понятно, что способ словарного описания в какой-то степени условен и передает смысловое содержание слова в некоем приближении к тому, что признается общим для всех, кто владеет нормами литературного языка.

В контексте поднятых вопросов в ином свете предстает и не вполне точная характеристика словарей энциклопедического и филологического как лексикографических

²⁴ «Толковый словарь русского языка», т. I. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935.— Вряд ли можно согласиться с С. Д. Кацнельсоном в том, что указание на химический состав в этом определении неуместно. В живой речи, причем отнюдь не специальной, или профессиональной, известен даже и шутливый синоним к слову вода в виде формулы H_2O .

²⁵ «Словарь современного русского языка в 17-ти томах», т. V.

²⁶ «Словарь современного русского языка в 4-х томах», т. II.

трудов, из которых первый описывает понятия, а второй значения ²⁷.

Различение типов словарей энциклопедического и филологического следует связать с вопросом о понятии как системе определенных знаний и о дефиниции понятия, отграничивающей данное понятие от других. Первый дает описание научных понятий, а также научную дефиницию описываемого класса реальных. Этот тип словаря не является языковым и поэтому безразличен к условиям и средствам словесной объективации понятий. Словарь филологический (толковый) описывает значения слов, в которых средствами того или иного языка объективируются лишь признаки, входящие в дефиницию понятий, обиходные и научные.

В энциклопедии описание, дающее известный комплекс научных знаний о реалии, накопленный к периоду издания словаря, нередко начинается с указания существенных признаков данного класса предметов, явлений, т. е. с дефиниции понятия. Например, вода (окись водорода H_2O) — простейшее химическое соединение водорода с кислородом ²⁸. Дефиниция научного понятия в энциклопедическом словаре в сущности ничем не отличается от определения терминологического значения в толковом словаре, но в последнем будут указаны и семантические оттенки и значения, которыми термин оброс при употреблении в обиходной речи.

Вопрос о том, каким должно быть описание термина в словаре языковом, решается в применении к языку литературному. Отмечая, что многие термины вовсе не входят в общий язык, Л. В. Щерба указывает, что они подробно объясняются в разных технических энциклопедиях, где даваемые в них сведения можно сильно варьировать по объему ²⁹. Необходимо отметить, однако, что специальные словари не являются языковыми, и таким

²⁷ Ср. у С. Д. Кацнельсона упрек исследователям, отождествляющим значения и понятия: «Они не вдаются также в тонкости различий между энциклопедическими и толковыми словарями, хотя вопрос о соотношении этих типов словарей имеет прямое отношение к вопросу о соотношении понятия и значения слова» (С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 13).

²⁸ БСЭ, т. 7, 1950.

²⁹ Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. «Избранные работы по языковедению и фонетике», т. I. Л., 1958.

образом вопрос о реализации в значении научного понятия устраняется из поля зрения лексикографа, вернее предстает лишь в рамках проблематики общих словарей.

Из сказанного, видимо, можно сделать два заключения.

1. Не только обычные слова, но и термины нуждаются в лингвистическом описании, то есть в учете языковых условий реализации в значении понятия; поскольку в общий язык входит лишь небольшая часть терминов, возникает нужда в создании языковых специальных словарей.

2. Научно целесообразны, хотя и трудно выполнимы, вместе с тем, такие словари, которые энциклопедически, вне условий языковой реализации, описали бы все разновидности понятий (в разные периоды общественного развития и в разной среде). Такое описание понятий дало бы возможность изучить специфику природы каждого из типов, в частности прояснить вопрос, важный не только для ученых других специальностей, но и для лингвиста — об обиходном понятии как синтезе, совокупности обиходных знаний и о дефиниции этого синтеза, реализуемой в значении слова.

Двустороннее направление анализа помогло бы со всей отчетливостью решить проблему реального и филологического аспектов значения слова.

Об одноприродности и вместе с тем отличиях научного и обиходного понятия и, соответственно, специального (терминологического) и обычного значения говорилось в другой связи³⁰. Оправданность выделения типа художественного значения еще потребует всестороннего обоснования. Ставя его в ряд с научным и обиходным значением, мы учитываем, что воплощаемые в них понятия соответствуют трем аспектам познания. Один из них — отражение действительности в практике повседневного труда и быта, другой — научно-теоретическое ее постижение, третий — художественно-образное отражение, эстетическое освоение человеком реального мира. Отмечая эти аспекты вслед за логиками и философами в связи с обоснованием специфики художественного значения, Н. С. Зарницкий подчеркивает также важность гносеологического подхода к этой проблеме: две высшие формы мышления — языка развились из единого комплексного — обиходного

³⁰ Л. С. Ковтун. О значении слова. — ВЯ, 1955, № 5.

мышления и сосуществуют с ним³¹. Художественное значение объективирует признаки понятия, отличающиеся наряду с научными от обиходных, т. е. от свойств реалии, существенных для бытового сознания. Однако по степени присутствия чувственного и рационального эти признаки сближаются с обиходными и дальше отстоят от научных. Автор ссылается на мнение философа П. В. Копнина, утверждающего, что искусство идет «от обычного чувственно-конкретного (ощущений, восприятий, представлений) к художественному, эстетическому чувственно-конкретному»³², а «опосредствующим звеном в этом движении выступает не взятая из науки абстракция, а вырабатываемое художником обобщение, художественное отвлечение»³³. Его специфичность состоит в гораздо большей степени включения, чем во всех других видах познания фантазии, воображения, интуиции, домысла, подсознания. В эстетической функции язык отражает действительность в образах, типизирующих социальные характеры и явления. Словесное значение в силу этого в художественной речи преобразуется. Как субстанция, объективирующая словесное искусство (в отличие от музыки, живописи, скульптуры), язык становится воплощением художественного замысла автора. Отсюда ясно, что исследования, посвященные анализу художественного значения в идеологическом плане, имеют общезыковедческий интерес. Особенно перспективна в этом отношении проблема создания авторских идеологических словарей, основанных на данных, получаемых в полных словарях писателя, так как

³¹ Автор приводит также суждение Бодуэна де Куртене, который выделяет в естественном языке два течения: наряду с оживлением и конкретизацией речи все большее ее абстрагирование, которое и обеспечивает строго научную работу человеческого разума. «В зависимости от имеющейся потребности человеческий разум действует то в одном, то в другом направлении» (*Н. С. Зарецкий*. Составление Словаря М. Горького и проблема соотношения слова, понятия и значения в лексикографии. «Великий родоначальник социалистической литературы». Киев, 1968, стр. 176; Ср.: *И. А. Бодуэн де Куртене*. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 288—289).

³² *П. В. Копнин*. Идея как форма мышления. Киев, 1963, стр. 73.

³³ Привлечены исследования: *Н. К. Вахтомин*. Сущность и явление — категории материалистической диалектики. «Вопросы теории познания и логики». М., 1960; *А. А. Леонтьев*. Язык и разум человека. М., 1965; *Г. П. Щедровицкий*. Языковое мышление и его анализ. — ВЯ, 1957, № 1.

только эти последние и позволяют выявить слой лексики, наиболее действенные в эстетическом и идеологическом отношениях, зафиксировать и соотнести малейшие семантические сдвиги. Задача составления тех и других словарей выдвинута Б. А. Лариным. Идеологический словарь писателя, по его мнению, «не могут составлять узко замыкающиеся в своей специальности лингвисты, для этой задачи необходима широкая подготовка и литературоведческая, и в области общественной мысли, политической истории. В этих словарях должно быть показано творческое преломление традиций жанра и общих традиций литературного языка — именно как сфера мастерства, а не общенародной стихии; творческая разработка материалов живой народной речи — в свете идеологии писателя, его эстетических устремлений, его противоборства с враждебными литературными (идеологическими) направлениями»³⁴.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ СЛОВЕСНОГО ЗНАЧЕНИЯ, ФАКТЫ ИХ СБЛИЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ

Сущность лексического значения, как и всякой другой категории, может быть передана в ряде дефиниций, дополняющих друг друга, отражающих разные подходы к явлению, устремленных в своей конечной цели к всестороннему охвату ведущих признаков определяемого понятия. «С точки зрения теории отражения, — как считает Г. В. Колшанский, — значение слова представляет собою субъективный образ предметов и явлений, закрепляющий какое-либо познанное их качество, свойство»³⁵. В этом плане «семантика слова, по существу, совпадает с понятием как логической формой, выражаемой в слове»³⁶. Оценивая характеристику значения слова с точки зрения предметной соотносительности, тот же автор считает непрерывным учитывать диалектичность самого процесса познания, его противоречивость. «Так как значение слова представляет собою обобщенное отражение предметов и

³⁴ Б. А. Ларин. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького. «Словоупотребление и стиль М. Горького» Л., 1962, стр. 8.

³⁵ Г. В. Колшанский. Семантика слова в логическом аспекте. «Язык и мышление». М., 1967, стр. 195.

³⁶ Там же.

явлений, то оно одновременно есть и отражение конкретных единичных предметов. Именно это свойство «субъективного образа» и проявляется в возможности называния единичных предметов через общие признаки, составляющие семантику, идеальную сторону слова»³⁷.

Еще один аспект определяемой категории предстанет в том случае, если мы сосредоточим внимание на вопросе о связи языка и мышления. «Лексическое значение слова — это понятие, мысль о признаках, обусловленная в своем выражении системными отношениями словарного фонда языка»³⁸. Определение, видимо, будет верным и в более широкой формулировке: значение слова — это понятие, объективированное средствами системы того или иного языка³⁹. Признак, названный во второй части этих дефиниций, важен тем, что вне языка понятия нереальны. Он указывает также, что специфика языкового воплощения понятий системно predeterminedена и исторически обоснована (лишь в том случае, как понятно, если мы имеем в виду слова естественного языка). Сложность отношений и зависимостей, влияющих на семантику слов, не очевидна. Приведем членение структуры современного русского языка по статье Б. Н. Головина. Автор считает необходимым различать «по крайней мере семь «плоскостей» дифференциации функционирующего языка»⁴⁰: а) по территории (местные варианты общего языка); б) по виду материального осуществления речевого процесса (письменный и устный варианты общего языка); в) по структуре речевого процесса (монологический и диалогический варианты общего языка); г) по типам деятельности социального коллектива, т. е. общества (стилевые варианты общего языка, или так называемые функциональные стили); д) по социальным группам людей, их общественным

³⁷ Г. В. Колшанский. Указ. соч., стр. 198.

³⁸ Б. А. Ларин. Отзыв о диссертации В. И. Агамджановой «О лингвистической природе идеографических связей слов». Л., 1961, стр. 2.

³⁹ Л. С. Ковтун. О значении слова. — ВЯ, 1955, № 5, стр. 77.

⁴⁰ Б. Н. Головин. Вопросы социальной дифференциации языка. «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 344.

слоя м (социально-классовые, сословные, профессиональные варианты языка, точнее его функциональных стилей («варианты вариантов»); е) по жанрам словесных произведений (жанровые варианты языка, точнее, его функциональных стилей); ж) по авторам словесных произведений (личностные варианты языка, точнее его функциональных стилей)⁴¹.

Плоскости членения общего языка «не разделены в речевом процессе». Они скрещиваются и, добавим, синтезируются при одновременном действии различных дифференцирующих сил.

Отличая обиходное значение от научного и оба названных от художественного, мы учитываем зависимость значения от дифференциации языка по типам деятельности социального коллектива.

Специфичность специальных значений в сравнении с обычными давно замечена. В общей лексикографии укоренилось правило маркировать узко терминологические значения, но следовать этому правилу непросто из-за обилия пограничных явлений. Еще менее поддается описанию так сказать функциональная переориентировка признаков, включаемых в дефиницию. Как известно, термины, вошедшие в литературный язык, могут иметь разные значения в общем и специальных языках (ср. известный пример Л. В. Щербы: прямая в геометрии — ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’, понимание того же слова в быту — ‘линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)’)⁴². Л. В. Щерба полагал в связи с этим, что необходимо строго различать по типу определения терминов в общих и специальных словарях. «Во всяком случае нужно помнить, — писал он, — что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения»⁴³. Приходится однако иметь в виду, что текстовой материал общелитературного языка дает нам факты реализации в значении терминов не только обиходных понятий, но и научных. Причем те и другие соприкасаются, то сближаясь, то расходясь.

⁴¹ Б. Н. Головин. Указ. соч., стр. 345.

⁴² Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 60.

⁴³ Там же.

В толковых словарях литературного языка словом *халцедон* определяют 'минерал, разновидность кварца' или же более подробно 'разновидность кварца, полудрагоценный камень, однородного обычно светлого тона, при яркой или темной окраске получающий название яшмы, оникса, сердолика, агата и т. п.'⁴⁴ В научном отношении эти определения верны, но они не объясняют всех случаев употребления слова *халцедон*, которые неодинаковы: по одним, к халцедонам относятся сердолик, агат и многие другие разновидности кварца, по другим — халцедон предстает в общем ряду, как видовое, а не родовое понятие (в сочинениях К. Паустовского, Остроумовой-Лебедевой и др. авторов). Такое бытовое употребление слова наряду с научным встречается не только в текстах художественной литературы, но, например, и в речи известного минералога акад. А. Е. Ферсмана. Ученый многие свои этюды о минералах начинает словами: «В обыденной жизни и научной минералогии мы привыкли называть...»⁴⁵. Если обратимся к БСЭ или же к кратким энциклопедиям нашего времени, то увидим, что подобное применение слова *халцедон* в них вовсе не предусмотрено, оно признается ненаучным. Однако в старых энциклопедических словарях можно найти ответ, откуда у слова *халцедон* появилось обиходное значение. Среди видов этого минерала назван халцедон обыкновенный, синеватые видоизменения⁴⁶.

Контакты, но вместе с тем и отталкивания бытовых и научных понятий можно наблюдать не только при анализе значений терминов, получивших хождение в общем языке, но и при рассмотрении слов обыденной речи, использованных в качестве терминов в какой-нибудь области знаний. Таковы слова *глаз, нос, лоб, ухо* и т. д., ставшие терминами анатомии и физиологии. В качестве примера можно привести употребления слова *зрачок*. Энциклопедии и общие словари дают ему одинаковое определение 'отверстие в радужной оболочке глаза, через кото-

⁴⁴ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова, т. I.

⁴⁵ В данном примере автор говорит об ониксе, этим термином называют полосатые сорта агата (А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня. «Сочинения», т. VIII. М., 1959, стр. 868).

⁴⁶ «Русский энциклопедический словарь», сост. И. Н. Березин, т. XV. СПб., 1878, стр. 421.

рое в глаз проникают световые лучи'. Однако в быту никто не представляет себе зрачок в виде отверстия. В число отличительных примет его не могут входить и световые лучи. Всё это признаки, включаемые в научное понятие, вскрывающее сущность данного класса предметов. В обиходе, а значит и в разговорной речи, при бытовом общении, зрачок — 'черное пятнышко в центре глаза, отделенное от белка цветным ободком'. Но помимо этого, в общем языке встречаются еще и такие случаи, когда словом *зрачок* обозначен другой класс предметов. Ср. «Одни белки глаз выделялись серебряными миндалинами, а сами глаза — зрачки — еще более потемнели» (Тургенев. Конец Чертопханова). В том же значении слово употребляет С. Аксаков. В языке М. Горького присутствуют оба указанных смысла слова *зрачок*. Ср.: Зрачки были похожи на зерна чечевицы и стояли поперек глаз (В людях); Мальчику нравилось сидеть в песке, он жмурился и светил мне необыкновенными глазами — без белков, только одни голубые зрачки, окруженные светлым колечком (Детство).

Из этого следует, что мы не можем объяснять факты подобного рода наличием или отсутствием у говорящего сведений о реалии и тем более знанием или незнанием языка. За ними стоит другое — речевой опыт той или иной общественной среды, речевая практика в известный период развития языка. В горьковском случае — следствие владения литературной нормой и нормой живой речи в определенной социальной среде.

Филологические словари, изучающие словоупотребление на обширном материале, позволили выявить схождения и расхождения научных и обиходных понятий. Еще больше данных этого рода дадут записи разговорной речи. Однако и теперь очевидно, что в значениях слов общего языка реализуются не одна, а обе эти разновидности понятий.

Эстетическое, или художественное значение, о котором теперь пойдет речь, развивается на основе потенциалов общего языка. «В структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка»⁴⁷. Термин «эсте-

⁴⁷ В. В. Виноградов. Язык художественного произведения. — ВЯ, 1954, № 5, стр. 6.

тическое значение» принадлежит Б. А. Ларину⁴⁸. Специфика художественной речи, по его мнению, определяется смысловой стороной. Всеобщим свойством художественной речи является семантическая осложненность, смысловая многорядность⁴⁹. Сущность языка как эстетического явления составляют «смысловые (семантические) обертоны», «комбинаторные приращения», т. е. «те смысловые элементы, которые нами воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а образуются из совокупности слов»⁵⁰. Семантическая осложненность связана с представлением о норме контекста, т. е. о контексте, достаточно широком для реализации эстетического значения слова. «Комбинаторные приращения образуются в пределах одной фразы, и кроме того, из сочетания периодов — в пределах главы; далее есть оттенки, возникающие только из законченного целого»⁵¹.

Разрабатывая эти идеи, исследователи приходят и к такому выводу: индивидуализация значения начинается не с уровня смыслового сдвига, а в материале, семантически не отличимом от фактов словоупотребления, принятого в общелитературном языке. Причина в том, что при использовании в художественном тексте слово выступает как элемент эстетического целого, испытывая воздействие авторской семантико-стилистической системы. Эстетически насыщенными оказываются не только обобщенно-символические значения слова, но и номинативные. С. В. Бекова в работе, посвященной анализу слов-цветообозначений у Горького, говорит в связи с этим о трех

⁴⁸ Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды). «Русская речь», I. Пг., 1923.

⁴⁹ Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды); *Он же*. О лирике как разновидности художественной речи (Семантические этюды). «Русская речь», I. Л., 1927; *Он же*. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (Опыт анализа формы). «Нева», 1959, № 9; *Он же*. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького; *Он же*. «Чайка» Чехова. «Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы». Л., 1964.— Это положение разделяют в равной мере В. В. Вишegradов, Г. О. Вишegradов, А. В. Федоров, С. Ш. Чагдуров, М. Б. Борисова и многие другие исследователи.

⁵⁰ Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды), стр. 64; 69—70.

⁵¹ Там же, стр. 70. О типах контекста см.: Т. А. Бертагаев, С. Ш. Шагдаров. Роль контекста в употреблении слов и элементы его структуры. М., 1953.

типах номинативности, называя одну из них нейтральной, другую авторски нацеленной, третью эстетической⁵². Первый тип по сравнению с другими более безразличен к выражению главных идей писателя, но играет свою роль в воспроизведении авторского видения мира. При втором — употребление слова нацелено на выражение этих идей более ощутимо, в силу чего прямое значение слова осложняется эмоциональными и семантическими ассоциациями, создаваемыми и активно поддерживаемыми окружающим контекстом. Что касается эстетической номинативности, то при ней слово уже целиком ориентировано на передачу авторских идейных устремлений, а выводимо это лишь из контекста всего творчества писателя. Ср. примеры из романа «Мать»: «желтые и серые лица» судей в сцене суда над Павлом; «желтолицый офицер» в сцене обыска в доме Власовых; или «серые» солдаты с лицом сплюснутым «в грязно-желтую полосу». Эстетические значения выступают и в более осложненной форме, а именно в форме обобщенно-символической. В применении к словам-цветообозначениям такую форму в горьковских текстах принимает эстетическое значение в сочетаниях «желтенькая жизнь» (или «голубая жизнь»), «живется желтенько». Совершенно переосмыслено и сочетание слов «желтенький фон». Специфика эстетического значения наиболее полно раскрывается именно в обобщенно-символической форме: одновременное присутствие многих ассоциаций, которые трудно отграничить и выделить внутри общего экспрессивно-смыслового комплекса.

На словах-цветообозначениях можно проследить, как соотносятся разные тематические группы лексики через ряды контекстуальных ассоциаций. Намеченная в романе «Мать» и в цикле «В Америке» система связей желтого, золотого и серого развивается следующим образом (разработка принадлежит В. А. Сиротиной)⁵³.

1) золото → желтый → огонь → ослеплять → ослепленный → слепой → мертвый (ослепленный → темный → мрачный, гнетущий);

⁵² С. В. Бекова. К проблеме идеологического словаря писателя (семантико-стилистический анализ слов со значением цвета у М. Горького). Автореф. канд. дисс. Л., 1973.

⁵³ С. В. Бекова. Указ. соч., стр. 18; В. А. Сиротина. О видах семантической двуплановости в сатирических произведениях М. Горького и приемах ее отражения в словаре писателя. «Словоупотребление и стиль М. Горького». Л., 1968.

- 2) золото → желтый → огонь → огненный, пламенный (в значении 'написанный пламенем'); (желтый → огонь → холодный, равнодушный, злой);
- 3) золото → желтый → металл → железный, бронзовый, медный (бронзовый, медный → идол, монумент);
- 4) золото → желтый, серый → скучный, безликий, лишенный индивидуальности.

Слова *золото*, *золотой* дают вместе с тем связи с иными группами лексики (словами, обозначающими металлы, словами, называющими свет и передачу зрительных впечатлений, вызванных восприятием света и т. п.)⁵⁴.

Анализ свойств художественного (эстетического) значения С. В. Бекова, как и ряд других исследователей той же школы⁵⁵, ведет от значения к понятию. Результаты наблюдений обогатятся, утратив односторонность, если проделать опыты анализа, идущего и в обратном направлении: от понятия к значению. Именно этот путь был избран Д. М. Поцешней⁵⁶, поставившей перед собой цель вскрыть и исследовать присутствие эстетического начала в семантике слов, воплощающих центральные идеи критической прозы А. Блока⁵⁷. Прозу поэта, как показали труды Д. Е. Максимова, организуют «символы-мысли» или «символы-категории»⁵⁸. Центральной идеей в фило-

⁵⁴ О связи образов (в художественном тексте, в цикле текстов, во всем творчестве писателя) с единством авторской семантико-стилистической системы см. также: *О. Н. Семенова. О единстве семантико-стилистической системы «Сказок об Италии» М. Горького. «Словопотребление и стиль М. Горького»*. Л., 1968.

⁵⁵ *См. М. А. Карпенко. В. А. Сиротина. Слово в художественной речи М. Горького*. Киев, 1968, — а также работы М. Б. Борисовой, Г. А. Лилич, М. А. Карпенко и др.

⁵⁶ *Д. М. Поцешня. О языке прозы Блока (эстетическое начало в статьях, рецензиях, заметках поэта)*. Автореф. канд. дисс. Л., 1973.

⁵⁷ Наряду со стихотворными циклами А. Блок писал и своеобразную прозу, критические и философско-публицистические статьи. Ценность их, как показал Д. Е. Максимов, не только «в причастности к прогрессивному движению эпохи, но и в том, что они представляют собой явление искусства» (*Д. Е. Максимов. Критическая проза Александра Блока. «Блоковский сборник»*. Тарту, 1964).

⁵⁸ А. Блок отстаивает за собой право и в критической прозе «не прибегать к определению понятий, но выражать свои мысли так, как подобает художнику». Более того, он считает «своим долгом развивать и углублять все ту же тему на своем языке» (*Д. М. Поцешня. Указ. соч., стр. 4; Д. Е. Максимов. Указ. соч., стр. 363*).

софско-поэтической концепции Блока, идеалистической в своей основе, выступает идея музыки. Синтез многих семантических аспектов подводит к художественному становлению обобщенно-философского содержания этой идеи как сущности мира. Различные смыслы сосуществуют не изолированно, а наслаиваются друг на друга, активно, явно или только намеком присутствуя в отдельном употреблении слова. Ср. «...Великая задача дня — напоить и пронизать жизнь музыкой, сделать ее ритмичной, спаянной, острой»⁵⁹. В результате идея музыки насыщается живым, художественно обобщенным содержанием, постоянно соприкасаясь с другими категориями мысли Блока: народ, Россия, человек-артист и т. д., — а соотносимые с ней категории — поэтическими смыслами идеи музыки. Семантические комплексы или многоплановые понятия «культура» — «цивилизация» в критической прозе Блока противостоят. Все отвергаемое поэтом в современной ему буржуазной культуре постепенно сосредоточивается для него в комплексе признаков, который ищет своего названия. «По мере того, как в процессе познания и художественного освоения Блоком мира действительности осознаются и выкристаллизовываются отличительные (т. е. существенные для поэта. — *Авт.*) черты явления «цивилизация» и происходит закрепление за ним наименования «цивилизация»⁶⁰.

Для характеристики развития художественного понятия важно, что идея культуры, синтезирующая все лучшее для Блока, устремленное в будущее, первоначально развивается в пределах семантической структуры слова *музыка* и других слов, связанных с ним по смыслу, а становление идеи цивилизации как негативного понятия происходит, особенно на первых порах, в пределах семантической структуры слова *культура* и его производных, а также в кругу других слов и сложных образов-символов. Анализ семантики, таким образом, позволяет наблюдать ход сложения художественной идеи и результаты познавательной деятельности художника. Контрастные признаки культуры и цивилизации по Блоку таковы: творческий порыв — бездуховность; цельность — раздробленность; гармония — хаос; жизнь — смерть; движение, развитие —

⁵⁹ Д. М. Поцелня. Указ. соч., стр. 9; А. Блок. Собр. соч. в 8 томах, т. VI. М.—Л., 1972, стр. 349.

⁶⁰ Д. М. Поцелня. Указ. соч., стр. 9.

застой и косность. Из этого видно, что они определяют аспектами идеи музыки. (Ср. и словесные связи: «безмузыкальная цивилизация», «обескрылевшая и отзвучавшая цивилизация».) Слово *культура* в блоковских текстах становится синонимом слова *музыка*, приобретая символическое значение. Диапазон слов, вовлекаемых в реализацию ведущей идеи, необычайно широк. Наблюдения над семантическими изменениями позволяют увидеть авторскую семантико-стилистическую систему в ее динамике.

Выявить сущность художественного (эстетического) значения возможно лишь в связи с разработкой ведущих признаков не только этой категории, но и всего комплекса основных категорий художественной речи: эстетическая функция языка и концепция общей образности языковых средств в произведении художественной литературы, эстетическая функция слова и эстетическое значение слова, норма контекста в художественной речи, акт творчества в говорении и понимании и т. д.

Существенно, что развивающееся на основе потенций общего языка художественное значение так же, как и научное, постоянно контактирует со значениями обычными, обиходными. Наблюдается и более широкий процесс сближения обиходно-разговорной речи с художественной, характерный не только для современной прозы, но и для поэзии. Творческий элемент присутствует в разговорной речи не как нечто добавочное, а как один из ее ведущих признаков. И в этом она сходна с речью художественной. Литература, как уже не раз сказано, питается соками народной речи. Если конкретизировать эту метафору, ставшую общим местом, то окажется, во-первых, что определение *н а р о д н ы й* выступает здесь в наиболее широком смысле, а во-вторых, что писатель не повторяет слышанное, а сам творит языковую ткань, обобщая речевой опыт многих и многих.

Среди признаков разговорной речи называют ее неподготовленность: реплика в диалоге — это реакция на сказанное. Здесь нет заранее обдуманного выбора слов и отработки словесных связей. В точности предвидеть ход разговора едва ли возможно. При бытовом общении те же черты и у устного рассказа. Во всем этом обычная живая речь заметно отличается от художественной. Отсутствие подготовки речевого акта в разговоре все же не абсолютно: у говорящего есть знание языка, речевой опыт. Выбор

языковых средств в немалой степени автоматичен, произволен, но в то же время сочетается с импровизацией. Смысловые сдвиги, вольные и невольные обновления словесных связей, здесь встречаются на каждом шагу.

Живая речь типизируется в диалогах и монологах литературных персонажей. Однако это лишь одна из многих разновидностей языковой фактуры, где художественная речь контактирует с разговорной. Не привести в этом смысле и жанровых ограничений.

Несколько примеров анализа такого сближения по тексту стихотворения Евг. Евтушенко «Барселонские улочки». Это зарисовки из жизни испанской бедноты. Непринужденность и простота слога присущи всему тексту, даже и символическому обрамлению в виде двустишья:

В Барселоне улочки узки,
как зрачки кошачьи у тоски.

Начинается неприхотливый рассказ:

Кто любовью занят, кто расправой —
все напротив слышится в окне.
Если кто-то режет лук на правой,
плачут все на левой стороне.

Простые слова, за которыми нет подтекста, многоплановости, иносказаний. Тема любви снижена: любить это ведь не то же, что заниматься любовью. В упоминании о расправе — интонация шутовства. Шутка, смешанная с горечью, — таково настроение всего стихотворения. Слово *расправа* употреблено в емком значении 'насилие над кем-нибудь с целью наказать', под которое можно подвести любое действие, и жестокое, и вполне невинное.

Лингвистические признаки близости к живой речи можно увидеть в подборе слов, в несложном строении фраз, но всего отчетливее специфика живой речи сказана в характере словоупотребления. Отметим прежде всего расширительные применения слов и связанные с ними переносы значений. Смысловые сдвиги и случаи обновления словесных связей встречаем и в других частях текста, вплоть до заключительных строф, среди которых:

...Я иду вниз, посередине,
только середина тем *шатка*,
что в разгар *слопочет* по сардине
правая и левая щека.

Семантические изменения — в словах *шаткий* и *схлопотать*, но природа этих приращений смысла не одинакова. Глагол *схлопотать* употреблен в разговорном расширительном значении, не описанном в словарях современного русского литературного языка. В нашем тексте *схлопотать* даже не 'добиться чего-н.', а имеет еще более широкий смысл 'получить' (в данном случае удар)⁶¹. Примером семантических обновлений совсем иного типа может служить слово *шаткий*. Его переносное значение давно освоено и воспринимается как абстрактное. В «Барселонских улочках» стертый образ оживлен, он снова конкретен (рассказ об идущем среди узкой улицы с неустойчивой серединой вызывает представление о шатком настиле мостовой) и тесно связан с сюжетом стихотворного рассказа. Этот образ, однако, не затемняет переносного, не ограниченного лишь конкретными ситуациями значения слова *шаткий* (середина улицы ненадежна тем, что...). Напротив, именно оно оказывается на первом плане, причем ориентировано на выражение основной идеи

Я воспел бы жизненную прозу
за одну нечаянную розу
(даже при *насмешливом шипе*),
если бы хлестнула по щеке.

Своеобразное сочетание слов, выделенное в тексте строфы, превращает традиционный образ (испанка, бросающая розу) лишь в знак несбывшейся романтики, а сама эта связь не имеет строгого словесного смысла, а только передает уступку, согласие, чтобы оказанная ласка была не совсем серьезной — полунасмешкой, полулаской. Специфически художественное изменение семантики и здесь:

И пока фашистская цензура
топит мысли, как котят в мешке,
кто-то на жену кричит: «Цыц, дура!» —
правда, на испанском языке.

Обыденное сравнение противоречит серьезности сказанного. Несовместимость там, где ожидаем аналогии, делает острее восприятие надругательства, чинимого над мыслью, о котором здесь говорится. Сочетание слов

⁶¹ Ср. из записей студенческого жаргона: *Смотри, схлопочешь по кумполу.*

топить мысли авторски своеобразно (ср. повторенное во многих текстах *душить мысль, убивать мысли*).

Отметим и последнее 4-стишие, где приземленность обиходной речи синтезируется с символикой выражаемого.

Мир грозитя метлами, ножами,
Обнял бы я мир, да вот те на! —
рук не распахнуть никак! Зажали
правая и левая стена.

Слово *мир*, особенно при втором употреблении, получает лозунговое значение 'люди мира, все люди Земли'. Но вполне допустимо понять его и в более узком смысле 'бедные люди всей Земли', а затем и в самом конкретном преломлении — 'люди с улочек Барселоны'. Этот последний из трех смыслов яснее всего проступает при первом применении слова. Ни одно из отмеченных значений не присуще общему языку, однако понимание слова *мир* не вызывает затруднений, а само оно воспринимается как слово из живой обиходной речи. Таков слог и всей строфы, а тон ее шутлив, несмотря на то, что за ним стоит иносказание, из которого естественно вытекает горький смысл итогового двустишья:

В Барселоне улочки узки,
как зрачки кошачьи у тоски.

Эстетические обогащения смысла возникают в художественном целом. Здесь же по обстоятельствам объема и цели статьи, посвященной функциональным типам словесного значения, приведен лишь фрагментарный анализ некоторых словоупотреблений⁶². Однако и из него очевидно присутствие фактов сближения и отталкивания обиходных значений и художественных.

Вопрос о функциональных типах словесного значения может, как понятно, решаться лишь на основе обильных и детально изученных фактов. Среди других методов семантического анализа, думается, особенно внушительна роль многоаспектных лексикографических описаний. Развитие семасиологии в немалой степени зависит от прочности фундамента в виде серий разнообразных словарей, ориентированных на решение ее ведущих проблем.

⁶² Более подробную разработку темы см.: Л. С. Ковтун. Сближение обиходно-разговорной речи с художественной. «Поэтика и стилистика русской литературы». Л., 1971.

К ТИПОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Прежде, чем приступить к изложению типологии лингвистических номинаций, необходимо уточнить, как далее употребляются термины типология, вернее подход к типологическому изучению объекта, и номинация.

Понятие тип используется нами в его обычном научном значении — как модель (образец), которому соответствует определенная группа явлений, а типология — как выявление и упорядочение различных типов существования объекта, но в подходе и методе типологического анализа подчеркнем следующие три момента.

Любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами, объективно ему присущими, и различные типы могут быть выделены в отношении каждого из этих аспектов. Поэтому одной общей типологией для данного явления построить невозможно, она отразит лишь одну — быть может, одну из существенных, — но лишь одну сторону объекта. Например, общая типология языков может разрабатываться, исходя из их социальной функции или же из их структуры, причем каждый аспект структуры языка дает основание для построения специфической типологии (морфологическая, синтаксическая и т. п.). Первой задачей типологического анализа является, таким образом, установление «типологии типологий», то есть определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из его природы, отражая его различные стороны.

Второй весьма существенный момент типологического исследования — необходимость применения логического исчисления. Это касается как выявления разнообразно-

стей самих типологий, так и выявления разных типов внутри данной типологии. Разновидности типологии исчисляются на основе существенных признаков объекта. Следовательно, для создания всеобъемлющей типологии необходим анализ структуры и функционирования объекта. Типы внутри данного типологического ответвления также исчисляются исходя из специфики соответствующего аспекта объекта, точнее, исходя из тех признаков внутри данного аспекта, которые принимаются во внимание при разработке типологии.

Третий вопрос, с которым приходится сталкиваться в типологических исследованиях, заключается в правомерности иерархического подхода к выделяемым типам. По-видимому, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа, он зависит от конкретного исследуемого явления. Среди обнаруживаемых типов можно выделять более часто встречающиеся (доминантные) и менее обычные (рецессивные), более совершенные (прогрессивные) и менее совершенные (консервативные), исходные (ядерные) и производные (трансформированные).

Это небольшое вступление об общих принципах типологического исследования побуждает устанавливать не одну, но ряд типологий номинаций. Как показывает пример языка, различные типологии, касающиеся одного и того же объекта, могут исходить либо из его функций (функциональная типология), либо из особенностей его структуры. Поэтому необходим анализ структуры номинации, ибо каждая существенная сторона этой структуры должна быть отражена в соответствующем типологическом описании. Необходимо также по возможности исчислять типы номинаций в пределах каждого типологического аспекта. Здесь исследователь сталкивается со значительными трудностями, ибо различные аспекты переплетаются и взаимодействуют между собой, так что создается сложная, нередко запутанная картина, при которой одни и те же факты приходится рассматривать в разных типологических ракурсах. Поскольку номинация представляет собой внутриязыковое явление, среди ее типов могут различаться доминантные и рецессивные (в том или ином языке), а также ядерные (первичные) и производные. В качественном отношении они не характеризуются.

Термин «номинация», как и многие другие лингвистические термины, принадлежит к числу многозначных. Среди

его различных употреблений отметим следующие наиболее частые оппозиции.

Он может употребляться в динамическом аспекте, обозначая процесс наименования, и в статическом, обозначая результат, само наименование. Такое «смещение» относится к одному из наиболее распространенных видов регулярной лексической полисемии. В мыслительной деятельности и без того нечеткие грани между процессом и результатом часто стираются и без ущерба для понимания один и тот же термин может употребляться в обоих смыслах. Так, если в русском языке можно установить различие между терминами «именование» (процесс) и «наименование» (скорее, результат), то в латинском *nominatio* оба значения сосуществуют. Мы будем использовать термин «номинация» в обоих значениях, как для обозначения способа именования, так и для обозначения формы наименования.

Термин «номинация» может употребляться для обозначения отношения или же для обозначения самого звукового комплекса, при помощи которого производится обозначение. В этом отношении этот термин можно сопоставить с однопорядковым термином «знак», который используется либо для обозначения отношения между означающими или означаемым, либо для обозначения одного лишь означающего. Однако этот разницей в использовании термина также не вносит особой путаницы в лингвистические исследования, поскольку и он обусловлен обычным синкретизмом отношения и носителя данного отношения. Хотя, как это отмечается далее, номинация есть отношение, мы будем использовать этот термин и для обозначения одного из членов отношения — лингвистического средства обозначения.

И, наконец, последнее противопоставление: широкое или узкое понимание термина «номинация». В отличие от двух предыдущих этот вопрос для построения типологии существен, так как самый инвентарь типов зависит от того, что включается в исследуемое явление. В узком употреблении номинация понимается как обозначение предметов с помощью отдельных слов или словосочетаний. В этом проявляется этимологическое значение термина: *nominatio* — «наименование, дача имени». Поскольку именуются прежде всего предметы, лица, то и номинация связывалась с обозначением субстанциальных или мыслимых

такowymi объектов. Поэтому проблема номинации рассматривалась преимущественно на примерах, взятых из области имен существительных и, особенно, имен собственных.

Отношение «имя существительное — предмет» образует я д е р н ы й, основной тип номинации. Распирение понятия лингвистической номинации идет как за счет более широкого понимания ее содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте. Так, в круг номинаций подключаются многие явления, которые по отношению к ядерному могут рассматриваться как периферийные, производные разновидности номинаций.

В содержательном аспекте возникает вопрос о том, можно ли рассматривать как номинацию выражение несубстанциальных элементов действительности: качеств, отношений, процессов, действий, событий, психических состояний, чувств и переживаний говорящего в момент речи и так далее. В логике по этому поводу ведутся споры. Фреге, внесший большой вклад в философский анализ номинации (именования), различал три типа имен: собственные имена (обозначения конкретных предметов), имена функций (отношений, качеств) и предложения, которые он считал именами истины и лжи¹. Такое понимание предложения соответствовало общей теории референции у Фреге, который видел в ней прежде всего значение истинности. Но подобно тому как отдельное имя, которое может анализироваться со стороны референции, является при этом именем определенного предмета — существующего или мыслимого, — так и предложение не только выражает истину или ложь, но обозначает определенное событие, которое, следовательно, является именуемым в имени-предложении.

Все выделяемые человеческим сознанием несубстанциальные элементы действительности получают языковое обозначение. Причем, поскольку между отражением вещи, свойства и отношения в человеческом сознании непроходимых граней нет², свойства, качества, отношения, процессы могут определяться в сознании и полу-

¹ См. подробнее об этом: *М. С. Козлова*. Философия и язык. М., 1972, стр. 41—42; *Б. В. Бирюков*. Теория смысла Готлиба Фреге. «Применение логики в науке и технике». М., 1960.

² См. *А. Уемов*. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

чать обозначение именами существительными, как и предметы.

Остается вопрос о том, можно ли относить к номинации процесс обозначения психических состояний, эмоций, субъективных переживаний говорящего в момент речи, всего того, что обозначается термином «модальность» в широком плане. Обычное употребление слова «обозначение», «именование» некоторым образом сопротивляется расширенному пониманию термина «номинация». Говорят об обозначении предметов (качеств, действий), но о выражении понятий, мыслей, чувств³. Таким образом, «обозначается» все материально осязаемое (или приравняемое к таковому), «выражается» относящееся к нематериальному миру чувств и мыслей. Однако понятия и мысли суть отражение в человеческом сознании элементов экстралингвистического мира, и поэтому выражая понятия и мысли, слова и предложения вместе с тем обозначают предметы и события, на которые направлены эти понятия и мысли. Что касается чувств и эмоций, то современные исследования в области психологии показывают огромную роль эмоций в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания⁴. Они в свою очередь поддаются осознанию, определениям и классификациям, могут иметь словесное обозначение и говорящий может обозначить свои переживания и оценки словесно или же с помощью междометий и интонации. Это дает основание считать, что и модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение.

Таким образом, в аспекте содержания мы трактуем понятие номинации в широком плане, как обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий.

Рассмотрим теперь формальный аспект номинации. Обычно к номинативным средствам языка относят лексические единицы — слова и словосочетания, причем преимущественно субстантивного характера. Расширенное понимание языковой номинации дает основание

³ См. Л. Гондл. Проблемы семантики. М., 1975, стр. 47—61.

⁴ См. подробнее обсуждение этой проблемы в книге: Г. Х. Шингаров. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1974.

расширить и круг средств с номинативной функцией. В лингвистических трудах иногда говорится, что грамматические средства отличаются от лексических тем, что они не обладают номинативной функцией. Это верно, если под номинативной функцией понимать способность самостоятельно обозначать объект (например: *Что это за дерево? Сосна. Что он делает? Чертит*). Подобного рода самостоятельность сводится к способности формировать отдельное высказывание, быть грамматическим минимумом предложения, то есть в конечном счете определяется структурно-грамматическими свойствами языкового элемента. Если же под номинативной функцией понимать способность соотноситься с элементом внеязыковой действительности, то такой функцией обладают многие служебные слова и грамматические форманты в ряде своих употреблений. Особенность их заключается в том, что они не могут выступать в качестве номинативных средств самостоятельно, но лишь в составе слова, словосочетания или предложения.

Предположим, человек ищет предмет на шкафу и не может его найти. Ему говорят: *Ты посмотри не на шкафу, а в шкафу*. Здесь предлоги *на* и *в* (и только они) обозначают пространственные отношения. То же значение можно было бы выразить и знаменательным словом — наречием: *Если ты на шкафу не нашел, посмотри внутри*. Наречие *внутри* и предлог *в* в данном случае обозначают одно и то же локальное отношение. Различие заключается в способе обозначения. Предлог обозначает это отношение не самостоятельно (нельзя сказать **посмотри в*), но лишь в сочетании с существительным, наречие — самостоятельно, без существительного, при этом оно приобретает местоименный характер. Благодаря этому обстоятельству оно может обозначить ту же локализацию и по отношению к другим предметам, тогда как предлог требует обязательно указания на предмет (ср. *книга в портфеле*, но: *она внутри*).

Пол лица может быть обозначен лексически (*летчик-мужчина; женщина-летчик*) и суффиксально (*летчик — летчица*). В речи оба способа могут взаимозаменяться. Так, увидев вдалеке фигуру в комбинезоне, мы можем спросить: *Кто это: летчик или летчица?* и получить ответ: *Это летчица* или *Это женщина*. Различие в номинациях заключается в том, что суффикс, подобно предлогу, не

может обозначать объект самостоятельно (нельзя сказать **это — чиза*), но употребляется вместе с обозначениями других, известных и не запрашиваемых в данном случае признаков объекта, тогда как знаменательное слово (*женщина*) может указывать на данный признак самостоятельно и отдельно от обозначения других признаков.

Таким образом, тезис о том, что грамматические средства отличаются от лексических отсутствием номинативной функции, представляется неточным. Разумеется, в ряде случаев грамматические средства выполняют чисто структурную роль и не несут номинативной функции, но они могут и обладать функцией номинации, но несамостоятельной, связанной (в большинстве случаев это — их *raison d'être*). Выявляется следующее соотношение между лексикой, грамматикой и способностью к номинации:

самостоятельная номинативная функция — лексика	}	грамматика
несамостоятельная номинативная функция		
отсутствие номинативной функции		

Как мы видели, несамостоятельность формальная связана с неотдельностью семантической: грамматическое средство (словообразовательное, словоизменительное, служебное слово) может указывать на данный признак объекта при условии указания на иной его признак.

В свете вышеизложенного, к номинативным средствам языка следует отнести и синтаксические средства, если они выступают в своей значимой функции. Семантический линейный аспект имеет даже порядок слов. Еще Соссюр отмечал, что отличительной стороной знака является его произвольность и линейность⁵. Уже это определение ставило линейность речи в ряд формальных признаков. Теньер прямо противопоставлял структурный (многомерный) порядок, отражающий семантические отношения, линейному, одномерному⁶. Однако такой односторонний взгляд на способ расположения элементов в языковой цепи и, в частности, на порядок слов неправомочен. Порядок слов может быть семантическим, отражать определенные отношения между элементами объективной действительности, и тогда он выполняет номинативную функцию, но он может быть асемантическим и иметь чисто структурное,

⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 347.

⁶ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 21.

строевое назначение. Порядок слов семантичен, если последовательность элементов в речи отражает последовательность событий. На такой иконический характер порядка слов указывал Якобсон⁷. Несоответствие порядка слов последовательности событий является отмеченным и в этом случае нередко употребляются особые служебные слова или глагольные формы, показывающие нужные отношения: *В 8 часов он отправился в Институт, до этого он успел позавтракать и прочесть газету.* Порядок слов выполняет также номинативную функцию, если он соответствует последовательности получения информации. Поэтому нормальным порядком оказывается такой, при котором тема предшествует реме: *я еду в Ленинград.* Иной порядок оказывается отмеченным и служит для выражения экспрессивных оттенков и других целей.

Особенностью порядка слов как номинативного средства является его связанность, он используется только в составе фразы. В этом он подобен другим грамматическим средствам номинации.

Исследования последних лет в области интонации показали, что в каждом языке определенные интонационные контуры закономерно связаны с обозначением определенного коммуникативного задания или эмоционального состояния (сообщение, вопрос, импликация и т. п.). Их также можно причислить к связанным средствам номинации.

Итак, к средствам номинации относятся не только лексические единицы, но любые не подвергшиеся десемантизации элементы языковой системы, служащие для обозначения объектов, связей, качеств, отношений. Глубинная идентичность значимых элементов разного уровня проявляется, в частности, в том, что один и тот же экстралингвистический элемент может обозначаться разными средствами — знаменательными и служебными словами или грамматическими формантами — как внутри отдельного языка, так и при переходе от одного языка к другому.

Номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами. В логике отношение между именем и обозначаемым им объектом изучается теорией референции. Действительно, и номинация и референция имеют

⁷ R. Jakobson. A la recherche de l'essence du langage. «Problèmes du langage». Paris, 1966, стр. 27.

дело с одним и тем же явлением: отношением имени к обозначаемому объекту, и различие между этими понятиями; по-видимому, заключается в направлении анализа. Теория референции ориентируется в семасиологическом плане, стремясь выяснить, на что указывает данное имя, каково его значение. Отсюда и основные проблемы этой теории: идентичность (разнозначность) имен, проблема предметности референта, его существования. Теория номинации ориентирована в ономасиологическом плане: она рассматривает преимущественно, как объекты получают свои названия.

✓ Особенностью отношения наименования является то, что имя может иметь в конкретном случае лишь одно значение, тогда как один и тот же предмет может получать ряд наименований. Возможность употребления ряда имен при обозначении одного и того же объекта ставит вопрос о том, каким образом различные имена оказываются идентичными. Как известно, одним из первых дал ясный ответ на этот вопрос Г. Фреге, который предложил в семантической структуре наименования различать значение — отношение к обозначаемому предмету, и смысл — информацию, которая заключена в имени. Наименование информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем.

Таким образом, идентичность имен устанавливается на уровне значения, их различия на уровне смысла. Различия их определяется теми разными признаками, которые выделяются говорящим при наименовании. Эту возможность давать одному предмету разные по смыслу наименования в пределах одного языка или разных языков еще раньше подметил В. Гумбольдт, который назвал признак, по которому производится наименование, внутренней формой слова.

При номинации субъект отбирает в объекте один или ряд признаков, которые и кладутся в основу наименования. Здесь уместно еще раз вспомнить слова Л. Фейербаха, цитируемые В. И. Лениным, о том, что название есть «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»⁸. Различение смысла и значения очень важно

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 74.

для создания типологии номинаций, ибо для обозначения одного и того же предмета могут быть созданы номинации различных типов в зависимости от того, на какие признаки денотата они опираются.

Однако одно только это различие, отмеченное Фреге, не охватывает всех разнообразий наименований, с которыми приходится сталкиваться при анализе человеческой речи. Фреге, его последователи и критики сопоставляли лишь равнообъемные номинации, которые и вне текста отсылают к одному и тому же референту, например, *Венера* и *Вечерняя звезда*, *Вальтер Скотт* и *Автор Вертера*.

Но в реальной речи для номинации одного и того же объекта нередко используются обозначения разного объема. Так, в биографии Пушкина могут чередоваться и прямое обозначение — имя собственное (*Пушкин*), и единичные описательные обозначения (*автор «Евгения Онегина»*, *основоположник русского литературного языка*) и обозначения широкого объема, которые могут относиться не только к этому поэту (*писатель, поэт, автор*).

Таким образом, в структуре наименований следует различать: 1) значение (по Фреге, соотношенность с определенным объектом); 2) смысл (по Фреге, внутренняя форма обозначения); 3) объем (объем понятия, под которое подводится данный объект). Вполне понятно, что смысл и объем номинации тесно связаны друг с другом, ибо их формирование зависит от выделяемых в объекте признаков. Но они и неравнозначны, ибо одно и то же понятие может обозначаться наименованиями разной внутренней формы.

Таким образом, типология номинаций может основываться на анализе значения (т. е. характера обозначаемого объекта), на анализе смысла (т. е. внутренней формы наименования) и на анализе объема обозначаемого (т. е. собственно семантической стороны номинации).

Соотношение между этими тремя компонентами номинации различно в речи и в языковой системе. В речевой номинации существенны все три компонента, причем второй (выделяемый признак) и третий (объем) нередко взаимообусловлены и совмещаются. В языке-системе обозначаемое предопределено объемом понятия, выражаемого данным наименованием. Внутренняя форма, обычно присутствующая в речевой номинации, не всегда актуализи-

рована в системно-языковой (у многих слов внутренняя форма стерлась, не выявляется).

Теория Фреге (как и многие другие логико-семантические теории) обнаруживает еще одну слабость при ее использовании в целях лингвистического анализа. Это — недостаточное внимание к роли субъекта номинации в акте наименования. Отчасти это объяснимо объективными условиями: логика и лингвистика имеют различные задачи. Логика изучает общие закономерности человеческого мышления, формирования понятий, общие закономерности толкования понятий и может (а во многих случаях и должна) игнорировать национальные или индивидуальные особенности. Лингвистика, изучая формирование номинаций в языке-системе, не может не принимать во внимание национальные специфические особенности (в этом одна из ее основных задач); изучая наименования объектов в речи, она не может не учитывать все конкретные условия номинации, связанные с ситуацией общения. Надо отметить однако, что в последние десятилетия логика, развиваясь, все больше стремится отразить физику мира, прагматику человеческого бытия, показать не только, как устроены суждения, но и то, в каких условиях и для чего они осуществляются. С этим связано внимание к таким понятиям, как пресуппозиция, «логика возможных миров» и т. п.

Объединяя два логических равенства *Венера — утренняя звезда* и *Венера — вечерняя звезда*, можно получить равенство:

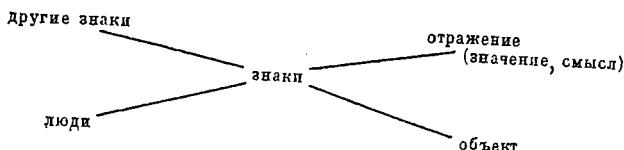
утренняя звезда = вечерняя звезда.

Л. Линский правильно отмечает, что эти наименования не идентичны⁹, хотя оба относятся к планете Венере, поскольку первое обозначает эту планету, когда она видима утром, перед восходом солнца, а второе — в вечернее время, после заката. Взаимозаменять эти два наименования можно только, если человек путает утро с вечером. Человеку, встающему утром ото сна можно сказать: *Посмотри туда, где встает солнце, и ты увидишь Венеру (или утреннюю звезду)*, но не: *ты увидишь вечернюю звезду*. По мнению Линского, ни Фреге, ни Куайн не дают удовлетворительного объяснения этому феномену. Дело здесь,

⁹ L. Linsky. Le problème de la référence. Paris, 1974, стр. 176.

по-видимому, в том, что хотя обе номинации соотносятся с одним референтом (имея, следовательно по Фреге, одно и то же значение), их смыслы, т. е. передаваемая ими информация об этом предмете настолько различны, что они не могут заменять друг друга во всех условиях и контекстах. Здесь наглядно проявляется зависимость номинации в речи от тех, кто дает имя объекту, от практической деятельности людей, от прагматики человеческой жизни. |

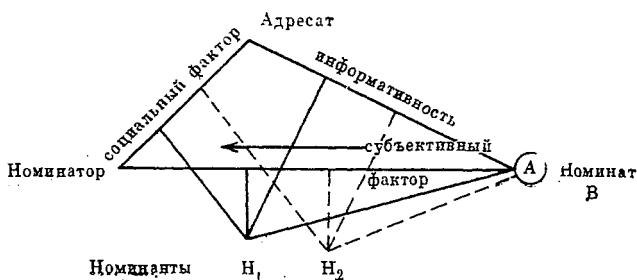
Традиционный логический треугольник, репрезентирующий семантическую структуру слова, объединяет имя, выражаемое им понятие и обозначаемый объект. Рассматривая акт номинации таким, как он есть, необходимо добавить ещё один компонент: именующий субъект. Впервые в явном виде сделал это Г. Клаус в своей схеме ¹⁰:

Однако именующий субъект называет в акте речи данный объект не «для себя», а для собеседника, в связи с чем при выборе названия проявляется социальный фактор — взаимоотношения между собеседниками и условия общения. Таким образом, элемент «люди» распадается на отношение «говорящий — адресат».

Итак, именующий субъект именуется объект (также и для слушающего), используя определенный способ наименования и выбирая данную номинацию среди других, которые для этой цели могут быть использованы из средств данного языка. Основными компонентами акта номинации являются: именующий субъект (номинатор), именование (номинант), именуемый объект (номинат), слушающий (и условия общения). Мы умышленно не пользуемся здесь пока такими терминами как денотат, десигнат, сигнификат, референт, имеющими отношение к номинации, ввиду их различного употребления в научной литературе (к ним мы вернемся ниже). Схематически акт номинации может быть представлен следующим образом:

¹⁰ Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 17.

Используемый номинант (H_1) является объединением проекций отношения номинатора и адресата (социальный фактор), отношения номинатора к номинату (субъективный фактор), отношения адресата к номинату (его информированность о нем), признаков номината (внутренняя форма), причем выбор производится на фоне других возможных наименований (H_2).

Каждый из этих аспектов акта номинации может быть выделен в качестве особого типологического параметра, стать предметом типологической разработки. К ним следует добавить параметры: внешняя форма, функция и иерархия номинаций.

Таким образом, формируется «типология типологий» номинации по следующим аспектам:

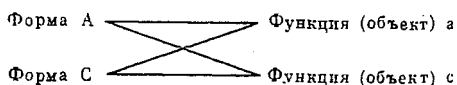
- I. Иерархия номинаций
- II. Функция номинации
- III. Именуемый объект (номинат)
- IV. Структура (внешняя форма) наименования
- V. Способ наименования (в том числе внутренняя форма)
- VI. Субъект речи и адресат (в том числе социальный аспект, информативный аспект и субъективное отношение субъекта к объекту)
- VII. Соотношение номинации с другими в парадигматическом аспекте.
- VIII. Соотношение номинации с другими в синтагматическом аспекте.

Рассмотрим последовательно типы номинаций по этим параметрам.

I. И е р а р х и я н о м и н а ц и й. Выше отмечалось, что качественная иерархия (различение более и менее развитых типов) к номинациям неприменима, количествен-

ная иерархия (доминантные и рецессивные типы) может рассматриваться только в отношении какого-либо определенного языка; в общем плане можно рассматривать иерархические типы только в функционально-генетическом аспекте, различая исходные и производные типы, п е р в и ч н ы е и в т о р и ч н ы е.

Если рассматривать язык в духе Пражской лингвистической школы, как целенаправленное орудие, то следует признать, что у каждого языкового элемента имеется своя основная функция, для осуществления которой он был создан (под функцией понимается обозначение, выполняемая структурная задача и т. п.), и, следовательно, для выражения каждой функции в языке существует основное средство. Эту основную функцию Е. Курилович называет первичной, она свойственна данному языковому элементу как элементу системы и проявляется в неспецифическом окружении ¹¹. Форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях, может быть названа основной формой или, в используемых нами терминах, п е р в и ч н о й и л и п р я м о й н о м и н а ц и е й. Однако в силу языковой асимметрии одна и та же форма может приспосабливаться для обозначения иных объектов или выполнения иных функций, в то время как, с другой стороны, данный объект может получать иное наименование. Так образуются в семасиологическом аспекте — вторичные функции, а в ономасиологическом — вторичные или косвенные номинации:

Отношение $A \rightarrow a$, $C \rightarrow c$ есть отношение первичной функции для элементов А и С. Отношение $a \rightarrow A$, $c \rightarrow C$ есть отношение прямой номинации. Однако отношения $A \rightarrow c$ или $C \rightarrow a$ представляют вторичные функции элементов А и С, отношения $c \rightarrow A$, $a \rightarrow C$ репрезентируют косвенные номинации объектов с и а.

В связи с различием прямых и косвенных номинаций возникает три вопроса: 1) какие основные типы косвенных

¹¹ Е. Курилович. Очерки по лингвистике, стр. 59, 182 и др.

номинаций можно выделить; 2) как они выявляются в речи; 3) какую функцию выполняют они в языке в целом.

1) Сколь бы ни были разнообразны вторичные функции языковых элементов, лежащие в основе вторичных номинаций, они поддаются логическому исчислению. Расхождение означающих (Ф — форма) и означаемых (С — содержание) может происходить в трех планах:

— синтагматическом, при котором членение речевой цепи не одинаково для плана выражения и для плана содержания (число единиц в двух планах не совпадает);

— парадигматическом, при котором членение внутри поля обозначения и поля средств выражения не совпадает (число означающих и означаемых оказывается различным);

— семиотическом, при котором отсутствует выражение одной из сторон знака: означающего или означаемого.

В каждом из трех планов возможны два расхождения — в семасиологическом аспекте (от формы к содержанию) и ономазиологическом (от содержания к форме).

— В синтагматическом аспекте косвенная номинация затрагивает лишь внешнюю форму обозначения и заключается в замене прямой номинации либо развернутой формой (например, использование словосочетания вместо отдельного слова: *дать обещание* = *пообещать*), либо конденсированной (использование слова вместо словосочетания *Литературка* = *Литературная газета*, словосочетания вместо предложения и др.).

— В парадигматическом аспекте отход от прямого обозначения касается семантической стороны наименования. Рассмотрим процесс формирования основных семантических типов косвенных номинаций. Первичная функция языкового элемента проявляется в оппозиции к другим элементам, входящим в один парадигматический класс с ним. Вторичная функция проявляется в том, что либо снимаются противопоставления между противочленами (генерализация или семантическая нейтрализация), либо один противочлен употребляется в функции другого (транспозиция), либо данный элемент утрачивает значение (десемантизация), переходя в разряд строевых служебных элементов.

Если языковые элементы А и С указывают на объекты а и с, находящиеся в оппозиции, т. е. различающиеся каким-либо признаком внутри класса объектом В, то на

→ семантическом уровне генерализацию можно интерпретировать как устранение дифференциальной семы ($B_a \rightarrow B$), транспозицию как замену одной дифференциальной семы другой ($B_a \rightarrow B_c$), десемантизацию как устранение даже родовой архисемы ($B \rightarrow \emptyset$). Три отмеченных типа вторичных функций знака подтверждаются исчислением и на семиотическом уровне. Все отношения между знаками, соотносящимися с одним обозначаемым, сводятся к двум типам: включению и пересечению. Отношения включения порождают семантическую генерализацию (или обратное ей явление — конкретизацию), отношения пересечения — транспозицию. Утрата обозначающим соотнесенности с обозначаемым, и, следовательно, знаковой функции приводит к десемантизации.

Итак, в парадигматическом аспекте возможны две разновидности косвенной номинации: генерализирующая, находящаяся в отношении включения с прямой (например, *зверь* вместо *медведь*) и переносная, находящаяся в отношении пересечения с прямой (например, *косолапый* вместо *медведь*). Объединение синтагматической асимметрии (расчленение) с парадигматической (перенос) создает фразеологизированную номинацию, специфика которой и заключается в объединении этих двух видов асимметрии. Вот примеры из области лексической номинации:

парадигматический план	синтагматический план	
	симметрия	асимметрия
симметрия	прямая номинация (слово в собственном значении) <i>украсть</i>	косвенная номинация (анализизм) <i>совершить кражу</i>
асимметрия	косвенная номинация (слово в переносном значении) <i>увести</i>	косвенная номинация (фразеологизм) <i>запустить руку в чужой карман</i>

— В семиотическом плане отход от прямой номинации имеет два проявления: использование «пустых форм», т. е. необязательных, пезначащих слов (семантическая избыточ-

ность) и необозначение того, что может (а иногда и должно) быть обозначено, исходя из ситуации (семантическая экономия). Семиотический план находится на пересечении синтагматики и парадигматики, причем эти аспекты как бы компенсируют друг друга: десемантизация в парадигматическом плане сочетается с развернутой формой в синтагматическом аспекте и, наоборот, эллипсис в содержательном аспекте сочетается с конденсацией в синтагматическом. Например, во фразе *Le ciel était clair et constellé d'étoiles* (Clavel) причастие *constellé* оказывается семантически избыточным, так как его значение содержится в слове *étoiles* (словарь определяет *constellé* как «*parsemé d'étoiles*», т. е. «усеянный звездами»). Но использование этой пустой формы привело к развертыванию внешней формы определения (*étoilé* → *constellé d'étoiles*). С другой стороны, семантический эллипсис типа разговорного русского *У него давление* (вместо *высокое давление*) связан с структурной конденсацией.

В целом, выявляются следующие типы номинаций в аспекте их иерархии:

А. Исходная форма — прямая номинация.

Б. Производные формы — косвенные номинации:

1. По внешней форме: свернутая (конденсированная) и развернутая: аналитическая и фразеологизированная

2. По внутренней форме:

а) абстрактная (генерализирующая)

б) переносная (транспонированная): метафорическая и метонимическая

3. В семиотическом аспекте:

а) опрошенная

б) избыточная (десемантизированная).

2) В речи косвенные номинации, так же как и вторичные функции, выявляются благодаря несоответствию наименования в его первичной функции данному номинату, для обозначения которого в языке имеется другое, прямое, собственное средство обозначения. Здесь важно подчеркнуть зависимость отнесения номинации к определенному типу от конкретной ситуации. Так, если в зоопарке, увидев незнакомого зверя, мы зададим спутнику вопрос: *Вы видели когда-нибудь этого зверя?*, то слово *зверь* здесь будет употреблено в своей прямой функции, т. е. будет использована прямая номинация (или другой вариант — живот-

ное — синоним слова *зверь*). Однако, если при виде во дворе неизвестной собаки мы зададим тот же вопрос (*Вы видели когда-нибудь этого зверя?*), то в данном случае слово *зверь* используется вместо прямого обозначения: *собака*, и можно сказать, что мы прибегаем здесь к косвенной номинации абстрактного типа. Если же мы употребили слово *зверь*, исходя из коннотаций, связанных с его вторичным значением ('большое, страшное на вид животное'), то нашу косвенную номинацию следует рассматривать как транспонированную (метафора).

Косвенным способом проявления вторичной функции языкового элемента и косвенной номинации является нарушение семантического согласования. Во фразе *Это животное — лиса* и *Этот человек — большой хитрец* последние слова употреблены в своих первичных функциях. В предложении *Этот человек — настоящая лиса* семантическое несогласование подлежащего и сказуемого свидетельствует о переосмыслении слова *лиса* и о его использовании как косвенной номинации для обозначения качества человека. Аналогичное явление наблюдается и в области грамматических форм. Ср. *Он приедет завтра* и *Он приезжает завтра* (несобственное употребление формы настоящего времени — ее несогласованность с обстоятельством).

3) Использование языкового элемента в несобственной функции имеет тройное значение:

а) оно восполняет языковую лакуну, дает возможность обозначить то, для чего в языке нет специального номинативного средства. Это, например, ярко проявляется в случае семантической нейтрализации грамматических средств. Обладая формами для выражения противопоставленных значений, язык нередко не имеет специальной формы для выражения обобщенного значения, родового понятия. В этом случае используется одна из противопоставленных форм, обычно немаркированная, но в стилистических целях и маркированная. Так, формы единственного и множественного числа соответственно обозначают единичность и множественность предметов, но в языке нет специальной формы для выражения снятия этой оппозиции.

И в сфере лексики нередко одна и та же лексема употребляется в частном и в обобщенном значении (ср. франц. *homme*, англ. *man* 'мужчина' и 'человек'; франц. *femme* 'жена' и 'женщина'). Во французской фразе *L'homme est*

faillible 'Человек грешен' в обобщающей функции используются: определенный артикль, единственное число, мужской род, настоящее время глагола и лексема homme.

б) Оно создает стилистический эффект, служит для выражения эмоций.

в) Оно обеспечивает строевую, служебную функцию.

Итак, отклонение языкового элемента от первичной функции выполняет собственно номинативную, экспрессивную или служебную функцию.

II. Ф у н к ц и я н о м и н а ц и и. В этом параметре различаются языковые и речевые номинации. Языковые номинации являются виртуальными, они используются как средство для актуальных номинаций в актах речи в условиях знаковой ситуации, когда обозначение непосредственно соотносится с обозначенным объектом.

Два типа номинаций различаются прежде всего по характеру номината. Традиционный семантический треугольник различает в семантической структуре слова два аспекта: сигнификат (общее понятие, выражаемое словом) и денотат (конкретный объект, на который указывает слово). Такой же анализ можно применить и к значимым грамматическим морфемам и конструкциям. Иногда различие между сигнификатом и денотатом трактуется как различие преимущественно в объеме понятия: сигнификату приписывается значение обобщенного понятия, денотату — указание на конкретный единичный объект. Однако более правильно видеть различие сигнификата и денотата прежде всего в функциональном аспекте. Номинатом языковых элементов в языковой системе является сигнификат — мыслительный конструкт, понятие, субстратом которого являются внелингвистические объекты. Номинаты языка произвольны в том отношении, что человек в своем сознании, выделяя определенные черты в объектах, группирует их, классифицирует, давая каждому классу обозначение. Благодаря классифицирующей деятельности сознания устраняется бесконечное многообразие, свойственное реальным объектам. Всякое слово обобщает, снимая индивидуальность объектов. Закрепление понятия определенным названием четко очерчивает круг понятия. В. И. Ленин цитирует высказывание Эпикура о значении слов: «Каждый предмет получает благодаря впервые ему присвоенному названию свою ясность, оче-

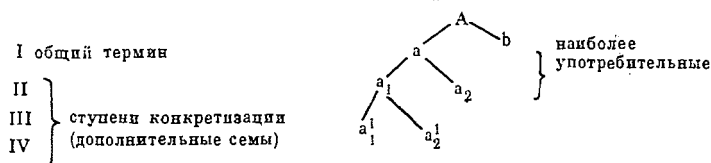
видность, отчетливость»¹². Таким образом, благодаря классификации, созданию понятий и наименованию человек получает возможность ориентироваться в окружающем его мире. Эта необходимость редукции многообразия, «упрощения» мира оказывается для человека биологической необходимостью, ибо, как показывает современная психология и, в частности, наука о восприятии — персево-ника — человек воспринимает гораздо более многочисленную, разнообразную и нецеленаправленную информацию, чем любое другое живое существо. Классификация и номинация — первый шаг человека в освоении мира, в его господстве над природой. Это образно выразил Т. Манн в романе «Иосиф и его братья»: «Звери боятся и избегают человека, потому что бог наделил его духом разума и указал ему разряды, на которые все делится... Звери тоже стыдятся нас и поджимают перед нами хвост, потому что мы знаем их и, владея их именем, лишаем силы их рычащую единичность».

Однако человеческая практика делает необходимым создание для некоторых объектов единичных имен, которые отражают не классификационные объединения данного объекта с другими, подобными ему по определенным признакам, но индивидуальные особенности этих объектов внутри данного класса. Так возникают имена собственные, которые указывают на класс предметов, состоящий из одного элемента. Между собственными именами в узком смысле слова (идионимами) и нарицательными существует целая гамма промежуточных явлений, названий групп людей (семей, родов, жителей и др.), которые А. А. Белецкий называет койнонимами¹³. Однако язык не мог бы состоять из одних собственных наименований, так же как он не мог бы состоять из небольшого числа слов наиболее отвлеченного значения. Слишком редкая сеть понятий, так же как и слишком густая, одинаково бы затрудняли общение. Характерным для языка является более широкое использование номинаций «среднего» объема значения. Так в русском языке глаголы *идти*, *ехать*, *бежать* используются значительно чаще, чем общий термин *передвигаться*, слова *человек*, *зверь*, *птица* чаще, чем общий термин *существо*. Мартине отмечал, что число различительных при-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 264.

¹³ А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, стр. 159 и сл.

знаков фонем в разных языках колеблется от 2 до 4. Большое число различительных черт представило бы затруднения для общения. Эта особенность свойственна и плану содержания: анализ разных лексико-семантических групп показывает, что иерархия дифференциальных признаков включает не более 4—5 ступеней, причем слова, находящиеся внизу иерархии и различающиеся минимальными дифференциальными признаками, употребляются сравнительно редко или в обыденной речи употребляются как синонимы, либо подвергаются генерализации (семантическому опрощению). Наиболее употребительными оказываются слова 2—3 ступеней дифференциации.

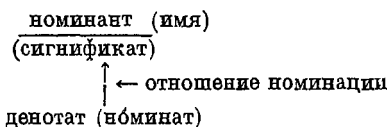
Таким образом, существуют определенные закономерности в членении поля обозначения. Число единиц обозначения (обозначаемых объектов) у лиц одинакового культурного уровня, хотя и говорящих на разных языках, примерно одинаково. Число значений, выражаемых разными языками, находящимися на одинаковом уровне развития, также сопоставимо. Разумеется, это не значит, что качественная сторона номинаций в разных языках аналогична. Хотя можно предположить, что разные языки «набрасывают» на действительность сеть с ячейками в целом примерно одинаковой частоты, сами эти ячейки не совпадают в своих очертаниях, в связи с чем и имеют место различия в «видении» мира. Кроме того, лексическая сеть не вполне идентична понятийной в силу асимметрии плана выражения и плана содержания.

Итак, на уровне языковой системы номинатом имени является с и г н и ф и к а т, создаваемый в человеческом сознании в результате выявления дистинктивных черт у денотатов. Схематически это может быть представлено следующим образом:

Одно и то же имя может быть соотнесено с рядом сигнификатов, в связи с чем единицам языковой системы свойственна многозначность. Подлинной синонимии здесь почти нет, так как каждый сигнификат несколько отличается по фиксируемым признакам от близкого к нему.

В актуализированной речи объектом обозначения являются денотаты — прежде всего реальные предметы, лица, признаки, действия, чувства, а также продукты человеческого сознания: отвлеченные понятия, вымышленные объекты и т. п. Номинация происходит следующим образом: на основании того или иного выделяемого в денотате признака он включается в определенный класс объектов, для которого в языке имеется закрепленное наименование, либо может быть сформировано наименование из существующих языковых элементов. Таким образом, сигнификат оказывается промежуточным звеном, обеспечивающим сопоставление имени и внеязыкового объекта. Это закономерно, ибо сигнификат относится к сфере человеческого мышления, представляет собой продукт классификационной деятельности сознания, а наименование в речи также в любом случае связано с мыслительной деятельностью: выделением признаков и классификацией. Таким образом, в речевой номинации выделяемые свойства объекта и существующие в языке виртуальные номинации идут навстречу друг другу, причем номинант нерасторжимо связан с сигнификатом и может подвергаться лишь некоторым изменениям во внешней форме. Отношения номинации в речи могут быть изображены таким образом:

Номинаты в речи (денотаты) объективно даны, не зависят от языка и говорящего. Однако субъект номинации производит отбор признаков при наименовании и от него зависит, такое обозначение будет дано объекту. Если пользоваться терминами Фреге, то можно сказать, что именующий определяет значение, но не смысл данного имени в речи, но вместе с тем — смысл, но не значение наименования. В языковой системе он формирует и смысл, и значение.

Вместе с тем, поскольку денотат обладает множеством признаков и отношений к другим объектам и по любому из них он может быть подведен под разные классы объектов, и, следовательно, получить различные обозначения, то именно в речи один и тот же предмет может иметь несколько разных имен, которые, не будучи синонимами на уровне сигнификатов, выступают как синонимы на уровне денотатов. Таким образом, ограниченное множество многозначных знаков в системе позволяет дать неограниченное множество однозначных обозначений неограниченного множества денотатов в речи. Такое устройство языка обеспечивает два его свойства, необходимые для обеспечения функционирования языка как совершенного орудия общения: а) безграничное расширение его номинативных возможностей: язык устроен так, что на нем можно все сказать, даже то, для чего нет специальных слов или выражений. А это важно для практики общения, ибо человек не всегда может предвидеть, о чем ему придется говорить; б) безграничное варьирование обозначений, которое позволяет, во-первых, выразить различные эмоциональные и социально-обусловленные оттенки, обозначения, а, во-вторых, быстро найти наименование объекта, что очень важно для процесса общения.

Актуализация языкового знака, его переход из идеальной системы в практическую речь, сводится, следовательно, к установлению соотношения между сигнификатом и денотатом, между тем, что слово значит, и тем, что оно обозначает. Здесь возникает ряд проблем, заслуживающих специального обсуждения. Первая из них — соотношение объема денотата и сигнификата. Наиболее тривиальным случаем является сужение объема понятия при актуализации. Определение слова *книга* в словаре, отражающее тот сигнификат, который в сознании говорящего по-русски ассоциируется с данным звуковым комплексом, охватывает все члены данного класса объектов. Во фразе *Эта книга стоит не на месте* речь идет о единственном представителе класса, конкретном объекте *hic et nunc*. Но возможны и иные случаи, когда обозначение охватывает несколько данных предметов, их определенное или неопределенное количество, и даже весь класс объектов, как например, в общих суждениях типа: *Любите книгу — источник знаний*. С другой стороны, денотат и сигнификат совпадают по объему при употреблении имени собствен-

ного или *nomina univoca*: *Луна выплыла из-за туч*. Объем актуализированного понятия определяется при помощи различных детерминативов, кванторных слов, артиклей, либо может вытекать из контекста. Механизм языковой актуализации был подробно раскрыт Ш. Балли (в семасиологическом аспекте)¹⁴ и Г. Гийомом (в ономасиологическом аспекте, в аспекте кодирования, порождения речи)¹⁵. В предложении могут сочетаться номинации различного объема: единичные, общие, всеобщие. Высказывание *Мой старший сын — студент* включает подлежащее, обозначающее единичный объект и сказуемое всеобщего значения, обозначающее весь класс объектов, в который включается субъект. Сказуемое по объему совпадает с сигнификатом. В общем высказывании типа *Кошка — млекопитающее* оба члена имеют объем, равный сигнификату. Чем шире объем понятия, тем оно беднее содержанием, и сказуемое, выраженное словом всеобщего значения, указывает лишь на некоторые признаки субъекта. Приведенные примеры показывают, что понятия сигнификата и денотата различаются не по объему значения, но в функциональном отношении: сигнификат есть номинат слова как языка-системы, его означаемое, денотат — номинат слова в речи, его обозначаемое.

Второй вопрос о референтности имен. В логике, особенно в семантической логике, ведутся многолетние споры о том, у каких слов в высказывании имеются референты, т. е. объекты действительности, на которые указывают эти слова. Здесь в свою очередь возникает две проблемы: проблема так называемых «пустых» имен и проблема предикативных слов. Логики проводят различие между именами, указывающими на существующие объекты, и такими именами, как *Пегас*, *Русалка*, *Гамлет*, не относящимися к реальным объектам. Для логики, изучающей отношения форм мышления к бытию, эта проблема существенна. Однако для лингвистики ее можно считать irrelevantной. Лингвистика изучает отношение форм языка к мышлению (а через него — к действительности). Предметом же человеческого мышления могут быть не только отображения реально существующих объектов, но и

¹⁴ См. Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 87—113.

¹⁵ См. G. Guillaume. *Langage et science du langage*. Paris, 1969.

продукты деятельности самого мышления, идеальные образы и объекты. Современная психология показала, что все фантазии человека сводятся к модификации, транспозиции или перекомбинированию элементов, которые добыты его сознанием в результате отражения объективной действительности, но эта способность к перекомбинированию, к фантазии необходима для человека как для биологического вида. Фразы, содержащие такие «нереферентные» имена, правильны в тех же случаях, что и все прочие фразы. Во-первых, если они говорят о том, что вытекает из свойств, которые человек приписывает своим созданиям (например, в отношении русалки, представляющей собой комбинацию женщины и рыбы, правильной будет фраза *Русалка плывет* и неясной *Русалка летит*). Во-вторых, если они употреблены в соответствующих условиях, например, при изложении сказок, литературных произведений и т. п.

Более сложен и лингвистически важен вопрос о референтности слов, не относящихся к существительным. Обычно в логике считают, что референтная функция имеется только у имен и именных групп, тогда как глаголы и прилагательные лишены ее¹⁶. Это логическое различие, даже если его признать правильным, мало что дает для собственно лингвистического анализа номинаций.

Разумеется, логический статус имен, обозначающих реальные предметы, иной, нежели статус абстрактных имен, имен действия, прилагательных, глаголов, обозначающих процессы, качества. Различны условия их логического формирования. Понятия, охватывающие конкретные объекты, формируются по иерархии типа «быть», они отражают отношения включения. Понятия, относящиеся к качествам и действиям (предикатным словам), образуются по иерархии типа «иметь» и отражают отношения пересечения (ибо качество само по себе не существует, оно присуще определенному объекту). Но в лингвистическом плане эти различия оказываются не решающими, в частности, различия между именем и глаголом. Так же как имя, глагол (да и прилагательное) при переходе из

¹⁶ См. G. Fauconnier. La coréférence: syntaxe ou sémantique? Paris, 1974, стр. 7.

языка в речь претерпевает актуализацию, определяя свой объем, что нередко выражается специализированными средствами. Так, для глагола, по мнению Ш. Балли, актуализаторами выступают личные местоимения и флексии спряжения, которые выполняют функцию, подобную той, что несут артикли (детерминативы) и флексии числа у существительных. Г. Гийом, со своей стороны, показывает полный параллелизм этапов актуализации у названий объектов и названий действий.

В языковой системе глагол обозначает действие, выполняя при этом такую же обобщающую функцию, устраняя разнообразие конкретных проявлений данного действия, как и имя в отношении предмета. То же самое можно сказать о прилагательном, обозначающем признак или качество. Глагол, следовательно, соотносится с сигнификатом, который можно определить лексикографически. В высказывании он может, так же как и имя, обозначать действие в его всеобщности, либо указывать на конкретный способ его осуществления определенным субъектом. Правда, с артиклями у имени следует сравнивать, пожалуй, не только наклонения глагола (как это делал Гийом), но определители, указывающие на единичность, специфичность осуществления действия.

Вот некоторые примеры:

Всеобщая референция (объем денотата равен объему сигнификата):

Любите книгу: она источник знаний.

Не следует кричать в общественных местах.

Конкретная неопределенная референция:

Он читал книгу.

На дворе кричал соседский мальчик.

Конкретная определенная референция:

Чья эта книга? Эта книга принадлежит моему брату.

Кто это там так кричит? Это кричит соседский мальчик.

В последнем примере речь идет о вполне определенном, конкретном предмете (такая-то книга) и об определенном, индивидуализированном действии (мальчик кричит таким-то образом).

Естественно, слова-предикаты не нуждаются в конкретной референции так часто, как слова-субстанции. Но в случае необходимости это достигается грамматиче-

скими средствами, а также деиктическими словами типа *так, такой*. Прилагательные выступают в обобщающем значении (в объеме сигнификата) в функции сказуемого и в индивидуализированном значении в функции атрибута. Во фразе *Это яблоко, а не груша, Это яблоко желтое, а не красное* слова *яблоко, красное* употребляются в родовом значении (в объеме сигнификата) и обозначают признаки субъекта высказывания. Однако в предложении *Возьми это красное яблоко* может индивидуализироваться не только предмет, но и его свойство (краснота этого яблока не такова, как у другого, подобно тому как это яблоко не похоже на другое). Не случайно, быть может, во многих языках (русском, немецком) формы прилагательного в позиции предиката и атрибута различаются (в первом случае они более обобщенные). Действия или признаки могут идентифицироваться подобно предметам: *Я принес т у книгу, к о т о р у ю ты просил; Он прочел эту фразу т о ч н о т а к ж е, к а к и ты (прочел ее); Это яблоко т а к о е ж е красное, как и то*. Неопределенный и определенный субъект у глаголов могут обобщать или индивидуализировать действие: ср. *Я люблю слушать, когда читают стихи* и *Когда он читает стихи, все слушают не отрываясь* (в последней фразе речь идет об индивидуальной манере выполнять определенное действие). Во многих случаях противопоставление обобщенности и индивидуальности снимается. Фраза *Я люблю работать, сидя на диване* может иметь значение и обобщенное (на диване, а не за столом) и вполне конкретное (на моем диване). В отношении слов-акциденций такая нейтрализация проявляется еще чаще.

Следовательно, все значимые слова в высказывании референтны в том смысле, что они указывают на элементы внелингвистической действительности, которые могут браться в разном объеме — от всеобщности до конкретной единичности. Причем единичность следует понимать не только в количественном, но и в качественном отношении.

В заключение еще раз обобщим различия между языковыми и речевыми номинациями.

Языковые номинации характеризуются устойчивой связью между номинантом и номинатом, у речевых эта связь неустойчива.

У языковых номинаций номинатом является сигнификат, результат условного членения мира данным языковым

коллективом; у речевых — номинатом является денотат, объективно заданный говорящему.

Языковые номинации не всегда мотивированы; речевые номинации всегда мотивированы в том смысле, что при определенном освоении денотата мышлением он получает обязательную для данного языка форму. Так, мы не можем сказать, почему животное *canis familiaris* называется по-русски *собака*, но мы всегда можем объяснить, почему в речи мы назвали данное животное собакой¹⁷.

III. Объект номинации. В зависимости от обозначаемого объекта различаются два типа номинации: элементная и событийная (ситуативная)¹⁸.

Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинатом здесь может быть слово или словосочетание (в этом случае говорят о лексической номинации), значимая морфема, синтаксема, интонаема.

Событийная номинация в качестве номината имеет микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем к ней приложим термин «пропозитивная номинация».

Соотношение элементной и событийной номинации в речи есть отношение части к целому. Конечным актом семиозиса являются пропозитивные знаки — предложения, по отношению к которым слова и морфемы, составляющие систему языка, оказываются строительным материалом. Если рассматривать предложение как знак, то именно оно является полным знаком, тогда как входящие в него значимые элементы — частичными. Разумеется, эти определения не должны пониматься механистически: есть предложения, состоящие из одного слова, как есть словосочетания, не образующие предложения. «Полнота» знака заключается в завершенности семиотического акта, в процессе которого языковые формы сопоставляются с осозна-

¹⁷ К этому различию и сводится фактически расхождение во взгляде на произвольность знака у Соссюра и Бенвениста.

¹⁸ Термины «лексическая» и «пропозитивная» номинация отражают лишь внешнюю форму обозначений. Поскольку у нас речь идет об объекте номинации, мы пользуемся определениями, отражающими характер номината. Определения «событийная», «ситуативная» номинация используются как синонимы.

ваемой актуализированной внелингвистической действительностью, а не с отдельными концептами. Даже если отдельное слово выступает в качестве целого предложения, оно должно «дополниться» предидирующими средствами, лингвистически выражающими этот семиотический акт (финитная форма глагола, интонация).

В некоторых работах высказывается мнение, что слово вне предложения не бывает знаком¹⁹, поскольку оно соотносится с сигнификатом (имеет смысл), а не с денотатом (то есть, не имеет значения). Но выше мы говорили, что языковому элементу может противостоять в качестве номината не только реальный предмет, но и мысленный конструкт. Следовательно, соотношение между словом вне речи и выражаемым им понятием следует считать также знаковым отношением. Коммуникативная функция не является единственной функцией языка; он служит также для осознания мира. Если слова вне речи не нужны для сообщения, то они служат средством фиксации знания о мире.

Элементная номинация имеет две функциональные разновидности: в языке и в речи. Различия между ними рассматривались выше, в связи с актуализацией. Употребление термина «слово» в обоих значениях составляет терминологическое неудобство, некоторые лингвисты предлагали терминологически различать слово в языке и в речи (семантема и синтаксическая молекула у Ш. Балли, монема и автомная синтагма у А. Мартине, семема и слово у Г. Надя и др.).

Событийная номинация также имеет две функциональных разновидности: языковую и речевую. На уровне языка-системы предложение в своей модели соотносится с определенным классом событий (ситуаций), который формируется в человеческом сознании путем отвлечения от множества однотипных ситуаций. Определенный класс событий (ситуаций) составляет сигнификат модели предложения. Таким сигнификатом может быть указание на процесс, производимый субъектом, его состояние, на качество или классификационную отнесенность субъекта, на отношение субъекта к другой субстанции, его воздействие на эту субстанцию, бессубъектное событие или состояние

¹⁹ А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, стр. 57.

и т. п. Семантический синтаксис стремится выявить сигнификаты предложений, общие выражаемые ими значения. Разумеется, число различных сигнификатов событийных номинаций бесконечно меньше количества сигнификатов элементарных номинаций. Но здесь имеется известная аналогия. Услышав слово *стол*, мы представляем себе определенный предмет, слово *яблоко* связывается в нашем представлении с другим предметом. Так же и модель предложения $N + V$ связывается в нашем представлении с описанием состояния или действия субъекта, модель $N + V_{\text{сop}} + A$ с описанием качеств такого-то предмета. В процессе говорения конкретное описываемое событие подводится под определенный класс событий. Избираемая в соответствии с ним синтаксическая модель наполняется лексическим материалом и оформляется интонационно. Так актуализируется виртуальная модель предложения, и получает наименование конкретное событие.

Использование одного термина («предложение») для обозначения двух функциональных разновидностей событийной номинации оказывается неудобным, в связи с чем в языкознании используется терминологическая пара: «структурно-семантическая модель предложения» (или просто «предложение») и «высказывание».

Взаимоотношение типов номинаций в зависимости от функции и номината можно представить так:

Объект (номинат)	Функция	
	языковая	речевая
Элемент действительности ²⁰	слово в языке (лексема)	слово в речи
Событие	модель предложения	высказывание

Из этих четырех типов номинаций полярными оказываются слово в языке и высказывание. Две других номинации занимают промежуточное положение. У двух полярных типов номинаций и противоположные функции в язы-

²⁰ В качестве примера взяты лексические номинации, аналогичным образом функционально «раздваиваются» и значимые граммы.

ке, которые можно определить формулой: человек говорит высказываниями, знает язык (и мир) через слова.

Элементные номинации классифицируются в зависимости от характера обозначаемого элемента. В окружающей действительности человек выделяет прежде всего предметы, обладающие характеристиками пространственного порядка, связанные с ними процессы (события или состояния), характеризующиеся во временном плане, связывающие их отношения, признаки предметов и процессов. Так создается объективная основа для выделения основных классов номинаций: существительных, глаголов, прилагательных, наречий, числительных (обозначают количественные отношения), служебных слов (обозначают отношения между предметами и процессами)²¹. Эти элементы ситуации выражаются в любом языке, хотя конкретные системы частей речи группируют их специфическим образом.

Сочетание двух элементов образует сложный (или квалифицированный) элемент ситуации (например, предмет + признак; действие + предмет; предмет-часть + предмет-целое и т. п.).

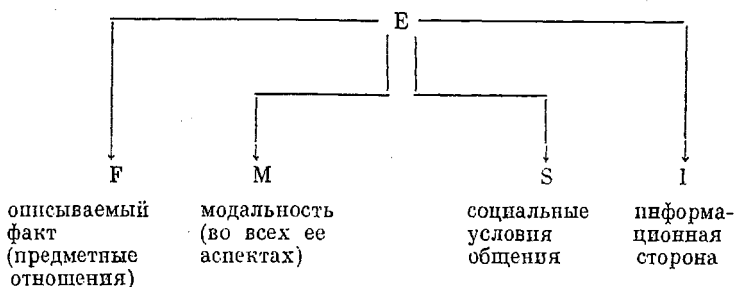
Событийные номинации классифицируются в зависимости от характера обозначаемой ситуации. Здесь различаются бессубъектные процессы (*темнеет*), действия и состояния субъекта (*мальчик бежит; ребенок спит*), и другие, упомянутые выше, для которых в языке имеются специфические средства выражения. Событийные номинации кроме того могут обозначать простое событие или два или несколько событий, находящихся в определенных отношениях, образующих сложное событие (формой прямой номинации последнего является сложное предложение).

Событие или ситуация как номинат высказывания представляет собой сложное и многоплановое образование. Р. Мишеа отмечает в ситуации три аспекта: тематический (то, о чем говорят), стилистический (отражающий взаимоотношения между собеседниками и условия, в которых осуществляется акт речи) и психологический (определяющий вербальные реакции на различные импульсы: уверенность, сомнение, предположение, восхищение)²².

²¹ См. анализ подклассов лексических знаков в кн.: А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

²² См. R. Michéa. La notion de situation en linguistique appliquée. «Etudes de linguistique appliquée», 1967, № 5 стр. 13—15.

К ним следует добавить информативный аспект, показывающий степень знания ситуации говорящими и коммуникативную цель высказывания. Высказывание, в котором все эти аспекты получают обозначение, охватывает таким образом все внешние и субъективные стороны ситуации и отвечает на вопрос, о чем, кем, в каких условиях и с какой целью говорится. Соответственно в высказывании выделяется четыре аспекта: денотативный (в узком смысле термина), модальный, социальный и информативный (коммуникативный). Номинативная сторона охватывает все эти четыре стороны и противопоставляется его структурной стороне. Общая семантическая структура высказывания (Е) на глубинном уровне может быть представлена так (в отвлечении от временного параметра):

В высказывании обозначаются все четыре аспекта, в связи с чем номинативную функцию предложения не следует сводить к одной лишь денотативной стороне, в предложении обозначаются и модальность и социальный аспект, и актуальное членение. То, что последние три аспекта могут быть предметом знаковой репрезентации, свидетельствует косвенным образом тот факт, что они могут передаваться специфическими средствами на письме (знаки препинания, подчеркивания, шрифтовое выделение, знаки ударения и т. п.) и в случае необходимости, в искусственных знаковых системах (так, императивная положительная и отрицательная модальность передается особыми элементами в системе знаков уличного движения).

Компоненты ситуации обозначаются разными средствами. Например, информативная сторона (актуальное членение, вопрос и ответ, детерминация) обозначаются просодическими способами (интонация), синтаксическими

(порядок слов), лексическими или морфологическими. Вежливость (социальный аспект) может обозначаться лексически (*Скажите, пожалуйста, как пройти на такую-то улицу*), синтаксически — вопросительной формой предложения (*Не скажете, как пройти туда-то?*), «уменьшительной» формой слова (как в разговорно-просторечном: *Не подскажете, как пройти туда-то*). При построении целого высказывания различные средства взаимодействуют и компенсируют друг друга.

Элементные номинации, взятые в отдельности, также отражают модальный и социальный аспекты. Первый из этих аспектов формирует экспрессивно-эмоциональную окраску номинации, второй — ее функционально-стилевую характеристику (включая выражение вежливости). Разумеется, здесь нет полного единообразия. С одной стороны, многие слова не имеют этих дополнительных компонентов значения (стилистически нейтральная лексика), с другой, в языке имеются (правда, немногочисленные) слова, основной функцией которых является обозначение рациональной или эмоциональной оценки события говорящим (модальные слова) и слова, специально обозначающие условия общения (формулы вежливости: *пожалуйста, спасибо*; обращения: *товарищ, друг мой*). В отличие от событийной, отдельно взятая элементная номинация не отражает информативного аспекта, хотя существуют слова и морфемы, которые специально выражают этот аспект в составе высказывания.

IV. Внешняя форма номинации. С точки зрения внешней формы в языке существуют два исходных способа номинации: самостоятельный (лексический) и несамостоятельный (грамматические, интонационные средства). Ими могут быть оформлены элементные, частичные номинации. Полная ситуативная номинация комбинирует оба способа — самостоятельный и несамостоятельный.

Несамостоятельным способом могут быть обозначены только широкие классы предметов, качеств, отношений, процессов. Лексический способ позволяет обозначить объекты с какой угодно степенью подробности. Так, несамостоятельным грамматическим способом можно обозначить различие между одним предметом и множеством, но более точное количественное определение может быть выражено только лексически; несамостоятельные слово-

образовательные суффиксы могут обозначить различие между невзрослой и взрослой особью (*кот — котенок*), но более точное обозначение возраста достигается лексическими средствами. Мы рассмотрим типологию внешних форм самостоятельных номинаций.

Исходными ядерными формами (прямыми номинациями) для следующих типов номинатов являются

номинат	прямая номинация
элементы ситуации	знаменательное слово (M)
сложный элемент	словосочетание ($M + M_1$)
ситуация (событие)	простое предложение (S)
отношение событий	сложное предложение ($S + S_1$)

Однако в силу асимметрии каждая из четырех структур может приспособливаться для обозначения других номинатов, выступая в качестве косвенной номинации (см. табл.).

—	M	$M + M_1$	S	$S + S_1$
M	$M \rightarrow M$	$M \rightarrow M + M_1$	$M \rightarrow S$	—
$M + M_1$	$M + M_1 \rightarrow M$	$M + M_1 \rightarrow M + M_1$	$M + M_1 \rightarrow S$	$M + M_1 \rightarrow S + S_1$
S	$S \rightarrow M$	$S \rightarrow M + M_1$	$S \rightarrow S$	$S \rightarrow S + S_1$
$S + S_1$	—	$S + S_1 \rightarrow M + M_1$	$S + S_1 \rightarrow S$	$S + S_1 \rightarrow S + S_1$

На пересечении однотипных структур фиксируются внутриклассные транспозиции, на пересечении разных структур — межклассные. Внутриклассные транспозиции основываются на парадигматических отношениях внутри данного класса, межклассные транспозиции затрагивают одновременно и синтагматические отношения. Рассмотрим вначале внутриклассные транспозиции, затем — межклассные.

1. $M \leftrightarrow M$. В зависимости от того, какой элемент обозначается — субстанция, процесс, качество субстанции и процесса — элементная номинация принимает

форму существительного (N), глагола (V), прилагательного (A), наречия (D) там, где различаются эти части речи. Отношение (R) регулярно может обозначаться служебным словом. Перевод номинации в другую часть речи осуществляется обычно особыми транспозиционными формантами в пределах слова согласно формуле $M \leftrightarrow Ma$, где M — семантема, а a — аффикс транспозиции. Теоретически исчисляется 12 типов транспозиции для 4 основных классов (N, V, A, D), например: $N \rightarrow Na = V$ (*стекло — застеклить*), $N \rightarrow Na = A$ (*город — городской*) и т. п.

Эти типы транспозиций хорошо изучены в литературе, и мы не будем останавливаться на них. К 12 типам добавляются транспозиции связанных номинаций (междометия, служебные слова, местоимения), например: *ух!* → *ухнуть*, и др.

Асимметричные формы возникают в случае конверсии, когда знак транспозиции в слове отсутствует и, следовательно, определенный элемент плана содержания (a) остается без обозначения ($Ma \rightarrow M$), так что соотношенность номинации с определенным типом номината определяется только окружением. Например: *robe sport* (N → A), *столовая* (из *столовая комната*, A → N).

2. $M + M_1 \rightarrow M + M_1$. Здесь транспозиции заключаются:

а) во взаимозамене господствующего и подчиненного членов словосочетания ('интерверсия' по Ш. Балли), например: *после двухнедельного отдыха* → *после двух недель отдыха*; *Он беспрестанно смеется* → *Он не перестает смеяться*.

б) В замене одного типа отношений другим, например, локальные отношения вместо определительных: *дом у дороги*, *шторы на окнах*, *вход в метро*, *поезд на Москву* (вместо *московский поезд*).

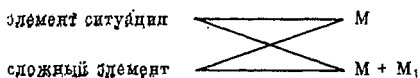
3. $S \rightarrow S_1$. Внутриклассная транспозиция ситуативных номинаций имеет место при замене одного структурно-семантического типа предложения другим, а также при изменении ориентации предложения. Основными типами предложения являются предложения с предикатом состояния $N + V$, активного действия $N + Vt + N$, отношения $N + Vg + N$, квалификации и идентификации $N + Vc + N$ (A), бессубъектным (V), локальным $N + Vi + N$. Эти типы могут взаимозаменяться при выражении одного и того же значения. Например: *Он*

б_ои_тся (N + V, состояние); Он — трус (N + V_c + N, квалификация); Он испытывает страх (N + V_r + N, отношение). Может меняться ориентация предложения (Его охватил страх). Различные формы ситуативной номинации образуются с помощью: а) увеличения числа актантов — развертывания предиката (дождит → дождь идет; он съездил в N → он совершил поездку в N) или введения дополнительного актанта, ясного из ситуации (раздался шум → он услышал шум); б) качественного изменения актантов, заменой их функций (он перевел эту книгу → им переведена эта книга).

4. S + S₁ → S + S₁. Возможна взаимозамена разных типов сложных предложений: сложносочиненных и сложноподчиненных, а внутри каждого типа — транспозиция подтипов (например, употребление определительных придаточных вместо обстоятельственных, и наоборот).

Межклассные транспозиции мы будем рассматривать «попарно», в их перекрестной асимметрии.

1. M → M + M₁.

Отношения прямой номинации обозначены прямыми линиями, косвенной — наклонными. Возможны два типа косвенной номинации:

а) обозначение одного элемента ситуации словосочетанием (развернутая номинация);

б) обозначение сложного элемента ситуации, определения с его определяемым одним словом вместо словосочетания (конденсированная номинация).

А. Развертывание номинации может принимать двоякий вид:

а) без транспозиции значимого элемента (только в синтагматическом аспекте, по формуле M → M + M₁). Сюда относятся:

— аналитические грамматические формы: самый сильный (ср. сильнейший); буду читать (ср. прочитаю); фр. ne ... pas (ср. русск. не) и т. п.

— сочетания фразеологизированного типа с семантически избыточным компонентом, который в простой структуре отсутствует совсем или репрезентируется морфемой:

повернуть голову (ср. повернуться), гром гремит (ср. гремит).

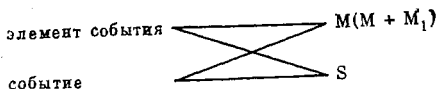
б) с транспозицией значимого элемента (в синтагматическом и парадигматическом аспектах одновременно, по формуле $M \rightarrow a + Ma$). Развернуто-транспонированная форма состоит из двух элементов: служебного, выступающего в качестве транспозитора, и знаменательного, отличающегося от простого слова по своей принадлежности к другой части речи. Ср. (ящик) из железа — железный.

Б. Конденсация номинации также может принимать двоякую форму:

а) без транспозиции путем устранения специализирующих определений и сужения значения основного слова, по формуле $M + M_1 \rightarrow M$: *повышенная температура* → *температура*; *поступить в институт* → *поступить*;

б) с транспозицией, по формуле $M + M_1 \rightarrow M_1^1$: *транзисторный (M₁) приемник (M)* → *транзистор (M₁¹)*.

2. $S \rightarrow M (M + M_1)$.

А. Обозначения события элементной (простой или сложной) номинацией обычно осуществляется с помощью процессных существительных, образованных от глаголов или прилагательных, предикативных наречий и некоторых других форм: *После того, как Петр пришел* → *После прихода Петра*; *Стоит жара* → *Жарко*. Это прямой способ транспозиции. Формами косвенной номинации являются:

а) конденсированные структуры, где указание на процесс опускается и ситуация обозначается предметным существительным: *Я не смог уйти из-за того, что ко мне пришел Петр* → *Я не смог уйти из-за Петра*;

б) развернутые структуры с десемантизированными словами типа: *то обстоятельство, что...*, *тот факт, что...*

Б. Напротив, элемент ситуации может обозначаться целым предложением. При этом используются развернутые структуры с местоименными или десемантизированными словами: *тот, кто...*, *тот человек, который...*, а также

транспонированные структуры, без формального средства транспозиции, например, в русской разговорной речи: *Молоко привозит (= тот человек, который молоко привозит) сейчас в отпуске*²³.

3. $S \rightarrow S + S_1$. Простое предложение заменяет сложное, если один из сопряженных процессов обозначен элементной номинацией. См. выше: *Я не смог уйти (S), так как ко мне пришел Петр (S₁)* → *Я не смог уйти из-за прихода Петра (S)*.

Напротив, простое предложение приобретает форму сложного при употреблении некоторых типов последнего в несобственной функции. Сюда можно отнести факты типа французской выделительной конструкции *C'est Pierre qui est venu*, которая внешне имеет форму сложноподчиненного с определительным придаточным, но фактически выделяет член простого предложения.

Транспозиции $M + M_1 \rightarrow S + S_1$ теоретически возможны, но фактически реализуются редко, ввиду громоздкости исходной или конечной трансформы (сложное предложение с придаточным второй степени). Транспозиции $M \rightarrow S + S_1$ теоретически невозможны, ввиду большой дистанции двух форм (максимальная конденсация в M и максимальное развертывание в $S + S_1$).

Косвенная номинация иногда выступает синонимом прямой. Ср. *Они работают непрерывно* → *Работа их непрерывна* (Чехов). Но во многих случаях «форма существенна»: косвенная номинация привносит свой категориальный оттенок значения. Так, при описании события естественно использовать пропозициональную номинацию, однако при его идентификации более естественной оказывается субстантивная форма, ибо идентификация осуществляется легче всего по отношению к объектам. Ср. — *Лед тронулся! Ребята, лед идет!* — *Это еще не ледоход!* — *говорят на мосту.* — *А вот будет ледоход, когда лед с верховьев пойдет!..* (Чехов).

V. Способы обозначения. Номинации в аспекте способа обозначения могут различаться: а) по связанности или обособленности обозначения; б) по внутренней форме (характеру признака, который берется за ос-

²³ Пример из кн.: «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 439.

нову номинации); в) по связи внешней структуры и значения слова (по степени мотивированности).

А. Связанность / обособленность номинаций касается их семантических и грамматических особенностей.

1) Расчлененные / нерасчлененные номинации. В первом случае в пределах номинации, обозначающей более одного элемента, можно выделить компоненты, специально их обозначающие. Во втором случае данные элементы обозначаются синкретично, совместно. Противопоставление этих типов обозначений касается как элементных, так и ситуативных номинаций.

Элементные расчлененные номинации: *тигр-ица, волч-иха, гус-ыня, свино-матка* — название животного и его пола выражается отдельными морфемами (ср. общие обозначения этих животных: *тигр, волк, гусь, свинья*). Элементные нерасчлененные номинации: *кобыла, корова*, где пол выражается той же морфемой, что и сам биологический вид (морфема грамматического женского рода не является здесь сама по себе релевантной, ибо слова женского рода могут быть общим наименованием животного, независимо от пола, ср.: *антилопа, лягушка*).

Ситуативные расчлененные номинации имеют форму предложений; даже если предложение состоит из одного слова, то имеются специальные предикативные показатели. В ситуативных нерасчлененных номинациях невычленимы субстантивные, процессные, качественные, реляционные элементы ситуации, обозначаемые обычно соответствующими частями речи. К нерасчлененным ситуативным номинациям относятся междометия, выражающие чувства и приказания, различные «вербальные рефлексy», не обладающие расчлененной семантической структурой. Высказывания *На!* и *Держи!* обозначают одну и ту же ситуацию: собеседнику передают некую вещь, предлагая, чтобы он принял ее в руки. В глагольном высказывании отдельно обозначается само действие (корневой морфемой: *держ-*) и морфемой *-и* — адресат и модальность высказывания (приказ, обращенный к единичному собеседнику). В междометном слове *на!* оба значения выражены синкретично, нераздельно. Такое же различие между *ай!* и *мне больно!*, *увь!* и *Я сожалею об этом* и т. п. Многие глагольные формы и целые фразы, обозначающие настроения, переживания, ответные реакции, подвергаются се-

мантическому переразложению и превращаются в своего рода междометия. Например, русск. *вот те на!*, где *те* уже не указывает на собеседника, к которому обращаются на «ты», франц. *tiens!* или *Allons!*, в которых форма императива уже не соотносится реально с единственным или множественным числом собеседника.

2) Самостоятельные / несамостоятельные номинации. Первые оформляются знаменательными словами и грамматическими элементами. Мы говорили об этой оппозиции при описании номинативных средств языка (ср. *внутри* и *в*; фр. *moi* и *je*). 67

3) Непосредственные / опосредованные номинации. В первом случае номинат обозначается непосредственно тем названием, которое для этой цели существует в языке (собственное имя, нарицательное имя и др.). Во втором случае наименование опосредовано соотносительностью с ситуацией разговора или с предшествующим обозначением того же номината. Средствами опосредованной номинации являются различные местоименные и деиктические элементы (ср. *Петя дал книгу брату* и *Он ему ее дал*). Номинация может быть одновременно и опосредованной и несамостоятельной (как служебные местоимения типа французских *je, le leur*). Если несамостоятельные номинации являются связанными в структурном смысле, то опосредованные — в семантическом. Вне связи со своим семантическим субстратом, определяемым речевой ситуацией или контекстом, они употребляться не могут. Опосредованные номинации могут обозначать не только субстантивные номинаты, но и другие элементы, и даже ситуативные номинации могут принимать опосредованную форму. Внутреннее содержание опосредованной номинации заключается в установлении тождественности (или нетождественности) данного номината с другим, который был или будет назван или известен говорящему (входит в общую для собеседников пресуппозицию). Это позволяет при именовании ограничиваться указанием на дополнительные признаки объекта, либо на грамматические признаки обозначающего его слова.

Опосредованной номинацией субстанций являются местоимения-существительные. Опосредованной номинацией качеств являются местоименные прилагательные *такой, другой, тот же самый*. Местоименно-прилагательные ука-

зательные (*этот, тот*) и притяжательные (*мой, твой*) обозначают не только качества объекта, но и сам объект по его отношению к участникам речи. Соответственно опосредованной номинацией обстоятельств, отношений и качеств действия являются местоименные наречия (*здесь, туда, там, тогда*), наречные предлоги (*впереди, позади, кругом*), употребляемые без существительного, наречия *так, так же, по-другому, по-своему* (*он сделал это по-своему*) и другие. Во многих языках имеются способы опосредованной номинации самого действия (местоименный глагол *to do* в английском языке, *le faire* во французском). Кроме того, для опосредованной номинации во всех языках употребляются глаголы, которые обозначают идентичность или неидентичность действия (*подражать, повторять, сделать, что сказано, послушаться*), его осуществление (*достичь, суметь, выполнить*), субъективное отношение к действию (*отказаться, согласиться*), его протекание (*начать, кончить, продолжать*). Они могут обозначать любое конкретное действие, если таковое уже известно из контекста или ситуации. Благодаря им избегается повтор глагола, как благодаря местоимению — повтор существительного. Например: *Доктор разинул рот, хотел было что-то сказать, но не сказал ничего* (Чехов). *Le docteur voulut dire quelque chose, mais n'y parvint pas*. В переводе во втором случае употреблен глагол (букв. 'не смог этого сделать'), точный смысл которого опосредован лишь соотносительностью с предыдущим обозначением того же действия.

И, наконец, существуют способы опосредованной номинации целой ситуации, позволяющие избежать повтора всего предложения. Они включают глаголы общесобытийного значения типа *происходить, случаться, обстоять, иметь место* и т. п. Таковы обороты: *То же случилось с... (в...)*; *То же имело место с...*; *Также обстоят дела с...* Опосредованная номинация события может осуществляться транспонированной формой — существительным: *Такой же случай произошел с...*; *s'est le cas de...*, местоимениями, замещающими целое предложение: *это, то*.

Среди трех отмеченных оппозиций ядерными, исходными следует считать *расчлененные, самостоятельные и непосредственные* номинации, которые характеризуются отдельностью, несвязанностью, способностью самостоятельно и отдельно

обозначать номинат. Их противочлены в оппозициях: нерасчлененные, несамостоятельные и опосредованные номинации являются вторичными, производными. Их общим свойством является связанность, то есть неспособность обозначать объект отдельно от другого объекта (у нерасчлененных), независимо от обозначения другого объекта (у несамостоятельных) и независимо от предыдущего знания данного объекта (у опосредованных). Формально это свойство проявляется в том, что они не могут составлять ответ на вопрос, который является простейшим и наиболее явным способом употребления языкового элемента с целью номинации:

	Приемлемый ответ	Неприемлемый
— <i>Что с тобой?</i>	— <i>Мне больно.</i>	* — <i>Ай-ай</i> (нерасчлененная номинация)
— <i>Куда это полужить?</i>	— <i>В шкаф.</i>	* — <i>В.</i> (несамостоятельная номинация)
»	»	* — <i>Внутри</i> (опосредованная номинация)
— <i>Кто это?</i>	— <i>Вася.</i>	* — <i>Он</i> (то же).

Опосредованная номинация становится возможной, только если объект известен из ситуации. Вместе с тем отмеченные три типа оппозиции показывают постепенное ослабление связанности номинаций, которую схематически можно представить так:

1. Нерасчлененная номинация АВ
2. Несамостоятельная номинация А В
3. Опосредованная номинация А _ _ _ В

В первом случае признак А при восприятии и обозначении вообще не отделяется от признака В. Во втором случае он имеет собственное обозначение, которое, однако, может употребляться только вместе с номинантом В. В последнем — его обозначение может употребляться отдельно, но семантически соотносится с номинантом и,

следовательно, осуществляет свою номинативную функцию через связь с номинантом В.

Б. Внутренняя форма номинации определяется тем признаком, который выбирается в качестве различительного и кладется в основу наименования.

Признаки эти чрезвычайно разнообразны и определяются физическими свойствами предмета, его отношениями к другим предметам, так же как и отношением субъекта номинации к нему. Здесь различаются следующие оппозиции:

а) *о б о б щ е н н а я / и н д и в и д у а л и з и р у ю щ а я* номинации. Они определяются степенью индивидуализации тех признаков, которые выделяются при обозначении, а также — в речи — объемом понятия, под которое подводится именуемый объект. Языковые системы прежде всего различаются объемами формируемых номинаций, а внутри системы — обозначения, которые можно использовать по отношению к одному и тому же объекту, также различаются по объему. Здесь можно напомнить известные примеры. Русск. *река* охватывает значение франц. *fleuve* (река, впадающая в бассейн) и *rivière* (река, впадающая в другую реку); *часы* соответствуют франц. *montre* (наручные), *pendule* (настенные), *horloge* (башенные); франц. глагол *couper* охватывает значение русск. *рубить* (топором), *резать* (ножом), *стричь* (ножницами). В одном из языков не фиксируются дополнительные дифференцирующие признаки, указанные в скобках.

Различие в объеме номинаций отмечаются и внутри языка, где часто можно найти гипероним (номинация широкого значения) и гипоним (номинация узкого значения). Например, глагол *прибыть* — по отношению к гипонимам *прийти*, *приехать*, *прилететь*, дифференцирующим способ передвижения.

Различие в объеме особенно характерно для речевых номинаций, где один и тот же объект может быть подведен под понятия разного объема. Например, о приехавшем на работу начальнике можно сказать: *Иван Петрович уже приехал* или *Начальник уже прибыл*; во втором случае и само лицо, и его действие получает более обобщенное обозначение.

Индивидуализирующая (узкая) номинация является более сложной по семантической структуре, чем обобщенная (широкая), так как она основана на сочетании

разных признаков. Так, глагол *прибывать* указывает только на направление движения, глагол *ехать* — только на способ передвижения, тогда как глагол *приехать* отмечает оба эти признака движения и выступает как более сложная номинация.

В отношении событийной номинации также может иметь место выбор между упрощенным и осложненным обозначениями. Так, фраза *Ко мне пришли гости (друзья)* содержит дополнительные элементы сообщения по сравнению с неопределенно-личным высказыванием *Ко мне пришли;*

б) квалификативная / релятивная номинация. Эта оппозиция касается не степени индивидуализации признаков или их числа, но характера самих отбираемых признаков. Разнообразие признаков, по которым могут быть названы объекты, бесконечно. Признаки эти могут быть, по отношению к сущности предмета, существенными и несущественными, собственными и несобственными, отделимыми и неотделимыми²⁴, но эти различия нерелевантны для номинации: предмет может быть назван как по существенным, так и по несущественному своему признаку. Определить самые общие типы реальных признаков предметов можно, лишь обращаясь к самым общим условиям существования объектов. Как известно, всякий объект существует в двух координатах — времени и пространства. Различение предметов и их классов может производиться на основе этих двух координат, в связи с чем формируются два основных типа признаков: собственные и относительные²⁵.

К собственным признакам относятся форма, цвет, протяженность, устройство, размеры, поведение и тому подобные признаки, отличающие предмет от других предметов данного класса. Относительные признаки отражают связи данного предмета с другими, часто относящимися к иному классу (пространственные отношения, последовательность, принадлежность, функции и т. п.). В русск. названии *обои* отражается относительный признак пред-

²⁴ См. Н. И. Кондаков. Введение в логику. М., 1967.

²⁵ Подробнее об этом см.: В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики», 1972». М., 1973, стр. 359—364; *Он же*. К проблеме соотношения языка и действительности. ВЯ, 1972, № 5, стр. 17—18.

мета, его назначение; во франц. *parier peint* — его собственный признак (внешний вид). Оба основных признака часто сосуществуют в номинации. В глаголе *рубить* имеется относительная сема, указывающая на характер воздействия на предмет, и собственная, квалифицирующая, указывающая на способ совершения действия. В словах *вчера, сегодня, завтра* квалифицирующая сема указывает на длительность периода (24 часа), относительная — на отношение данного периода к моменту речи. В терминах родства квалифицирующая сема указывает на пол лица, относительная — на различные отношения родства. По выделяемому признаку номинации могут, следовательно, быть квалификативными, релятивными и смешанными. Это различие касается и речевых номинаций. Одно и то же лицо может быть обозначено квалификативной номинацией (*молодой человек, студент, высокий блондин*) и релятивной (*мой сосед, сын нашей знакомой*). Способность соотноситься с одним и тем же денотатом приводит к затуханию тех или иных сем и переходу квалификативной номинации в относительную. Так, слова *мальчик, старик* указывают на собственные признаки объекта (возраст, пол), слова же *сын, дедушка* сочетают собственный признак (пол) с относительным (показывает, чей родственник и по какой линии). Однако, слово *мальчик* может употребляться как синоним слова *сын*, приобретая сему относительность (в обыденных фразах *Это ваш мальчик? Вон идет женщина с мальчиком* имеется в виду, что мальчик является сыном соответствующего лица). С другой стороны, слово *дедушка*, утрачивая сему относительности, становится синонимом слова *старик*.

Ситуативная номинация также может основываться на выделении собственного признака и отношения. Ср. *Она болеет* и *Elle fait une grave maladie*; *Она улыбнулась* и *Elle eut un sourire*. Надо отметить, однако, что и здесь сема отношения ослаблена и все французское словосочетание выступает как расчлененное выражение состояния или манифестации субъекта.

В. С в я з ь с т р у к т у р ы н о м и н а ц и и
с о б о з н а ч а е м ы м н о м и н а т о м

Этот аспект в типологии номинаций, обычно называемый мотивированностью языкового знака, различает типы номинаций в зависимости от того, насколько их структура указывает на обозначаемый номинат. Общая типология

мотивированности номинации включает следующие оппозиции:

а) мотивированная / немотивированная номинация. Обычно все сложные номинации являются мотивированными. Простые номинации могут быть мотивированными в двух случаях: а) при абсолютной номинации (см. ниже); б) при переносе значения языкового элемента. Например, слово *стол* в своем прямом значении в современном языке немотивировано, но в переносном — «еда» — мотивировано метонимической связью данного с прямым значением слова.

Речевые номинации должны рассматриваться как мотивированные отбором определенного признака у номината.

Все ситуативные номинации являются мотивированными, если они не однословны или не представляют собой устойчивых демотивированных формул.

Среди мотивированных номинаций различаются следующие типы:

а) абсолютно / относительно мотивированные номинации. В первом случае наименование непосредственно обусловлено звуковой формой (сюда относят оноματοпеи и некоторые другие языковые явления). Во втором — значение связывается с формой номинации через посредство других номинаций, которые сами по себе могут быть немотивированными. Например, в слове *стол-овая* первая часть мотивируется связью со словом *стол*, вторая — отношением к опущенному слову *комната*. Оба этих мотивирующих слова сами по себе являются немотивированными;

б) полностью / частично мотивированные номинации. В первом случае мотивированы все части языкового элемента, во втором — нет (ср. известный пример *виш-ина* и *бужен-ина*);

в) прямо / косвенно мотивированные номинации. В первом случае мотивирующие элементы встречаются в языке как отдельные номинации (с учетом их грамматического оформления). Ср. *лед-о-ход*, *в-бить*; во втором — данный элемент отдельно не существует, его значение определяется через сопоставление ряда номинаций, в состав которых он входит: *вы-бить* (ср. *вы-бежать*, *вы-ставить*); *из-вергать* (ср. *с-вергать*, *в-вергать*, *от-вергать*). Отдельно элементы *вы-* и *-вергать* не существуют, но из сопо-

ставления вытекает, что *вы-* обозначает движение изнутри наружу, а *-вергать* обозначает действие, близкое к тому, что обозначается глаголом *бросать*;

Условно / слабо информативно мотивированные номинации. Хотя признаки, берущиеся в основу номинации, могут быть любыми, все же они неравноценны с точки зрения информативности и практического удобства, вследствие чего закономерности и прагматические стороны внутренней формы наименования обсуждаются в таких прикладных разделах лингвистики как терминология, формирование «товарных знаков», топонимика (наименование географических объектов) и другие. Информативность номинации, т. е. та информация, которую она сообщает о номинате и об общей ситуации номинации, зависит от того, какие признаки избираются при наименовании. Если с этой точки зрения рассмотреть описанные выше оппозиции внутренней формы номинации, то индивидуализирующие номинации окажутся более информативными, чем обобщающие, осложненные — более информативными, чем опрощенные. Это не значит, однако, что более информативные номинации оказываются всегда более удобными в практике. Как раз в ономастологическом аспекте, при ясности ситуации, номинации более обобщенного характера, с меньшими ограничениями использования, нередко оказываются более удобными. Поэтому в разговорной речи получают широкое употребление такие субституты номинаций, как *штука*, *штукови-на*²⁶, фр. *chose*, *machin*, *bidule* и т. п. Что касается оппозиции квалификативные/релятивные номинации, то здесь можно выделить три степени в отношении информативности.

1) Наиболее слабо информативными являются номинации, при которых объекты обозначаются цифрами, буквами, даже если эти обозначения отражают порядок номинатов в хронологическом, пространственном, престижном или каком-нибудь ином отношении. Такая номинация может быть отнесена к релятивным, но мотивированным лишь внешними отношениями данного объекта среди других объектов того же класса. Таковы, например, названия грамматических форм *Partizip I* и *II*, *Futurum*

²⁶ См. описание подобных «слов-указателей» в кн.: «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 451.

I и II в немецком языке. Такие наименования точны и удобны, но по своей низкой информативности они приближаются к немотивированным именам собственным.

2) Более информативными являются квалификативные обозначения, основанные на очевидных внешних признаках предмета, но они не раскрывают сущности объекта, и поэтому значение их непосредственно не вытекает из формы наименования (как и в предыдущем случае). Таковы, например, названия *ing-form* в английской грамматике, *простое* и *сложное время* во французской.

3) Наиболее информативными оказываются релятивные номинации, исходящие из функций, назначения объекта, его позиции в системе объектов (но осознаваемой содержательно, а не формально, как в пункте 1). В этом случае мотивация отражает в большей степени внутреннюю сущность объекта. Таковы наименования *единственное* и *множественное число* в грамматике; однако, такое обозначение не лишено недостатков и трудностей. Во-первых, существенный признак может быть определен неправильно или не быть ясным для говорящего, в связи с чем такое обозначение может оказаться неточным или нечетким для слушающего (и говорящего). Во-вторых, в силу того, что именуемый объект может иметь много разных употреблений, существенное обозначение может в некоторых ситуациях оказаться несоответствующим новому существу объекта и неправильно отражать эту новую сущность. В обоих случаях обозначение утрачивает свою содержательность, а, следовательно, и мотивированность; в этой ситуации проявляется тенденция заменить такое обозначение более формальным (см. п. 1 и 2), как более ясным для говорящих. Итак, мотивация квалификативная легка для усвоения, охватывает все случаи употребления предмета, но не дает информации о его сущности (функции). Мотивация релятивная лучше отражает сущность предмета, но в силу полифункциональности последнего может оказаться «неподходящей», демотивироваться.

В заключение раздела о мотивированности номинации подчеркнем еще раз, что и ситуативная номинация — высказывание обладает внутренней формой²⁷, которая основывается на отборе в описываемом отрезке действи-

²⁷ См. подробнее: В. Г. Гак. Высказывание и ситуация, стр. 366—372.

тельности объектов и их признаков, на установлении отношения между ними и определении исходного пункта высказывания. Эти аспекты ситуации, однако, тесно взаимосвязаны и нередко выбор объектов и их признаков уже предопределяет общий семантический тип используемой формы предложения. Вот некоторые примеры. *Петр сидел и работал. Вдруг он услышал звонок (вдруг раздался звонок)*. Воспринимающее лицо присутствует в ситуации в обоих случаях, но в первом оно обозначено в высказывании («отобрано» говорящим при построении высказывания), во втором (*вдруг раздался звонок*) — нет, оно подразумевается. В первом случае событие подводится под общее значение «отношение» (точнее «слуховое восприятие»), во втором — под общее значение «проявление, манифестация» предмета (*звонок — раздался*). Фраза *Он гриппует* изображает процесс как состояние, у него грипп — как отношение, связь субъекта с объектом, *Он болен гриппом* — одновременно и как состояние (*Он — болен*) и как отношение (*болен — чем?*).

В целом, однако, релятивный признак оказывается более существенным и чаще используется при номинации, чем квалификативный. Так, материалы книги «Русская разговорная речь» показывают, что при необходимости обозначить предмет говорящий чаще апеллирует к этим признакам. Из 13 окказиональных наименований для вантуза в основе одного лежит внешний вид предмета (*груша*), у другого — материал (*резинка*), у всех же остальных — назначение или функция (отглагольное наименование). В предложении слова, обозначающие собственные признаки предмета или действия, чаще оказываются избыточными, чем слова, обозначающие отношения. Это объясняется, возможно, тем, что отношения предметов более разнообразны и менее «запрограммированы», чем их свойства. В предпочтении релятивных номинаций отражается также и то, что пользование языком неразрывно связано с практической деятельностью человека.

VI. Субъект номинации и адресат. Обозначение объекту дает говорящий, но выбор им формы номинации отражает не только отношение субъекта к объекту, но отношение субъекта к адресату, общие условия речевого акта, а также отношение адресата к предмету речи. Адресат непосредственно в данном акте номинации не участвует, но он — необходимый компонент акта речи,

без него язык не выполняет своей коммуникативной функции, — и его отношение к объекту и к самому говорящему опосредовано говорящим. Таким образом, в параметре «участники акта речи» можно выделить три типа характеристик номинации, отражающие: а) отношения между номинатором и адресатом (условия речи); б) отношение номинатора к объекту; в) отношение адресата к объекту.

А. Корреляция г о в о р я щ и й — а д р е с а т отражает социальный аспект акта речи, его внешние условия и формирует оппозицию о б щ е у п о т р е б и т е л ь н а я / с о ц и а л ь н о о т м е ч е н н а я н о м и н а ц и я. Последняя принадлежит к определенному функциональному стилю или к определенным условиям общения. В элементарных номинациях она выражается особыми стилистическими синонимами, ср. *надеяться — уповать; лечить — врачевать*. Социально отмеченные номинации часто оказываются одновременно и экспрессивно окрашенными.

Событийные номинации социальную отмеченность передают отбором специфических слов, конструкций, а также формами вежливости. Последние формируются часто путем косвенного употребления номинативных слов. Так, во фразе *Скажите, как пройти туда-то* избыточное *скажите* выполняет фактическую функцию (установление контакта с собеседником на определенном уровне вежливости).

Б. Отношение номинатора к объекту может быть 1) объективным; 2) оценочным; в том числе: а) рациональным; б) эмоциональным.

1) Объективное отношение номинатора к номинату лежит в основе формирования релятивных номинаций, о которых шла речь выше. Так, одну и ту же женщину ребенок назовет *мама, муж — моя жена*.

2а) Рациональная оценка формирует значения уверенности/неуверенности; определенности/возможности и т. п. В элементарных номинациях она проявляется в оппозиции точная (прямая)/приблизительная номинация. Последняя используется, когда говорящий не может идентифицировать объект или не знает (либо забыл) его точное наименование. Приблизительная номинация может быть семантически опрошенной, абстрактной (вместо конкретного наименования употребляются слова типа *штуковина*,

вещь и т. п.), либо, наоборот, избыточной, состоящей из ряда «неточных наименований», стремящихся уточнить, о чем идет речь, или же из пространного описания. Вот чеховский персонаж пытается объяснить, что за животное он поймал: — *Намеднись в пруде я решетя мыл и поймал такую вот, с палец, гадючку с зебрами и хвостом. Спервоначально думал, что оно рыба, потом, гляжу — лапки есть. Не то она рыбина, не то гадюка, не то чорт его разберет, что оно такое.*

В языке существуют специальные знаки приближенности номинации, слова типа *нечто, не то это, вроде, пожалуй, своего рода, какой-то, такой* и другие, которые еще плохо изучены, но которые можно было бы назвать модальными словами частичных (лексических) номинаций.

В событийных номинациях рациональная оценка передается формами модальности (модальные слова, глагольные наклонения).

2б) Эмоциональная оценка проявляется в оппозиции нейтральная/экспрессивно окрашенная номинация. Последняя характеризует положительное или отрицательное отношение номинатора к объекту. В элементарных номинациях она обозначается особыми синонимами: *упасть — шлепнуться, бросить — швырнуть, служба — служение, отрезать — отхватить, оттяпать* и т. п. В событийных номинациях она выражается выбором слов и конструкций, интонацией, а также модальными словами (*к сожалению, к счастью*).

В. Корреляция адресат — номинат, опосредованная номинатором, имеет те же три проявления и часто формирует косвенные номинации, так как говорящий дает наименование не «от себя», а — путем переноса — с точки зрения собеседника или других лиц. Таким образом, отношение, выражаемое в номинации, может быть собственным и несобственным.

1) Объективное отношение адресата к объекту лежит в основе *несобственных релятивных номинаций*, при которых объект обозначается исходя из его отношения к адресату. Такие номинации обычно при обозначении третьих лиц. Например: *А что сказал тебе (твой) начальник?* Лицо получает обозначение с точки зрения собеседника, а не самого говорящего. Когда отец спрашивает у ребенка *Где мама?*, он прибегает к несоб-

ственной релятивной номинации (становясь как бы на место ребенка).

2) Рациональный аспект отношения собеседник — номинат проявляется в номинациях, отражающих информированность собеседника о предмете речи. В обоих типах номинаций — элементарных и событийных — это выражается в противопоставлении прямых номинаций избыточным или экономным (ситуативно-обусловленным).

Избыточные номинации в этом случае заключаются в повторении обозначения другими средствами, разъясняющими собеседнику, о чем речь.

Ситуативно-обусловленным номинациям свойственна экономия, компрессия, которая может быть двух родов: семантической и структурно-семантической. В первом случае более конкретная содержательная, семантически усложненная номинация заменяется абстрактной, родового значения, которая становится ясной собеседнику из ситуации.

И тотчас же на противоположном берегу задергал коростель. — Вот вам и соловей... — усмехнулся Савка... Дерг-дерг! — Мне нравится эта птица... — сказал я. — Ты знаешь? Во время перелета коростель не летит, а по земле бежит (Чехов).

Говорящий мог бы выразиться более точно: *Мне нравится коростель*, но он использует номинацию более широкого объема, поскольку знает, что в поющей птице его собеседник опознал коростеля.

Структурно-семантическая экономия заключается в одновременном опущении одного из компонентов словосочетания или высказывания, что ведет к переосмыслению других. Так обозначаются обычно известные собеседнику учреждения, места, предметы и т. д. Например, *Il travaille à Jules Verne (= au lycée Jules Verne), aux Lettres (= à la faculté des lettres), au Rex (= au cinéma Rex)*²⁸. Возможность ситуативно-обусловленного обозначения зависит именно от информированности собеседника.

В событийной номинации с параметром участник речи связан информативный аспект (актуальное членение) высказывания. Он отражает как информированность собе-

²⁸ G. Bernard. Redondance, répétition et récurrence. «Etudes de linguistique appliquée», № 5, Paris, 1967, стр. 22.

седника о событии, так и желание говорящего подчеркнуть (для собеседника) тот или иной элемент события. Здесь также возможны ситуативно обусловленные формы номинации (например, опущение темы высказывания, ясной для слушающего).

VII. Парадигматические типы номинации. Номинации, способные обозначать один и тот же объект, образуют парадигматический ряд. Они объединяются или на основе связей, существующих между их сигнификатами, или же общностью денотата в речи.

A. На уровне сигнификатов номинации объединяются логическими отношениями между понятиями, формирующими сигнификаты обозначений. В связи с этим исчисляются следующие пять основных типов семантических отношений между номинациями с их семантическими и структурными подтипами.

1. Равнообъемные синонимические номинации, отражающие отношения тождества. Синонимы могут быть семантическими, когда взаимозаменяются синонимические единицы (ср. *Лед пошел* и *Лед тронулся*) и структурно-семантическими, когда взаимозаменяются номинации разных структурных типов (развертывание, свертывание, транспозиция; ср. *Лед пошел* и *Начался ледоход*). Единицы низшего уровня нередко модифицируют свое значение при включении в единицы более высокого уровня. Благодаря этому закону интеграции слова, не являющиеся синонимами в языковой системе, могут синонимизироваться в составе словосочетаний (в том числе и фразеологических) и предложений.

2. Разнообъемные номинации, отражающие отношения включения, объединяют гиперонимы и гипонимы. Противопоставление гиперонимов и гипонимов идет по трем аспектам:

- а) широкие (абстрактные)/узкие (конкретные) обозначения;
- б) нейтральные/экспрессивные обозначения;
- в) общеупотребительные/социально отмеченные обозначения.

Таким образом, гипонимы образуются вследствие идеографической, эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической конкретизации.

Употребление гиперонима вместо гипонима — частое явление в речи, особенно при повторной номинации (см.

ниже). Частным видом употребления гиперонима вместо гипонима можно считать использование опосредованных номинаций (местоименная репрезентация). Гипоним употребляется вместо гиперонима, когда говорящий не может сразу найти общего обозначения. Нередко в этом случае называются два соподчиненных объекта, как представители всего класса объектов. Например: — *Не боюсь я Сибири... Сибирь — такая же Россия... Все там лучше... Рыбы, дичи этой самой — видимо-невидимо!* (Чехов). Два соположенных гиперонима *рыба, дичь* употребляются вместо гиперонима *живность*.

3. Соподчиненные номинации, отражающие логические отношения внеположенности. Взаимозамена таких номинаций проявляется в семантическом смещении. В речи смещение наблюдается в составе словосочетания, где собственные денотативные значения слов ослабляются, и они переходят в разряд гиперонимов. Особенно это характерно при варьировании фразеологизмов. В отдельных номинациях смещение имеет место в том случае, когда говорящий не знает точного обозначения объекта, и производит впечатление лексической ошибки или метафоры. Ср. пример из книги «Русская разговорная речь»: *спутники, соперники* (по обеду) вместо *сотрапезники*.

4. Антонимические номинации, основанные на отношениях контрадикторности, также взаимозаменяются в составе более крупной единицы (*Он там остался — Он сюда не пришел*), либо используются при отдельных номинациях — как выразительное средство (в частности, для создания эффекта иронии).

5. Переносные номинации, отражающие отношения перекрещивания между сигнификатами. Здесь различаются два подтипа:

а) метафорические обозначения, основанные на отношениях сходства;

б) метонимические обозначения, основанные на отношениях смежности. И в языке, и в речи особенно многочисленны метонимические обозначения.

Предмет метонимически может быть назван по своей части, по материалу, происхождению, локальным связям и другим признакам. Действие метонимически может быть обозначено через любой свой актант и сирконстант (субъект, объект, адресат, орудие, место, время, способ дей-

ствия). Метонимические обозначения очень часты в разговорной речи, в художественной литературе, например: — *Нонешние времена, это которое... суцая беда!* — лепечет *к о з л и н а я б о р о д к а в шапке с ушами...* — *Народу много расплодилось, — хрипит б о р о д а л о п а т о й* (Чехов). Они обнаруживаются при синонимических заменах высказываний и переходе от одного языка к другому. Ср.: *Le public a ri* (Camus). *В з а л е поднялся смех.* В русском переводе группа людей обозначена метонимически — через указание на место их нахождения. Метонимические обозначения, как отмечалось выше, часто сопровождаются опрощением в ситуативно-обусловленной номинации, а также структурными изменениями в соседних номинациях (ср. в приведенном примере *засмеялись* и *поднялся смех*: второе обозначение действия — расчлененное и среднее, тогда как первое — простое и активное).

Б. На уровне денотатов номинации объединяются кореферентностью — их соотносительностью с одним и тем же номинатом в данной конкретной ситуации. Их общая референтность вытекает не из логических отношений между понятиями, но из общности денотата, разные признаки которого они фиксируют. Такие номинации можно назвать *р а з н о а с п е к т н ы м и*. Всякий объект обладает бесчисленным количеством признаков, свойств, связей, отношений, и он может получить разные названия в зависимости от того, какие из признаков избираются как различительный признак наименования. Здесь важную роль играет активность именуемого субъекта (номинатора), который из ряда наименований, предоставляемых объектом (ситуацией) и возможностями данного языка, избирает то, которое соответствует признаку выделяемому субъектом в объекте. Так, один и тот же человек может быть обозначен словами *пожилой мужчина* (по возрасту), *этот преподаватель* (по роду занятий), *высокий мужчина* (по внешним признакам), *наш сосед* (отношение к именуемому) и т. п. Во фразе: *Ливень размыл жилища муравьев; насекомые встревоженно снуют по грязи и хлопочут около своих утонувших сожителей* (Чехов), в первом случае использована прямая номинация, во втором — косвенная, абстрактная, связанная с первой отношением включения. Третье обозначение логически не связано ни с понятием «муравей»,

ни с понятием «насекомое». Оно отражает отношения между этими муравьями: то, что они оказались из одного муравейника. Итак, разные номинации отражают разные аспекты объекта: первые две — его биологические признаки, третья — признак совместного проживания (который мог бы относиться и к другим объектам) ²⁹.

Разноаспектные номинации делятся на две большие группы, о которых говорилось выше: квалификативные и релятивные.

Выделение различных аспектов объекта может влиять и на выбор грамматических средств. Одно и то же действие может рассматриваться в процессе его осуществления и с точки зрения его результата. В первом случае употребляется форма прошедшего времени, обозначающая действие в его завершении, во втором случае — настоящее время, обозначающее состояние, как результат действия. Ср.: *Он уже пришел сюда* (действие, процесс) и *Он уже здесь* (состояние, результат). Одна и та же совокупность множества однородных предметов может восприниматься именно как совокупность, как масса, или же как множество отдельных предметов, в связи с чем она может быть обозначена собирательным существительным в форме единственного числа или счисляемым существительным в форме множественного числа. Ср. *Листва на деревьях уже пожелтела* и *Листья на деревьях уже пожелтели*. В рассматриваемом случае при наименовании языковые средства используются в их прямых первичных функциях и взаимозамена их объясняется исключительно разным «видением» данного объекта.

VIII. Синтагматические типы номинаций. В речи конкретный выбор номинации зависит не только от тех парадигматических факторов, которые рассматривались выше, но от взаимосвязи наименований. С этой точки зрения все номинации можно делить на автономные, не обусловленные синтагматическими отношениями, и неавтономные, обусловленные синтагматически.

Автономная номинация. Она не зависит от других номинаций в высказывании и может принимать

²⁹ Разноаспектные номинации можно было бы трактовать как частный случай пересечения понятий при обозначении объектов в конкретных ситуациях.

любую форму под влиянием тех факторов, о которых говорилось выше. Единственное требование к автономной номинации — ее ясность для слушающего. Поэтому особое значение приобретают *п е р в и ч н ы е* номинации — первое обозначение данного лица или предмета. Особое значение имеет номинация лица: у предмета меньше особенностей, он менее разнообразен и в своих разновидностях и проявлениях, и его достаточно обозначить его видовым названием. Разнообразии лиц более существенно, и здесь выявляется ряд закономерностей. В тексте первичное обозначение может опираться на внутритекстовые или ситуативные смысловые связи. Первичное обозначение в абсолютном начале (зачине) повествования лишено такой опоры. Поэтому при первичном обозначении лица релятивная номинация может быть использована только внутри текста: *В селе Райбуже... стоит двухэтажный дом... В нижнем этаже живет со своей семьей сам х о з я и н, Филипп Иванов Кашин* (Чехов). В зачине, как правило, используется квалификативная (классификационная) номинация, указывающая на класс лиц, входящих в пресуппозицию адресата. Так, другие рассказы Чехова начинаются обозначениями: *помещицек Трифон Семенович, мельник Алексей Бирюков, лакей при московской гостинице «Славянский базар»* и подобными, обозначающие классы людей и профессии, известные слушающему. Лицо может определяться по другим признакам (город, откуда оно прибыло, особенности внешнего вида и т. п.). Широкое обозначение сопровождается определением *один/один человек...*³⁰ Следует подчеркнуть, что определения *один, некий* в русском языке обычно употребляются при указании на неизвестного представителя известного собеседнику класса предметов. Зачин вроде *Один подеста...*, который мы встречаем в «Фაცетиях» П. Браччолини, окажется невозможным в русской сказке, ибо самый класс предметов должен входить в пресуппозицию слушающего.

Абсолютно первичное *п а и м е н о в а н и е* события содержит также неопределенные указатели, по временного (и реже — пространственного) характера; значения всех частичных номинаций при этом слушателю

³⁰ См. Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Автореф. докт. дисс. М., 1975, стр. 3.

известны, неизвестным, новым оказывается сам факт, что и отмечается указателями типа: *однажды, как-то раз, как-то, где-то* и т. п. Вот, например, зачины рассказов Барона Мюнхаузена (субъект действия всюду — сам автор, денотативная сторона не содержит неясностей для слушающих): *Иду я как-то летом, а навстречу мне волчица; О д н а ж д ы у т р о м, подойдя к окну, я заметил на пруду диких уток.*

Н е а в т о н о м н а я н о м и н а ц и я бывает двух подтипов:

1. П о в т о р н а я н о м и н а ц и я, при которой называется предмет или явление, уже названные ранее. Поскольку номинат уже назван, то повторная номинация может в ряде случаев не нести идентифицирующей функции, что создает условия для варьирования повторных номинаций и выражения с помощью их различных экспрессивных оттенков. Итак, при повторной номинации принимается во внимание другое наименование того же объекта в контексте. Сочетание двух (или более) номинаций создает дополнительные типы специально для повторной номинации³¹. Среди них отметим:

а) в отношении формы номинанта: и д е н т и ч н а я (во втором случае номинат получает то же обозначение) и в а р и а т и в н а я (второе обозначение отличается от первого);

б) в отношении к номинатору: о д н о ф о к у с н а я (наименование дается тем же субъектом) и р а з н о ф о к у с н а я (наименования даются разными номинаторами);

в) в отношении расположения можно различать номинации д и с т а н т н ы е (они разделяются другими высказываниями) и с о п р я ж е н н ы е (они следуют непосредственно друг за другом). Номинативная функция сопряженной номинации ослаблена (предмет только что упомянут), и к ней часто на первый план выступает эмоционально-оценочное значение.

В семантическом отношении повторная номинация дает возможность максимально варьировать способ наименования, в связи с чем в ней помимо прямой номинации (имя собственное, имя нарицательное, конкретное) могут быть

³¹ См. подробнее: В. Г. Гак. Повторная номинация и ее стилистическое использование. «Вопросы французской филологии». М., 1972.

использованы все типы косвенной номинации (абстрактная, местоименная, переносная, экспрессивно-окрашенная) и все разновидности разноаспектных номинаций (в частности, релятивные номинации);

г) взаиморасположение семантических типов побуждает выделить еще одну типологическую оппозицию: р е п р и з у (косвенное обозначение следует за прямым) и а н т и ц и п а ц и ю (косвенное обозначение предшествует прямому).

Прямой или косвенный характер обозначения определяется нередко его местом в цепи номинаций. В рассказе Чехова «Мечты» персонажи (двое сотских и конвоируемый ими бродяга) последовательно получают различные наименования. Обозначение *сотские* в начале рассказа — прямая номинация абстрактного характера, указывающая на социальную группу, к которой принадлежит номинат, затем она сменяется конкретной и тоже прямой номинацией — именами собственными; после этой конкретной номинации употребление абстрактной является уже косвенной номинацией. При обозначении конвоируемого, после того как выяснилась его социальная характеристика (*бродяга*), последующие новые номинации — косвенные и служат или для экспрессивной характеристики лица (*жалкий человек*) или же раскрывают взаимоотношения персонажей (*спутники*).

Обычная последовательность номинаций в речи такова: абстрактная (гипероним: общее название человека, обозначение его по полу, возрасту, профессии и т. п.) — местоименная — конкретная (гипоним: имя собственное или имя нарицательное более узкого значения). Употребление гиперонима после гипонима следует рассматривать как антиципацию, косвенную форму номинации. Например: *Бродяга медленно поворачивается в сторону Никандра, и блаженная улыбка исчезает с его лица. Он глядит испуганно и виновато на степенное лицо сотского* (Чехов). Еще более яркий случай антиципации — препозиция местоимения, которая может использоваться в стилистических целях, а в некоторых языках и как грамматическое средство выражения подчиненности препозитивной придаточной части предложения. Например, во французском: *Quand il sortit du bain, Archimède cria: Eureka!*³²

³² См. *G. Faconnier*. Указ. соч., стр. 16—20.

Различные типы семантических соотношений повторных номинаций характерны не только для обозначения элемента ситуации, но и для ситуации (события) в целом. Различия эти особенно становятся наглядными при сравнении реплик диалога, когда разные лица говорят об одном и том же, а также при сравнении текста и его перевода на другой язык, когда одно и то же событие описывается средствами родного языка. Здесь мы находим те же отношения, что и при сопоставлении элементных номинаций!

Отношения т о ж д е с т в а. Событие описывается синонимическими средствами, обычно развернутая номинация одного из элементов ситуации чередуется с простой.

— *Alors? Vous faisiez la conversation avec César?* — *Eh oui, nous parlions* (Pagnol).

Отношение в к л ю ч е н и я. Сужение при переходе от первичной номинации к повторной встречается очень часто, это один из характерных элементов динамики диалога, так как в разговоре происходит прояснение, уточнение ситуации. С другой стороны, может иметь место и расширение при повторном обозначении.

В структуре текста иногда проявляется такая закономерность: при запросе информации событие обозначается в общей форме, затем следует конкретизация, после чего — когда уже ясно, о чем идет речь — снова создается возможность для возвращения к общей форме выражения. Например:

— *Что такое, — спрашивает она. — Что это там делают?* — *Утоплого человека откачиваем!* — *Боже мой!* — *ужасается барыня.* — *Они утопленника откачивают!* *Этьен, — обращается она к приказчику, — подите скажите им, чтобы они не смели этого делать* (Чехов).

Нередко абстрактная номинация события осуществляется использованием упомянутых выше глагольных местоименных заместителей, как например, *en faire autant* в следующем французском переводе:

Очередь напряженно *следила* за ними. Я тоже *следил* и забыл о Сергее (Аксенов).

Les gens de la queue les surveillaient attentivement. Oubliant Serge, je me suis mis à en faire autant.

При повторном наименовании некоторые уже известные элементы ситуации могут не обозначаться или выражаться в наиболее обобщенной форме. Так, вместо кон-

кретного времени употребляется немаркированная форма настоящего, вместо указания на определенное лицо — неопределенно-личная или безличная форма.

Наиболее отвлеченной формой выражения действия является инфинитив и особенно — отглагольное существительное, показывающее действие в самом общем виде, без соотнесенности с субъектом и объектом. Наиболее отвлеченной формой предложения являются экзистенциальные предложения, в частности, номинативные. Не случайно при ясности ситуации в цепи номинаций в русском языке используется именно эта форма организации высказывания. Ср. *Кто его знает, я не пробовап, нужды не было* (= я не нуждался) (Иванов); *Забывать уж стал ведь тебя... И вдруг — встреча!* (= мы встретились) (Иванов).

Отношение пересечения. Оно объединяет высказывания, обозначающие факты, между которыми существуют отношения смежности, причинно-следственные и т. п. Например: — *Нездоров я. В голове того... туманится. Мысли мутятся* (Чехов). Первое высказывание — гипероним по отношению к следующим двум, которые уточняют, в чем заключается нездоровье. Сами эти высказывания синонимичны, но их обозначаемые находятся в отношении содержащее/содержимое, образуя метони-мию.

Разноаспектные номинации. При описании событий можно отметить два типа разноаспектных номинаций, которые можно назвать статическими и динамическими (позтапными). Первые связаны с тем, что всякое событие может быть расчленено на ряд сосуществующих одновременно элементов (пространственная координация). Вторые — с тем, что всякое событие может быть расчленено на ряд сменяющих друг друга этапов (временная координация).

Статические разноаспектные номинации могут касаться как отдельных элементов (это рассматривалось выше), так и целых ситуаций. В последнем случае они состоят в том, что выделяются и получают специальное выражение разные стороны события. Например, рубка леса предполагает следующие компоненты: само действие (рубка), действующие лица (дровосеки), орудие (топор), объект (деревья). Действие может быть обозначено по любому из этих признаков, например: *Я слышу как рубят лес; как работают дровосеки;*

стук топора; я вижу, как падают деревья. Вот примеры из переводов, показывающие реальную возможность обозначения события через разные его стороны:

Elle avait cru entendre des *bûcherons*.

Il y a des *bûcherons* sur notre droite, pas très loin d'ici (Clavel).

Ей почудился *стук топора*.

Справа от нас, не очень далеко, *рубят лес*.

Во французском тексте в обоих случаях событие обозначено метонимически через действующее лицо (*bûcherons* — *дровосеки*), в русском в первом случае через орудие (*стук топора*), во втором — через само действие с объектом (*рубят лес*). Можно отметить, что французские номинации в обоих случаях являются косвенными, конденсированными. Предмет (*дровосеки*) прежде всего воспринимается зрением (ср. *он увидел дровосека*), тогда как слуховое ощущение связано с действием или проявлением данного предмета (*Он услышал стук топора*).

Динамические разноаспектные (точнее разноэтапные) номинации связаны с тем, что отмечаются разные этапы в одном и том же процессе. Так, чтобы написать что-либо авторучкой, надо выполнить по крайней мере два действия: 1) взять ручку; 2) снять с нее колпачок. Общее действие метонимически может быть обозначено через описание любого из этих этапов:

Il faut que je trouve cette idée, se dit-elle *en dévissant son stylo* (Beauvoir).

Я должна найти эту идею, говорит она себе, *беря ручку*.

Экспрессивно-оценочные номинации. В повторных номинациях нередко проявляется эксплицитно оценка говорящими соответствующего события. В диалоге оценка часто обозначается особым предложением, причем формально она выражается в выборе сказуемого — *Juliette se marie? demandait-on à sa mère. C'est un événement? — Un accident*, rectifiait Sido (Colette).

Отношения соподчиненности обнаруживаются между событийными номинациями, которые описывают отдельные проявления общего свойства, качества. Так, «делать то-то» значит делать А, Б, В и т. д. Соотношения между процессами А — Б — В и есть отношения соподчиненности, причем в данной ситуации Б могло

бы заменить А, В совсем отсутствовать, т. е. все эти номинации проявляют себя как повторные обозначения одного и того же признака: что значит «делать то-то». Например: *И живу по писанию... Людей не забиваю, плоть содержу в чистоте и целомудрии, посты соблюдаю, кушаю во благовремени* (Чехов). Между четырьмя последними высказываниями отношения соподчиненности, причем все они — гипонимы по отношению к гиперониму — первой фразе.

2. Синтагматически обусловленная номинация. В этом случае номинация избирается в зависимости от наименования другого номината, синтаксически и семантически связанного с данным объектом. В выборе номинаций проявляется та синтагматическая зависимость знаков, которую Ш. Балли называл произвольным взаимным обусловливанием: форма одного из сопряженных знаков требует определенной формы и другого. Взаимное обусловливание может быть формальным или семантическим. Формальным оно является во фразеологических предложениях, где норма языка требует определенной формы номинации. Например, по-французски говорят *chercher la bagarre* 'искать ссоры, драки', тогда как по-русски — *лезть в драку*. На семантическом уровне взаимное обусловливание проявляется в семантическом согласовании в речи: слова в речи подбираются таким образом, чтобы они содержали общий семантический компонент. Семантическое согласование опирается на устойчивые предметные отношения, описываемые в высказывании, на предварительное знание говорящих о них, т. е. на их пресуппозицию. У каждого объекта существует типичный, нейтральный способ проявления в определенной ситуации. Так, обычный способ передвигаться для человека — *идти*, для транспортного средства — *ехать*, для воды — *течь*, для птиц — *летать*, для змей — *ползти* и т. п. Обычный звук, издаваемый собакой, называется *лай*, коровой — *мычание*, человеком — *разговор*, движущейся листвой — *шелест*, обычное положение, занимаемое зданием, — вертикальное (*стоять*), картиной — *повешенное* (*висеть*), человека у стола — *сидячее*, в постели — *лежащее* и т. п. Поскольку эти предметные отношения заранее известны говорящим, то они могут специально не обозначаться в высказывании, в связи с чем последнее может иметь двоякую форму: более отвлеченную и более конкретную, причем семантичес-

кой разницы между ними нет: ср. *На краю деревни была школа = ... с т о я л а школа*; *Змея поползла (д о б р а л а с ь) д о своей норы*; *Он перешел (п е р е с е к) улицу*. Мы видим, что здесь форма сказуемого семантически обусловлена характером подлежащего. Ср. *За столами были люди (= за столами с и д е л и люди)*. При необходимости обозначить специфическое, нестандартное, не входящее в пресуппозицию, глагол устранен быть не может. Ср. *На краю деревни в ы с и л а с ь школа* (подчеркивается, что она была выше окружающих зданий); *За столом с и д е л р а з в а л я с ь человек*. Таким образом, при обозначении устойчивых предметных отношений один компонент словосочетания оказывается семантически избыточным, так как выражаемое им значение передается «соседней» номинацией. Такая семантическая избыточная номинация может быть совсем опущена или заменена служебным словом. Например: *Ты куда (идеешь)? Я (иду) на почту. Дети ходили в лес собирать грибы и ягоды (= за грибами и ягодами)*. Употребление таких номинаций может быть вызвано причинами грамматического характера. Например, в настоящем времени глагол в русском языке может в определенных позициях опускаться, но в прошедшем или будущем он необходим для выражения предикативных категорий (время, вид, наклонение). И тогда используется синтагматически связанная номинация. Ср. *На поле — рожь (= на поле растет рожь), но на поле росла (= была) рожь. Ты куда ходил?*

Семантическое согласование номинаций имеет и другую сторону. Если сочетаются два слова, обозначающие объекты, реально несовместимые, то это значит, что одно из них используется переносно, как косвенная номинация (*стоит тишина, время ползет*). В этом проявляется зависимость употребления языковых форм от обозначаемой действительности.

Рассмотрение видов номинации приводит к выводу, что общая типология номинаций может быть представлена не в виде дихотомического дерева, но в виде многомерного пространства с пересекающимися признаками, ядро которого составляет отношение знаменательное слово ↔ объект, а на периферии находятся другие типы, отличающиеся от ядерного одним или несколькими признаками.

НОМИНАЦИЯ, СЕМАНТИКА,
СЕМИОЛОГИЯ

(Виды семантических определений
в современной лексикологии)

Семантика

Термины семиология, семиологический в нашем понимании близки к терминам семиотика, семиотический, но не тождественны им. Последние означают семиотику, строящуюся на структуралистской основе, тогда как первые означают семиотику, преодолевающую ограниченность структурализма и основанную на семиологическом принципе¹. Номинация в семиологии в общем совпадает с тем, что обычно называется «словарем языка», «лексиконом».

В этой сфере языка, как, может быть, нигде, ярко проявляется общее философское положение: субъективная диалектика познания отвечает объективной диалектике познаваемого предмета. Почти все различия семантических описаний в лингвистике могут быть объяснены не только расхождениями во взглядах их авторов, но и существованием действительно различных семантических фактов языка.

1. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Прежде чем перейти к сложным вопросам соотношения объективной семантической системы языка и способов ее описания, целесообразно хотя бы коротко напомнить, как с точки зрения современной лингвистики представ-

¹ Изложение этого принципа см.: Ю. С. Степанов, Д. И. Эдельман. Семиологический принцип описания языка. «Принципы описания языков мира». М., 1976.— Данная глава может рассматриваться как продолжение названной работы — семиологическое введение в изучение семантики.

ляется эта объективная система. В современной семантике существуют два наиболее общих течения. Одно из них исходит из примата групп, систем, полей слов и рассматривает все другие вопросы как производные от этих (в частности, производным будет вопрос о лексико-семантическом варьировании отдельного слова). Другое исходит из примата отдельного слова в его лексико-семантическом варьировании и освещает другие вопросы как производные от первого (в частности, производной будет проблема лексико-семантических полей). Вся предлагаемая работа ориентирована на синтез различных направлений, поэтому уже в следующем ниже предварительном очерке точка зрения выбрана так, чтобы не исключить, а напротив, облегчить их дальнейший синтез.

Элементарную ячейку системы семантики составляет единство трех элементов, так называемый «семантический треугольник»: внешний элемент словесного знака (последовательность звуков или графических знаков) — означающее связан, во-первых, с обозначаемым предметом действительности — денотатом (а также референтом, см. ниже), во-вторых, с отражением этого предмета в сознании человека — означаемым. Означаемое представляет собой результат общественного познания действительности и обычно тождественно понятию, иногда представлению. Тройная связь «означающее — денотат — означаемое» составляет категорию значения, основную ячейку семантики.

В массе слов и словосочетаний, образующих словарный состав языка, а также в сфере грамматических преобразований, эти трехаспектные ячейки вступают между собой в закономерные, системные отношения. Системные отношения заключаются, прежде всего, в том, что эти ячейки уподобляются одна другой по какому-либо из трех своих элементов — по означаемому (тогда имеют место отношения синонимии), по означающему (возникает омонимия), по денотату и референту (возникает особая разновидность синонимии — трансформация и перифраз).

Отмеченный — и основной — аспект системности наиболее четко проявляется в пределах сравнительно небольших групп слов, объединенных в каком-либо одном отношении (синонимией) и противопоставленных в другом отношении (антонимией). Такие группировки, специ-

фические для каждого языка, составляют структурные системы оппозиций, подобные (изоморфные и гомоморфные) системам оппозиций в фонологии и грамматике языка. Например, в русском языке группа слов *ехать, идти, плыть, лететь* — система оппозиций, так как все слова объединены признаком «передвижение человека» и противопоставлены признаками «по суше — не по суше», «с вспомогательными средствами — без вспомогательных средств». Такие признаки в пределах группы описываются как компоненты или семантические множители. Совокупность этих дифференциальных признаков, компонентов, или семантических множителей, каждого отдельного слова образует структурную, или структурированную часть в пределах его означаемого. Эта часть в различных системах описания имеет разные названия, мы называем ее десигнат. Кроме совокупности дифференциальных признаков, или десигната, в означаемое слова входят интегральные признаки. В данном примере, для русского слова *плыть* его десигнат, состоящий из дифференциальных признаков, таков: '1) передвигаться, 2) не по суше, 3) без вспомогательных средств'; состав интегральных признаков: '1) по поверхности воды или в воде, 2) совершая определенные движения руками и ногами' и другие. Интегральные признаки не противопоставлены непосредственно соответствующим признакам других слов, они образуют «единичное», «индивидуальное» в означаемом данного слова. Список дифференциальных признаков всегда ограничен общей структурой данной группы слов (хотя может быть более или менее длинным, в зависимости от широты и структуры группы; он бывает предельно длинным в словаре тезаурусно-идеографического типа, см. ниже). Список интегральных признаков в принципе не ограничен, его неограниченность отвечает объективному неисчерпаемому характеру единичного и индивидуального, он может быть ограничен только практическими соображениями описания.

Совокупность дифференциальных признаков (десигнат) и интегральных признаков образует полный состав признаков лексического значения слова, или его сигнификат. Таким образом, сигнификат имеет структурированную часть, десигнат и более или менее открытую часть, состоящую из интегральных признаков.

Сигнификат, в общем, то же самое, что и понятие. Различие между этими двумя терминами определяется главным образом не их содержанием, а тем, что они принадлежат двум различным системам описания: первое — лингвистике, второе — логике. В том же значении, что и «понятие», употребляются иногда термины «смысл», «концепт». Эти последние отличаются от общего термина «понятие» главным образом тем, что с ними связываются дополнительные терминологические ограничения, вытекающие не из особенностей логики вообще, а той или иной конкретной логической системы. Например, можно сказать, что «концепт» — это то же самое, что «понятие» как оно понимается в системах типа системы А. Черча; «смысл» — это то же самое, что «понятие» как оно понимается в системах типа системы Г. Фреге, и т. д.

Выделение структурированной части в составе сигнификата особенно важно для лингвистики. Мы называем эту часть десигнатом. В системе де Соссюра этому в общем соответствует термин «*valeur*» — «абстрактная значимость». В теориях поля десигнат (или соответствующее понятие, обозначенное другим термином) будет соответствовать дифференциальной значимости слова — тому в значении слова, что определяется противопоставлением данного слова всем другим словам поля. Понятие десигната очень важно и для теории номинации в тесном смысле слова как теории языкового обозначения, называния. По-видимому, именно десигнат и есть тот минимум различительных признаков, который необходим для правильного, т. е. в соответствии с нормами данного языка, называния данным словом объективного предмета действительности (для того, чтобы словом *петух* мы назвали петуха, а не кошку). Таким образом, десигнат в общем соответствует понятию «минимум различительных признаков, необходимых для называния», которое получает иногда другие наименования в других концепциях.

Указанные элементарные группы слов могут в свою очередь соединяться в том или ином содержательном отношении одна с другой, образуя тематические группы, семантические и лексические поля. Например, все способы выражения понятия «долженствование» в данном языке образуют лексико-семантическое «поле долга». Выражение того же значения может быть и не лексическим, а грамматическим, например, выражаться в структуре

предиката определенной схемы предложения. Поэтому лексико-семантические поля могут включать в себя и грамматические способы. Такое расширенное лексико-семантико-грамматическое поле имеет различные наименования, часто его называют «функциональным».

Полное описание лексико-семантической системы языка по этой линии приводит к созданию двух типов словарей — словаря тезауруса (или идеографического словаря тезауруса) и «тезауруса лексических параметров, или функций» (типа «каузация», «контрагент», «адресация» и т. д.). «Тезаурус лексических параметров, или функций» позволяет системно описать такие перифразирования как, например, *Мы накопили большой материал — У нас накопился большой материал.*

Напротив, углубленный анализ многозначного слова приводит к его расчленению на «лексико-семантические варианты», каждый из которых представлен отдельным значением в составе слова, как оно описывается в толковом словаре, и соответствующим этому отдельному значению типом контекста.

В содержательном отношении система языка состоит из двух «полюсов», или типов слов — обиходных, общеупотребительных и специальных, среди которых важнейшее место занимают научные термины-понятия. Общей закономерностью семантического состава языка является то, что значения обиходных слов, имеющие общие признаки с научными понятиями, развиваются в сторону последних, постоянно стремятся слиться с ними как со своим содержательным пределом. Но это стремление остается лишь тенденцией развития, так как система научных понятий всегда опережает их и уходит вперед.

Особое место между обиходными (иначе, «языковыми», «наивными» и т. п.) понятиями и научными понятиями занимают так называемые ключевые термины культуры, отличные для каждой эпохи, такие как *цивилизация, революция, демократия, наука, техника, личность, любовь, машина* и т. п. В их семантическом содержании сочетаются значения обиходных слов и господствующие в обществе идеи. Так, в древнерусском языке понятия и слова *личность* не существовало, а соответствующие ему признаки были рассеяны по разным словам — *человекъ, людиж, людинъ, лице, доуша, соущество* и др. Это-

му соответствовало и отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемов индивидуального портрета. Слово *личность* появляется не ранее второй половины XVII в., а его содержание окончательно складывается только к 20—30-м годам XIX в. под влиянием философских и юридических доктрин и художественной практики этой эпохи.

Каждая из отмеченных здесь черт объективной семантической системы становится основанием (и при этом иногда абсолютизируется) в той или иной системе семантического исследования.

2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕННЫЕ СИСТЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

При противопоставлении семантических теорий имеется в виду, конечно, не их конкуренция (хотя и конкуренция, и полемика нередко имеют место), а противоположение их теоретических оснований, отвечающее объективным семантическим противоположениям в языке. Поступая так, мы следуем глубокой научной традиции Л. В. Щербы, который, как известно, находил в основе развитой лексикографической теории несколько основных типов противоположений: 1) словарь академического типа — словарь-справочник, 2) энциклопедический словарь — общий словарь, 3) тезаурус — обычный словарь, 4) обычный словарь — идеологический словарь, 5) толковый словарь — переводный словарь, 6) неисторический словарь — исторический словарь². Противопоставления Л. В. Щербы сохраняют значение до сих пор. Однако в современной лингвистике в связи с общим расширением ее задач — от лексикографической практики и теории к созданию общей семантической теории языка — изменился и характер основных противоположений.

В настоящее время применительно к семантической теории целесообразно говорить не столько о различиях в типах словарей, сколько о различиях в типах описания значений, и, еще более конкретно, о различиях в типах определений значений (в типах «дефиниций»). Таким образом, критерием различения семан-

² Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 265—303.

тических теорий в нашей работе будет служить различие по категории «определение значения». С учетом этого мы полагаем возможным выделить следующие противоположения, лежащие в основе (иногда в более или менее чистом виде, иногда в сочетании с другими теоретическими положениями) различных семантических теорий.

- а) Противоположение первое: диффузные определения — структурированные определения, или интегральные определения — дифференциальные определения.

Объективной основой этого противопоставления является то, что в означаемом словесного знака, в составе его сигнификата имеется более или менее четко структурированная часть — десигнат, обусловленная противопоставлением данного слова другим словам его лексико-семантической группы, и часть уникальная для данного понятия, менее структурированная или вовсе не обладающая какой-либо структурой (см. выше). Если структурированная часть сигнификата — десигнат — может быть определена перечнем дифференциальных признаков, которые противопоставляют и одновременно объединяют данный десигнат с десигнатами других слов его группы, то в остальной части сигнификата признаки оказываются не дифференциальными, а интегральными, присущими лишь данному сигнификату. Соответственно этому то же самое противопоставление может быть названо противопоставлением «интегрального определения» «дифференциальному определению». Необходимо подчеркнуть, что в каждом конкретном случае в противопоставленной паре речь идет об определении значения (или значений) одного и того же слова, и разница состоит лишь в том, что при диффузном, или интегральном, определении это значение описывается как уникальное, а при структурированном, или дифференциальном, определении то же значение описывается как часть, ячейка или элемент некоей оппозитивной системы, состоящей из многих слов с общими для них признаками. В последнем случае значение, естественно, определяется через перечень признаков, входящих в десигнат, признаков дифференциальных, с опущением или с необязательным упоминанием признаков интегральных, перечисление которых является обязательным при первом подходе.

Приведем некоторые примеры. Глагол английского языка *to say*, описанный в диффузной системе определенных, выглядит как совокупность некоторого количества отдельных, но связанных между собой значений, внутренне объединенных несколькими общими для них признаками. Признаки, присущие только этому глаголу (как общие для всех его значений, так и присутствующие лишь в некоторых из них), являются интегральными (см. описание в любом толковом словаре английского языка). Тот же глагол, описанный в структурированной системе (в данном случае, в системе Ю. К. Лекомцева³), выглядит как фрагмент некоторой системы из четырех единиц; используя знаки 1 для наличия признака и 0 для его отсутствия, Ю. К. Лекомцев кодирует фрагмент следующим образом: первый знак (1 или 0) относится к употреблению глагола при прямой речи, второй знак — при косвенной речи, третий знак — при наличии объекта определенного семантического характера (см. пункт 3), четвертый знак — при наличии имени адресата речи (см. табл.).

			VIII век	XIII—XIV век	XVII—XX век
1	'сказать'	1001	maðelian	quethen	to say
2	'говорить'	0100	cweþan	seyen	to tell
3	'рассказывать'	0110	sēcþan	tellen	
4	'говорить (процесс речи)'	0000	sprecan	speken	to speak

Приведенный пример показывает, что дифференциальные признаки не обязательно должны быть чисто семантическими, но могут быть, как в данном случае, синтаксическими и семантико-синтаксическими. В развитых системах, в отличие от данного примера, описание ведется обычно по двум независимым линиям — по линии семан-

³ Ю. К. Лекомцев. К вопросу о системности глаголов речи в английском языке. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 195—197 (хотя английский материал, по-видимому, мог бы быть уточнен, мы оставляем его в авторской форме, так как для нас существенна здесь лишь демонстрация метода).

тических признаков, образующих лексическое значение слова, и по линии сочетаемости слова, образующей его дистрибуцию. Это различие будет предметом противоположения «прямых» и «косвенных» определений ниже. Здесь речь пойдет главным образом о собственных семантических признаках слова (соответствующих его «прямо-му» определению).

С этой точки зрения принцип структурированных определений значения получил наиболее полное выражение в так называемом компонентном анализе (см. известные работы А. Кребера, Ф. Лаунсбери, У. Гудинафа, О. Н. Селиверстовой⁴ и др.). Новейшие исследования показывают, что возможности этого, сравнительно давно возникшего, подхода далеко не исчерпаны. Работая на его основе, лингвист исходит из положения о том, что значение в его структурированной части (десигнате) складывается из различительных признаков, или признаков «качественного контраста». Он выбирает поэтому для исследования всегда группу слов, значения которых — по предварительным наблюдениям — складываются из общих или противопоставленных признаков-компонентов. Как отмечает автор одной из последних работ по этой методике, О. Н. Селиверстова, «результаты анализа подтвердили правильность сделанного предположения: хотя значения анализируемых слов не сводятся к различительным признакам, эти признаки играют в их знаковой информации ведущую роль, и выявление дополнительных, избыточных (точнее было бы сказать: интегральных. — *Авт.*) признаков было бы невозможно без установления различительных признаков»⁵.

Противопоставленная названному подходу идея «диффузности значения» никоим образом не может рассматриваться как пережиток деструктурного периода в лингвистике. Напротив, она, по-видимому, возмущает своеобразную реакцию на крайности структурализма и имеет много

⁴ F. Lounsbury. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage. «Language», v. 32, № 1, 1956; W. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning. «Language», v. 32, № 1, 1956; A. Kroeber. Ethnographic interpretations. «University of California publications in anthropology and ethnography», 47, 1957; О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

⁵ О. Н. Селиверстова. Указ. соч., стр. 18.

общего с идеей «недискретного» анализа, неоднократно высказывавшейся нами. Принцип «диффузности значения» детально проанализирован в работе Д. Н. Шмелева. Иллюстрируя свои наблюдения русским словом *земля*, автор пишет: «В семантической структуре слова *земля* было бы затруднительно выделить главное, или «первичное», значение. Стержнем слова здесь оказывается не какое-то отдельное его значение, а те семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова. Эта общность опирается на тождество материального знака, обуславливая взаимопроницаемость объединенных значений, в ряде случаев реального употребления слова, как бы незаметно переходящих друг в друга. ...Подобная «диффузность» отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах».

Обобщая подобные наблюдения, Д. Н. Шмелев формулирует следующее положение: «Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных примеров»), существенно искажает представление о семантической структуре (очевидно, лучше было бы сказать: системе. — *Авт.*) описываемых слов»⁶.

Другим видом (кроме упомянутых выше) структурированных определений являются тезаурусные описания. В чисто структурном представлении, таком, как приведенный пример Ю. К. Лекомцева или компонентный анализ, значение слова определяется главным образом относительно других слов той же группы и, следовательно, в признаках «одного яруса», как бы «по горизонтали» системы. Напротив, в тезаурусных описаниях, когда построен полный словарь-тезаурус данного языка, значение каждого слова определяется прежде всего указанием его включений в вышестоящие ярусы системы, как бы «по вертикали».

⁶ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 78—80.

Например, слово *молотилка* будет последовательно входить во все более общие рубрики: 1) сельское хозяйство, 2) общественная жизнь, 3) человек как общественное существо, 4) человек. Такие определения реализуют традиционную логическую форму определения «через ближайший род и видовое отличие» (подробнее см. ниже). Но если в обычном толковом словаре *молотилка* определяется как «машина для молотбы»⁷, т. е. в пределах только тематической группы «сельское хозяйство», то в тезаурусном словаре это слово будет последовательно соотнесено с группами 1, 2, 3, 4, и именно в этом смысле его определение будет «глубоким».

Уже из отмеченных здесь особенностей можно видеть, что компоventные определения и тезаурусные определения в известной мере предстают как дополнительные по отношению друг к другу. По-видимому, можно ожидать интересных результатов от их совмещения. Не менее, а может быть, еще более интересные результаты достигнуты на основе совмещения слабо структурированной лексико-семантической группы («поля») с тезаурусом⁸.

- б) Противоположение второе: мелкие определения — глубокие определения; тезаурусное определение как предельный случай глубокого и структурированного определения путем перечисления признаков.

Под мелкими определениями значения мы понимаем определения с небольшим числом признаков, под глубокими — определения с большим числом последовательно указываемых признаков (вряд ли нужно особо подчеркивать, что слова «мелкий» — «глубокий» здесь вовсе не имеют какого-либо оценочного характера, это только термины).

Объективной языковой основой этого различия является, очевидно, то, что в системе лексики каждое слово может быть включено одновременно в малые и более ши-

⁷ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 9 изд., М., 1972.

⁸ Примерами таких исследований являются работы М. Матье, В. В. Морковкина, Ю. Н. Караулова, рассматриваемые ниже. См. М. Mathiot. The place of the dictionary in linguistic description. «Language», v. 43, N 3, 1967; Она же. An approach to the cognitive study of language. «International Journal of American Linguistics», vol. 34, 1968, № 1 (Special issue); В. В. Морковкин. Идеографические словари. М., 1970, стр. 58—70; Ю. Н. Караулов. Общая и русская идеография. М., 1976.

рокие группы слов. Этим объясняется различная глубина структурированных определений — тезаурусных, компонентных или иных. Однако столь же очевидно, что и признаки отдельного понятия могут быть указаны и перечислены с различной степенью полноты, поэтому различие мелких и глубоких определений сохраняется и при диффузном подходе, когда включение слова в группы слов не играет большой роли. Таким образом, это противоположение не совпадает с противоположением структурированных — диффузных определений, а пересекается с ним. Вместе с тем, ниже будет отмечено естественное тяготение глубоких определений к определениям тезаурусного типа.

Указание признаков значения может быть либо непосредственное, путем их перечня, либо опосредованное — через указание сочетаемости (дистрибуции). Первые определения мы называем *прямыми*, вторые — *косвенными*. Подробнее это противоположение рассматривается ниже (пункт «е»). Здесь речь пойдет главным образом о прямых определениях, причем следует отметить, что мелкие определения могут быть и косвенными, т. е. дистрибутивными.

Мелкие определения более или менее похожи в словарях самого различного типа. Напротив, углубление определений остро ставит проблему различения типов описаний. Можно выделить, по крайней мере, три следующие типа углубления определений.

И н к л ю з и в н о - с т у п е н ч а т ы й т и п. Наиболее полно в последнее время он был разработан А. А. Уфимцевой. Например, слово английского языка *eye* 'глаз' имеет три основных значения — три лексико-семантических варианта: I — прямое номинативное значение 'орган зрения живого существа', II — 'зрение', 'способность видеть' (глазом), III — 'кругозор', 'способность восприятия' (умом). «Прямое номинативное значение (I лексико-семантический вариант) слова *eye* служит основой семантической производности только в следующем за ним II лексико-семантическом варианте — 'зрение', в то время как III лексико-семантический вариант 'кругозор' связан непосредственно не с I лексико-семантическим вариантом, а со II, имея общий с ним сигнификат 'способность видеть, воспринимать', но соотносясь уже с другим денотатом —

не с «глазом», как в I и II вариантах, а с «умом»⁹. Следующим уровнем описания (соответственно, определения) семантики слова в этой системе будет указание признаков лексико-семантических парадигм, синонимических рядов, этот уровень в свою очередь включается в уровень семантических категорий, и т. д. Полный перечень признаков инклюзивно-ступенчатого определения, по А. А. Уфимцевой, имеет следующий вид:

- I. Прямое номинативное значение;
- II. Производное номинативное значение;
- III. Признак лексико-семантической парадигмы;
- IV. Признак семантических субкатегорий;
- V. Признак семантических категорий;
- VI. Признак семантического разряда;
- VII. Грамматические признаки.

Так, английские имена существительные «конкретные» по признаку VI — признаку семантического разряда разделяются на следующие четыре группы: 1) конкретные неодушевленные исчисляемые (предметы), 2) конкретные неодушевленные неисчисляемые (вещества), 3) конкретные одушевленные лица (мир людей), 4) конкретные одушевленные не-лица (животный мир). Эти группировки во многом предопределяют семантическую сочетаемость и синтаксическое поведение относящихся к ним слов, а поэтому существенны при определении значения каждого слова.

С логической точки зрения этот тип определений обнаруживает интересные и еще не исследованные особенности. С формальной стороны он строится по типу «ближайший род и видовое отличие». Однако, как видно из приведенного выше перечня семи уровней, эти признаки относятся не к характеристике понятий-значений, а к характеристике имен (т. е. в лингвистическом смысле — слов). Таким образом, это — определения номинальные, но при этом построенные по тому способу (через род и вид), который в логике применяется обычно к определению понятий через признаки предмета, т. е. к определениям реальным.

При определении в системе «лексико-семантических вариантов» (как, например, в упомянутых исследованиях) прямое определение «инклюзивно-ступенчатого» типа дополняется указанием дистрибуции и сочетаемости каждо-

⁹ А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974, стр. 67.

го лексико-семантического варианта, т. е. косвенным определением.

Последовательное описание обширного фрагмента русской лексики на основе сочетания приемов прямого и косвенного определений — указания признаков, соответствующих тематической группе и указания дистрибуции — можно найти в книгах Л. А. Новикова и О. Н. Селиверстовой¹⁰. Эти работы свидетельствуют не только о возможности сочетания двух систем определений, но и о том, что такое сочетание более адекватно описываемому объекту.

В «инклюзивно-ступенчатой системе» углубление определения может пойти, в дополнение к основному способу, еще и вторым путем — расширением набора признаков в пределах каждой ступени. (Это дополнение в действительности используется и играет весьма существенную роль, например, в системе А. А. Уфимцевой.) Здесь мы имеем сочетание с системой другого типа, которую сейчас рассмотрим подробнее.

С в о б о д н о - д и ф ф у з н ы й т и п. Для его иллюстрации воспользуемся уже отмеченным в другой связи примером с русским словом *земля*. Согласно Словарю под ред. Д. Н. Ушакова¹¹, *земля* — 1. Планета, на которой мы живем, 2. Переносное. В мифологии и поэзии — реальная действительность, в противоположность миру идеальному, небу (книжн., поэтич., устар.), 3. Суша (в отличие от водных пространств), 4. Почва, верхний слой коры нашей планеты. Рыхлое рассыпчатое вещество темнобурого цвета, входящее в состав коры нашей планеты (разг.), 5. Твердая поверхность, почва, по которой мы ходим, на которой стоим, 6. Страна, государство (устар.). Народ (старин.), 7. Территория с находящимися на ней угодьями, состоящая в чьем-н. владении, в собственности кого-н., 8. Название различных красок (спец.).

Согласно Словарю С. И. Ожегова¹², *земля* — 1. Третья от Солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца, 2. Суша, земная твердь (в отличие от водного

¹ См. Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке. (Семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973; О. Н. Селиверстова. Указ. соч.

¹¹ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935—1940.

¹² С. И. Ожегов. Указ. соч.

или воздушного пространства), 3. Почва, верхний слой коры нашей планеты, поверхность, 4. Рыхлое, темное бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты, 5. Страна, государство (высок.), 6. Территория с угодьями, находящаяся в чьем-н. владении, пользовании.

Сравнение хотя бы этих двух определений, в общем одинаковых по глубине, показывает, что при свободно-диффузном типе, не связанном соблюдением признаков структурной или тезаурусной классификационной сетки, углубление определения может существенно варьироваться.

Оно может углубляться за счет введения «дальнейших» в смысле А. А. Потебни признаков понятия, т. е. за счет постепенного перехода к системе научных понятий. При этом однако выбираются такие научные понятия, которые общеупотребительны или по крайней мере общеизвестны для образованных людей. Равно используя эту возможность, оба упомянутых словаря идут при этом различными путями. В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова заметна тенденция к гуманитарной сфере, к «миру человека» — ср. 2-е значение, в то время как в Словаре С. И. Ожегова отчетливо проступает сближение с естественнонаучной сферой — ср. употребление в толковании слов-терминов *кора планеты*, различение *владения — пользования* (для того, чтобы соответствовать статусу колхозного землепользования в СССР, согласно которому земля не принадлежит колхозам, а находится в их вечном пользовании), ср. также 1-е толкование¹³.

Возможность включать в определения в разной степени и пропорции понятия науки, притом либо гуманитарной сферы, либо сферы естественнонаучной, в предельном случае выливается в противопоставление «конкретных определений» «абстрактным определениям» (подробнее см. ниже).

Далее, сравнение двух приведенных словарных статей служит иллюстрацией того более общего положения, что в определении свободно-диффузного типа на первое место может выдвигаться в известных пределах либо один, либо

¹³ О закономерности использования в толкованиях в словаре общего типа научных терминов в связи с тенденцией обогащения общего языка понятиями научного языка см. в кн.: Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 15—20, 24—26.

другой признак. Передвижение существенных признаков определения равносильно перестройке всего определения. В приведенном примере эта возможность иллюстрируется двумя 1-ми толкованиями. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова трактует землю в 1-м значении как «планету, на которой мы живем». и, следовательно, дает антропоцентрическое определение. Напротив, Словарь С. И. Ожегова использует в толковании того же 1-го значения основные признаки научного понятия «земля» — 1) планета, 2) вращающаяся вокруг Солнца, 3) вращающаяся вокруг своей оси. Возможность передвижения признаков (она имеется не только в свободно-диффузных, но и в структурированных определениях) приводит к оппозиции определений с фиксированным признаком — определений с «плавающим» признаком, которая подробнее будет рассмотрена ниже.

Тезаурусный тип. На четкую связь между дефиницией и систематизацией в словаре идеографического или тезаурусного типа впервые обратил внимание Ш. Балли (1909 г.)¹⁴. В настоящее время в связи с успехами теории и практики тезаурусных и идеографических словарей (см. в упомянутой выше книге Ю. Н. Караулова), эта связь достаточно хорошо исследована. Хотя для вполне последовательного определения каждого слова по тезаурусному типу естественно опираться на законченный словарь-тезаурус данного языка, однако, вообще говоря, наличие такого словаря не обязательно для создания тезаурусных определений ограниченной глубины и для ограниченного фрагмента лексики¹⁵. В любом случае тезаурусное определение можно считать глубоким и структурированным определением. Однако в полном виде эта характеристика может относиться только к таким тезаурусным определениям, которые совмещены с развернутым компонентным анализом (ср. упомянутые работы М. Матье, В. В. Морковкина, Ю. Н. Караулова).

Опыт совмещения, представленный М. Матье, состоит из двух работ, первая из которых (1967 г.) содержит предварительные рассуждения (главным образом о формальном статусе слов и словосочетаний), а вторая (1968 г.) дает

¹⁴ См. Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 155.

¹⁵ Примеры таких определений можно найти на русском материале в работе: В. В. Морковкин. Указ. соч., стр. 62 и сл. и, в более полном виде, в работе: Ю. Н. Караулов. Указ. соч.

последовательное описание семантики американоиндейского языка папаго (уто-аптекской группы)¹⁶. М. Матье как и Э. Бенвенист, А. А. Уфимцева и др., исходит из различения двух сфер языка — языка как системы и языка в действии, в процессе его использования. Однако вторую сферу автор далее разделяет еще на две: 1) использование системы языка для передачи сообщений и установления референции с теми явлениями действительности, которые служат непосредственным предметом речи, это «речевое поведение» (*speech behavior*); 2) использование системы языка для классификации конкретных явлений действительности, для установления общей системы референций с явлениями действительности вообще, это «номинационное поведение» (*naming behavior*). «Номинационное поведение» совпадает с системой обиходных понятий данной культуры, с тем, что в советской и европейской лингвистике обычно называют «обиходными понятиями», «бытовыми понятиями», «языковыми понятиями», «наивными понятиями» и т. п., в отличие от научных понятий, и что сама М. Матье называет «народной таксономией» (*folk taxonomy*)¹⁷. Это деление в общем совпадает с двумя указанными выше аспектами номинации: 1) номинация как реализация в речи тех классификационных принципов, которые заложены в системе языка; 2) номинация как развитие самих классификационных принципов языка (в создании нового слова, в словообразовании вообще).

Последовательно вскрывая методом оппозиций и компонентного анализа классы «народной таксономии» языка папаго, М. Матье приходит к формулированию общего принципа каждого класса, этот принцип класса — так называемая «языковая тема» (*theme of the language*). Совокупность «языковых тем» составляет познавательное, когнитивное (*cognitive*) содержание семантики данного языка. Классификационные принципы, проявляющиеся во внеязыковом поведении, в других семиотических системах данного общества, составляют «культурные темы» (*theme of the culture*). Между «языковыми темами» и «культурными темами» М. Матье справедливо видит двустороннее взаимодействие. Интересно отметить, что ее работа

¹⁶ *M. Mathiot. The place of the dictionary in linguistic description; Она же. An approach to the cognitive study of language.*

¹⁷ *M. Mathiot. An approach... стр. 13.*

может поэтому рассматриваться как фактическое преодоление «гипотезы Сепира — Уорфа». Автор пишет: «Обычное истолкование гипотезы Сепира — Уорфа исходит из того допущения, что когнитивная область языка непосредственно связана с культурой, влияя на поведение человека в сфере культуры. В предлагаемом же подходе это допущение заменяется другим; постулируются две системы «тем», связанные одна с другой в различной степени. Вместо прямой корреляции между ними устанавливается опосредствующий уровень. Это значит, что язык и культура окажутся связанными, по-видимому, лишь на более высоком уровне абстракции. Это значит также, что нельзя постулировать определяющей роли языка по отношению к культуре»¹⁸.

К аналогичным выводам независимо и с других исходных позиций пришел в последнее время Ю. Н. Караулов. Он отмечает: «В исследовании свойств поля нам пришлось столкнуться с несколькими закономерностями, выразившимися в форме отрицательных характеристик: ...невозможность перехода от «языковой модели мира» на более высокий уровень обобщения — к «концептуальной модели мира» на основе чисто лингвистических приемов»¹⁹.

Независимые и сходные результаты М. Матье и Ю. Н. Караулова подтверждают и высказанное нами ранее положение о границах и конфигурации складывающейся семиологической теории культуры²⁰. Когда ставится задача объединить в рамках такой единой теории данные языка и данные культуры, то, по-видимому, нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка (ср. обратные этому утверждения в работах К. Леви-Стросса и его последователей). Речь должна скорее идти о том, чтобы выработать третий, более общий аппарат понятий, приложимых к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры, с другой.

¹⁸ *M. Mathiot*. An approach... стр. 2.

¹⁹ *Ю. Н. Караулов*. Общая и русская идеография (Опыт теории лингвистических словарей-тезаурусов). Автореф. докт. дисс. М., 1975, стр. 44; ср. в его книге, стр. 275.

²⁰ *Ю. С. Степанов*. Семантическая реконструкция (в грамматике, лексике, истории культуры). «Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguistics. Bologna — Florence, 1972». Ed. by L. Neilmann. II. Bologna, 1975, стр. 573—577.

в) Противоположение третье: определения с фиксированным признаком — определения с «плавающим» признаком.

Значение этого противоположения для семантики, кажется, не отмечалось в теоретической лингвистике. Между тем его важность трудно переоценить.

Объективной языковой основой этого противопоставления является следующее явление. В пределах каждого относительно хорошо вычлняющегося фрагмента семантической системы данного языка (и, вероятно, в системе в целом) можно установить некоторый набор семантических элементов («компонентов», «сем», «множителей» и т. п.). Совокупность этих элементов составляет основную часть значения (десигнат) каждого слова. Например, если в определенном фрагменте лексики русского языка имеются элементы 'быть существом', 'быть разумным', 'быть мужского пола', 'быть женского пола', 'быть взрослым', 'быть невзрослым', то:

'существо' + 'разумное' = *человек*

'существо' + 'разумное' + 'мужского пола' = *мужчина*;

'существо' + 'разумное' + 'женского пола' = *женщина*;

'существо' + 'разумное' + 'мужского пола' + 'невзрослое' = *мальчик*;

'существо' + 'мужского пола' + 'взрослое' = *самец* и т. д.

В таком виде предстает обычный компонентный анализ. Однако при компонентном анализе в чистом виде не уделяется внимание тому в высшей степени существенному обстоятельству, что в семантической структуре каждого отдельного слова большую роль играет не только сам состав, или перечень, признаков, но и их порядок, их иерархия. Роль иерархии может быть замечена уже на простейших компонентных примерах приведенного типа. Ср.:

'существо' + 'разумное' = *человек*;

'существо' + 'разумное' + 'мужского пола' = 'человек' + 'мужского пола' = *мужчина*;

'существо' + 'разумное' + 'мужского пола' + 'невзрослое' = 'человек' + 'мужского пола' + 'невзрослое' = 'мужчина' + 'невзрослое' = *мальчик*.

Определения, состоящие из одних и тех же признаков, но с различием в порядке или иерархии признаков и при-

том в таком случае, когда это различие не признается существенным, мы назовем определениями с «плавающим» признаком. Например, *мальчик* может быть определено либо как 'мужчина' + 'невозрослый', либо как 'человек' + 'мужского пола' + 'невозрослый'. Определения на основе компонентного анализа часто являются определениями с «плавающим» признаком. Тезаурусные определения, естественно, будут определениями с фиксированным признаком.

Имеется и другое весьма важное обстоятельство. В зависимости от порядка, или иерархии, семантических признаков, той или иной комбинации из одних и тех же признаков будет соответствовать — в реальной, «наблюдаемой», «поверхностной» системе языка — иное слово. Подобные явления детально изучаются в настоящее время в логике и в лингвистике в связи с проблемой так называемых «пресуппозиций». Однако первые идеи на этот счет — притом в таком виде, который имеет непосредственное отношение к проблеме определений — были высказаны уже более столетия назад. Мы имеем в виду работу В. Н. Карпова²¹, где проведено отчетливое разделение «формы» и «материи» (т. е. «содержания») понятия. Форма понятия — тот признак, который мы делаем главным, «материя» понятия — остальные признаки. Так, например, в понятии «лев» — «1) животное, 2) четвероногое, 3) чрезвычайно сильное, 4) плотоядное» и т. д. — 1-й признак составляет форму понятия, 2-й, 3-й, 4-й — «материю», или содержание, понятия. Взятая в другом отношении, подчеркивает В. Н. Карпов, та же совокупность признаков может иметь другую форму, например, на первое место будет выдвинут признак «четвероногое», еще другую — если на первое место пойдет признак «плотоядное» и т. д.²²

В относящейся сюда терминологии, а отчасти и содержании книги В. Н. Карпова сказалось влияние логического учения Канта с его разделением в знании «формы»

²¹ «Систематическое изложение логики. Сочинение проф. В. Н. Карпова». СПб., 1856.

²² «Систематическое изложение логики», стр. 86 и сл. С сожалением приходится отметить, что эта работа В. Н. Карпова получила незаслуженно низкую оценку в книге: *Н. И. Стыжкин, В. Д. Силаков. Краткий очерк истории общей и математической логики в России. М., 1962*, стр. 21, а также в более ранней статье Н. И. Кондакова (см. упоминание об этом в указ. книге).

и «материи» (Stoff). Однако, с критической поправкой, — которая, впрочем, должна касаться скорее общих вопросов, чем непосредственно приведенного рассуждения, — последнее может рассматриваться как логическая основа определений с «плавающим» признаком. Эти мысли В. Н. Карпова представляются очень важными для современной семантики и заслуживают дальнейшего развития.

Естественно, что определения с фиксированным признаком тяготеют к глубоким и структурированным определениям, в то время как определения с «плавающим» признаком вполне реализуются лишь при диффузных и мелких определениях. Таким образом определения с «плавающим» признаком следует рассматривать как определенный, очень важный этап всякого прямого семантического описания — этап, предшествующий фиксации системы. Если система далека от тезаурусного типа, — как, например, толковый или большой синонимический словарь, — то определения с «плавающим» признаком постоянно присутствуют в ней, обуславливая одно из ее главных достоинств — нежесткость описания.

Определения с «плавающим» признаком являются логической основой такой важной категории лингвистического описания как «оттенок» значения, или «оттенок» понятия. Два значения или понятия в этом смысле будут «оттенками» одного и того же или один другого, если они определяются одним и тем же набором признаков, но с частично различным порядком признаков, или одно отличается от другого наличием или отсутствием какого-либо признака (чаще всего не первых порядков). Таковы, например, совокупности признаков «1) животное, 2) плотоядное, 3) четвероногое и т. д.» и «1) плотоядное, 2) животное, 3) четвероногое и т. д.». В первом случае совокупность подходит под род «животные», во втором — под род «хищники». «Хищниками» с определенной точки зрения могут быть названы и растения, питающиеся насекомыми. В языке такие различные совокупности признаков, как уже было сказано, могут соответствовать разным словам-синонимам. Например, *воровать* определяется как совокупность признаков: «1) совершать преступление, 2) присваивать чужое, 3) посредством тайных, незаметных для владельца действий». *Красть* можно определить как: «1) присваивать чужое, 2) посредством тайных, незаметных для владельца действий, 3) совершать преступление».

Признаки, стоящие далеко от начала ряда, могут нейтрализоваться. Поэтому можно сказать *Кот украл мясо*, но *Кот своровал мясо* обычно не говорят. (См. далее пункт «е».)

г) Противоположение четвертое: денотативные определения — сигнификативные определения.

Объективной языковой основой этого противопоставления является то, что фонетическое слово в языке связано как с объектом (денотатом), так и с понятием об объекте (сигнификатом). Эта двусторонняя связь обуславливает — по крайней мере в тенденции или в пределе — два различных круга в значении слова, два типа синонимии, два типа омонимии и т. д. В данной связи важно подчеркнуть, что это же объективное явление дает основу для очень существенного разграничения в семантике, контуры которого только начинают вырисовываться. Еще в работе 1964 г. мы обращали внимание на теоретическую возможность двух различных определений значения слова — по денотату и по сигнификату²³. В ряде работ последнего времени это противопоставление начинает приобретать все большую определенность и все больше фактически использоваться для построения цельной системы семантического описания.

В тонкой, но еще очень неопределенной форме это различие нащупывалось в фактах русской семантики в работе Д. Н. Шмелева, который, например, писал: «Когда мы говорим о разных значениях, присущих данному слову, мы по существу и исходим из разных контекстов его употребления. То, что с этими разными значениями связаны различия в предметной отнесенности слова (в его денотативной функции), далеко не во всех случаях само по себе создает четкие границы между разными значениями слова»²⁴. Следовательно, значение слова по денотату, денотативное значение, может быть различным, а совокупность признаков понятия, относящихся к этим двум разным случаям одного слова, — одной и той же, значение по сигнификату, сигнификативное, может при этом оставаться единым. Тут же Д. Н. Шмелев продолжает: «Если для

²³ См.: Ю. С. Степанов. О предпосылках лингвистической теории значения. — ВЯ, 1964, № 5; подробнее см.: *Он же*. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 8, 30, 59.

²⁴ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 93.

слов, обозначающих конкретные предметы, разграничение значений осуществляется как будто на основе учета денотативных возможностей слова, то для всех остальных лексических единиц самая мысль о нем возникает только в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребления слова. На отсутствие непосредственной денотативной обусловленности такого разграничения прямо указывают данные толковых словарей, в которых значения многих слов выделены совершенно по-разному»²⁵.

Уже более определенно то же различие проходит в более поздней работе А. А. Уфимцевой. Правда, следует отметить, что «денотатом» в этой книге называется не предмет и не класс предметов, а «типизированное представление о соответствующем классе предметов»²⁶, что, по-видимому, соответствует «минимальной совокупности отличительных признаков». Но когда эта оговорка сделана, дальнейшие наблюдения А. А. Уфимцевой представляются очень ясными и адекватными. Автор пишет: «Те словесные знаки, которые, называя предмет, явление, указывают либо на денотат, либо на сигнификат, а часто и на то и на другое вместе, принято издавна относить к полнозначным, выполняющим все знаковые функции»; «определяющим для семантики именных лексем является обязательное наличие в их знаковом значении денотата и сигнификата, характер их взаимосвязи в рамках одного и того же означающего, доминирующее положение денотата над сигнификатом в одних и сигнификата над денотатом — в других»; «имена с денотативным и денотативно-сигнификативным значением мы относим к разряду имен, называемых конкретной лексикой; слова с сигнификативной и сигнификативно-денотативной основой значения составляют, по нашему мнению, абстрактную лексику»²⁷. Совокупность этих высказываний показывает, что противопоставление денотативных и сигнификативных определений приобрело системный характер и само послужило основой создания определенной системы семантического описания.

Наконец, в самое последнее время, в докторской дис-

²⁵ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 42.

²⁶ А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974, стр. 42. В сходной форме ср. ранее: Н. Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. 1969, стр. 60.

²⁷ А. А. Уфимцева. Указ. соч., стр. 47, 103, 104.

сертации Ю. Н. Караулова, указанное противопоставление было распространено на обширную семантическую систему тезаурусного типа и одновременно были вскрыты его своеобразные парадоксы. Остановимся подробнее на этой работе. Автор отмечает, что в процессе подведения группы слов (поля) под ту или иную рубрику, в процессе «ориентирования поля на ту или иную суперординату», исследователь сталкивается с именами, предполагающими перечисление подчиненных им и включающихся в них элементов. Эти имена, или суперординаты, могут быть словами двух противоположных типов. С одной стороны, это могут быть суперординаты типа *одежда* (для слов *юбка, рубашка, платье, носки*) и *мебель* (для слов *стол, стул, шкаф*), с другой стороны, например, *двигаться* (для слов *ехать, идти, бежать, ползти*) или *животное* (для слов *волк, лиса, корова, собака, медведь*). Если первые носят ярко выраженный предметный денотативный характер и предполагают перечисление их составных частей, то вторые имеют десигнативную (точнее: сигнификативную. — *Авт.*) направленность и отражают логические родо-видовые связи. Таким образом, можно сказать, что *шкаф* — часть *мебели*, но нельзя сказать, что *ехать* — часть *двигаться*.

«Отношения между частями денотата, обозначенного именем поля, принципиально отличны от отношений между гипонимами, когда ядром является родовое имя. Указание рода, или суперординаты, всегда есть указание определяющей семантической связи между входящими в данное множество элементами, т. е. между гипонимами. Соотношение же часть — целое, свойственное денотативному имени, представляет собой обозначение определенной ситуации, а перечисление элементов этой ситуации составляет тематический класс. Гипонимы равноправны по отношению к суперординате, и каждый из них имеет самостоятельную ценность. В изолированном же виде каждый гипоним может выступать как заместитель суперординаты, или всего рода, поскольку обладает основными его свойствами, которые повторяются на всем множестве как семантическая связь. Так, *цветком* будет и *ландыш*, и *лилия*, и *гвоздика*, а каждая из птиц — *тиркушка*, *авдотка*, *лопатень*, *шилоклювка* — все это *кулик*. Когда же именем поля задана ситуация, то элементы ее неравноправны... *палец* не заменит *ногу*, а *носки* — *рубашку*. Денотаты, со-

ставляющие тематический класс, приобретают статус самостоятельности именно в недрах своего целого»²⁸.

Таким образом денотативные (тематические, ситуативные) группы в идеографическом словаре принципиально неустраиваемы. Их необходимость диктуется наличием значительного количества таких слов, которые никуда, кроме таких групп входить не могут.

«Структура тематических групп, или полей ситуативного характера, отличается от структуры десигнативных полей тремя особенностями. Во-первых, имена денотативного характера, называющие ситуацию, как правило не имеют синонимов (ср. *театр, мебель, почта*). Во-вторых, антонимы у имен такого типа весьма специфичны: ср. *город — село, театр — кино, голова — ноги*. И наконец, на месте видовых отношений между гипонимами в поле с именем ситуативного характера выступает перечисление составных частей данного имени как суперординаты»²⁹. (Далее см. также пункт «е»).

Уже во всем приведенном в этой связи материале (и в прямой констатации А. А. Уфимцевой) можно наблюдать естественное тяготение определений денотативного типа к конкретной лексике, а определений сигнификативного типа — к лексике абстрактной. Однако последнее должно быть рассмотрено как особое противоположение.

д) Противоположение пятое: определения конкретной лексики — определения абстрактной лексики.

Объективной языковой основой этого различия служит очевидное несходство таких слов как *стул, продавать*, с одной стороны, и таких как *вероятность*, с другой. На первый взгляд кажется, что здесь мы имеем дело не с различиями определений, а только с разницей обозначаемых предметов. В действительности, однако, последняя настолько глубоко определяет противопоставление самих определений, что оно выходит за рамки вопроса формальной логики и становится сложнейшей общефилософской проблемой. Все рассматриваемые здесь противопоставления имеют не только лингвистический, но и философский смысл. Но данное противопоставление в этом отношении, пожалуй, превосходит все остальные.

²⁸ Ю. Н. Караулов. Общая и русская идеография (раздел 9.5. «Ядро и тематический класс»), стр. 221 и сл.

²⁹ Там же, раздел 9.5.

Прежде всего можно было бы отметить, что нередко оно определяет не только научную точку зрения, но в конечном счете даже жизненную позицию ученого. Конечно, в таких случаях мы имеем дело с крайностями, над которыми иронизируют, но эти крайности показательны. Говоря о сторонниках «конкретной ориентации», «можно вспомнить,— пишет А. Граур,— об одном лингвисте — представителе этой школы, который с целью изучения пастушеской терминологии заставлял себя проводить долгое время в овчарне и не раз, в течение многих месяцев, жил вместе с пастухами. Разумеется, он мог избежать таким образом кое-каких фактических неточностей, но все же возникает вопрос, стоило ли это делать. Мы отнюдь не собираемся рекомендовать кому-либо строить теории о вещах, в которых он не сведущ, но вряд ли целесообразно тратить несколько лет жизни, чтобы выяснить некоторые подробности, касающиеся в конце концов весьма второстепенной области науки»³⁰. Пример А. Граура относится к первым десятилетиям нашего века. В наши дни мы нередко встречаемся с другой крайностью, вроде углубленного семантического анализа русских слов *попрошайка* и *побирушка*. «До логического конца,— пишет А. С. Богомолов,— доводит эту тенденцию Джон Остин (1911—1960), многие из работ которого, по его собственному признанию, посвящены дотошному и детальному различению понятий, сводящемуся к спору о ненужных мелочах (*splitting a hair*). Пример этого — посмертно опубликованная статья «Три способа пролить чернила», посвященная различению значения слов «умышленно» (*intentionally*), «преднамеренно» (*deliberately*) и «нарочно» (*on purpose*). Может быть, это и интересно для филолога, но философия почерпнет отсюда слишком мало»³¹.

Вернемся, однако, к истории вопроса. В лингвистике различие конкретной и абстрактной лексики породило два противоположных подхода, две школы, которые чаще всего называются немецкими терминами: первая — школа «слов и вещей», «*Wörter und Sachen*», вторая — школа «ключевых терминов культуры», «*Schlüsselwörter*». Школа «слов и вещей» возникла в Германии в начале нашего века

³⁰ А. Граур. Слова и предметы (к вопросу о школах в семасиологии). «Общее и романское языкознание». М., 1972, стр. 158.

³¹ А. С. Богомолов. Английская буржуазная философия XX века М., 1973, стр. 267.

и, в различных видоизменениях, существует до наших дней³². Школа «ключевых слов» представляет собой широкое течение в современной европейской лингвистике, начавшееся с изучением «понятийных полей» в 1930-е годы. Провозвестником ее были работы К. Абеля по сравнительной лексикологии 1880-х годов³³. Однако четкое оформление это течение получило не в 1880-е и не в 1930-е, а лишь в 1950-е годы, первоначально, по-видимому, в работе французского лингвиста Ж. Маторе «Метод в лексикологии», где было введено понятие «ключевых слов эпохи» (*mots-clés*)³⁴.

Существует объективное радикальное различие между конкретной и абстрактной лексикой. Слова, относящиеся к первой, всегда имеют денотатом отдельный предмет или явление действительности. Определение таких слов может быть дано посредством перечисления признаков предмета, объективное существование которых не вызывает сомнений. В простейшем случае (в случае так называемых остенсивных определений) на определяемый предмет может быть просто указано. Можно дать следующее определение. Конкретная лексика — это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мика, символический изобразительный жест, рисунок).

Слова, относящиеся к абстрактной лексике, не имеют денотата, который существовал бы в виде отдельного пред-

³² Первоначально представители этой школы группировались вокруг основанного Р. Мерингером журнала «Wörter und Sachen» (с 1909 г.), а также, в меньшей степени, вокруг журнала «Volkstum und Kultur der Romanen» (Гамбург, с 1928 г.). Из новейших работ см. О. Н. Грубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; исторический обзор школы см. в кн.: И. Йордан. Романское языкознание. М., 1971, стр. 105 и сл.

³³ С. Abel. Slavic and Latin. Comparative lexicography, London, 1888 (см. в этой книге особенно разделы о понятиях «джентльмена» и «благородного», «дворянина» в русском языке; о языковом понятии «свобода» в России и Польше в сравнении с римским).

³⁴ G. Matoré. La méthode en lexicologie. Paris, 1953; современное состояние см. в продолжающемся издании «Europäische Schlüsselwörter. Wortvergleichende und wortgeschichtliche Studien. Hrsg. vom Sprachwissenschaftlichen Colloquium (Bonn)». München, Bd. 1, 1963 и далее; см. также: Р. А. Будагов. История слов в истории общества. М., 1971.

мета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Определение денотатов таких слов всегда есть та или иная операция над уже существующими понятиями.

Впервые это различие было отмечено, по-видимому, учеными Пор-Рояля. «Логика Пор-Рояля» различает реальную дефиницию и словесную, или номинальную, дефиницию в научном языке. Примером реальной дефиниции может служить определение человека — «человек есть разумное животное», где к определяемому термину («человек») присоединяют его идею («разумное животное»). Реальные дефиниции могут быть истинными или ложными; когда они не самоочевидны, они должны быть доказаны как любые научные положения. Категория реальных определений в «Логике» не совпадает целиком с категорией конкретной лексики, имеющей предметный денотат, но во многом эти категории сходны: в обоих случаях определения могут быть доказаны научным путем, в конечном счете, путем наблюдений над действительностью. Что касается словесных определений в научном языке, то, по мнению логиков Пор-Рояля, они в принципе совершенно произвольны и являются лишь делом условия и соглашения. Такое определение предполагает создание нового понятия на основе анализа уже существующего понятия³⁵. Словесные дефиниции в смысле «Логики Пор-Рояля» также только частично совпадают с категорией абстрактной лексики, но уже и это частичное совпадение говорит о том, что к проблеме подошли еще в XVII в.

В 30-е годы нашего века вся проблема уже была четко осознана представителями гуманитарных наук (мы пока еще не говорим о самой философии). Так, Поль Валери в 1936 г. писал: «Обычный философский лексикон в моих глазах имеет тот порок, что он неизбежно принимает видимость специальной терминологии, между тем как подлинно точные определения в нем столь же неизбежно отсутствуют; ибо нет точных определений, если эти определения не инструментальные (то есть такие, которые сводятся к действиям, например к показу предмета или к совершению операции). Невозможно иметь уверенности в том, что какие-либо единственные, единообразные и постоянные

³⁵ «La logique ou l'art de penser». Paris, 1738, 1-ère partie, ch. XI.

смыслы соответствуют таким словам, как *разум, вселенная, причина, материя, идея*. Из этого проистекает чаще всего то, что всякая попытка уточнить значение подобных слов заканчивается введением под тем же именем нового предмета мысли, который противопоставляется предыдущему в той мере, в какой является новым»³⁶.

В более строгой логической форме проблема была поставлена только в западноевропейской и американской философии середины нашего века, в различных направлениях современного позитивизма. Следует подчеркнуть, что здесь приходится говорить не о решении проблемы, ибо позитивизм и не мог его дать в силу самих своих исходных философских установок, а именно о постановке проблемы.

Л. Витгенштейн, в общих рамках современного позитивизма, в период создания «Логико-философского трактата» (1921 г.)³⁷ понимает значение как значение-объект и ищет решения на этом пути. Следовательно, — в общем, если говорить в аспекте интересующей нас проблемы, — он исходит из значения конкретной лексики, чтобы затем подойти к значениям абстрактной лексики как более специальному и производному случаю. Как известно, этот путь не привел к успеху. Напротив, в более позднее время, в период «Философских исследований» (вышли после смерти автора, в 1953 г.)³⁸ Витгенштейн исходит из понимания значения как значения-употребления, и считает возможным рассматривать все проблемы значения, последовательно исходя из этого общего принципа. Новую постановку вопроса нужно признать определенным прогрессом. Действительно, при объектном понимании значения могут быть последовательно определены только значения конкретных слов, в то время как при понимании значения как употребления слова в языке могут быть последовательно определены как значения конкретных слов, так и значения абстрактных слов. Этот принцип позволяет создать единую теорию значения, пригодную для теоретического описания всей лексики языка. (Ниже будет сказано о том, что и эта теория не свободна от известных противоречий

³⁶ P. Valéry. Variétés. Svedenborg.— В кн.: P. Valéry. Œuvres. t. 1. Pléiade. Paris, 1957, стр. 874.

³⁷ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958.

³⁸ L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953.

и не решает всех задач, встающих в настоящее время перед логической и перед лингвистической семантикой.)

Полным аналогом этого логического подхода явилась в лингвистике дистрибутивная теория значения. В рамках этой теории значение каждого слова, как конкретного, так и абстрактного, более того, значение каждого языкового элемента, обладающего значением, оказалось возможным описать через указание совместной встречаемости (дистрибуции) слов в речи (или, соответственно, дистрибуции других значимых элементов). Проведение больших работ по описанию значений с помощью дистрибутивной методики (в общем повсеместно закончившееся к середине 60-х годов), действительно, доказало, что указанная возможность может быть превращена в действительность.

И, однако, как известно, дистрибутивная методика не удовлетворила исследователей, работающих в области семантики. Причина этого, казалось бы, парадоксального явления заключается, на наш взгляд, в двух обстоятельствах. Дистрибутивный принцип позволяет описать значение лишь с определенной, притом сравнительно небольшой, степенью глубины. Дистрибутивная методика может вскрыть дифференциальные признаки значения, но не способна вскрыть интегральные признаки. Между тем последние, как уже было показано выше (см. пункт «а») составляют содержательно «ядро» понятия и поэтому играют важнейшую, нередко определяющую роль в семантике как естественного языка, так и во многих случаях в искусственных языках (ср. приблизительно сходное различие категории «смысла» как совокупности дифференциальных и интегральных признаков и категории «значения» как минимума различительных, дифференциальных признаков, например, в теории Г. Фреге). На слабую «разрешающую способность» дистрибутивного анализа в семантике указывал уже при самом его возникновении один из его основоположников З. С. Хэррис в 1957 г.³⁹ Естественно, что эта отрицательная особенность дистрибутивного анализа должна была сильнее всего сказаться при описании значения абстрактных слов, терминов культуры, в которых интегральные признаки особенно важны.

³⁹ З. С. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре (1957). «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 530—532.

Поэтому при изучении терминов культуры от дистрибутивного анализа практически отказываются.

Эта слабость остается и в тех значительно более сложных и усовершенствованных методах, которые в последнее время возникли на основе дистрибутивного, например, в «перифрастическом методе» (см. ниже).

В рамках логических теорий отмеченная здесь ограниченность внутриязыкового анализа (в логике он не называется дистрибутивным) была осознана очень рано и очень ясно (почему, между прочим, как мы увидим в дальнейшем, соответствующие лингвистические поправки и усовершенствования можно рассматривать как перенос в лингвистику того, что уже достигнуто в логике). Известно, что на всем протяжении своей деятельности Л. Витгенштейн сохранял «принцип редукционизма», т. е. требование сведения абстрактных понятий к «реальным» терминам, выражающим частное⁴⁰. На наш взгляд, этот принцип в теории Витгенштейна призван был сыграть еще особую роль, а именно как раз и восполнить недостаток интегральных признаков абстрактных понятий, который неминуемо возникал при их внутриязыковом, «дифференциальном» определении. Сведение же их к «реальным», объектным понятиям означало одновременно сведение их ко всему содержательному богатству единичного и особенного.

Таким образом мы подошли к проблеме прямого и перифрастического определения, составляющего суть последнего, шестого противоположения.

- е) Противоположение шестое: прямые определения — косвенные определения; перифрастическое определение как предельный случай глубокого и структурированного косвенного определения.

Выше (пункты «а», «б») мы уже упоминали о различии прямых и косвенных определений. Определения, в которых значение описывается перечислением (перечнем) признаков содержания, мы называем прямыми. Определения, в которых значение описывается через соотнесение данного слова с другими словами — при том обязательном условии, что это соотнесение опосредовано одним или несколькими актами речи, — мы называем косвенными. Таким образом, компонентный анализ в чистом виде не является

⁴⁰ См. об этом: А. С. Богомолов. Указ. соч., стр. 260.

косвенным определением, поскольку соотношение анализируемого слова с другими происходит вне актов речи, в парадигматике. Напротив, описание значения слова через его сочетаемость, дистрибуцию, является типичным примером косвенного определения. Однако при этом дистрибутивные определения являются диффузными: значение описывается в них посредством указания неструктурированного множества совместных встречаемостей данного слова. Описание значения через трансформации является примером структурированного косвенного определения. Такой тип определений вырастает из диффузных косвенных определений, т. е. из определений дистрибутивных. История и теория развития трансформационных определений из определений дистрибутивных хорошо исследована в специальной литературе, и здесь мы ограничимся лишь отсылками к ней⁴¹.

В этом разделе мы будем рассматривать основной тип косвенных определений, разрабатываемый в последние годы на основе косвенных определений диффузного (дистрибутивного) типа и далее слабо структурированного (трансформационного) вида и являющийся их дальнейшим развитием. Этим типом являются глубокие и хорошо структурированные косвенные определения — определения перифрастические. Именно они наиболее отчетливо противопоставляются прямым определениям.

Объективной языковой основой этого противопоставления является, во-первых, наличие в языке особого класса номинации — явлений косвенной номинации, т. е. именованного предмета не посредством слов — единиц, специально приспособленных для именованного, а посредством словосочетаний, высказываний-предложений, целых развернутых описаний (подробнее см. в других разделах настоящей книги). Однако косвенная номинация — сравнительно частный тип.

Во-вторых, и это главное, объективной основой указанного противопоставления является то, что значение слова (сигнификат) может быть представлено либо перечнем признаков (*лев* — '1. животное, 2. четвероногое, 3. очень сильное' и т. д.), либо как соответствие одному или нескольким высказываниям (*разгром* — '1. Кто-то разгромил,

⁴¹ См. «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 391—411, а также упомянутую работу З. С. Хэрриса.

2. *Кого-то или что-то разгромили*⁴²). Такая же возможность имеется и при описании понятия. Ср. «Понятие — целостная совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта. Понятие, следовательно, не сводится, как это обычно принято в учебниках логики и философии, к дефиниции, т. е. к краткому указанию одних существенных признаков объекта, отраженного в понятии. ... Могут также сказать, что наша трактовка понятия отождествляет эту форму мышления с суждением. Да, в какой-то мере это именно так. Суждение есть форма мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь. Понятие есть форма мысли, в которой также непременно что-либо утверждается относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь. Это находит свое отображение уже в дефиниции»⁴².

Аналогичная точка зрения находит отражение в современной лингвистике в виде учения о перифрастических определениях.

Перифрастическими, или косвенными, определениями мы называем такие определения значения слова, в которых значение описывается не перечнем признаков, а развертыванием содержания в одно или несколько высказываний, т. е. словосочетаний с предикацией.

Сравним два определения. Прямое словарное определение: «*Благодарный* — (в первом знач.) чувствующий или выражающий благодарность. *Благодарность* — (в первом знач.) чувство признательности к кому-л. за оказанное добро, внимание»⁴³. Косвенное, или перифрастическое, определение: «*X благодарен Y-у за Z* = 'Считая, что Y сделал X-у добро Z, X чувствует себя обязанным компенсировать это добро Y-у'».

⁴² Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 393—394. Из приведенного определения видна и личная точка зрения его автора, ее некоторая категоричность, и вместе с тем общая тенденция современной логики рассматривать уже само определение понятия в связи с суждением.

⁴³ С. И. Ожегов. Указ. соч., стр. 48.

ровать Z словесным признанием или ответным добрым поступком?»⁴⁴.

Уже из сказанного выше следует, что между прямыми определениями и косвенными определениями должно существовать определенное соответствие. Остановимся подробнее на вопросе о том, чем обусловлено и как может проявляться такое соответствие.

Прежде всего очевидно, что прямые определения с «плавающим» признаком или неглубокие прямые определения плохо поддаются установлению таких соответствий. Хотя каждое из них, конечно, может быть приспособлено к тому или иному суждению, однако система соответствий при этом не может быть построена. Напротив, прямые определения, которые одновременно являются глубокими определениями и определениями с фиксированным признаком, т. е. содержат единообразную иерархию признаков, могут быть поставлены в связь с системой косвенных определений. Таким образом, условием для сближения прямых определений с косвенными является — со стороны прямых определений — наличие в них глубокой и единообразной для ряда определений иерархии признаков.

Посмотрим, что является условием для сближения со стороны косвенных определений. Очевидно, что эти условия симметричны условиям, предъявляемым к прямым определениям: косвенные определения должны содержать: 1) высказывания, построенные по одному и тому же образцу, 2) иерархию таких высказываний в пределах каждого семантического определения, т. е. единообразный порядок их следования.

Выполнить эти условия в реальной системе определений — как показала практика последних лет — далеко не просто. На первый взгляд кажется, что для выполнения первого условия достаточно сводить семантические предикаты к одним и тем же элементарным предикатам. Например, описывать значения таких различных глаголов как *копировать что-л.* и *зависеть от чего-л.* с помощью элементарного семантического предиката 'каузировать' (*копировать предмет* = 'создавать второй предмет, каузируя максимальное сходство между первым и вторым'; *зависеть от* — *X зависит от Y-а* = 'Y мо-

⁴⁴ Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 107.

жет каузировать изменения в свойствах или действиях X-а³). Однако огромную трудность составляет унификация различных дополнений и обстоятельств (с объектным, местным, инструментальным и т. п. значением), выраженных именными формами в составе высказывания. Выяснилось, что их унификация и унификация предикатов в узком смысле слова — это две стороны одного и того же процесса.

Поэтому в наиболее последовательной системе косвенных семантических определений — в работах А. Вежбицкой не сохраняется ни понятия «прямого объекта», ни понятия «инструментального объекта», ни понятия «каузации как элементарного предиката» и т. д. Объект действия интерпретируется как субъект ситуации, каузированной другой ситуацией. Инструментальный объект интерпретируется как субъект высказывания с выраженным или невыраженным предикатом (*Адам разбил окно молотком — Адам разбил окно ударом молотка* и т. д.). Элементарные предикаты — это прилагательные и глаголы со значением состояния. Поэтому сама каузация интерпретируется не как элементарный предикат, а как союз, связывающий элементарные предикаты (*Адам разбил окно молотком = Окно разбилось, потому что молоток вошел в контакт с окном, потому что молоток двигался, потому что тело Адама двигалось, потому что Адам хотел, чтобы его тело двигалось, потому что Адам хотел, чтобы окно разбилось*). Благодаря такой редукции А. Вежбицкой удалось выработать стандартный тип высказывания для семантического описания: «модальная рамка + (субъект + предикат)», в формульной записи — «М, что S есть Р»; например, *Верно, что окно разбилось*⁴⁵.

На второе условие — единообразную иерархию высказываний в семантической записи значения обращалось, по-видимому, значительно меньше внимания, чем на первое условие. Практически это условие в какой-то мере реализовано только в системе А. Вежбицкой.

Посмотрим с этой точки зрения на более позднюю ра-

⁴⁵ См.; А. Wierzbicka. *Dociekania semantyczne*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, стр. 74—77 и др. — В указанную книгу А. Вежбицкой в виде отдельных глав («Тело и разум с точки зрения семантики», «Отрицание — его место в глубинной структуре» и др.) вошли некоторые ее работы, опубликованные ранее на английском языке.

боту А. Вежбицкой⁴⁶. Количество элементарных неопределимых семантических сущностей (semantic primitives) в ней сводится к 10—20, практически к следующим 12: 'want', 'don't want' ('diswant'), 'think of', 'imagine', 'say', 'become', 'be part of', 'something', 'I', 'you', 'world', 'this'. Эти сущности характеризуются следующими признаками: 1) поскольку они далее неразложимы (это и значит неопределимы), постольку они не имеют общих компонентов, они не зависят друг от друга; 2) они естественны — замечательное открытие А. Вежбицкой состоит в том, что неестественные семантические сущности (например, кванторы всеобщности или существования в логических языках) в то же время и не могут быть элементарными сущностями семантического описания (семантического языка), о котором идет речь; 3) они представляют собой не слова, а элементы естественных фраз — высказываний. Понятие 'много' ('many') описывается, например, следующим образом (обязательно в составе высказывания!):

This child has many toys. = 'This child has more toys than a child whose toys you would think of wanting to imagine this child toys' (стр. 74).

(*Этот ребенок имеет много игрушек.* = 'Этот ребенок имеет больше игрушек, чем (любой) ребенок, об игрушках которого вы могли бы подумать, желая представить себе игрушки этого ребенка').

Подчеркнутые нами элементы обязательно присутствуют (не обязательно в полном наборе) во всяком описании смысла высказывания, выполненном на семантическом языке А. Вежбицкой. Остальные элементы (child, toy и т. д.) могут быть последовательно описаны таким же образом. Очевидно, однако, что в силу разной длины («глубины») описаний разных высказываний и разных слов, а также в силу наличия семантически неопределимых терминов (в языке А. Вежбицкой это родовые названия животных и растений — *кошка, сосна, роза* и т. п.), — иерархия не может быть абсолютно одинаковой во всех случаях. В заключение заметим, что А. Вежбицкой, одной из немногих, удалось дать ясное и понятное определение

⁴⁶ А. Wierzbicka. Semantic primitives («Linguistische Forschungen, 22»). Frankfurt, 1972.

«глубинной структуры»: глубинная структура — это описание смысла высказывания, последовательно проведенное в системе «естественного» семантического языка (такого, как семантический язык А. Вежбицкой).

Наконец, если два первые условия выполнены, то отчетливо вырисовывается третье условие, необходимое для установления соответствия между прямыми и косвенными семантическими определениями. Это условие касается уже одновременно как тех, так и других определений. Мы сформулируем его следующим образом: должно быть семантическое соответствие между субъектами высказываний, составляющих систему косвенных определений, с одной стороны, и категориальными признаками, составляющими систему прямых определений, с другой; иными словами, субъекты высказываний в первом случае должны подчиняться той же классификационной системе, что категории признаков во втором случае.

Насколько нам известно, это требование (хотя, по-видимому, эксплицитно не сформулированное) выполнено лишь в трех системах — в системе М. Матье, в системе А. Вежбицкой и отчасти в стандартной тезаурусной системе (например, типа системы Вартбурга—Халлига или Ю. Н. Караулова). Основное звено при этом составляет классификация объектов действительности и соответственно имен на категории «лица» — «не-лица». Это основное классификационное звено может быть включено в более широкие классификационные системы, например: 1) «одушевленные» — «неодушевленные», 2) «одушевленные»: «лица» — «не-лица».

Благодаря выполнению этого условия названные выше системы описания — прямого, с одной стороны, и косвенного, с другой, могут быть поставлены в достаточно полную связь одна с другой. В рамках настоящей работы не представляется возможным показать эту связь скольконбудь детально, и мы ограничимся ее общей характеристикой.

Как показал Ю. Н. Караулов (см. выше пункт «г»), при построении словаря-тезауруса отчетливо выявляются две несводимые одна к другой группировки слов — 1) денотативная группировка (отражающая предметные связи слов, а в конечном счете — связи предметов в реальных жизненных ситуациях), 2) сигнификативная группировка (по терминологии Ю. Н. Караулова, «десигнатив-

ная), отражающая логические (родо-видовые и другие) связи сигнификатов слов (понятий). В семантическом языке системы А. Вежбицкой денотативная группировка будет в общем соответствовать субъектам стандартных высказываний, а сигнификативная группировка — их предикатам. (Мы констатируем здесь это соответствие, конечно, лишь в самой общей форме, поскольку подготовительные работы отсутствуют: ни А. Вежбицкая, ни Ю. Н. Караулов не ставили своей целью совмещение классификаций.)

Основанием, по которому две системы в указанном отношении совпадают, является следующая особенность естественного языка: денотативные имена тяготеют в естественном языке к позиции субъекта высказывания и подлежащего предложения, тогда как сигнификативные имена — к позиции предиката. На синхронном материале эта особенность показана Н. Д. Арутюновой⁴⁷. В диахронном плане (и на более узком материале) мы констатировали ее в виде «правила подлежащего»: «возможность слова или словосочетания быть подлежащим предложения стоит в обратной зависимости к степени лексической абстрактности этого слова или словосочетания; . . . предел абстракции, внутри которого слово или словосочетание может стать подлежащим предложения, расширяется в истории романских языков по направлению к современному их состоянию»⁴⁸. Семантический язык А. Вежбицкой, удачно моделирующий глубинную структуру естественного языка, таким образом отражает эту естественную особенность.

В самой общей форме имена по степени их лексической абстрактности — от меньшей к большей — можно расположить в такой ряд: 1) лицо, 2) одушевленное, но не лицо: зверь, 3) активно действующий предмет, 4) стативный (неактивный) предмет, 5) вещество. Если семантическую структуру высказывания в романских языках составляют два существительных, принадлежащих к разным груп-

⁴⁷ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М., 1976, стр. 45.

⁴⁸ Ю. С. Степанов. Подлежащее в старых романских языках. «Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия», 1961, № 4, стр. 30—31. — Имеются основания считать это положение универсальней: см. Г. А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, стр. 170.

пам, то общая тенденция заключается в том, что имя из более конкретной и активной группы займет позицию подлежащего, имя из более абстрактной и менее активной — позицию объекта или предиката. Эта группировка в общем совпадает с тезаурусной группировкой понятий (например, в системе Халлига — Вартбурга⁴⁹). Но она же, также в общем, совпадает с распределением субъектов в ряду стандартных высказываний в семантических записях А. Вежбицкой: как уже было сказано, запись в ее системе строится таким образом, что конечным результатом всегда оказывается субъект состояния, не чреватого никаким переходом на другой объект, никакой каузальной, вообще никакой «активностью»; исходным и промежуточными будут активные субъекты⁵⁰.

Мы рассмотрели случай достаточно хорошего совпадения между последовательно развитыми системами прямых и косвенных определений. В других случаях, а именно тогда, когда системы прямого и косвенного описания развиты либо недостаточно последовательно, либо, хотя и последовательно, но лишь на некоторых фрагментах лексикона, соотношение между ними все-таки тоже может быть установлено. Однако здесь речь идет уже о соединении в одном описании как бы двух его глав или двух частей, из которых каждая выполнена в иной системе. Удачными опытами совмещения являются упомянутые книги О. Н. Селиверстовой⁵¹ и Л. А. Новикова⁵². Характерной чертой обеих указанных работ является то, что выделение компонентов происходит не путем установления парадигматических оппозиций, а путем установления оппозиций между классами синтагм, т. е. классами употреблений в контекстах. Сам термин «компонентный анализ» имеет здесь совершенно иное значение, чем в «классической» методике компонентного анализа (ср. выше пункт «в»).

Чрезвычайно важным методологическим следствием этого является преодоление на деле соскоровской дихото-

⁴⁹ R. Hallig, W. V. Wartburg. *Système raisonné des concepts pour servir de base à la lexicographie*. 2 éd. Berlin, 1963.

⁵⁰ Ср. сходные различия в системе В. В. Мартынова: В. В. Мартынов. Семпологиические основы информатики. Минск, 1974, стр. 57.

⁵¹ О. Н. Селиверстова. Указ. соч.

⁵² Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке, см. стр. 135 и др.

ми «язык — речь». Действительно, по отношению к «классам употреблений в речи» лишен смысла вопрос, являются ли эти классы принадлежностью «языка» или «речи». Это положение ощущается обоими авторами. Справедливо отмечая невозможность относить так понимаемые «варианты» к «речи», О. Н. Селиверстова, однако, склонна относить их к «языку»: «...и значение, и вариант значения принадлежат языку. К речевым вариантам можно относить контекстные информации, не удовлетворяющие правилам третьей ступени проверки, а также неустоявшиеся переносные употребления»⁵³. Очевидно, что здесь сказывается просто давление привычной терминологии, по существу уже преодоленной.

Это обстоятельство, особенно если сравнить его с отмеченным выше критическим преодолением гипотезы Сепира — Уорфа в работах по компонентному и тезаурусному методу, еще раз доказывает ту истину, что общие положения лингвистики опровергаются и утверждаются не общими словами, а конкретными исследованиями.

Отметим еще одно из важных общих положений метода перифрастических описаний. Как уже было сказано, последний вырастает из дистрибутивного анализа, проходя затем ступень трансформационного анализа, подводящего к методу перифраз. Перифрастическое описание преодолевает один существенный недостаток дистрибутивного анализа. В последнем, как было отмечено выше (ср. пункт «а»), фактически определялось лишь место каждого данного значения в семантической системе данного фрагмента лексики и в конечном счете в семантической системе языка в целом. Это место очерчивалось дифференциальными признаками на основе сочетаемости данного слова с другими словами. Собственное же, недифференциальное, «интегральное» ядро каждого значения (сигнификата) этим методом не описывалось и, более того, затупевывалось самое его наличие. Эта отрицательная особенность дистрибутивного метода до известной степени преодолевается в перифрастическом методе, так как в нем четко различаются лексическое значение слова и его сочетаемость. Перифрастическое описание в собственном смысле является описанием не сочетаемости слова, а его лексического ядра.

⁵³ О. Н. Селиверстова. Указ. соч., стр. 36—38.

Остановимся теперь на некоторых логических основаниях перифрастического метода и связанных с ними ограничениях.

В логическом отношении основой перифрастического метода является логическая теория «лингвистического анализа». В наиболее полном виде последняя разработана английской философской школой, вырастающей из учения Л. Витгенштейна. Анализируя работу представителя этой школы Д. Ундсдома «Ostentation», А. С. Богомолов отмечает, что аналитическая процедура состоит здесь в перефразировке предложения S таким образом, чтобы его парафраза, S' , более ясно раскрывала структуру факта, который она локализует. «Однако действительная цель «перефразировки», как явствует из дальнейшего, — это перевод абстрактных понятий в те простейшие понятия, от которых эти абстракции были произведены. ... Формальный анализ имеет дело с функцией, единой для всего данного класса предложений. Материальный — раскрывает положение вещей. Лингвистический (перефразировка) или философский анализ выражает абстрактные термины через их «референты», т. е. конкретные термины, от которых они были отвлечены»⁵⁴.

Этот анализ вскрывает существенную отрицательную особенность перифрастического метода — его «редукционизм». Наиболее явным отрицательным следствием редукционизма является невозможность применить метод к описанию абстрактных терминов духовной культуры. Таким образом делается понятным отсутствие в работах по перифрастическому методу интуитивно приемлемого описания таких слов как *свобода, правда, цивилизация, закон, любовь* и т. п.

Впрочем, в силу отмеченной выше связи перифрастических описаний с развернутыми компонентными определениями, эта особенность принадлежит и последним.

В перифрастическом методе анализа уже начинают сказываться те самые ограничения, которые в полном виде проявились в его аналоге в логике. Приведенные выше рассуждения А. С. Богомолов заключает следующими словами: «Но в таком случае «новое» определение лингвистического анализа (в логике. — *Авт.*) совпадает с процедурой «общей семантики», этого *enfant terrible* сов-

⁵⁴ А. С. Богомолов. Указ. соч., стр. 266.

ременного позитивизма, известной под названием «поисков референта». А через нее — и с традиционным для логического позитивизма и неопозитивизма вообще принципом верификации. Ибо «поиски референта» общей семантики, а вместе с тем и «перефразировка» Уисдома — это лишь семантически-лингвистический вариант принципа верификации, требующей сведения (редукции) любой абстракции к непосредственным актам опыта или выражающим их «протокольным предложениям»⁵⁵.

Отмеченные ограничения (а та или иная ограниченность присуща всякому семантическому методу) не мешают тому, чтобы рассматривать перифрастический метод как крупный шаг вперед в исследовании семантики. В настоящее время на его основе может быть поставлена задача составления «тезауруса семантических элементов» в смысле «семантических примитивов» А. Вежбицкой, а также, по-видимому, в смысле «функций, или лексических параметров» (типа «каузация», «ликвидация», «магнификация» — увеличение степени) и т. п. Такой тезаурус был бы параллелен тезаурусу слов-понятий. Таким образом перифрастический метод в развитом виде может рассматриваться как наибольшее на сегодняшний день обобщение семантических описаний, строящихся на основе косвенных определений, подобно тому как тезаурусный метод, или идеографически-тезаурусный метод, является наивысшим обобщением описаний, строящихся на основе прямых определений.

В виде этих двух линий семантических исследований мы получаем две основные группы для типологической классификации семантических описаний.

3. ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Как ясно из всего сказанного, в основу классификации семантических описаний мы кладем основную ячейку каждого семантического описания — способ определения значения слова. Поскольку выше уже было показано, что основные способы определений находятся в оппозитивном соотношении, постольку делается очевидным, что типология семантических описаний может быть построена как всякая оппозитивная лингвистическая система. Мы

⁵⁵ Там же.

должны, следовательно, обратиться к хорошо изученным оппозитивным системам, чтобы извлечь из их рассмотрения способ наилучшего построения данной системы.

Примером оппозитивной системы может служить фонемное описание любого языка. Например, для русской фонемной системы оппозитивными признаками согласных являются следующие признаки:

- 1) мягкость — твердость,
- 2) звонкость — глухость,
- 3) смычность — фрикативность (т. е. способ),
- 4) губность — зубность (т. е. место; ограничиваемся

для примера только двумя признаками этого разряда).

Каждая согласная фонема русского языка должна быть охарактеризована одним признаком из каждой пары, и полное (в рамках данной системы) описание каждой согласной фонемы будет состоять из четырех признаков. Например, [ф] будет 1) твердой, 2) глухой, 3) фрикативной, 4) губной. Однако не последнюю роль играет и порядок перечисления признаков. Если мы описываем какую-либо отдельную фонему, то, конечно, можно принять определение по принципу «плавающего» признака. Можно, следовательно, описать [ф] как 1) глухую, 2) губную, 3) твердую, 4) фрикативную или в любом другом порядке. Но если нашей целью является не только характеристика каждой отдельно взятой фонемы, но и ее соотнесение с другими в определенной системе, то очевидно, что определения с «плавающим» признаком не подходят. Единственно приемлемыми оказываются для этой цели определения с фиксированным порядком признаков. Это ставит исследователя перед последним, третьим, вопросом — какой порядок из теоретически возможных различных порядков перечисления признаков предпочесть? Очевидно, что при различных порядках перечисления мы совершенно по-разному характеризуем фонологическую систему русского языка. Например, если на первое место мы выносим признак «глухая», взятый из второй оппозиции признаков «звонкость — глухость», то, значит, мы считаем основной корреляцией согласных в русском языке корреляцию по признаку «звонкость — глухость», а все последующие корреляции подчиненными этой основной, причем далее, естественно, встает вопрос о последовательном подчинении всех остальных корреляций. Если же мы ставим на первое место признак «твердость», то, следовательно, считаем

основной для русской системы корреляцию по признаку «мягкость — твердость» (что и соответствует действительности; в каком именно смысле эта корреляция может считаться основной, разъясняется из полных фонемных описаний русского языка). Наконец, следует отметить, опыт описания фонемных систем учит, что наиболее «нагруженными», значимыми являются в оппозитивной системе два яруса — самый верхний и самый нижний, именно они и являются жестко фиксированными признаками. В то же время промежуточные ярусы-признаки можно рассматривать как «плавающие» и менять местами (ср. список в начале этого раздела).

Аналогичные вопросы приходится решать при построении любой классификационной системы по оппозитивному принципу. В данном случае мы должны решить три следующих вопроса: 1. Какие оппозитивные признаки из описанных в предыдущем разделе считать существенными для классификации семантических определений? 2. Принять ли классификацию на основе «плавающего» или фиксированного порядка признаков? 3. Если мы избираем фиксированный порядок, то какой именно, т. е. какие оппозитивные признаки мы считаем самыми основными для характеристики современных семантических описаний, а какие второстепенными, подчиненными первым?

Очевидно, что в данном случае все эти вопросы решаются лишь на основе практических соображений — на основе того, как мы оцениваем объективное состояние семантических исследований в настоящее время.

Внимательный обзор текущих семантических работ показывает, на наш взгляд, что наиболее четкое различие проходит между, с одной стороны, прямыми определениями, при условии, что они даются в достаточно структурированном виде и достаточно глубоки, а это свойство «тезаурусного метода», и, с другой стороны, определениями косвенными, при том же условии, а это свойство «перифрастического метода». Таким образом, «тезаурусный метод» (или метод составления идеографических и тезаурусных словарей) и «перифрастический метод» (или метод составления «тезауруса лексических параметров, или функций») должны в классификации попасть в разные группировки. Это соображение заставляет в качестве первого признака классификации выбрать признак «прямые определения» — «косвенные определения».

Второе место мы отводим противопоставлению «диффузные определения» — «структурные (или структурированные) определения», который дает второй признак классификации. Иными словами, определения, отнесенные к двум разным группам на основании того, являются ли они прямыми или косвенными, должны быть далее, в пределах первой и второй группы соответственно, разделены по признаку «диффузные — структурированные». Прямые и диффузные определения — это, как мы видели, обычные определения толковых словарей, поэтому им и может быть дано второе название — «толковые определения». Напротив, косвенные и диффузные определения — это определения через дистрибуцию, они могут быть иначе названы «дистрибутивными». Прямыми структурированными определениями будут определения «компонентные», а косвенными структурированными — определения через трансформации, «трансформационные».

В соответствии с общим принципом построения оппозитивной классификационной системы, нужно заметить, что на первое место мог бы быть выдвинут признак «диффузный — структурированный». Это означало бы, что мы считаем наиболее существенным в современной семантической теории именно это противопоставление, тогда как противопоставление определения «косвенные — прямые» менее существенно, в известных условиях может нейтрализоваться. Действительно, при определенной цели такая иерархия признаков могла бы иметь место, ибо в современных семантических исследованиях мы находим один очень важный разряд работ, в которых самым существенным оказывается обнаружить в языке (и соответственно описать) диффузные значения. Мы имеем в виду работы по семантической реконструкции. При реконструкции исследователь должен стремиться к тому, чтобы обнаружить в истории исследуемого языка такие высказывания (предложения), в которых современные различные значения представлены в слитом виде, не противопоставлены друг другу, причем эта слитность относится и к сочетаемости (дистрибуции) в тексте и к самому разделению значений в «словарной», парадигматической, системе значений слова. Примером такого семантического описания является реконструкция семантики двух французских глаголов *voler* — 1. 'летать', 2. 'красть', проведенная Э. Бенвенистом. Э. Бенвенист показал, что оба глагола происходят

из древнефранцузского термина соколиной охоты, который употреблялся в таком контексте как *le faucon vole la perdrix* 'сокол {летит и ловит} куропатку'⁵⁶. Если бы нашей целью было противопоставление исторической семасиологии синхронным семантическим исследованиям, то мы могли бы выдвинуть признак «диффузные — структурированные» определения на первое место. Нашей целью является, однако, классификация синхронных семантических работ. Поэтому мы отводим указанному признаку лишь второе место.

Мелкие определения тяготеют, как было показано выше, к определениям с «плавающим» признаком, в то время как определения глубокие обычно сочетаются с фиксацией признаков. Таким образом, любое из этих противопоставлений может быть взято как существенное. Поскольку, однако, определения с «плавающим» признаком, как уже было сказано, еще не достаточно изучены в семантической литературе, мы ограничиваемся одним первым противопоставлением, т. е. противопоставлением «мелкие определения» — «глубокие определения». Оно займет в нашей классификации третье место после признака «диффузные — структурированные» и будет подчинено последнему.

Признак «диффузности — структурированности» и признак «глубины», вообще говоря, могли бы поменяться местами.

В конце классификационной таблицы мы помещаем признак, соответствующий разделению определений на «денотативные» и «сигнификативные». Как уже было сказано, последний классификационный признак, наряду с первым, несет основную классификационную нагрузку. Мы, следовательно, придаем большую важность этому классификационному признаку (см. пункт «г» раздела 2). Сигнификативные определения наилучшим образом удаются в системе прямых определений, при условии их достаточной глубины. Но одновременно это и определения понятия, связанного со словом. Денотативные определения, напротив, наилучшим образом удаются в системе косвенных определений, при условии также их достаточной глубины, главным образом — в системе перифрасти-

⁵⁶ Э. Бенвенист. Семантические проблемы реконструкции. — В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 333.

ческих определений. Но одновременно это и определения предмета, явления действительности или ситуации, как они обрисовываются через систему языка. Таким образом, две основные системы семантического описания — прямая и косвенная, — в особенности в их развитых формах которым в классификационной таблице соответствуют конечные места, — предстают как взаимодополнительные.

Однако, по-видимому, нельзя говорить о простом соединении развитых перифрастических систем и тезаурусных систем, хотя бы потому, что каждая из них представляет собой определенное научное направление, отличное по теории и целям. Синтез должен начинаться на более ранних ступенях и представлять собой самостоятельный тип исследований. Опыт такого рода можно найти в нашей работе ⁵⁷, где описывается семантика одного относительно самостоятельного фрагмента французского языка — предлогов со значением места.

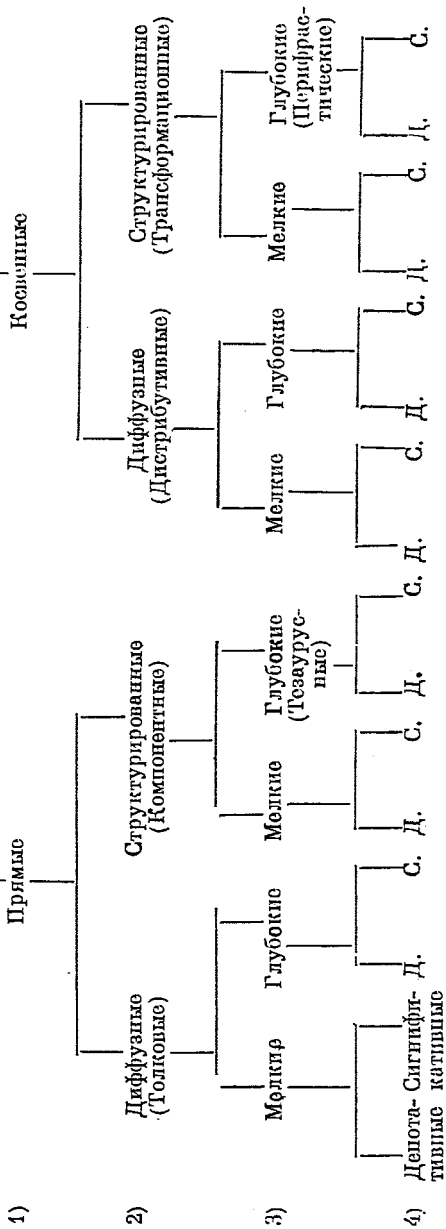
Противоположение, соответствующее различению конкретной и абстрактной лексики, в таблице не использовано. Но если бы оно было использовано, то заняло бы место в самом конце классификационного списка, после денотативных и сигнификативных разграничений. Очевидно, что абстрактная лексика, в смысле основных терминов духовной культуры, будет лучше охвачена определениями прямой системы, главным образом сигнификативными и при этом глубокими. В то же время конкретная лексика, по-видимому, лучше описывалась бы в косвенной системе, при том же условии структурированности и достаточной глубины. Это последнее противопоставление и явилось бы в этом случае важнейшим. Мы оставляем его неиспользованным лишь потому, что считаем соответствующую работу еще не выполненной: описание абстрактной лексики языка, в особенности терминов духовной культуры, и социальных аспектов словаря вообще является важнейшей задачей лингвистики в области семантики. Мы позволяем себе закончить выражением надежды, что эта отмеченная здесь перспектива станет реальностью.

Сказанное здесь резюмируется в виде классификационной таблицы.

⁷ Ю. С. Степанов. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, стр. 285—300.

Терминология семантических описаний, основанная на классификации используемых в них определенных значений

Определения значения

1)

2)

3)

4)

4. ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Как мы уже указывали во вводных замечаниях, задачей настоящей работы является определить семантические факты с двух сторон — во-первых, со стороны объективной системы самого языка, во-вторых, со стороны познающего субъекта. Поскольку познание семантики предстает прежде всего в форме семантических определений, определений значений, постольку вторая линия естественно завершается в виде некоторых обобщений, касающихся определений вообще. Приведенный выше материал дает как нельзя более благодатную основу для таких обобщений.

Проведенный обзор показывает широту и богатство применяемых в лингвистике средств и типов определения. Каждый из этих видов определения возбуждает соответствующую логическую проблему, а во многих случаях и придает ей уже достаточно четкую форму. При этом речь шла еще только о системе номинации. Естественно, что диапазон лингвистических определений и соответствующих им логических проблем еще более расширится, если будет принята во внимание система предикации (синтактика) и система локации (прагматика).

Между тем в логике отсутствует не только общая теория определений, но даже не исследованы логически многие из тех частных — и нередко новых — типов определений, которые фактически применяются в настоящее время в разных науках и в наиболее развитом виде в лингвистике. Это положение было констатировано и в едва ли не единственном опыте общей теории определений К. Попы (1972 г.), на котором мы остановимся ниже. Сложилось парадоксальное положение, при котором логика явно отстает в этом отношении от логической проблематики современной лингвистики.

Как можно судить по имеющимся немногим работам на эту тему, открыты новые функции определений и в самой логике. При этом следует подчеркнуть, — факт, известный из истории этой науки, — что нередко какая-либо функция определений абсолютизировалась и принималась за основу характеристики определения вообще. Поэтому указание, например, на то, что у Милля подробно исследована такая функция определения как «раскры-

вать значение имени» равносильно тому, что Милль понимает определение как раскрытие значения имени. Подобно этому Кант, исследовавший другую функцию определения, экстраполируя эту функцию, понимает его и вообще как определение понятия и т. д. Напомним основные функции определения, как они описываются в логике:

— раскрывать природу или сущность вещей (Аристотель, Цицерон, Спиноза),

— раскрывать значение имени (Гоббс, Локк, Милль, де Морган),

— раскрывать значение понятия или «концепта» (Кант, Фреге, Риккерт),

— конструировать знаки специальных формализованных языков (Жергонн, Фреге, Зиновьев и др.),

— служить сокращениями в процессах формально-логических исчислений, т. е. выполнять синтактико-исчислительную функцию (Фреге, Карнап, Горский и др.).

Кроме того, в логике детально исследованы способы или типы определений:

— номинальные,

— индуктивные,

— реальные,

— синтаксические,

— остенсивные,

— генетические,

— операциональные,

— через ближайший род и видовое отличие,

— имплицитные,

— через абстракцию.

Некоторые из названных здесь типов соотносятся между собой как род и вид, но отношения между ними в целом, как и в особенности отношения типов определений к функциям определений, в современных логических работах, в частности советских, предстают не только не ясными, но даже запутанными⁵⁸. Причина этого, несомненно, кроется в отсутствии общей теории определения.

Поскольку в сфере определения соотносятся объект действительности, имя, понятие, постольку очевидно, что общая теория определения не может быть ни чисто онтологической, ни чисто лингвистической, ни чисто логической. Это положение дел было хорошо осознано в упомя-

⁵⁸ Сказанное не относится к только что вышедшим книгам, которые уже не могли быть здесь учтены.

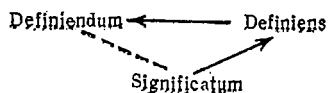
нутой работе К. Попы «Теория дефиниции»⁵⁹. Румынский автор писал, что необходимо, используя достижения теории дефиниции в формализованных языках и понятия логической семантики и прагматики, выработать такую общую теорию определения, которая раскрывала бы общие черты любой операции «дефинирования», точно формулировала бы правила и требования, предъявляемые к правильной дефиниции, устанавливала бы отношения дефиниции к другим операциям дискурсивного мышления, а также к практическим операциям и действиям.

Система К. Попы, изложенная в названной книге, является семиологической. Вся проблема определений рассматривается в ней не только в свете их научной роли, но и с точки зрения их роли в общении.

Элементарной семиологической ячейкой для К. Попы, как и для подавляющего большинства современных авторов (см. выше, раздел 1), служит «семантический треугольник»: определяемое (Definiendum, Dfd) — определяющее (Definiens, Dfs) — концепт (Significatum). В семантическом треугольнике автор выделяет два направления отношений — либо от определяемого через определяющее к концепту, либо обратное первому от концепта через определяющее к определяемому. Первое соответствует такому ходу мысли, когда субъект, производящий определение, раскрывает значение, или смысл, имени, и результатом этого является семантическое определение. Второе соответствует такому ходу мысли, когда субъект подбирает имя для имеющегося у него смысла, или значения, и результатом будет номинальное определение.

Семантическое определение

Номинальное определение

Это чрезвычайно важное и, на наш взгляд, бесспорное положение требует некоторого комментария. Фактически К. Попа производит здесь не что иное, как операцию «вра-

⁵⁹ С. Попа. Teoria definiției. Editura științifică. București, 1972, стр. 9. В книге имеется резюме на англ. яз. (стр. 179—188). См. также реферат на эту кн.: И. Налетов, Ц. Сиржанов. «Новые книги за рубежом», 3, март, 1973, стр. 37—42.

щения семантического треугольника», возможность которой мы в общем виде рассмотрели уже в нашей работе 1971 г. Мы отмечали там, что в естественном языке не только звучание может быть означающим для смысла, но, в частном случае, и смысл может быть означающим для звучания. Первая ситуация имеет место, когда мы пользуемся толковым или переводным словарем, желая узнать смысл известного нам звукового комплекса — фонетического слова; вторая ситуация соответствует тому случаю, когда мы обращаемся к словарю синонимов или к идеографическому словарю, желая найти слово, отвечающее сложившейся у нас мысли. Две эти ситуации иллюстрировали общий закон обращения планов языка — плана выражения и плана содержания⁶⁰. Это положение вызвало дискуссию. Т. П. Ломтев в посмертно опубликованной рецензии на нашу книгу высказывал возражения⁶¹. Другие авторы, напротив, его принимали и развивали⁶². В приведенном рассуждении К. Попы мы находим подтверждение нашей точки зрения.

С точки зрения изменения смысла, дефиниции могут принадлежать, по мнению К. Попы, к одной из трех категорий:

а) регистрирующие, или рекапитулятивные, они не вводят новых признаков содержания или нового смысла и лишь фиксируют наличные синонимические отношения между терминами и выражениями;

б) уточняющие, или ограничивающие, или специфицирующие, они частично изменяют существовавшее до этого содержание термина;

в) стипулятивные, они вводят новое правило для употребления термина или принципиально новое содержание термина⁶³.

Три названные разновидности К. Попа связывает с субъектом, дающим определения (S_1), считая, что в них

⁶⁰ Ю. С. Степанов. Семантика. М., 1971, стр. 129.

⁶¹ Т. П. Ломтев. [Рец.]: Ю. С. Степанов. Семантика. — ВЯ, 1973, № 6, стр. 145.

⁶² Ю. Н. Караулов. О некоторых лексикографических закономерностях (Семантические аспекты словаря) — ВЯ, 1974, № 4; М. Никитин, Р. Пиотровский. [Рец.]: Ю. С. Степанов. Семантика. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 34, 1975, № 2, стр. 180.

⁶³ С. Рора. Указ. соч.

проявляется деятельность субъекта-говорящего в ситуации определения.

Вся эта линия классификации имеет определенное значение для лингвистики. Например, определения типа «в» соответствуют той операции, которая возникает, когда хотят определить термины духовной культуры (см. выше пункт 2 «е»). Определения типа «б» соответствуют, в частности, определениям с «плавающим» признаком (см. выше, пункт 2 «в») и т. д.

Напротив, деятельность второго участника акта общения — субъекта, воспринимающего определение (S_2), характеризуется одной из следующих четырех возможностей, что соответственно дает второй ряд признаков для классификации определений:

1) субъект восприятия знает и понимает равно и определяемый термин и определяющее его выражение;

2) субъект восприятия различает как знак языка (ср. *semn tip*) определяемый термин, но не знает его значения; заметим, что это очень важная разновидность языковых ситуаций. Э. Бенвенист (в работе 1969 г.) считает ее даже основной для отличия знаков языка от знаков речи: чтобы опознать знак языка, достаточно (даже не зная его значения) решить вопрос о его существовании, ответом на который будет либо «да», либо «нет»; так, *дерево, песня, мыть, декот, отцеп* — существуют, **мерево, *пасня, *дыть, *декотк, *оцтеп* — не существуют⁶⁴;

3) субъект восприятия понимает и различает объект, ситуацию, концепт, который характеризуется определением, но не владеет для этого объекта, ситуации, концепта одним именем;

4) субъект восприятия различает как знак языка (ср. *semn tip*) и определяемый термин и определяющее выражение, но не знает значения ни того, ни другого.

И эта линия классификации К. Попы очень важна. В ней мы находим, например, соответствия тем реальным ситуациям, когда человек обращается к различным словарям — толковому, двуязычному, идеографическому, а следовательно, находим основания для классификации и различных типов определений, применяемых в каждом из этих видов словарей.

⁶⁴ Ср.: Э. Бенвенист. Семиология языка.— В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 87.

Комбинация двух указанных наборов признаков классификации в итоге дает возможность К. Попе установить 12 типов операций эксплицитных лексических определений (см. табл.).

		S ₂			
		1	2	3	4
S ₁	а				
	б				
	в				

Конечная классификация К. Попы оказалась довольно близкой к более ранней классификации Ч. Морриса, к которой теперь необходимо обратиться. В заключение отметим, что, хотя далее в своей книге К. Попа детально анализирует две особые разновидности определений — остенсивные и операциональные, однако, как видно из всего сказанного, система определения К. Попы описывает только определения, действующие в сфере номинации.

Остановимся на элементах теории определений у Ч. Морриса. Работы Чарльза Морриса — это, разумеется, не теория определения и даже не теория «лексического значения в логике», какой в известной мере может считаться система К. Попы. В исследованиях Ч. Морриса⁶⁵ содержится развернутая теория семиотики, но именно в таком качестве это исследование проливает свет на проблему определения. Более того, можно сказать, что с некоторой точки зрения система К. Попы оказывается частным случаем тех общих возможностей, которые намечены в теории Ч. Морриса⁶⁶.

Ч. Моррис четко констатировал фактическое положение дел в науке того времени: «Термин «язык», как и

⁶⁵ Основные исследования Ч. Морриса собраны в новом издании: *Ch. Morris. Writings on the general theory of signs. («Approaches to semiotics», 16), The Hague — Paris, 1971*, на страницы которого мы ссылаемся ниже.

⁶⁶ Обзор поставленных там проблем в свете современной семиотики см.: *Ju. S. Stepanov. Some burning issues of contemporary semiotics. A review article on «Ch. Morris. Writings on the general theory of signs». «Linguistics», 141, December, 1, 1974, стр. 53—65.*

большинство терминов, относящихся к проблеме знаков, двусмыслен, поскольку его характеристика может быть дана в терминах различных измерений. Так, формалист (т. е. представитель математической логики. — *Авт.*) склонен рассматривать как язык любую аксиоматическую систему, независимо от того, имеются ли в действительности предметы, которые этот язык обозначает, и независимо от того, используется ли в действительности эта система каким-либо коллективом интерпретаторов. Эмпирик склонен ставить акцент на необходимости отношения знаков к объектам, которые этими знаками обозначаются и свойства которых знаки истинно констатируют. Прагматик склонен рассматривать язык как своеобразный тип коммуникативной деятельности, социальный по своей природе и происхождению»⁶⁷. Заслугой Ч. Морриса было и то, что он не отмахнулся от этого смутного состояния дел в науке, а попытался — и, как оказалось, вполне успешно, — превратить этот кажущийся недостаток в достоинство. Он подвел строгие определения под три разных подхода к языку и показал, что каждый из них является реализацией одной из трех возможностей, объективно заложенных в самой языковой системе. Для этого сначала он дал определение основных видов знаков в терминах синтактики, выделив с этой точки зрения индексирующие знаки (*indexical signs*), характеризующие знаки (*characterizing signs*), универсальные знаки (*universal signs*) и определив их через понятие класса или множества. Затем он перевел эти определения в термины семантики, причем три названные разновидности знаков определились соответственно как индексирующие знаки (*indexical signs*), иконические знаки (*icons*), знаки-символы (*symbols*). Заметим, что термин знак-индекс (*indexical sign*) является таким образом двузначным, соответствующим двум разным классификациям. Вторая классификация Ч. Морриса совпала в основном с классификацией Ч. Пирса. И, наконец, в работе 1938 г. и в последующей Ч. Моррис попытался осветить те же явления с точки зрения прагматики. Преимущественно прагматический подход привлекал автора уже в работе 1938 г.: «Не только все знаки могут рассматриваться в терминах прагматики, но также впол-

⁶⁷ *Ch. Morris. Foundations of the theory of signs*, стр. 24, ср. стр. 141, 31, 37.

не законно для определенных целей использовать знаки просто для того, чтобы вызвать определенные процессы интерпретации, независимо от того, имеются ли в действительности объекты, обозначаемые этими знаками, или даже независимо от того, являются ли комбинации знаков формально возможными в терминах правил образования и преобразования, действующими в том же языке, в котором данные материальные носители знаков обычно используются»⁶⁸.

Следующая большая работа Ч. Морриса «Знак, язык и поведение» (1946 г.) была целиком посвящена развитию этого последнего тезиса — описанию всей семантики с точки зрения прагматики. Правда, прагматический подход в этой работе целиком отождествлен с бихевиористским и такая семиотика, «behaviorally oriented semiotics», в целом не оказалась более удачным вариантом, чем общая семиотика 1938 г. Но в процессе ее построения было достигнуто по крайней мере несколько существенных положений, полностью сохраняющих значение и в настоящее время. Было доказано, что основные понятия семиотики могут быть изложены в терминах прагматики, а тем самым завершалось доказательство относительной независимости трех аспектов семиотики. Основные виды знаков (указанные выше в двух классификациях) в третьей, прагматической классификации приобретали следующий вид: знакам-индексам стали соответствовать идентификаторы; характеризующим знакам — десигнаторы, оценивающие знаки (appraisors) и предписывающие знаки (прескрипторы); универсальным знакам — форматоры. Количество прагматически классифицированных знаков на протяжении работ Ч. Морриса варьировалось от максимума в пять до минимума в три. В большинстве случаев автор говорит о четырех типах⁶⁹. Выраженное через соотношение знаков (что является известным упрощением), соотношение трех видов классификаций, эксплицитно не указанное у Ч. Морриса, может быть приблизительно резюмировано следующим образом (см. табл.).

Несколько примеров (в терминах семантики естественного языка): индексирующие знаки — это, например, лич-

⁶⁸ *Ch. Morris*. Указ. соч., стр. 51.

⁶⁹ *Ch. Morris*. *Signs, language and behavior*, ср. стр. 140, 407 и 205 (таблица).

*Независимость трех аспектов семиотики, выражающаяся
с возможностью трех независимых, но соотносительных
классификаций знаков*

	1	2	3
В терминах синтактики	индексирующие знаки (indexical signs)	характеризующие знаки (characterising signs)	универсальные знаки (universal signs)
В терминах семантики	индексирующие знаки (indexical signs)	а) иконические знаки (icons) б) знаки-символы (symbols)	знаки-символы (symbols)
В терминах прагматики	идентификаторы (identificators)	а) десигнаторы (designators) б) оценивающие знаки (appraisors) в) предписывающие знаки (prescriptors)	форматоры (formators)

ные и указательные местоимения; иконические знаки и знаки-символы — это две разновидности имен существительных, глаголов и прилагательных, т. е. полнозначных слов; знаки-символы — это предлоги и союзы.

Таким образом, с завершением второй книги Ч. Морриса доказывалось важнейшее методологическое положение о специфической связи трех аспектов (семантики, синтактики, прагматики), заключающейся в их относительной независимости и в возможности описать любые два аспекта в терминах третьего.

Справедливость этого общего положения неоднократно демонстрировалась на предыдущих страницах. Так, например, тяготение денотатных имен (ср. конкретные имена) к позиции субъекта суждения и подлежащего предложения и, напротив, тяготение сигнификатных имен (ср. абстрактные имена) к позиции предиката означает

не что иное, как то, что имена могут быть описаны либо в терминах семантики — как денотатные и сигнификатные, либо в терминах синтактики — как субъектные и предикатные (ср. пункт 2 «е»). Конечно, так сформулированное соответствие является лишь самым общим и суммарным, но оно допускает и конкретизацию.

Другой пример: как уже подчеркивалось, описание лексического значения (сигнификата) слова перифрастическим, косвенным способом вовсе не означает описания сочетаемости, синтактики слова — это описание семантики с привлечением средств синтактики.

Может быть показана и обратная возможность — описание синтактики средствами семантики. Эта возможность реализуется в традиционном учении о членах предложения: подлежащее характеризуется как выражение субъекта действия, следовательно как соответствие классу имен, могущих обозначать субъекты; инструментальный объект характеризуется как выражение инструмента, посредством которого совершается действие субъекта, следовательно, как соответствие другому классу имен, могущих выражать инструменты, и т. д.

В очерке общей семиологии В. В. Мартынова детально показано, как основные и универсальные семантические типы знаков могут быть выведены — до изучения самой семантики — из синтактики знаков с привлечением средств прагматики (дейксисов и некоторых кванторов)⁷⁰.

Однако в работах по семиотике иногда приходится встречаться и с прямо противоположным утверждением, а именно с утверждением о том, что никакой аспект семиотической системы — семантика, синтактика или прагматика — не может быть описан в терминах другого аспекта.

Чем вызвано такое противоречие? В первом положении, восходящем к системе Ч. Морриса, идет речь о системе и структуре, и в этом отношении безусловно верно утверждение о возможности описывать один аспект в терминах другого. Во втором положении идет речь, скорее всего, о содержании отдельных единиц каждого аспекта или некоторых типов и классов единиц), и в этом отно-

⁷⁰ В. В. Мартынов. Семнологические основы информатики, стр. 90 (вывод 31.4).

шении, по-видимому, верно утверждение, что содержание единиц одного аспекта нельзя исчерпать в терминах другого аспекта. По-видимому, верно, в частности, положение, что содержание единиц семантики не может быть до конца и адекватно передано в терминах синтактики или прагматики. Так, например, значение слова (сигнификат, понятие) представляет собой в конечном счете отражение фрагмента действительности в сознании человека ⁷¹, и, естественно, не может быть исчерпано в терминах синтактики или прагматики. Но дифференциальные признаки этого значения, благодаря которым оно входит как элемент в структуру, могут, как было показано выше, быть описаны с точки зрения синтактики.

Однако Ч. Моррис подчеркивал и другое столь же важное и справедливое положение: по мере того как возрастает важность того или иного термина в семиотической теории, делается все менее целесообразным описывать его только в рамках одного какого-либо аспекта (семантики, синтактики, прагматики), и напротив, возрастает необходимость описать его в отношении ко всем трем аспектам.

Очевидно, что эта возможность становится необходимым требованием, когда речь идет о таких ключевых терминах и понятиях теории как «знак», «язык», «семантика», «семиосис» и т. д., каждое из этих понятий может быть полностью раскрыто лишь в совокупности описаний — представляющей собой единую систему — с трех точек зрения: семантики, синтактики, прагматики. Ч. Моррис выражал это в следующем виде: «В широком смысле, любой термин синтактики, семантики или прагматики — это семиотический термин. В узком смысле, семиотическими являются только те термины, которые не могут быть определены в одном каком-нибудь аспекте. В этом строгом смысле «знак», «язык», «семиотика», «семиосис», «синтактика»... и т. д. — семиотические термины» ⁷².

Нужно, однако, заметить, что к этому справедливому положению примешивались и некоторые последствия нео-

⁷¹ Ср. удачную формулировку В. М. Солнцева «отражательный характер значения и понятия, выражаемых словом», см.: В. М. Солцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 93, 125.

⁷² Ch. Morris. Foundations of the theory of signs, стр. 56.

позитивистской установки Ч. Морриса: он считал, что семиотическими терминами в этом смысле являются также категории «истина», «знание», и что, напротив, категория «значение» (meaning) не является семиотической категорией, и даже не является научной категорией, и может быть допущена в научный обиход только из практических соображений.

Вернемся, однако, к справедливому общему положению об относительной независимости трех аспектов семиотики и о возможности определить многие понятия семиотической (а следовательно, и лингвистической) теории в терминах любого из этих аспектов. Напомним лишь один — и весьма актуальный в связи с современными синтаксическими исследованиями — пример Ч. Морриса. Когда приводятся в действие индексирующие и характеризующие функции знаков (см. табл. на стр. 350), то интерпретатор знаков, т. е. говорящий, производит суждение о чем-либо, и такая комбинация знаков будет в терминах прагматики суждением (judgement); тот же акт и та же комбинация знаков будет в терминах синтактики предложением (sentence), и в терминах семантики — утверждением (statement or proposition)⁷³. Заметим, однако, что для первого из приведенных случаев в настоящее время обычно употребляется термин высказывание (utterance).

Предлагаемые элементы теории кратко излагаются ниже. Из всего предыдущего очевидно, что изложить элементы общей семиологической теории определения в контексте этой статьи равносильно тому, чтобы просто резюмировать намеченное или развитое выше.

В широком смысле три аспекта семиотики — семантика, синтактика и прагматика были уже определены в связи с изложением работ Ч. Морриса. Применительно к лингвистическим задачам, в узком смысле мы будем говорить соответственно о номинации (как ядре семантики), предикации (как ядре синтактики), локации (как ядре прагматики).

Номинация есть отношение языковых знаков к объективной действительности, а также сама система таких знаков.

⁷³ Ch. Morris. Foundations of the theory of signs, стр. 46.

К сфере номинации относятся прежде всего полнозначные и самостоятельные слова языка — имена существительные и глаголы, а также в тех языках, где они есть — имена прилагательные.

Предикация есть отношение языковых знаков друг к другу в составе высказывания. К системе предикации относятся такие синтаксические явления как синтаксическое соположение знаков, выражающее связь знаков (например, *очень хорошо*); согласование всякого рода; связь глагола с существительным-подлежащим; анафора и некоторые другие явления.

Локация есть ориентация говорящего в пространстве и времени посредством языковых средств. К сфере локации в языке относятся системы падежей и предлогов, прежде всего с пространственным и временным значением; пространственные и временные наречия; времена глагола; модальности; дейксис различного типа и некоторые другие языковые явления.

Языковые знаки могут быть явлениями не только элементарного типа, представимыми в виде отдельных элементов — слов, частиц и т. п., но и явлениями типа связи, согласования, модальности и подобными. В данной связи все такие явления мы будем называть знаками. Таким образом, с семиотической, или семиологической точки зрения языковые знаки могут быть классифицированы по трем различным разрядам — знаки номинации, знаки предикации, знаки локации.

Сущность предлагаемой системы элементов для теории определения заключается в следующих двух положениях: 1) каждый тип языковых знаков естественно тяготеет к одному какому-либо (а не к любому) типу определения; 2) однако, в силу относительной независимости аспектов семиотики, вообще говоря, все типы знаков могут получать определения во всех аспектах, но при этом все же мы имеем дело с экстраполяцией типа определения на менее подходящий для него тип объектов (знаков).

Поскольку некоторые основные типы определений уже были изложены выше, в частности в связи с системой К. Попы, мы ограничимся здесь лишь краткими общими разъяснениями. Знаки локации тяготеют к остенсивному (наглядному) типу определений. Знаки номинации тяготеют к семантическому и номинальному типам определе-

ний — через понятия «класса или множества» (признаков или предметов), через «род и ближайшее видовое отличие» и т. д. Знаки предикации — к синтаксическим типам определений, через указание способа языкового употребления, формальное исчисление, перефразирование и т. д.

В некоторых случаях для лингвистических целей может оказаться полезной экстраполяция типа определения. Так, значение глагола во многих случаях удобно определять путем перефразирования (см. выше, пункт 2 «е»). Однако, поскольку при этом мы имеем дело с переносом способа определения, наиболее адекватного для языковых явлений системы предикации (например, для предложения), на явления системы номинации (глаголы — знаки системы номинации), то такая система определений, по-видимому, не может быть достаточной. Для других целей глагол должен определяться как все прочие знаки системы номинации. Так, в типологических исследованиях (см., например, работы Г. А. Климova) глагол определяется семантическим способом независимо от предложения; только таким путем в дальнейшем оказывается возможным построить типологию предложения, не впадая в порочный логический круг, т. е. не определяя тип предложения через тип употребляемых в нем глаголов, а типы глаголов через соответствующие им предложения (или перифразы).

В заключение дадим общее семиологическое определение знака, одновременно это будет и определением знака-слова системы номинации, так как последний наиболее полно воплощает свойства языкового знака вообще. Знак есть явление действительности, имеющее определенное специфическое трехэлементное строение — так называемый «треугольник Фреге»; знак состоит из 1) материального носителя, знаконосителя (*sign-vehicle*), 2) обозначаемого мыслимого предмета, денотата (*object, denotatum*), 3) понятия об этом предмете, сигнификата, концепта (*significatum, concept*). Это основное определение выдержано в терминах семантики. Как мы уже знаем, то же определение можно переформулировать в терминах прагматики, им будет: знак есть то, что состоит из 1) знаконосителя (*sign-vehicle*), 2) минимальной совокупности признаков, необходимой для отличения данного объекта от других, десигната (*designatum*), 3) реакции субъекта

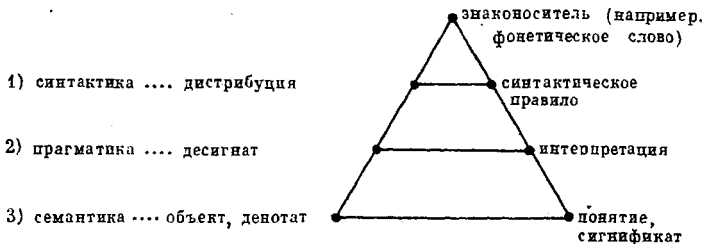
на знак, интерпретации (*interpretant, interprétance*)⁷⁴. Под интерпретацией в прагматическом определении знака могут пониматься и реакции живого организма на словостимул, и связанные со словом индивидуальные переживания-воспоминания, и общее представление. С семантической точки зрения, основной для лингвистики, прагматическое определение является более узким: если в семантическом определении под объектом понимается реально существующий предмет во всей полноте его качественных признаков, которая, конечно, практически не исчерпаема ни в какой дефиниции, то в прагматическом определении место объекта занимает лишь минимальная отличительная совокупность признаков — десигнат; десигнат понимается всегда по соотношению с другими словами языка, входящими в ту же семантическую группу, что и данное слово, и он определяется всегда лишь в дифференциальных (различительных) признаках. Благодаря наличию десигната данное понятие-сигнификат может быть помещено в сетку слов-понятий, наличных в языке, и получить в этой системе свой точный «адрес». Если в семантическом определении под сигнификатом имеют в виду понятие, как оно выработано в общественном сознании всего коллектива носителей данного языка, то в прагматическом определении место сигнификата занимает лишь индивидуальная интерпретация смысловой стороны знака. Однако в действительности языкового сознания индивидуальный элемент всегда присутствует в содержании знака, тесно соединяясь с понятием.

Наконец, знак должен получить определение в терминах синтактики: знак есть то, что состоит из 1) знаконосителя (*sign-vehicle*), 2) минимальной совокупности контекстов-употреблений, дистрибуции (*distribution*), 3) синтактического правила употребления (*syntactical rule*). Синтактическое определение является более узким, чем прагматическое и семантическое, однако оно отражает объективную реальность. Если в прагматическом определении десигнат соотносит данный знак с другими знаками в пределах системы, то в синтактическом определении место десигната занимает дистрибуция, которая соотно-

⁷⁴ Английский термин *interpretant* узаконен Ч. Моррисом в работе 1938 г., французский *interprétance* — Э. Бенвенистом в упомянутой работе 1969 г.

сит данный знак с другими в минимальных пределах текста и составляет как бы основу для функционирования десигната. Если в прагматическом определении интерпретация составляет как бы личное знание субъекта о данном знаке и одновременно о связываемом с ним предмете действительности, то в синтаксическом определении место интерпретации занимает знание синтаксического правила, закрепленного за данным знаком; знание этого правила в известной мере определяет все другие знания, связанные со знаком — интерпретацию и понятие. Сказанное может быть резюмировано на следующей схеме совокупного определения знака в терминах трех измерений.

ЗНАК, ОПРЕДЕЛЕННЫЙ В ТЕРМИНАХ
СЕМАНТИКИ, ПРАГМАТИКИ И СИНТАКТИКИ

В заключение остановимся на одном общем вопросе. В нашем предыдущем рассуждении неявным образом проходила мысль о соответствии трех сторон языкового знака («трех вершин треугольника») трем аспектам семиотики. Эта идея является подлинным основанием семиологической теории определений.

Семиология в своем общем строении следует строению семиосиса и знака и распадается благодаря этому на три раздела: семантика изучает отношения между предметами материального мира — означаемыми, в том виде как они предстают через их отношения к означаемым и к субъектам семиосиса; синтактика изучает отношения между означаемыми, как они предстают через их связи с предметами и с субъектами семиосиса; прагматика изучает отношения между субъектами семиосиса в той мере, в какой эти отношения выражаются через отношения к предметам и означаемым.

Трехчастное строение семиологии своеобразно отражает и синтезирует давнюю европейскую традицию разделения научного знания от средневекового «тривия» до философии Канта. Последний, как известно, устанавливал три области деятельности — «познание» (научно-теоретическая область, ср. логика, семантика), «оформление» или «придание формы» (эстетическая сфера, ср. грамматика, синтактика), «убеждение» (морально-этическая область, ср. риторика, прагматика). Это обстоятельство делает семиологическую проблему определений, в особенности в семантике, одним из своеобразных «малых центров» современной лингвистики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3	
Глава I. Лингвистическая сущность и аспекты номинации	7	Уз.
Глава II. Лингво-гносеологические основы языковой номинации	99	Мал
Глава III. Номинация и проблема выбора	147	Сред
Глава IV. Номинация, референция, значение	188	Сул
Глава V. Соотношение эстетического и логического компонентов в лексической номинации	207	Ковт
Глава VI. К типологии лингвистических номинаций	230	Лан
Глава VII. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии)	294	Сен

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ
(Общие вопросы)

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художник *Г. А. Астафьева*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*
Корректор *В. А. Шварцер*

Сдано в набор 1/II-1977 г.
Подписано к печати 5/V-1977 г.
Формат 84×108^{1/2} Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 18,9 Уч.-изд. л. 20 Тираж 3000
Тип. зак. 1872 Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10